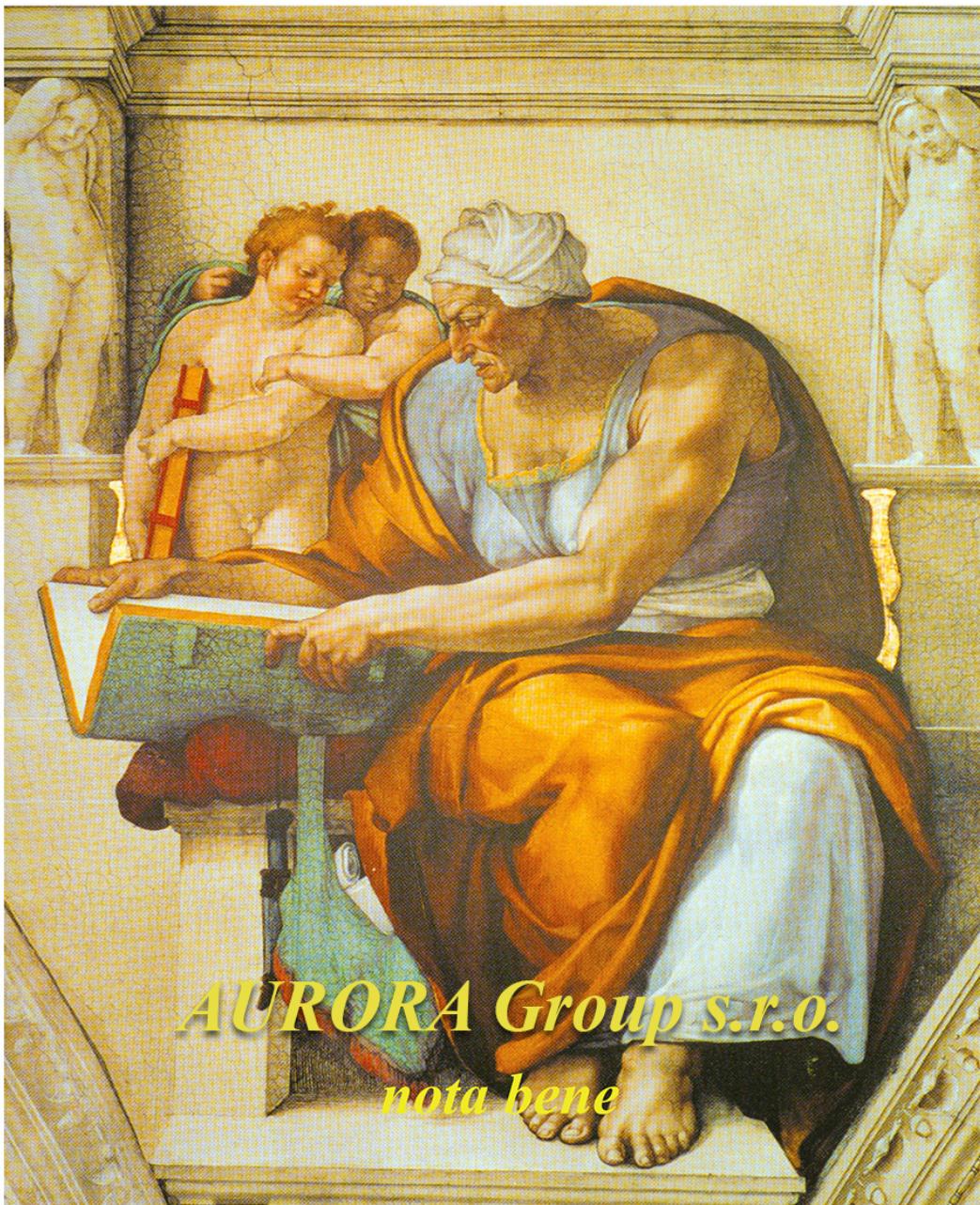

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

научные исследования

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-07-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-07-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Karpov Sergei Pavlovich, akademik RAN, doktor istoricheskikh nauk,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет и редакционная коллегия

Арсентьев Николай Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Директор Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева

Безбородов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, исполняющий обязанности директора Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Борисов Николай Сергеевич, доктор исторических наук.

Бородкин Леонид Иосифович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой исторической информатики.

Ватлин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Президент исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой истории средних веков

Мироненко Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, заведующий кафедрой истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Руководитель центра «История России в XIX – начале XX в.» Института российской истории РАН, директор Института общественной мысли, президент ассоциации «Российская политическая энциклопедия»

Мясников Владимир Степанович, доктор исторических наук, академик РАН, советник РАН, Член дирекции Института востоковедения РАН, член Бюро Отделения историко-филологических наук РАН

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Заведующий кафедрой регионоведения факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент Российского центра стратегических и практических исследований.

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, президент Межрегиональной общественной

организации «Общество интеллектуальной истории»

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор, Директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сапрыкин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Уваров Павел Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой социальной истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Уколова Виктория Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений – Университета МИД России, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

Гайдуков Петр Григорьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института археологии РАН

Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, доцент, Заведующий кафедрой археологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Крадин Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Макаров Николай Андреевич, доктор исторических наук, академик РАН, Директор Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института и Американского археологического института

Бондаренко Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Главный научный сотрудник – заместитель директора Института Африки РАН, куратор Центра изучения стран Тропической Африки, Центра истории и культурной антропологии и Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, директор Международного центра антропологии НИУ ВШЭ, профессор Центра социальной антропологии РГГУ

Мартынова Марина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Директор Института этнологии и антропологии РАН, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, заслуженный деятель науки РФ

Функ Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса,

Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Editorial collegium

Arsentiev Nikolay Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P. Ogarev Mordovian State University

Bezborodov Alexander Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Acting Director of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities

Borisov Nikolay Sergeevich, Doctor of Historical Sciences.

Borodkin Leonid Iosifovich, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Historical Informatics.

Alexander Y. Watlin, Doctor of Law, Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

Karpov Sergey Pavlovich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, President of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of History of the Middle Ages

Mironenko Sergey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Scientific Director of the State Archive of the Russian Federation, Head of the Department of Russian History of the XIX century – the Beginning of the XX Century of the Historical Faculty of Lomonosov Moscow State University

Petrov Yuri Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Sokolov Andrey Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Shelokhaev Valentin Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center "History of Russia in the XIX – early XX century" of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Public Thought, President of the Association "Russian Political Encyclopedia"

Myasnikov Vladimir Stepanovich, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Advisor of the Russian Academy of Sciences, Member of the Directorate of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Member of the Bureau of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences

Vitaly V. Naumkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Regional Studies of the Faculty of World Politics of Lomonosov Moscow State University, President of the Russian Center for Strategic and Practical Studies.

Repina Lorina Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Intellectual History of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge of the Institute of Philology and History of the Russian State University for the Humanities, President of the Interregional Public Organization "Society of Intellectual History"

Savelyeva Irina Maksimovna, Doctor of Historical Sciences, Ordinary Professor, Director of the Institute of Humanitarian Historical and Theoretical Studies of the National Research University Higher School of Economics

Saprykin Sergey Yuryevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of the Ancient World, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

Uvarov Pavel Yuryevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Western European Middle Ages and Early Modern Times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Social History of the Faculty of History of the National Research University Higher School of Economics

Ukolova Victoria Ivanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World and National History of the Moscow State Institute of International Relations – University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Department of History of the Ancient World of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity of the Russian State University for the Humanities

Pyotr G. Gaidukov, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences

Anatoly Kantorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Archaeology of Lomonosov Moscow State University

Nikolay N. Kradin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS

Makarov Nikolay Andreevich, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, corresponding member of the German Archaeological Institute and the American Archaeological Institute

Dmitry Bondarenko, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher - Deputy Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, Curator of the Center for the Study of Tropical Africa, the Center for History and Cultural Anthropology and the Center for Sociological and Political Studies of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology of the HSE, Professor of the Center for Social Anthropology of the Russian State University

Martynova Marina Yurievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation

Dmitry Anatolyevich Funk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

Petrov Yuri Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

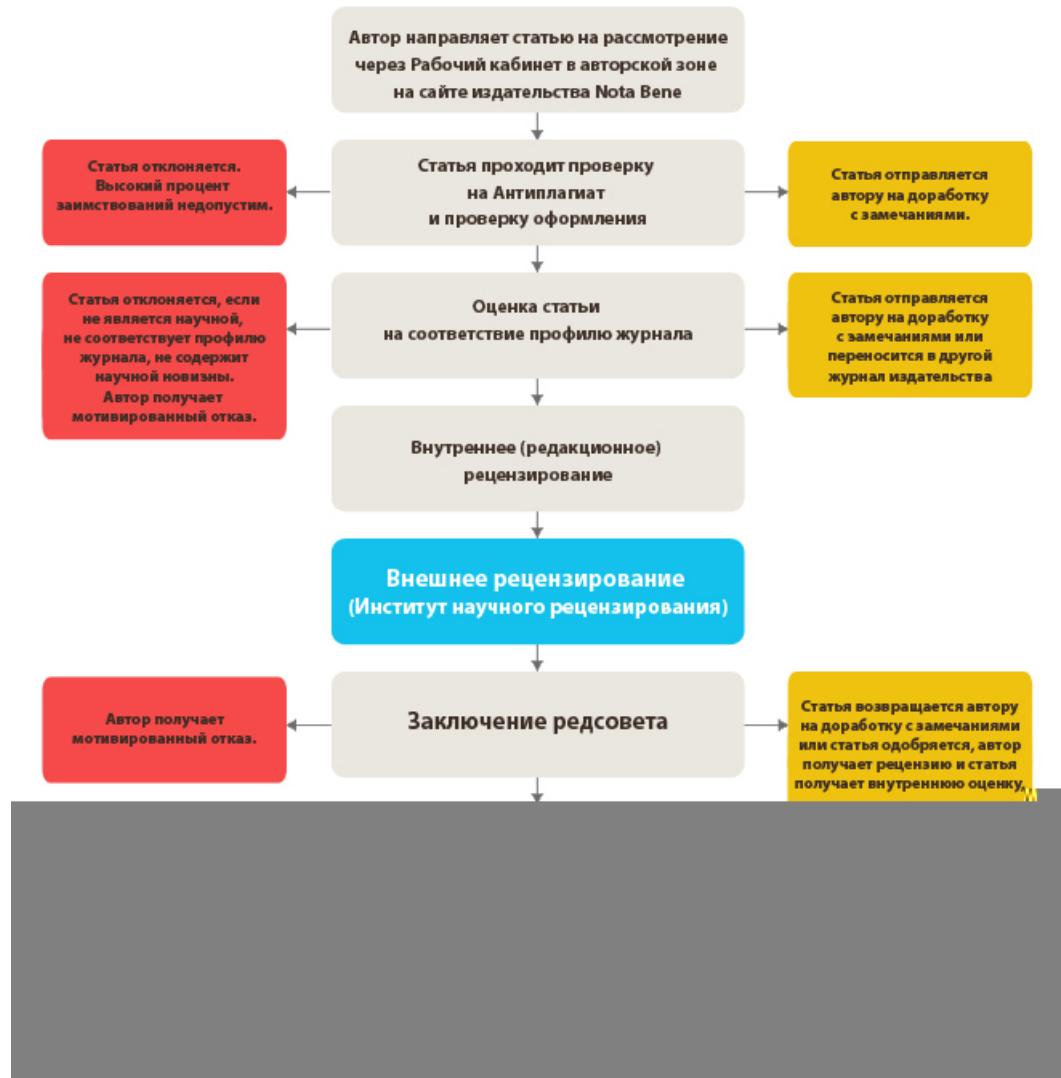
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Проекты автоматического оружия, разработанные Б.Э. Сосинским в России в начале XX века	1
Кульдо М.Е. Всероссийские съезды старообрядцев Белокриницкой иерархии и переселение липован на российский Дальний Восток в начале XX века	11
Чудинов А.А. Производительность труда и материальное стимулирование в советской металлургической промышленности в годы нэпа (на материалах завода «Серп и Молот» и московского Машинотреста)	30
Маландина Т.В. Опыт использования искусственных нейросетей в решении задач виртуальной реконструкции исторических усадебных интерьеров	45
Ленчук В.Ю. Тиндарис между Помпеем и Октавианом: политические, стратегические и культурные изменения в жизни города	61
Латушко Н.Н. Деятельность Интернациональной контрольной комиссии Коммунистического Интернационала после VII конгресса	72
Прокофьев И.А. Гидротехнические сооружения Танаиса II-III вв. н.э.	89
Фан Ц. Применение теории этногенеза Л. Н. Гумилёва к изучению отношений между Китаем и Хунну	100
Камышанов А.М. Особенности процесса греческой колонизации на Боспоре в VII-VI вв. до н.э.	117
Беркутов С.М. Итальянские городские коммуны и Великий Новгород: особенности политического устройства и закономерности эволюции республиканизма	132
Пхунтхасан П. «Высшие королевские постановления» Вьетнама как источник по истории буддизма (XI-XX вв.)	149
Пхунтхасан П. «Высшие королевские постановления» Индонезии VII–XVI вв. как источник по истории буддийских практик архипелага	161
Петров Д.М. Погребальные комплексы могильника Истээх Быраан в Центральной Якутии: материалы современного этапа исследований	175
Бусаров И.В. Строительство школ Москвы в 1935 году по материалам издания «Вечерняя Москва на стройке школ»	185
Соловьев К.А. Подготовка управленческой элиты: программа В.Н. Татищева	196
Албогачиев М.М. О связи термина “мосхи” с названием галгайского средневекового поселения Мецхал	207
Базаров А.В. Взяточничество афинских стратегов в V - IV вв. до н.э.	224
Сидорчук И.В., Ульянова С.Б. Кампания по борьбе за отечественные приоритеты в науке и технике в 1947–1948-е гг. (на материалах высшей школы Ленинграда)	235
Англоязычные метаданные	243

Contents

Timofeeva R.A., Chumak R.N. Projects of automatic weapons designed by B.E. Sosinsky in Russia in the early 20th century.	1
Kuldo M. All-Russian Congresses of Old Believers of the Belokrinitskaya Hierarchy and the Resettlement of Lipovans to the Russian Far East in the Early 20th Century	11
Chudinov A.A. Labor productivity and material incentives in the Soviet metallurgy industry during the NEP years (based on materials from the "Serp i Molot" factory and the Moscow Machine Trust)	30
Malandina T.V. The experience of using artificial neural networks in solving problems of virtual reconstruction of historical manor interiors	45
Lenchuk V.Y. Tyndaris between Pompey and Octavian: Political, Strategic, and Cultural Transformations in the Life of the City	61
Latushko N.N. The activities of the International Control Commission of the Communist International after the VII Congress.	72
Prokofev I. Hydrotechnical structures of Tanais II-III centuries A.D.	89
Fan T. Application of L. N. Gumilyov's Ethnogenesis Theory to the Study of Sino-Xiongnu Relations	100
Kamyshanov A. Features of the Greek colonization process in the Bosphorus in the 7th-6th centuries BC	117
Berkutov S.M. Italian communes and Russian city-states: features of political structure and patterns of republicanism evolution.	132
Phunthasane P. The Supreme Royal Decrees of Vietnam as a Source on the History of Buddhism (11th-20th Centuries)	149
Phunthasane P. The Higher Royal Decrees of Indonesia from the 7th to the 16th Centuries as a Source for the History of Buddhist Practices in the Archipelago	161
Petrov D.M. Funeral complexes of the Isteekh Byraan burial ground in Central Yakutia: materials from the current stage of research	175
Busarov I.V. Construction of schools in Moscow in 1935 based on materials from the publication "Evening Moscow on the Construction of Schools."	185
Solovev K.A. Tatishchev's program for educating the state elite	196
Albogachiev M.M. About the connection of the term "moskhi" with the name of the Galgai medieval settlement of Metskhali	207
Bazarov A.V. Bribery of Athenian generals in the 5th - 4th centuries BC.	224
Sidorchuk I.V., Ulyanova S.B. The campaign for domestic priorities in science and technology in 1947-1948 (based on materials from higher education institutions in Leningrad)	235
Metadata in english	243

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Проекты автоматического оружия, разработанные Б.Э. Сосинским в России в начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74258 EDN: KKSOCE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74258

Проекты автоматического оружия, разработанные Б.Э. Сосинским в России в начале XX века

Тимофеева Римма Александровна

ORCID: 0000-0002-9051-0391

кандидат искусствоведения

доцент; кафедра истории и теории искусства; Санкт-Петербургский государственный промышленный университет промышленных технологий и дизайна

194064, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, корпус 2, кв. 32

✉ rimma.a.timofeeva@gmail.com

Чумак Руслан Николаевич

кандидат технических наук

Начальник отдела фондов; Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Александровский Парк, 7

✉ rimmaa@gmail.com

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74258

EDN:

KKSOCE

Дата направления статьи в редакцию:

23-04-2025

Дата публикации:

30-04-2025

Аннотация: Предметом изучения в данной статье является период начала работы по созданию ручного автоматического оружия в России (рубеж XIX–XX веков). Общее курирование таких работ над новым оружием осуществлялось ГАУ, однако в весьма

общем плане, поэтому уровень совершенства создаваемого образца зависел от таланта изобретателя. В данной статье анализируется проект, который демонстрирует высокую степень оригинальности и выразительности инженерной мысли и достаточно серьезный потенциал отечественных изобретателей-оружейников. Речь идет о проектах переделочной автоматической винтовки и ружья-пулемета, разработанных инженером Б.Э. Сосинским. Данный проект рассматривался Военным ведомством России в 1900-х годах. Несомненным является тот факт, что Б.Э. Сосинский был грамотным и талантливым инженером, который хорошо знал и любил оружейное дело, обладал большим потенциалом оружейного конструктора. Но эти свойства его личности в силу особенностей оружейной эпохи в России, остались не использованными в должной мере. При работе над данным материалом использовались следующие методы исследования: историко-научный анализ специальной исследовательской литературы, сравнительно-исторический метод, обработка архивных данных. Подводя итоги, следует дать характеристику проекту ручного пулемета Сосинского с позиции современного знания об автоматическом стрелковом оружии. Несмотря на имеющиеся недостатки, по состоянию на дату подачи (1906 год) это было одно из самых продуманных и адекватно выглядевших предложений. По качеству заложенных в проект технических решений он на два порядка превосходил примитивные проекты автоматического оружия, разрабатывавшиеся в то же самое время другими русскими изобретателями-оружейниками. Это соображение дает возможность выдвинуть тезис о том, что в начале XX века в России существовали талантливые изобретатели с большим творческим потенциалом, которые при должной организации процесса проектирования и доработки оружия были способны создавать его современные образцы.

Ключевые слова:

автоматическое оружие, проектирование вооружения, экспериментальные образцы вооружения, Главное артиллерийское управление, ГАУ, пулемет-ружье, ручной пулемет, автоматическая винтовка, З-лин. винтовка, Бронислав Сосинский

1. Введение

В ряде предыдущих публикаций, в т.ч. подготовленных авторами настоящей статьи, освещался вопрос истории разработки в России в начале XX века различных вариантов автоматических винтовок (переделочных и «оригинальных») [1; 2]. В этих публикациях шла речь о проектах винтовок, которые были доведены до изготовления экспериментальных и опытных образцов и составили основу начального этапа проектирования автоматического оружия в нашей стране. Однако есть примеры других, менее удачных разработок отечественных изобретателей-оружейников, которые хоть и остались за рамками историографии, но представляют безусловный интерес для истории отечественного оружия. Эти проекты нередко демонстрируют высокую степень оригинальности и выразительности инженерной мысли и достаточно серьезный потенциал отечественных изобретателей-оружейников. К их числу относятся проекты переделочной автоматической винтовки и ружья-пулемета, разработанные инженером Б.Э. Сосинским, рассматривавшиеся Военным ведомством в 1900-х годах.

Важным аспектом темы является вопрос терминологии, которая в начале XX века находилась в стадии формирования. Образцы автоматического оружия этого времени именуются и группируются в документации, как будто, по случайному принципу. Так, в

числе синонимов встречаются наименования «ружье-пулемет», «автоматическая винтовка», «митральеза», «пулемет», «автоматическое ружье», «самозаряжающееся ружье», «залповая винтовка». Зачастую в одном документе и даже на одной странице встречается несколько вариантов названия одного и того же изделия – «ружье», «ружье-пулемет» и «пулемет». Поэтому в приведенном ниже тексте сохранено оригинальное авторское название разработанных образцов и сделано соответствующее предшествующему повествованию пояснение.

2. Переделочная автоматическая винтовка Сосинского 1906 года

В первую очередь необходимо рассмотреть проект переделочной автоматической винтовки Сосинского 1906 года. Знакомство русского Военного ведомства с автором проекта, проживающим в дер. Млавка Плоцкой губернии (здесь располагалось родовое поместье), бароном Брониславом Эдуардовичем Сосинским состоялось 6 марта 1906 года. В этот день он обратился в Главное артиллерийское управление (ГАУ) с предложением собственной системы переделки 3-х лин. магазинной винтовки Мосина обр. 1891 года в автоматическую винтовку. Применительно к предложенному образцу оружия (автоматической винтовке) его автор использовал термин «ружье-пулемет», что, конечно, неверно даже с позиции современной описываемым событиям оружейной терминологии.

Говоря о преимуществах своей автоматической винтовки, Б.Э. Сосинский указывал на темп стрельбы (300 выстрелов в минуту), отмечал «особо важный секрет» – оригинальную систему «искусственного» (в современной терминологии – принудительного – авт.) охлаждения ствола, а также простоту и удобство сборки и разборки, возможность использования ствола и патронов от серийной 3-лин. винтовки обр. 1891 года, практически идентичную с ней массу и низкую стоимость – всего вдвое дороже. Сосинский предлагал доставить в ГАУ чертежи и подробное описание своего «ружья-пулемета», однако ввиду отсутствия в Российской империи привилегий на военные изобретения, просил для себя «гарантий» на тот случай если его конструкция будет признана перспективной и начнется валовое производство построенного на ее основе образца оружия – денежное вознаграждение в 250000 рублей. Предложение Сосинского рассматривалось в 1906 году, результаты отражены в журнале Артиллерийского комитета (Арткома) №59 от 28 марта 1906 года [\[3, л. 35\]](#). Общая идея решения Арткома по предложению Сосинского состояла в том, что без рассмотрения чертежей и описания винтовки нельзя дать по нему никакого заключения. Артком постановил запросить у Сосинского указанные документы и обещал не пользоваться содержащимися в них новинками без согласия изобретателя.

В мае-июне 1906 года Сосинский направил в ГАУ дополнительное заявление с описанием и чертежами «самозаряжающегося ружья» (переделки 3-лин. винтовки в автоматическую) [\[3, л. 130–141\]](#). Отметим, что в этом заявлении Сосинский указал, что занимался этими разработками еще до войны с Японией [\[3, л. 132\]](#). Анализ предложения, проведенный Арткомом, показал, что в основе идеи переделки винтовки обр. 1891 года лежит принцип придания ее механизмам энергии от отведенных из ствола пороховых газов по типу, реализованному в пулеметах Гочкисса, Одколека и автоматической винтовке Чей-Ригotti. Затвор – продольно скользящий с запиранием поворотом на два боевых упора, по очертаниями передней части сходный с затвором винтовки обр. 1891 года. Ударно-спусковой механизм ударникового типа оригинальной конструкции с отдельной боевой пружиной, расположенной в затворе, оснащен предохранителем, совмещенным с неавтоматической затворной задержкой. Разобщение шептала со

спусковым крючком после выстрела осуществляется за счет срыва зацепа спускового крючка с шептала сразу после спуска ударника.

Функционирование автоматики винтовки Сосинского организовано следующим образом. При выстреле отведенные из ствола пороховые газы поступают в кольцевую камеру у казенной части ствола, а оттуда по цилиндрическому газопроводу направляются к газовому поршню. За счет взаимодействия ведущего выступа, отбрасываемого назад газами поршня с винтовым пазом на затворе, осуществляется поворот затвора при отпирании, а в конце цикла работы автоматики и его поворот при запирании.

Проект Сосинского был рассмотрен Арткомом и в заключении от 18 июля 1906 года отмечались его недостатки: потенциально большое количество задержек, свойственное газоотводным системам с близким расположением газоотводного отверстия к затвору, необходимость переделки деталей спускового механизма и ствольной коробки. Тем не менее, проект выглядел реализуемым и работоспособным, поэтому Артком решил запросить изобретателя – на каких условиях он согласится выполнить переделку по своей системе двух винтовок в частной мастерской [3, л. 42]. В октябре 1906 года Сосинский сообщил в ГАУ, что переделка будет осуществляться на частном заводе Максимилиана Доэрр в Зуле в Германии [3, л. 219-220]. При этом он предложил уже три новые конструкции переделочной винтовки: первая с газоотводной автоматикой, вторая с подвижным стволов («обратный ход») и третья с подвижным стволов с его поворотом.

Обращение Сосинского к производственным возможностям зарубежного предприятия объяснялось им тем, что «...за исключением казенных заводов в России подобного рода мастерских, при всем желании, приискать не удалось. Тем не менее, желая довести дело до конца и дать Отечеству преимущество пред другими державами в отношении ручного огнестрельного оружия, я не остановился ни пред какими расходами и трудами и подходящий мне завод ныне найден. Для этого пришлось обратиться за границу...» [3, л. 219-219 об.1]. ГАУ не возражало против такого развития событий, но предъявило ряд требований к проектируемой Сосинским переделочной автоматической винтовке: возможность использования русского патрона, максимальное число неизменяемых деталей, автоматический принцип действия, наличие охлаждения «сжатыми или жидкими газами». Причем последний пункт имел ключевое значение – именно за его выполнение изобретателю, в случае успеха, предполагалось увеличение суммы вознаграждения до 3000 рублей [3, л. 287].

В ответ на запрос ГАУ от 29 декабря 1906 года Б.Э. Сосинский письмом от 10 января 1907 года сообщал, что два образца переделочных винтовок будут предоставлены на рассмотрение ГАУ, из которых один будет с газовым охлаждением ствола [3, л. 313]. Последнее упоминание винтовок Сосинского в документах ГАУ относится к 1908 году. В журнале Артиллерийского комитета №128 отмечено, что Сосинский испросил на переделку аванс в 1500 рублей, однако «без всяких гарантий со стороны изобретателя» опускать ему аванс никто не собирался, тем более что автоматическая винтовка Сосинского, «насколько можно было судить по представленным рисункам, хотя и являлась интересною по своему устройству, но однако не представляла из себя ничего особенного выдающегося». Дальнейшую судьбу проекта переделочных автоматических винтовок Сосинского выяснить не удалось, но, судя по всему, они так и не были реализованы.

Анализ конструктивной стороны проекта переделочной автоматической винтовки Сосинского 1906 года показывает, что в ней от винтовки обр. 1891 года оставлены

неизменными только ствол, магазинная коробка и ложа (с некоторой переделкой). Все прочие части, включая важнейшие – ствольная коробка и затвор, а также спусковой механизм, разработаны заново. Фактически, речь шла о создании нового образца оружия, слабо связанного с базовым изделием. Но эту особенность проекта Сосинского нельзя считать его недостатком. Разработанные позднее в России разными изобретателями (Токарев, Федоров, Рощепей, Коновалов, Фролов и др.) переделочные автоматические винтовки прошли тот же самый путь совершенствования – от использования конструктивной базы винтовки обр. 1891 года с минимальным изменением ее частей, к образцам оружия полностью оригинальной конструкции. Опыт работы всех оружейников, работавших над автоматическим оружием в начале XX века, как в России, так и в других странах мира, показал, что его разработка требовала создания новой конструкции основных частей и механизмов и обойти это соображение и спроектировать надежно действующий образец автоматической винтовки только с минимальной переделкой частей магазинной винтовки невозможно.

Также нужно отметить, что проект винтовки Сосинского разработан достаточно грамотно. Автоматика организована функционально, ее работоспособность не вызывает сомнения. К оригинальным решениям можно отнести кольцевую газовую камеру значительного объема, которая обеспечивает существенное снижение давления отведенных из казенной части ствола пороховых газов, а также длинный газопровод, обеспечивающий силовую связь между отведенными из ствола пороховыми газами и ведущим звеном автоматики (газовым поршнем) без применения промежуточных передаточных устройств типа толкателя и т.п. Такое решение способствует упрощению конструкции оружия и снижению его веса. Кроме того, размещение газовой камеры на ствольной коробке винтовки способствует хорошей кучности боя винтовки, поскольку при работе двигателя автоматики практически исключается боковое воздействие поршневой системы на ствол, которое имеет место у всех образцов оружия с поршнем в боковой газоотводной камере, смонтированной на стволе.

К недостаткам предлагаемой Сосинским автоматики можно отнести гарантированное существенное загрязнение продуктами сгорания пороха газовой камеры и газопровода, а также выход отработанного газа внутрь ствольной коробки у затвора, что будет как загрязнять механизмы перезаряжания, так и опасно воздействовать на лицо стрелка. Довзведение ударника при закрывании затвора также способствует снижению надежности работы автоматики винтовки, поскольку на этот процесс подвижной системе нужно будет израсходовать значительную часть энергии наката еще до запирания затвора.

Оценивая описанный выше проект автоматической винтовки Сосинского с позиции современного знания об истории создания этого вида автоматического стрелкового оружия в России, можно прийти к выводу, что по состоянию на дату подачи предложения (1906 год) это был, пожалуй, самый совершенный проект оружия данного типа, существенно превосходивший по качеству отработки главных вопросов автоматики все современные ему проекты других изобретателей в России. На базе проекта Сосинского можно было создать образец военной автоматической винтовки с неподвижным стволовом с удовлетворительными свойствами. Однако этого не случилось – барон Сосинский по каким-то причинам не справился с реализацией проекта автоматической винтовки, переключившись на разработку и продвижение другого своего изобретения, на этот раз полноценного «ружья-пулемета» (ручного пулемета).

3. Проект ружья-пулемета Б.Э. Сосинского 1906 года

Второй образец автоматического оружия, предложенный бароном Сосинским русскому Военному ведомству, был тоже, как он сам его называл, «автоматически действующим ружьем» и «ружьем-пулеметом», но уже в том смысле, в котором этот термин понимался в России в начале XX века, т.е. ручной пулемет. Описание и чертежи этого пулемета датированы апрелем 1906 года, проект рассматривался в Арткоме ГАУ в июле того же года [\[3, л. 151\]](#).

С учетом того, что проект ручного пулемета Сосинского 1906 года является, пожалуй, единственным подробно отработанным отечественным изобретателем в дореволюционный период истории России, его анализ целесообразен для оценки потенциала отечественных оружейников в деле разработки автоматического оружия в начале XX века.

Изучение чертежей и описания ружья-пулемета Сосинского модели 1906 года выявило следующие его главные особенности. Ствол предполагалось заимствовать от 3-лин. винтовки обр. 1891 года без изменений. Принцип действия автоматики – использование энергии отведенных из канала ствола пороховых газов, направляемых к газовому поршню ведущего звена автоматики.

Запирание канала ствола осуществляется продольно скользящим затвором с поворотом при запирании на два боевых упора. Извлечение стрелянных гильз осуществляется пружинным извлечателем, смонтированным на правой стороне затвора, отражение стрелянных гильз осуществляется качающимся отражателем, смонтированным в ствольной коробке.

Подвижная система состоит из трех частей – затвора, рамы затвора и газового поршня и размещается в продольном канале ствольной коробки. Поворот затвора при отпирании и запирании осуществляется специальным выступом ударника, входящим в винтовой паз на трубке затвора, при этом ударник перемещается под действием газового поршня. Взведение подвижной системы (ее постановка на боевой взвод в заднем положении) осуществляется перемещением назад рукоятки управления огнем пулемета, которая после этого должна быть возвращена в первоначальное положение.

Ударный механизм ударникового типа с приводом от возвратно-боевой пружины. Спусковой механизм рычажный, имеет два режима стрельбы – непрерывными очередями и одиночными выстрелами, для переключения которых в его конструкции имеется переводчик.

Возвратно-боевая пружина состоит из двух частей, соединенных через переходную втулку таким образом, что ее части входят одна в другую.

Механизм подачи патронной ленты выполнен в виде зубчатки приводится в действие движением подвижной системы. Интересной особенностью данного механизма является подбуферивание подающей зубчатки, реализуемое за счет связи рычага и зубчатки через цилиндрическую пружину кручения. По проекту в пулемете должна быть использована металлическая звеньевая лента, но ее вид и конструкция не приводятся.

Охлаждение ствола пулемета задумано Сосинским в двух вариантах: жидкостным с водой, наливаемой в окружающий ствол кожух и принудительным газовым. Второй способ охлаждения представлял особый предмет заботы изобретателя. Он обосновано считал, что для ручного пулемета водяное охлаждение ствола является неудобным и предлагал охлаждать ствол вдуванием в него сжатого воздуха или другого сжатого газа. Конструкцию устройства воздушного охлаждения он не отобразил в чертежах, но описал

в тексте. Его суть состояла в том, что газ заранее нагнетался в специальную металлическую трубку, снабженную автоматическими клапанами и размещающуюся под стволом пулемета. При нагреве ствола выше определенной температуры клапаны должны открыться ипустить сжатый газ в канал ствола, тем самым охлаждая его. После отстрела 1000–5000 патронов трубка, в которой охлаждающий газ будет израсходован, должна заменяться новой. Пустые трубы предполагалось сдавать в тыл для отправки на компрессорную станцию с целью последующего наполнения сжатым газом и потом снова выдавать на позицию. Пулемет предполагалось комплектовать патронными лентами двух размеров – на 50 и на 300 патронов, при этом ленты на 300 патронов должны укладываться по две штуки в специальный чемодан, а всего при пулемете автор предполагал иметь не менее 6 таких чемоданов с лентами (3600 патронов).

Анализ конструктивной стороны проекта ружья-пулемета Сосинского 1906 года показывает, что для своего времени проект разработан очень детально, вплоть до мельчайших подробностей. Описание конструкции и функционирования оружия составлены грамотным языком своего времени, хотя и с определенными терминологическими издержками. Чертежи выполнены с хорошим качеством и достаточно подробно для понимания особенностей устройства всех деталей проекта. Автоматика спроектированного пулемета организована функционально, ее работоспособность не вызывает сомнения. Пулемет имеет компактную компоновку, которую сейчас называют «с линейной отдачей» (затыльник приклада размещается на продолжении продольной оси канала ствола), в которой пространство приклада использовано для размещения некоторых механизмов автоматики. Такое решение позволяет разместить внутри оружия механизмы автоматики без излишнего уменьшения их размеров и перемещений, сокращения длины ствола или увеличения общей длины оружия. Вероятнее всего, Сосинский добивался именно такого эффекта – в качестве преимущества своего пулемета он называл длину, не превышающую длины пехотной винтовки обр. 1891 года – 1253 мм против 1280 мм. Интересное решение содержится в предложенной конструкции возвратно-боевой пружины, состоящей из двух частей, входящих одна в другую. Это обеспечивает компактность механизма и существенно повышает живучесть пружин. Боевые упоры выполнены отдельно от ствольной коробки и могут быть при необходимости заменены. Для изготовления трубчатого приклада и кожуха водяного охлаждения ствола изобретатель предлагал использовать алюминий, что для начала XX века было необычным явлением.

К недостаткам предлагаемой Сосинским автоматики пулемета можно отнести открытое расположение лентоподающего механизма, который будет подвержен засорению, а также способ расположения патронной ленты, подающейся к приемнику сверху вниз, что весьма неудобно в эксплуатационном отношении. Введение подвижной системы за счет перемещения рукоятки управления огнем вызывает больше проблем, чем удобств и без принятия специальных конструктивных мер является опасным для рук стрелка.

Для реализации проекта пулемета Сосинский выставил условия получить возможность изготовить его на одном из казенных оружейных заводов за государственный счет за 6 месяцев и получать в это время жалование в размере 720 рублей в месяц [3, л. 180]. Но несмотря на то, что проект пулемета был разработан грамотно, он не заинтересовал ГАУ и был отклонен, причем одним из мотивов называлось то, что к этому времени на вооружение Русской армии уже находился ружье-пулемет Мадсена обр. 1902 года.

Интерес Арткома вызвала только содержащаяся в предложении Сосинского система принудительного газового охлаждения ствола. По поводу этой системы охлаждения

предполагалось запросить у автора дополнительные сведения [3, л. 180 об.], но ответ так и не поступил – очевидно, автор не смог довести свои эксперименты до приемлемой степени готовности.

4. Выводы

Оценивая описанный выше проект ручного пулемета Сосинского с позиции современного знания об автоматическом стрелковом оружии, можно прийти к выводу, что несмотря на имеющиеся недостатки, по состоянию на дату подачи (1906 год) это было одно из самых продуманных и адекватно выглядевших предложений. По качеству заложенных в проект технических решений он на два порядка превосходил примитивные проекты автоматического оружия, разрабатывавшиеся в то же самое время другими русскими изобретателями-оружейниками. Это соображение дает возможность выдвинуть тезис о том, что в начале XX века в России существовали талантливые изобретатели с большим творческим потенциалом, которые при должной организации процесса проектирования и доработки оружия были способны создавать его современные образцы. Но такого творческого руководства и организации со стороны ГАУ не наблюдалось, а свободный от государственного участия рынок разработок автоматического оружия, который мог бы сформировать в России потребность в таком оружии и, соответственно, создать для изобретателей-оружейников востребованную и конкурентную среду, отсутствовал как явление.

Как указывалось выше, проект пулемета Сосинского был отклонен, причем не последнюю роль в этом решении сыграло недавно произошедшее принятие на вооружение русской армии пулемета Мадсена. Явный мотив русских военных понятен – на вооружение взято новое оружие хорошего свойства, оно поступает в Россию в готовом виде, нет необходимости финансировать сложный и долгий проект доводки до надежного состояния оружия собственной разработки – всю эту работу выполнила зарубежная фирма, чье затраченное время и силы оплачиваются при заказе продукции (в данном случае пулеметов Мадсена). Однако как выяснилось уже вскоре, зависимость России от западных технологий и поставок наукоемких изделий (в начале XX века пулемет относился к их числу) привела к тому, что на фронтах Первой мировой войны Русская армия оказалась фактически без ручных пулеметов и полагалась исключительно на зарубежные поставки от союзников, а попытка «пересадить» из Дании завод по производству пулеметов Мадсена обошлась России в весьма внушительную сумму, но так и не была осуществлена. Трагедия дореволюционной и ранней послереволюционной оружейной России состоит еще и в том, что русским оружейникам в то время было практически ничего предложить промышленности к производству взамен имеющихся в армии и остро востребованных иностранных образцов пулеметов – как станковых, так и ручных. Еще до начала Первой мировой войны они сконцентрировали свои весьма ограниченные интеллектуальные силы только на создании автоматической винтовки, практически проигнорировав все прочие направления развития оружейного дела. Именно этой бедностью предложений объясняется намерение уже в ходе Гражданской войны организовать в Коврове производство французских ручных пулеметов Шоша, максимально долгое использование и организация поддержания ресурса имеющегося в РККА и сильно изношенного парка английских ручных пулеметов Льюиса и французских Шоша [4, л. 24], в том числе с переделкой пулеметов Льюиса под русский патрон [5, л. 432–444 об.], попытка создать унифицированный комплекс пулеметного вооружения (ручной, станковый, авиационный, танковый пулеметы [6, л. 1–25 об.]) на неподходящей конструктивной базе автомата Федорова [7, с. 38] и разработка «суррогатного» ручного

пулемета Максима-Токарева МТ. Только создание в СССР своей собственной школы проектирования автоматического стрелково-пушечного оружия позволило вывести страну из зависимости от необходимости приобретать за рубежом соответствующие разработки.

Завершая повествование, следует остановиться на личности изобретателя изученного проекта пулемета барона Бронислава Эдуардовича Сосинского (1863–1937 гг.). Кем он был – несомненный яркий талант, который в силу разных обстоятельств не смог себя проявить на практике? Судя по набору терминов, содержащихся в описании проекта пулемета («пазик», «дырочка» «цилиндриск», «лапка», «спускная щеколда», «транспортный механизм», «патронная цепь» и т.п.), Б.Э. Сосинский был далек от профессионального оружейного дела. Авторам удалось установить, что он был гражданский инженером (при этом деятельность Б.Э. Сосинского представляется весьма разнообразной, так, сохранился ряд его работ справочного характера: «Описание имения С. А. Горвиц (рожд. Рубинштейн) "Дедеркой" Черноморской губернии, составленное инженером Б. Э. Сосинским, с приложением чертежей и видов имений» (1913 год).) [8], выходцем из Венгрии. Судя по косвенным данным, сфера деятельности Б.Э. Сосинского была связана с железными дорогами и паровозостроением, в частности, на Луганском паровозостроительном заводе. В семье внука Б.Э. Сосинского – А.Б. Сосинского – существует предание о том, что Бронислав Эдуардович получил из рук Николая II модель паровоза, разработанного при его участии. Несомненным является тот факт, что Б.Э. Сосинский был грамотным и талантливым инженером, который хорошо знал и любил оружейное дело, обладал большим потенциалом оружейного конструктора. Но эти свойства его личности в силу особенностей оружейной эпохи в России, остались не использованными в должной мере.

За свою жизнь Б.Э. Сосинский был дважды женат: первая супруга – Анна Шенборг, вторая – Эмма Августовна Семихат (1873–1947 гг.). Семья часто переезжала из одного города в другой (биографические сведения приведены по мемуарам сына Бронислава Эдуардовича – Бронислава Рейнгольда Владимира Сосинского-Семихата и внука – Алексея Брониславовича Сосинского, а также по материалам личной беседы с Алексеем Брониславовичем 28 февраля 2025 года) [9, с. 167; 10]: в 1900 году они проживали в Луганске, затем в Боровичах (Новгородская область), Веневе (Тульская область), в 1917 году – в Бердянске. По словам внука, после февральской революции 1917 года Бронислав Эдуардович перешел на преподавательскую деятельность, однако подтвердить документально это пока не удалось. Скончался Б.Э. Сосинский в 1937 году.

Библиография

1. Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Начальный период формирования отечественной школы проектирования автоматического оружия на примере разработки автоматических винтовок (1904–1926 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. С. 377-387. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.71679 EDN: VCCWYG URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=71679
2. Тимофеева Р.А., Чумак Р.Н. Опытные автоматические винтовки конструкции В. П. Коновалова 1907-1926 годов [Электронный ресурс] // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2025. URL: <https://www.kalashnikov.ru/opytnye-avtomaticheskie-vintovki-konovalova/> (дата обращения: 06.01.2025).
3. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 39/3. Д. 510.
4. РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 7а.
5. Научный архив ВИМАИВиВС. Ф. 6Р. Оп. 1. Д. 849.
6. РГВА. Ф. 20. Оп. 24. Д. 41.

7. Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох: (Работы оружейника 1900-1935 гг.). В 3-х т. Ч. 3. Оружейное дело после Октябрьской революции. Л.: Артил. ордена Ленина акад. РККА им. Дзержинского, 1939.
8. РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1135.
9. Сосинский В. Конурка // Вопросы литературы. 1991. Июнь.
10. Сосинский А.Б. Мой отец - легенда. М.: Изд-во МЦНМО, 2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Проекты автоматического оружия, разработанные Б.Э. Сосинским в России в начале XX века» представляет собой обращение к истории российской военной промышленности, а именно к весьма распространенной для начала XX века практике взаимодействия российских военных ведомств с изобретателями-энтузиастами, представлявшими свои разработки для нужд Российской армии. В данном случае конкретным примером служит история рассмотрения проектов автоматического оружия барона Сосинского на протяжении 1906 г. Собственно проекты Б.Э. Сосинского (автоматическая винтовка и ружье-пулемет) были отвергнуты ведомством и не пошли в серийное производство, однако рассмотрение данного сюжета позволяет выявить организационно-технические особенности и проблемы российского военного ведомства (ГАУ), в частности отсутствие должного руководства и поощрения к доработкам перспективным образцам, отсутствиеной промышленной базы для изготовления опытных образцов, чрезмерная ориентация на импортные поставки, что в сумме складывалось в отсутствие отечественной школы автоматического стрелкового оружия. Наиболее ценной в статье представляется именно завершающая часть, в которой автор, обобщая опыт целой серии подобных проекту Сосинского эпизодов, перечисляет негативные последствия так вышеперечисленных и так и неискорененных проблем в Российской военной промышленности накануне Первой мировой войны. Таким образом рассмотрение конкретного эпизода позволяет выявить системные проблемы, имевшие далеко идущие последствия; рассмотрение же проекта Б.Э. Сосинского не сводится к описанию технических деталей неудачной попытки разработки автоматической винтовки, но иллюстрирует общее положение дел в данной сфере. Представляется несколько неудачной композиция статьи: биография изобретателя Б. Э. Сосинского дана автором уже в самом конце, даже после основных выводов; логично было бы поместить ее в начальной части текста. Также широкий военно-политический контекст темы, четко и убедительно заявленный в завершающей части статьи, желательно также обозначить и в начале статьи, т.е. пояснить общее положение дел в военно-промышленной сфере по состоянию на 1906 г., обозначить актуальные потребности армии, пояснить практику взаимодействия военного ведомства с частными лицами-изобретателями и возникавшие при таком взаимодействии сложности и т.д. Статья основана на целом комплексе архивных материалов, мемуарной литературе, выдержан научный стиль при известной перегрузке техническими деталями в описаниях двух проектов Б.Э. Сосинского. Статья написана на должном научно-методическом уровне (отметим тем не менее отсутствие теоретической базы и небольшой библиографический список, автор по сути лишь отсылает к другим своим публикациям на схожую тематику), представляет существенный интерес, по минимальной структурной доработке статья рекомендуется к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кульдо М.Е. Всероссийские съезды старообрядцев Белокриницкой иерархии и переселение липован на российский Дальний Восток в начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.73822 EDN: GQECXP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73822

Всероссийские съезды старообрядцев Белокриницкой иерархии и переселение липован на российский Дальний Восток в начале XX века

Кульдо Максим Евгеньевич

аспирант, кафедра истории Церкви, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, корп. 4, каб. Е-421

✉ mkuldo@mail.ru

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.73822

EDN:

GQECXP

Дата направления статьи в редакцию:

24-03-2025

Дата публикации:

04-05-2025

Аннотация: Статья посвящена малоизученной проблеме – переселению австрийских и румынских старообрядцев-липован на российский Дальний Восток в начале XX в. В работе оценивается значение Всероссийских съездов старообрядцев Белокриницкой иерархии и их Совета в названном процессе. Анализируется роль непосредственных руководителей данной структуры Д. В. Сироткина и П. П. Рябушинского как активных поборников идеи возвращения «зарубежцев» на родину предков. Особое внимание уделено изучению аргументов как приверженцев, так и противников депатриации липован и «водворения» их в Приамурском крае. Впервые с идеей организованного переселения старообрядцев на Дальний Восток – в китайскую Маньчжурию – на линию строившейся тогда Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) выступил министр

финансов С. Ю. Витте. В 1900 г. сановник сообщил об этом прибывшей в Ялту делегации I-го старообрядческого Съезда. Спустя некоторое время о ялтинском предложении стало известно австрийским липованам. Испытывавшие малоземелье и прочие трудности местные старообрядцы связывали с проектом российского министра большие надежды и изъявили желание непременно отправиться в Северный Китай в качестве колонистов, однако русско-японская война 1904-1905 гг. помешала осуществлению данного замысла. Реализация очередного переселенческого проекта (на этот раз – в российское Приамурье) стала возможной после революционных потрясений 1905-1907 гг., когда старообрядцы получили известные гражданские права. Либерализация вероисповедной политики в России на фоне ухудшения социально-экономического положения в странах проживания способствовала возвращению зарубежных старообрядцев на историческую родину. Липоване и некрасовцы, проживавшие в Австрии, Болгарии, Румынии и Турции, стали подавать прошения о принятии в российское подданство, ходатайствуя о переселении в Приамурский край. Царское правительство, заинтересованное в скорейшем заселении и хозяйственном освоении своей дальневосточной окраины, оценило данное стремление. Роль связующего звена между липованскими общинами и российскими властями принадлежала Совету Съездов, члены которого заботились об удовлетворении не только духовных, но и материальных нужд своих единоверцев. По большому счёту, именно благодаря посредническим устремлениям Совета переселение «зарубежцев» стало возможным, при этом «австрийцы» и «румынцы» получили некоторые льготы.

Ключевые слова:

зарубежные старообрядцы, липоване, Всероссийские съезды старообрядцев, переселение, Буковина, российский Дальний Восток, Приамурье, Д. В. Сироткин, П. П. Рябушинский, Д. М. Смирнов

В начале XX в. общины зарубежных старообрядцев – липован и некрасовцев – находились в Австрии, Румынии, Болгарии и Османской империи. Либерализация вероисповедной политики в России при ухудшении социально-экономического положения старообрядческого населения в странах проживания породила среди значительного числа «религиозных отщепенцев» желание вернуться на родину предков. После поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. царское правительство, заинтересованное в скорейшем заселении и хозяйственном освоении своей дальневосточной окраины «крепким элементом», оценило данное стремление. Движение «зарубежцев» стало составной частью столыпинской переселенческой программы. Из официальных отчётов местной администрации следует, что в 1908-1914 гг. в Амурсскую область переселились 2 679 зарубежных старообрядцев, из которых 2 147 являлись подданными Румынии, 506 – Австрии, 26 – Болгарии [\[1, с. 191\]](#). Тогда же в соседней Приморской области обосновались 986 их одноверцев [\[2, с. 205\]](#).

Процесс возвращения заграничных старообрядцев на родину предков рассматривается в контексте важнейших событий российской истории начала прошлого века – русско-японской войны 1904-1905 гг., революции 1905-1907 гг., общественно-политической жизни, религиозной либерализации, аграрной реформы премьера П. А. Столыпина и др.

Источниковой базой исследования послужили архивные документы (АВПРИ, ГАРФ, РГИА, РГИА ДВ), издания периодической печати (журналы «Старообрядец», «Старообрядцы»,

«Церковь»), труды ежегодных старообрядческих Съездов и др. Отметим, что часть привлекаемых материалов в научный оборот вводится впервые. С методологической точки зрения работа основана на историзме, системности и объективности как ключевых принципах современной исторической науки.

Проблема переселения липован на Дальний Восток прежде рассматривалась в научной литературе [2, 4, 9], однако некоторые её аспекты по причине ограниченности источников не получили должного освещения. В данном исследовании на основе выявленных опубликованных и неопубликованных материалов предпринята попытка понять и оценить роль Совета Съездов и его руководителей в процессе депатриации заграничных старообрядцев.

Переселение липован в Россию стало возможным во многом благодаря поддержке данного начинания со стороны Всероссийских съездов старообрядцев Белокриницкой иерархии. При этом Совет Съездов во главе с Д. В. Сироткиным и П. П. Рябушинским выступал посредником между Переселенческим управлением и заграничными общинами липован.

Аграрному вопросу участники Съездов придавали особое значение. Проблема малоземелья заботила членов данной структуры неспроста: большая часть старообрядческого населения проживала на земле. Прогрессивные деятели старообрядчества внимательно следили за аграрной повесткой правительства, связывая решение земельного вопроса преимущественно с переселением. Уместно отметить, что один из деятельных руководителей Совета банкир П. Рябушинский являлся членом «Союза 17 октября» и Партии мирного обновления, в аграрной программе которых переселение за Урал рассматривалось как наиболее безболезненный вариант решения проблемы земельного голода в губерниях Европейской России.

I-й Всероссийский съезд белокриницких старообрядцев, созданный по инициативе епископа Уральского и Оренбургского Арсения (Швецова), состоялся 14-15 сентября 1900 г. в Москве. II-Х-й Съезды проходили в Нижнем Новгороде. Заседания устраивались в доме председательствовавшего на них Д. Сироткина. Последующие форумы принимала Москва. XVIII-й Съезд, оказавшийся последним, состоялся в 1917 г. Исполнительным органом, действовавшим в перерывах между Съездами и подотчётным им, являлся Совет Съездов. На протяжении многих лет его бессменным руководителем был Д. Сироткин, совместно со своим давним деловым партнёром П. Рябушинским определявший вектор деятельности данного института.

Деятельность первых Съездов касалась преимущественно проблемы обретения старообрядцами гражданских прав и свобод, однако и земельный вопрос входил в круг их интересов. Так, в декабре 1900 г. членам возглавляемой Д. Сироткиным делегации I-го Съезда удалось встретиться с министром финансов С. Ю. Витте в Ялте. Заинтересованный в русской колонизации полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в Маньчжурии сановник стремился использовать для данной цели именно старообрядцев и сектантов. От потенциальных переселенцев при этом требовалось «оберегать... интересы России и воспрепятствовать ассимиляции казаков туземным населением» [3, с. 74]. Для потенциальных колонистов из числа старообрядцев и сектантов предусматривались определённые льготы: бесплатный проезд и «нарезка» участков земли, полная религиозная свобода «на века веков» и покровительство со стороны российских властей. Вскоре весть о ялтинском предложении министра облетела старообрядческие приходы, и Совет Всероссийского старообрядческого попечительства «стал осаждаться со всех концов России запросами по поводу переселения». В

подобных обстоятельствах Совет «счёл своим нравственным долгом включить в программу своей деятельности и вопрос переселенческий» [\[3, с. 75\]](#).

Совет откликся на материальные нужды своих духовных братьев, проживавших и вне России. В ноябре 1902 г. Белую Криницу (Буковина, Австро-Венгрия) посетили уполномоченные III-го Съезда, сообщившие австрийским старообрядцам о предложении С. Витте. Страдавшие от малоземелья местные липоване связывали с проектом российского министра большие надежды и изъявили твёрдое намерение отправиться в Северный Китай в качестве колонистов.

Исследователи отмечают, что именно вопрос о переселении старообрядцев в Маньчжурию стал ключевым в работе IV-го Съезда в 1903 г. [\[4, с. 81\]](#). Его делегаты приняли решение отправить в Северный Китай своего уполномоченного для знакомства с особенностями региона. Окончательное решение о возможности переселения предполагалось принять после возвращения ходока. Однако этим замыслам не суждено было осуществиться: в январе 1904 г. началась война с Японией, и «поля Маньчжурии, вместо предполагавшейся культурной обработки мирными переселенцами-старообрядцами, превратились в поля сражений и смерти» [\[3, с. 77\]](#). После поражения в военном противостоянии Российская империя лишилась прежнего влияния в регионе, вследствие чего проект не получил дальнейшего развития.

В самой России в это время бушевала революция, одной из ключевых причин которой стал земельный голод. Проблема «земельных недостатков» касалась и старообрядческого населения. Часть староверов решение земельного вопроса связывали с деятельностью парламента. Любопытно при этом отметить, что подобные чаяния разделяли не только представители старообрядческой интеллигенции и отдельные крупные предприниматели. Так, крестьяне-староверы д. Дегтярной Воронежской губернии заявляли, что «мы Государственной думы ждём, как Христа» [\[5, с. 99\]](#). Неудивительно, что состоявшийся в Москве в начале января 1906 г. 2-й Чрезвычайный съезд белокриницких старообрядцев постановил принять «самое энергичное участие» в намечавшейся избирательной кампании. Именно вопрос о земле предсказуемо вызвал продолжительные прения, «живейшее участие» в которых принял даже архиепископ Московский Иоанн (Картушин). Из прибывших на собрание крестьян была сформирована особая комиссия для изучения вопроса по существу. В итоге было принято решение о поддержке только тех кандидатов в депутаты, которые выступали за наделение крестьян землёй [\[5, с. 201\]](#).

Тогда же, желая узнать «мнение самой земли», Совет инициировал созыв крестьянского съезда. Разосланные по приходам приглашения нашли живой отклик, и в состоявшемся в Москве 22-25 февраля 1906 г. Всероссийском съезде крестьян-старообрядцев приняли участие 355 делегатов из 118 уездов 43 губерний и областей [\[6, с. 161\]](#). Уполномоченные прибыли со множеством наказов. Председательствовал на крестьянском форуме предприниматель Д. Сироткин, в роли его заместителей выступали банкир П. Рябушинский и начётчик М. Бриллиантов.

Уже предварительный обмен мнениями показал, что практически повсеместно, за исключением, пожалуй, казачьих станиц, первостепенной проблемой крестьянских хозяйств являлось малоземелье, обусловленное зачастую быстрым увеличением населения. Один из участников мероприятия справедливо оценил сложившуюся в деревне ситуацию: «У вас одна нужда, одно горе – земли мало или её совсем нет; у вас

у всех одна мысль – землицы получить. Эта земельная нужда выросла сама собой: население удвоилось, даже утроилось, а земли всё столько же, сколько и было» [\[6, с. 31\]](#). В подобных условиях исключительно хлебопашество не могло прокормить крестьянина, вынужденного находить дополнительные источники существования.

Помимо «земельной тесноты», участников форума волновали вопросы, связанные с повышением арендной платы, ростом налогов, чересполосицей, правовым положением жителей села, усовершенствованием приёмов ведения сельского хозяйства, организацией земледельческих школ и др.

И всё же ключевое место в программе форума занял вопрос о малоземелье и о возможных путях его преодоления. Комиссией по дополнительному наделению землёй под руководством крестьянина С. Ф. Брагина была выработана особая резолюция [\[6, с. 74-75\]](#), отразившая мнение большинства собравшихся. Её члены пришли к предсказуемому выводу о том, что «дополнительное наделение землёй при земельной тесноте для всех необходимо нужно для улучшения крестьянского благосостояния». При этом, полагали делегаты, «прирезки» пахотной, луговой и «лесовой» земли «необходимо следует» осуществить за счёт казённых, мещанских, удельных, купеческих, монастырских, церковных и крупновладельческих имений. К отчуждению предполагалась та земля, которую сам владелец не обрабатывал. За каждую десятину такой земли предусматривалась плата «более справедливая, умеренная и необременительная для крестьян», которые при совершении выкупных операций рассчитывали на помощь государства, «потому что покупка через банк будет для нас... тяжелее, чем были, в вечной памяти, выкупные платежи». Наконец, всю землю, которую крестьяне предполагали получить, следовало признать их частной собственностью.

В обществе работа Съезда оценивалась по-разному, преимущественно в негативном свете. Многих возмутило уже то обстоятельство, что на заседания не были допущены журналисты [\[7, с. 360\]](#). Современник описываемых событий известный историк и публицист С. П. Мельгунов, внимательно наблюдавший за работой Съезда, пришёл к выводу о том, что он не оправдал надежд своих устроителей. Имея в виду политические предпочтения инициаторов собрания П. Рябушинского, члена Союза 17 октября, и Д. Сироткина, разделявшего идеи кадетов, историк сделал предположение о партийном характере мероприятия. Трудно спорить, что политические взгляды организаторов Съезда не оказали влияние на его работу. Далее С. Мельгунов отмечал, что в лекциях приглашённых профессоров земельный вопрос не получил всестороннего освещения. «Съезд, – резюмировал автор, – был создан с целью навербовать в крестьянской среде членов для Союза 17-го октября, но между тем... своими радикальными постановлениями отделился демаркационной линией от всех... правых политических партий» [\[8, с. 32\]](#). Подкрепляя своё предположение, С. Мельгунов указал на полученный им «целый ряд» писем о посыпке Советом Съездов агитаторов, распространявших по старообрядческим приходам программу октяристов [\[8, с. 32\]](#). (Д. Сироткин на открытии VII-го Съезда назвал слухами подобные утверждения, однако сделал оговорку, что если это и происходило, то без ведома Совета, уполномоченные которого лишь разъясняли по приходам положения Манифеста 17 октября [\[5, с. 6\]](#).) По мнению С. Мельгунова, организаторы Съезда потерпели фиаско: одобренные крестьянскими депутатами постановления противоречили аграрной программе центристских и правых партий.

О постепенной эволюции взглядов на решение аграрного вопроса руководителей Совета свидетельствуют материалы издававшейся на личные средства П. Рябушинского

«Народной газеты». Поддержав изначально январское решение 2-го Чрезвычайного съезда старообрядцев об отчуждении частновладельческих земель за выкуп, в феврале корреспонденты издания принялись писать о необходимости переселения малоземельных крестьян в Сибирь как наиболее предпочтительном способе решения земельного вопроса [9, с. 91]. Подобные идеи соответствовали повестке правых политических партий и, безусловно, отвечали интересам правительства.

Трезво оценивая сложившуюся политическую обстановку в империи, Д. Сироткин и П. Рябушинский понимали невозможность преодоления проблемы крестьянского малоземелья посредством отчуждения частных имений. Мероприятия премьера П. А. Столыпина в аграрной сфере окончательно убедили их в том, что единственным вариантом борьбы с «земельной теснотой» в краткосрочной перспективе следует признать переселение крестьян на восток империи.

Имея сведения о стремлении части российских и зарубежных старообрядцев переселиться за Урал и желая «заселить... скорее этот богатый край русскими людьми... в интересах нашей государственной обороны», 29 марта 1907 г. Главное управление землеустройства и земледелия обратилось в Совет с предложением своего содействия в данном вопросе [3, с. 78]. При этом Управление находило «необходимым настойчиво советовать переселяющимся прежде всего обратить серьёзное внимание на наши дальневосточные окраины» [3, с. 79]. Оценив обращение правительства как руководство к действию, лидеры Совета приняли решение отправить на Дальний Восток «в виде опыта» ходоков для знакомства с переселенческими участками.

На призыв Совета откликнулись 67 крестьянских обществ из 18 российских губерний. 25 июля 1907 г. в Москву прибыли 18 уполномоченных. Липован из австрийской Буковины представляли Абрам Васичкин, Кондрат Петров и Андрей Митрофанов [10, с. 3], которые сообщили о малоземелье своих доверителей («народу... намножилось, а земли нет»; «много есть и таких бедных, что ни кусочка земли не имеют») и высоких податях («от всякой скотины собирают особую плату»). Желание вернуться на историческую родину, по словам уполномоченных, разделяли около 2 200 австрийских липован, «да не смогут подняться вследствие немощества – недостатка средств» [11, с. 93].

Непосредственным организатором поездки выступил Совет Съездов в лице Д. Сироткина и П. Рябушинского. Известную поддержку начинание получило со стороны Переселенческого управления: группа была обеспечена бесплатными железнодорожными билетами в оба конца. Помимо прочего, средства для ходоков предоставили некоторые благотворители. Руководителем группы был назначен отец Дмитрий Смирнов, знавший о крае не понаслышке: ранее священник принимал участие в русско-японской войне 1904-1905 гг., где «на полях Маньчжурии напутствовал больных и раненых воинов, проливавших кровь свою за честь своего отечества» [5, с. 215].

На просьбу Д. Сироткина о «просвещённом содействии» старообрядцам-ходокам приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер дал положительный ответ [12, л. 400; 11, с. 35]. Исполняя поручение «главного начальника края», местные чиновники оказывали всестороннюю помощь старообрядцам, сам генерал-губернатор трижды принимал руководителя ходаческой группы [10, с. 18, 23, 25].

31-го июля 18 ходоков поездом отправились на восток империи. До Иркутска добрались только 7 из них. Как выяснилось, некоторые остались в поисках свободных переселенческих участков в Западной Сибири, другие же «по малодушию и за

недостатком энергии» вернулись обратно. Смирнову стоило больших усилий убедить оставшуюся часть группы продолжить путь, после подобные сцены повторялись неоднократно. В конце концов во Владивостоке ходоки категорически отказались следовать дальше. Увещевания успеха не возымели, и священник, «предоставив ходоков самим себе», дальнейший путь продолжил один. Спустя некоторое время австрийские старообрядцы были замечены в Благовещенске. Осмотрев свободные переселенческие участки в бассейне Амура и Зеи, а также на побережье Японского моря, в ноябре Смирнов вернулся в Москву.

В ходе поездки в Черняево-Зейском переселенческом подрайоне Амурской области уполномоченный условно «зачислил» около 6 000 земельных долей для «водворения» до 2 000 семей старообрядцев-переселенцев [13, л. 2]. Представленный в Совет отчёт Смирнова с описанием путешествия по Приамурскому краю был отпечатан в виде брошюры и вместе с другими материалами по переселенческому вопросу разослан по приходам российских и зарубежных старообрядцев.

Даже поверхностное знакомство с отчётом священника вызывает множество вопросов. Не вполне понятно, например, почему для заселения старообрядцами были выбраны участки в Приамурье, в то время как условия соседней Приморской области отличались более благоприятными климатическими условиями. Прекрасно зная, что большая часть румынских и турецких старообрядцев занимались рыболовством, уполномоченный Совета тем не менее отказался от «зачисления» земли на морском побережье и в низовьях Амура, выбрав участки далеко в тайге. Кроме того, облюбованный священником район располагался на значительном расстоянии от областного центра, что предполагало значительные трудности. Вполне возможно, что на подобное решение уполномоченного повлиял рассказ встреченного им в пути мукомола из китайского Харбина, который «очень хвалил нам места по рекам Зее и Буре... о чём нам известно уже было из указаний... Д. В. Сироткина и архиепископа Иоанна Картушина, находивших упомянутые места пригодными для всех отраслей сельского хозяйства» [10, с. 15]. При этом ни председатель Совета Сироткин, ни владыка Иоанн на Амуре никогда не бывали.

В отчёте Смирнова [10, с. 15-27] жизнь на восточной окраине империи рисуется односторонне. Складывается впечатление, что его непременная задача – побудить российских и зарубежных старообрядцев к переселению. Указанное обстоятельство не позволяло читателям – потенциальным переселенцам – получить адекватное представление об особенностях данного региона. Основанные зачастую на показаниях местных старожилов многие из приводимых Смирновым данных не заслуживают доверия. Так, в брошюре приводятся слова одного крестьянина из посёлка Малмыж, сообщившего священнику, что «помимо всего необходимого в хозяйстве самый бедный крестьянин среди его односельчан имеет не менее 5-6 тысяч рублей деньгами, а многие имеют по 60 и даже до 100 тысяч» [10, с. 18].

Характеризуя благосостояние местных жителей, священник повсеместно использует выражения «живут зажиточно», «живут в достатке», «в общем житьём довольны», «чудные места», «живут все прекрасно», «достаток виден во всём, но труда прилагаю мало», «здесь живётся всем хорошо», «неурожайных годов не знают» [10, с. 19, 20] и др. Удивительно, что только встреченные доверенным Совета выходцы из Полтавской губернии оказались «не особенно довольны своим житьём» да «переселенцы из хохлов, не успевшие ещё устроиться, отказываются от всякого труда, предпочитая просить милостыню» [10, с. 20].

Главное и едва ли не единственное препятствие на пути к зажиточности Смирнов разглядел в «повальном пьянстве» местного населения; те, «кто потрезвее, нередко имеет до 100 000 руб.» [10, с. 19]. Среди трудностей первых лет «домообзаводства» называется также гнус. И при этом не сказано ни слова о значительных финансовых затратах и достаточно суровом климате для выходцев из приунайских стран.

Говоря о переселенцах, Смирнов отмечает, что последние «не успели ещё нажиться, но и те, кто потрудолюбивее, в какой-нибудь год-два вполне устраивают своё хозяйство» [10, с. 19]. Однако в отчётах местных чиновников повсеместно называются совершенно иные сроки: чтобы основательно устроиться на новом месте, новосёлу требовалось посвятить не менее 5-7 лет. Следует понимать также, что исключительно трудолюбие успеха не гарантировало: нужно было затратить значительные денежные средства (намного превышавшие правительственные ссуды), иметь взрослых работников в семье (многие из заграничных переселенцев прибывали в край с малолетними детьми), удачно выбрать участок, наконец, суметь адаптироваться к местным природно-климатическим условиям.

Правительство поддерживало переселенцев т. н. «домообзаводственными» ссудами: в Приамурском крае новосёлы могли рассчитывать на денежные выплаты до 200 руб. Но важно понимать практическое значение данной суммы. Так, заведующий Буреинско-Архарским подрайоном Амурского переселенческого района В. В. Огинский стоимость среднего хозяйства местного крестьянина оценивал не ниже 730 руб. Это возведённый собственными силами из бесплатного лесного материала дом стоимостью 150 руб., 3 лошади – 300 руб., упряжь – 100 руб., плуг – 60 руб., телега – 30 руб., сани – 10 руб., корова – 70 руб., 2 бороны – 10 руб. Однако и при таком составе инвентаря новосёлы не могли вести совершенно самостоятельное хозяйство, т. к. для распашки амурской целины – залога – в плуг приходилось впрягать не менее 5 лошадей [14, л. 48-48 об.]. Таким образом, собственных средств переселенцу требовалось израсходовать не менее 500 руб. «Те же переселенцы, – отмечал чиновник, – которые не имеют своих средств, по приходе на Амур устроиться не могут, и им бы вовсе не следовало выдавать ссуды, которую они получая по частям, только проедают, и в год много через два, когда получено всё... уходят обратно» [14, л. 48 об.].

Смирнов справедливо отмечал, что сельскому хозяйству местные старожилы предпочитали работу на приисках, занятие торговлей и всевозможными промыслами: рыболовством, охотой, сплавом леса, поставкой дров для пароходов и проч. Стабильно высоким спросом в Приамурье пользовались услуги ремесленников [10, с. 18, 19, 21]. В крае действительно ощущался недостаток рабочих рук, усиливавшийся в период сельскохозяйственных работ. Оплата труда, правда, год от года снижалась по мере увеличения численности постоянного населения и конкуренции со стороны китайцев и корейцев.

Уполномоченного удивляли стабильный спрос и высокие цены на продукты сельского хозяйства, существовавшие, к примеру, на Зейских золотых приисках («овёс на месте не бывает менее 1-го рубля пуд»). Нужно понимать, однако, что прииски располагались в верховьях таёжных рек, и в летний период доступное сообщение с ними зачастую отсутствовало (продукты доставлялись вьюком). Расходы на доставку при этом оказывались весьма значительными.

Текст отчёта изобилует упоминаниями о высоких ценах на продукты земледелия и достойной оплате труда простых работников, однако в нём не содержится и намёка на

баснословную стоимость продуктов повседневного потребления. Существенным недостатком доклада является отсутствие информации о ценах на продовольственные товары и сельскохозяйственный инвентарь, что переселенцу непременно требовалось знать накануне отправления в дальний путь.

По краю уполномоченный Совета передвигался преимущественно на морском и речном транспорте. Участки, уходившие на десятки километров в тайгу, с палубы парохода не видны. Информацию о них Смирнов получал из общения с местными жителями. Основываясь на такого рода сведениях, он делал ошибочный вывод о том, что «по обе стороны Зеи расположены земли, удобные для распашки и плодородные» и что «хлеб и здесь рождается великолепно» [\[10, с. 21\]](#). Кроме того, участки предстояло расчистить от леса.

В докладе не упоминается о крайне неудовлетворительном состоянии путей сообщения. В то же время на большинстве переселенческих участков колёсные дороги попросту отсутствовали. На участках, «зачисленных» Смирновым за старообрядцами, их только предстояло проложить.

Не случайно поэтому, что прибывавшие в Приамурье старообрядцы отказывались от заселения выбранных Смирновым участков [\[15, с. 89\]](#) и были вынуждены осматривать другие районы. Так, весной 1908 г. представители румынских старообрядцев Фёдор Минаков, Фёдор Марков, Егор Кукуев, Илларион Черноморец и Лев Лотошинников «зачислили» 8 переселенческих участков для «водворения» 1 500 семей своих доверителей на реке Селемдже [\[3, с. 84-85\]](#). Летом следующего года В. Е. Мельников условно закрепил за старообрядцами вблизи строившейся тогда Амурской ж/д 16 переселенческих участков объёмом 4 660 долей. Тогда же в Приморской области в 45-ти верстах от Хабаровска «зарубежцы» оформили участки для «водворения» более 400 семей [\[3, с. 44, 88\]](#).

Очевидно, что крестьянин, не побывав на Амуре лично и руководствуясь лишь присланным из Совета отчётом Смирнова, не мог составить адекватное представление об условиях жизни в регионе, особенностях первоначального «домообзаводства» и приёмах ведения хозяйства.

Переселенцы, по мнению Смирнова, могли «несомненно обрести на Дальнем Востоке новую обетованную землю-кормилицу, которая, при её обработке, даст достойное вознаграждение трудящимся над ней и пропитает их с избытком своими неисчерпаемыми богатствами» [\[10, с. 26\]](#). Примечательно, что после возвращения в Москву отец Дмитрий искренне верил в успех предстоящей переселенческой кампании и сам всерьёз задумывался о смене прописки. Так, в письме от 27 марта 1908 г. на имя заведующего переселенческим делом в Амурской области С. П. Каффки священник интересовался о возможности получения хоторского участка или двух соседних для себя и семьи сына, чтобы «...недалече от железной дороги. Не худо бы и от реки, нельзя ли пригадать небольшое озеро с рыбой и получше лесу...» [\[16, л. 489\]](#). Как видно, параметры собственного участка Смирнова заботили значительно больше. Как и руководители Совета, весной 1908 г. отец Дмитрий пребывал в абсолютной уверенности в том, что Амур станет новой родиной для нескольких тысяч липованских семей. Столь значительное увеличение паства при недостатке служителей «старой веры» в крае обещало весьма безбедную старость.

Падение уровня благосостояния крестьянских домохозяйств подталкивало их глав к

переселению на Дальний Восток, поэтому в Совет посыпались многочисленные прошения о содействии в данном вопросе. Так, к началу августа 1908 г. с прошениями о переселении в Совет обратились 30 российских и 9 заграничных обществ старообрядцев в количестве 5 970 семей (7 обществ не указали числа переселенцев). Кроме того, от 107 приходов и частных лиц были получены запросы об условиях переселения и особенностях обустройства на Амуре [3, с. 95], на которые Справочный отдел Совета предоставил письменные разъяснения. Первая группа буковинских липован проследовала на Амур весной 1908 г.

Оценивался переселенческий проект Совета весьма неоднозначно. Оппозиционные Д. Сироткину круги критиковали его за участие в правительственной переселенческой программе. Уже на VIII-м Съезде (1907), когда первые ходоки только следовали на Дальний Восток, идею предполагавшегося массового переселения старообрядцев из-за границы многие делегаты встретили весьма настороженно. Тем не менее вопрос был оставлен открытym до возвращения ходоков.

В Нижнем Новгороде под боком у Д. Сироткина располагалась редакция журнала «Старообрядцы», сотрудники которого довольно критически отнеслись к переселенческим замыслам председателя Совета. Пожелавший остаться неизвестным автор одной из заметок с ироничным названием «“Радетели”» обвинил Сироткина в том, что последний, «уклонившись от своих прямых задач церковно-общественного характера, вздумал заняться переселением старообрядцев на Амур» [17, с. 483].

Искренность намерений богатого нижегородского купца помочь бедным заграничным единоверцам подвергалась сомнению. Человек деловой Сироткин не мог не знать о неудовлетворительной постановке переселенческого процесса и тех трудностях, которые ожидали старообрядцев на далёкой восточной окраине империи. Размышая далее о мотивах председателя Совета, корреспондент писал: «Было ли это результатом просто его [Сироткина. – МК.] любви к “шумихе”, желания выставить себя в Петербурге в качестве представителя не только церковно-общественных, но и экономических и политических интересов старообрядчества, или результатом заискивания, желания попасть в тон правительственной политики по решению земельного вопроса, точно не известно» [17, с. 484].

Автор, обеспокоенный неудовлетворительной организацией переселенческого дела, указывал на высокие цены в Приамурье, незавидное состояние и даже полное отсутствие путей сообщения, доступных рынков сбыта продуктов сельского хозяйства, школ и церквей, медицинской помощи, огромные расстояния и проч. «Естественно поэтому, – резюмировал он, – что большую часть переселенцев ждут там [в Приамурье. – МК.] сплошные разочарования, и они бегут оттуда обратно оборванные, больные, в скотных вагонах, побираясь Христовым именем, так как успевают “прохарчить” свои скучные пожитки, ещё не устроившись, а на родину возвращаются на “пустое место”. И не хорошая жизнь, которая, может быть, и возможна при иных условиях и разумной постановке переселенческого дела, ждёт там переселенцев, а отчаяние, неприязнь со стороны “старообрядцев”, голодание, цинга, тиф и невероятная смертность, особенно среди детей, одичание и, может быть, медленная, но верная смерть» [17, с. 488-489].

Дальнейшее развитие событий показало, что критика в адрес руководителей Совета не была лишена оснований. Так, согласно официальной статистике, в 1911 г. Амурскую область покинули 633 румынских старообрядца-переселенца, что составило 28,8% всех «обратников» за указанный год [18, с. 21]. Среди основных причин обратного движения

чиновники называли отсутствие материальных средств у новосёлов и климатические особенности региона, значительно отличавшиеся от таковых в местах выхода переселенцев.

Ещё на стадии подготовки переселенческих мероприятий раздавались голоса против поспешных и непродуманных шагов в решении этого важного вопроса. Руководителей Совета, в первую очередь Д. Сироткина, обвиняли в излишнем рвении в столь ответственном деле. Настороженно к идеи переселения зарубежных старообрядцев относились многие члены московского Братства Святого Креста, интеллигенты-начётчики и представители образованного духовенства. Однако «всероссийских радетелей» мало заботило мнение общественности, они нередко ставили старообрядческие Съезды перед фактом принятого решения. Встречались, однако, и те, кто находил деятельность Совета нерешительной. Редактор «Старообрядцев» Т. С. Бирюков, например, отмечал, что проблема переселения малоземельных старообрядцев на восток империи «давно уже висит в воздухе», однако «пока не видно стремления "радетелей" подвинуть этот вопрос вперёд» [\[19, с. 242\]](#). Также его возмутило то обстоятельство, что на очередном Съезде не получил развития вопрос об открытии в местах «водворения» складов земледельческих орудий.

Особенно жаркая дискуссия о переселении разгорелась между участниками IX-го Всероссийского съезда (1908) [\[3, с. 18-24\]](#). Во время обсуждения доклада о переселении, в основу которого был положен отчёт Смирнова, высказывались самые противоположные суждения. В дебатах участвовали как сторонники, так и противники данного начинания. Н. А. Бугров, например, обратился к Совету с призывом быть более осмотрительным, прежде чем переселять значительное число староверов в Приамурье. Священник Авив Бородин заявил, что «слишком красиво рисуется жизнь в Сибири, которая далеко не такова... вопрос о переселении слишком вопрос серьёзный и требует особого внимания». Он резонно удивлялся тому, что «я здесь слышал о переселении только благоприятные сведения, а о неприятных ни слова». Аналогичное мнение разделял Т. Бирюков, заявивший, что «в Сибири не так-то хорошо, как изложено в докладе Совета... доклад составлен односторонне». Отстаивая позицию Совета, М. Бриллиантов – сторонник Д. Сироткина – утверждал, что «мы в Сибири не были, а поэтому не знаем, хорошо ли на Амуре или дурно». Окончательное решение вопроса о переселении он предлагал предоставить самим ходокам и их доверителям после осмотра и «зачисления» земель на Дальнем Востоке. (Австрийские ходоки, как было сказано выше, осмотр участков не завершили.) В целом поддерживая посреднические устремления Совета, священник Алексей Калягин тем не менее выступал против того, чтобы «Совет Съезда служил приманкой в этом ответственном деле», предостерегая от агитации к переселению среди старообрядцев. Несмотря на столь неоднозначное отношение к вопросу, делегаты посредством тайного голосования (на чём настоял председатель Д. Сироткин) утвердили доклад и одобрили деятельность Совета по содействию переселению малоземельных крестьян-старообрядцев в Приамурье, поручив ему продолжить данное начинание. От голосования воздержался лишь священник Авив Бородин. Подобный результат, без сомнения, следует рассматривать как личную победу Д. Сироткина, на предстоящий год получившего одобрение своей деятельности.

Подобные столкновения мнений происходили и впоследствии. Так, на XI-м Съезде (1910) И. К. Перетрухин, В. Г. Усов и священник Авив Бородин были возмущены тем, что Совет расходовал немалые средства на переселение в ущерб развитию народного просвещения.

Помимо «непосредственной и нравственной помощи переселенцам в виде приискания новых мест для поселенья», Совет заботился о предоставлении льгот для «зарубежцев». Как известно, для желавших стать российскими подданными иностранцев предусматривался пятилетний срок предварительного проживания в пределах империи. Благодаря прошению Совета вступление липован в русское подданство допускалось вскоре после их прибытия на переселенческие участки. Предусмотренное законом принесение верноподданнической присяги в губернском правлении или полицейском управлении создавало неудобства по причине отдалённости этих учреждений от мест «водворения» липован, поэтому им разрешалось исполнять данную процедуру на участке в присутствии командированного для этого чиновника [\[15, с. 95\]](#).

Через Совет Съездов австрийские и румынские липоване могли обратиться в Переселенческое управление. Например, 23 февраля 1909 г. старообрядцы слободы Соколинцы (Буковина) направили ходатайство о беспошлинном провозе через российскую границу имущества и сельскохозяйственного инвентаря «в потребном для нас количестве», а также икон, семян и проч. Просители ходатайствовали также о выдаче 10 % бесплатных билетов для бедных семей, вдов и сирот [\[16, л. 351-351 об.\]](#). 1 мая 1909 г. аналогичное прошение было подано жителями буковинских слобод Белая Криница и Климоуцы [\[20, л. 130-130 об.\]](#).

23 марта 1909 г. императорский посланник в Бухаресте М. Н. Гирс сообщал, что российские таможенные власти, препятствуя беспошлинному ввозу румынскими старообрядцами сельскохозяйственных орудий, заставляют переселенцев вовсе откладывать свой отъезд. Говоря о малой обеспеченности переселенцев и трудностях с приобретением инвентаря в Приамурье, дипломат полагал желательным разрешить беспрепятственный провоз имущества, в противном случае выселение могло приостановиться на значительный срок [\[21, л. 31; 22, л. 156\]](#).

Благодаря работе Совета в течение 1909 г. список льгот для переселенцев из числа зарубежных старообрядцев был расширен. Весной министр финансов одобрил идею о том, что каждая семья без уплаты пошлины могла провезти через российскую границу сельскохозяйственный инвентарь стоимость до 1 350 руб.; для бессемейных переселенцев его стоимость не могла превышать 750 руб. [\[15, с. 96\]](#). Однако имелись определённые трудности. На пропускном пункте требовалось предъявить заверенное российским консулом удостоверение личности. По причине малочисленности сотрудников российского внешнеполитического ведомства в придунайских странах, переселенцы испытывали известные трудности. Кроме того, процедура была сопряжена с наличием предварительного разрешения о принятии в российское подданство. Многие не имели возможности предоставить названные документы, поэтому дальнейший путь не допускался.

Летом того же года последовало очередное распоряжение министра финансов о беспошлинном пропуске через российскую границу провозимого румынскими и австрийскими переселенцами имущества. Отныне правило это распространялось не только на земледельческие орудия, но также касалось рыболовных снастей и лодок, холодного и огнестрельного оружия, за исключением автоматических пистолетов и револьверов усовершенствованных систем [\[15, с. 97\]](#). При этом взрослому переселенцу допускалось иметь не более одного ружья и револьвера. По прибытии от местных властей требовалось получить разрешение на право хранения оружия.

Для ознакомления зарубежных старообрядцев с порядком переселения и оказания им

помощи в составлении прошений о принятии в русское подданство Совет в мае 1908 г. направил в Румынию и Турцию своего уполномоченного И. Г. Водягина. Весной следующего года с аналогичной миссией доверенный Совета В. Е. Мельников побывал в Австрии. Кроме того, по поручению Совета в 1908, 1909, 1910 и 1913 гг. он посетил липован-новосёлов в Амурской области. С целью осмотра земель для переселения зарубежных старообрядцев в 1910 г. В. Мельников обследовал также Семипалатинскую и Семиреченскую области, а в 1913 г. – Урэнхайский край. В Приамурье непосредственные обязанности уполномоченного заключались во взаимодействии с представителями местной администрации по вопросам обустройства переселенцев, организации среди новосёлов потребительских обществ и кредитных товариществ, устройства школ, строительства церквей и регистрации религиозных общин [\[15, с. 83\]](#). Стоит отметить, что большая часть задач так и не была решена.

В. Мельников подготовил доклад о поездке на Дальний Восток в 1908 г. Уполномоченному Совета удалось осветить переселенческий процесс и первоначальное «домообзаводство» новосёлов на Амуре. Яркие зарисовки не просто расширяют наши представления о жизни зарубежных переселенцев в новом регионе, но также знакомят читателя с природно-климатическими особенностями края. В условиях ограниченности источников, касающихся обустройства старообрядцев в первые годы «водворения», сообщаемая информация имеет особое значение для исследователя, однако требует критического анализа. Небезынтересны предложения автора по усовершенствованию переселенческой практики.

Важна роль Совета в качестве структуры, информировавшей потенциальных переселенцев. На страницах журнала «Церковь» размещались сведения о правилах переселения, требованиях к выходцам из-за границы. Совет Всероссийских съездов поддерживал связь с заграничными центрами старообрядчества. В одном из сообщений особо подчёркивалось, что «ехать на Дальний Восток следует людям бодрым духом, здоровым телом, твёрдым волей, с верою на помощь Божию и надеждою на свои силы. В особенности не следует в дороге пить вина и водки, что дурно влияет на человека и губит самое добroе дело. Переселенцы, пропивающие в пути свои достатки, не могут, конечно, устроиться на участках» [\[23, с. 1406\]](#).

Сочувствуя делу переселения, некоторые видные деятели старообрядчества, в частности члены Совета, жертвовали средства на его осуществление. Так, с 1-го июля 1907 г. по 1-е августа 1908 г. для удовлетворения нужд переселенцев в кассу Совета от П. Рябушинского поступило 1 300 руб., Н. Бугрова – 1 000 руб., М. Ф. Морозовой – 500 руб. Всего – 2 800 руб. [\[3, с. 64\]](#).

С 1-го августа 1908 г. по 1-е августа 1909 г. П. Рябушинский внёс на переселенческие задачи 2 630 руб. 70 коп. и ещё 500 руб. – на церковное строительство в Приамурье. Кроме того, Банкирский дом братьев Рябушинских ассигновал 500 руб. для открытия старообрядческих школ на Амуре. 200 руб. пожертвовал И. А. Пуговкин на командировку В. Мельникова к австрийским новосёлам. Д. Сироткин внёс 50 руб. для оплаты поездки следовавшему на Дальний Восток старообрядческому священнику [\[15, с. 38\]](#). В то же время за отчётный период на земельно-переселенческие надобности Советом было израсходовано 3 310 руб. 60 коп. [\[15, с. 39\]](#).

В 1909-1910 гг. Н. Бугров пожертвовал для реализации переселенческого проекта 1 000 руб., председатель Совета Д. Сироткин на аналогичные цели выделил 510 руб. 79 коп., его заместитель П. Рябушинский – 260 руб. 79 коп., Банкирский дом братьев

Рябушинских – 500 руб. Переселенческое управление ассигновало 140 руб. на оплату дороги семье старообрядческого священника Артемия Соловьёва и 132 руб. 87 коп. – для провоза церковной утвари [24, с. 28, 30]. Израсходовано при этом на земельно-переселенческие цели за указанное время было 2 160 руб. 85 коп. [24, с. 29].

Следует понимать, что средств, находившихся на балансе Совета, не хватало на непосредственную помощь переселенцам. Большая часть денег расходовалась на оплату командировок уполномоченных Совета.

Взаимодействие Совета с властными структурами отлично иллюстрирует следующий пример. Осенью 1908 г. на приграничную ст. Рени в Бессарабской губернии прибыли 17 семей румынских старообрядцев без предварительного прошения о принятии в российское подданство. Просьба Совета о пропуске горе-переселенцев на Амур не была поддержана Переселенческим управлением: на осенних реках завершилась навигация. Кроме того, в Сретенске не оказалось свободных переселенческих бараков. Зиму «румынцы» были вынуждены провести в Рени. Весной 1909 г. также без соблюдения установленных законом формальностей на станцию прибыла более многочисленная группа переселенцев из 460 семей. Организованную Советом депутацию переселенцев во главе с М. Бриллиантовым и В. Мельниковым в Санкт-Петербурге приняли премьер-министр П. А. Столыпин, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, начальник Переселенческого управления Г. В. Глинка, директор Департамента общих дел МВД А. Д. Арбузов, председатель старообрядческой комиссии в Государственной думе В. А. Карапулов и другие высокопоставленные лица. Благодаря действиям членов Совета переселенцы получили разрешение проследовать на Амур вне очереди, до урегулирования вопроса о подданстве. Спустя некоторое время на Дальний Восток отправились 470 семей румынских старообрядцев (2 280 человек) [15, с. 85, 98].

Итак, в 1908-1914 гг. в Приамурье переселяются зарубежные старообрядцы-липоване. Их движение влилось в общий поток столяпинского переселенческого проекта. Однако первоначально идею организованного переселения старообрядцев на Дальний Восток на линию строившейся тогда Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) предложил министр финансов С. Ю. Витте. В 1900 г. сановник сообщил об этом прибывшей в Ялту делегации I-го старообрядческого Съезда. Спустя некоторое время о ялтинском предложении стало известно буковинским липованам. Испытывавшие малоземелье и прочие трудности местные старообрядцы связывали с проектом российского министра большие надежды и изъявили желание отправиться в Северный Китай в качестве колонистов. Непременным условием переселения они называли свободу вероисповедания в местах поселения. Однако начало русско-японской войны 1904-1905 гг. помешало осуществлению данного замысла.

Реализация очередного переселенческого проекта (на этот раз – в российское Приамурье) стала возможной после революционных потрясений 1905-1907 гг., когда старообрядцы и сектанты получили известные гражданские права. Либерализация вероисповедной политики в Российской империи на фоне ухудшения социально-экономического положения в странах проживания способствовала возвращению зарубежных старообрядцев на историческую родину. Липоване и некрасовцы, проживавшие в Австрии, Болгарии, Румынии и Турции, стали подавать прошения о принятии в российское подданство, ходатайствуя о переселении в Приамурский край. Из официальных отчётов местной администрации следует, что в 1908-1914 гг. в Амурскую область переселились 2 679 зарубежных старообрядцев, из которых 2 147 являлись подданными Румынии, 506 – Австрии, 26 – Болгарии. В это же время в соседней

Приморской области обосновались 986 их одноверцев.

После неуспешного завершения войны с Японией царское правительство, заинтересованное в хозяйственном освоении своей дальневосточной окраины, рассчитывало заселить край «крепким элементом». Узнав о стремлении зарубежных старообрядцев возвратиться на родину предков, Главное управление землеустройства и земледелия обратилось в Совет с предложением своего содействия в данном вопросе. С этого времени Совет стал выполнять роль связующего звена между липованскими общинами и российскими властями. В Австро-Венгрию и Румынию Советом направлялись уполномоченные, разъяснявшие местным старообрядцам условия переселения и составлявшие списки потенциальных переселенцев. В 1907 г. доверенный Совета Д. М. Смирнов возглавил группу старообрядцев-ходоков, в которую вошли представители австрийских липован, "зачислившую" участки на Амуре. Впоследствии уполномоченный В. Е. Мельников неоднократно посещал новосёлов-липован на Дальнем Востоке. Его непосредственные обязанности заключались во взаимодействии с представителями местной администрации по вопросам обустройства переселенцев, организации среди новосёлов потребительских обществ и кредитных товариществ, устройства школ, строительства церквей и регистрации религиозных общин.

С уверенностью можно сказать, что переселение зарубежных старообрядцев в Приамурский край стало возможным именно благодаря содействию со стороны Совета Съездов. Велика роль в данном начинании его руководителей – Д. В. Сироткина и П. П. Рябушинского. Члены Совета заботились об удовлетворении не только духовных, но и материальных нужд своих единоверцев. Благодаря его многочисленным ходатайствам липоване получили некоторые льготы (ускоренная процедура принятия российского подданства, беспошлинный провоз имущества через границу). Тем не менее назвать подобные привилегии существенными невозможно. По большому счёту, на зарубежных старообрядцев распространялись правила, установленные для «сельских обывателей» Европейской России, переселявшихся на казённые земли Сибири и Дальнего Востока.

В отличие от руководителей Совета, участники ежегодных Съездов не были едины в оценке переселенческой «затеи». Ещё на стадии подготовки переселенческих мероприятий раздавались голоса противников поспешных и непродуманных шагов в решении этого важного вопроса. Руководителей Совета, в первую очередь Д. Сироткина, обвиняли в излишнем рвении в столь ответственном деле. Настороженно к идее переселения зарубежных старообрядцев относились многие члены московского Братства Святого Креста, интеллигенты-начётчики и представители образованного духовенства.

Последующее развитие событий показало, что критика в адрес Совета отнюдь не была лишена оснований. Проекты Совета, связанные с обустройством переселенцев, организацией среди новосёлов потребительских обществ и кредитных товариществ, устройством школ, строительством церквей так и не были реализованы на практике. Незначительные суммы, находившиеся на балансе Совета, не были предусмотрены для оказания непосредственной помощи переселенцам. Сами же липоване в подавляющем большинстве являлись людьми бедными.

Прибывавшие в Приамурье переселенцы сталкивались с массой трудностей. Отсутствие материальных средств у большей части липован, а также климатические особенности региона, значительно отличавшиеся от таковых в местах выхода переселенцев, заставляли многих «зарубежцев» возвращаться в покинутые страны. Согласно официальной статистике, только в 1911 г. Амурсскую область покинули 633 румынских старообрядца-переселенца – почти третья всех «обратников» за отчётный год.

Библиография

1. Кульдо М. Е. С Дуная на Амур: переселение заграничных старообрядцев на российский Дальний Восток в начале XX-го столетия // Культура русских-липован в национальном и международном контексте: сборник докладов и сообщений Международного научного симпозиума. Выпуск 7. Бухарест, 2019. С. 183-196.
2. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII - начале XX вв. (1640-1917): Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 260 с.
3. Труды IX Всероссийского съезда старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, в Нижнем Новгороде 2-4 августа 1908 года. М.: Товарищество Типо-Литографии И. М. Машистова, 1909.
4. Селезнев Ф. А. Д. В. Сироткин и Всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 78-90.
5. Труды VII Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2-5 августа 1906 г. и 2-го Чрезвычайного съезда старообрядцев в Москве 2-3 января 1906 г. Н. Новгород: Типо-Литография Т-ва И. М. Машистова, 1906.
6. Материалы по вопросам земельному и крестьянскому. Всероссийский съезд крестьян-старообрядцев в Москве, 22-25 февраля 1906 года. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1906.
7. Съезд крестьян-старообрядцев // Старообрядец. 1906. № 3. С. 360.
8. Мельгунов С. П. Аграрный вопрос на старообрядческом съезде // Старообрядчество и освободительное движение. М.: Типография Вильде, 1906. С. 26-32.
9. Селезнев Ф. А. Д. В. Сироткин и старообрядческая колонизация Дальнего Востока в начале XX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. Выпуск 13. М., 2009. С. 90-92.
10. К вопросу о переселении на Дальний Восток старообрядцев // [Смирнов Д. М.] / Издание Совета Всероссийского съезда старообрядцев. М.: Т-во Типо-Литографии И. М. Машистова, 1908. 27 с.
11. Труды VIII Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2-4 августа 1907 года. - М.: Товарищество Типо-Литографии И. М. Машистова, 1908.
12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 91.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 65, 1908 г. Д. 14 ч. 14.
14. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 810. Оп. 1. Д. 118.
15. Труды X Всероссийского съезда старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, в Нижнем Новгороде 18-19 августа 1909 года. М.: Типография П. П. Рябушинского, 1910.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 1140.
17. Поселенец. "Радетели" // Старообрядцы. 1908. № 4-6. С. 483-489.
18. Обзор Амурской области за 1911 год. Благовещенск, 1912.
19. Бирюков Т. О переселении // Старообрядцы. 1909. № 3-4. С. 242-243.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 1141.
21. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 145. Оп. 498. Д. 1009.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 106 - 1908 г. Д. 215.
23. Официальный отдел // Церковь. 1909. № 50.
24. Труды XI Всероссийского съезда старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, в Москве. 19-20 августа 1910 года. М.: Типография П. П. Рябушинского, 1911.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Всероссийские съезды старообрядцев Белокриницкой иерархии и переселение липован на российский Дальний Восток в начале XX века» посвящен специальному аспекту социально-религиозной истории Российской империи, а именно процессу депатриации старообрядческих общин в начале XX века и заселению ими Приамурья. Автор рассматривает два взаимосвязанных сюжета – деятельность съездов старообрядцев Белокриницкой иерархии и непосредственно переселение старообрядцев в период Столыпинской аграрной реформы. Источниковой базой работы являются архивные материалы, периодические издания начала XX в., документы съездов и т.д. Упомянутые события рассматриваются в общем контексте важнейших событий Российской империи указанного периода – русско-японская война, религиозная либерализация, Столыпинские реформы, развитие общественного движения и т.д. При довольно обширном объеме текста в нем отсутствует деление на разделы, что существенно затрудняет восприятие работы и ориентацию в материале. Научно-методическая часть в тексте отсутствует, степень изученности темы не указана, автор сразу приступает к рассмотрению темы. В условной первой части исследования автор рассматривает работу старообрядческих съездов, достигающую организационного пика в созыве Всероссийского съезда крестьян-старообрядцев в 1906 г. Во второй части речь идет о непосредственно организации переселения на Дальний Восток, особое место удалено неоднозначной роли священника Дмитрия Смирнова, выявлены правительственные меры поддержки переселенцев, характерные трудности и результаты. Затем автор вновь обращается к работе съездов (IX-XI) в 1908-1911 гг. и уполномоченного постоянного Совета Съездов, на которых рассматривался полученный опыт переселенцев, обсуждались возникшие проблемы, предлагались возможные решения проблем. Рассматривается взаимодействие Совета Съездов с правительственными органами, использование печатных средств массовой информации. Большое внимание удалено роли российской буржуазии, в частности, Рябушинского, Сироткина и др. в финансировании и организации как самих съездов, так и старообрядческого переселения. Довольно небольшие относительно объема исследования выводы в основном касаются работы съездов, переселение липован в Приамурье суммировано буквально одним предложением. Представляется необходимым существенно расширить заключительную часть, тем более что материал исследования дает к этому все основания. В целом работа выполнена на должном научно-методическом уровне, выводы исследования касаются малоизученных аспектов таких значимых тем как история старообрядческого движения, столовинская аграрная реформа, депатриация, освоение Дальнего востока, общественно-политическая деятельность крупной буржуазии и т.д., причем в основном эти вопросы сохранили свою актуальность и до сегодняшнего дня, что придает данному исследованию дополнительное измерение. По исправлению указанных (преимущественно технических) замечаний работа рекомендуется к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Реценziруемая статья посвящена исследованию процесса переселения зарубежного старообрядческого населения — липован и некрасовцев — на российский Дальний Восток в начале XX века. Основное внимание уделяется влиянию Всероссийской белокриницкой иерархии старообрядцев, активно участвующей в процессах переселения и адаптационного периода вновь прибывших старообрядцев. Работа рассматривает организационную структуру старообрядческих сообществ, методы взаимодействия старообрядцев с правительством Российской империи, специфику социального и экономического освоения территории новым населением и возникшие сложности в процессе адаптации переселенцев. Автор акцентирует внимание на действиях Совета Съездов, руководящего органа старообрядцев, в формировании миграционной политики и активизации экономической интеграции мигрантов.

Методологическая основа исследования — комплексный исторический подход, включающий обращение к широкому спектру исторических источников, включая архивные документы, официальную документацию, протоколы заседаний Советов старообрядцев, делопроизводство, периодическую печать. Методологически обоснованным представляется применение принципов историзма, систематичности и объективности.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, исследование способствует углубленному пониманию особенностей внутренней и внешней политики Российской империи начала XX века. Во-вторых, статья раскрывает процессы социальной и национальной идентичности старообрядцев, находящихся в условиях изменения политического режима и экономического кризиса. В-третьих, изучение процессов переселения помогает выявить общие закономерности миграции, характерные для различных регионов мира и эпох. Кроме того, материал актуален в контексте дискуссий о современных межкультурных взаимодействиях и миграционных процессах.

Научная новизна заключается в детальной реконструкции процесса переселения зарубежных старообрядцев на территорию российского Дальнего Востока. Автор вводит в научный оборот новые архивные данные, подтверждающие значимость деятельности Совета Съездов в осуществлении переселенческой программы. Впервые исследуются причины массовых движений старообрядцев и последствия этих перемещений как для самих переселенцев, так и для принимающего региона.

Исследование обогащает историографию изучения взаимоотношений церкви и государства в имперский период, а также дополняет знания о формах участия общественных организаций в проведении государственных реформ.

Структура статьи соответствует академическим требованиям, материал представлен последовательно и логично. Список литературы отличается разнообразием используемых исторических источников, также использованы актуальные монографические исследования и статьи ведущих специалистов по данной тематике, что свидетельствует о высокой степени осведомленности автора. Автор демонстрирует способность конструктивно реагировать на критику коллег-историков. Анализируя различные подходы к интерпретации фактов, автор показывает знание существующих точек зрения и обоснованно отстаивает собственную позицию.

Работа базируется на большом объеме ранее неизученных архивных материалов, что придает ей дополнительную ценность и обеспечивает достоверность выводов. Исследование охватывает широкий спектр аспектов проблемы, начиная от социальных условий жизни старообрядцев и заканчивая политической историей Российской империи. Автор детально описывает события, относящиеся к различным этапам переселения, показывая динамику изменений в политике государства и настроениях

общества. Изредка автор концентрируется на описании конкретных случаев и событий, упуская возможность сделать общие выводы относительно механизмов миграции и интеграционных процессов. Хотя автор ссылается на существующие дискуссии вокруг вопросов переселения, полноценная оценка альтернативных концепций представлена лишь фрагментарно.

Главный вывод статьи состоит в том, что успешность переселения старообрядцев зависела не только от личных инициатив лидеров Совета Съездов, но и от действий центрального правительства, которое стимулировало миграцию путём предоставления льгот и поддержки переселенцев. Этот вывод обоснован и подтверждён фактами, однако возникает ощущение некоторой предвзятости в отношении успехов переселения, поскольку негативные последствия миграция освещается гораздо меньше позитивных эффектов.

Статья представляет интерес для широкого круга читателей, занимающихся вопросами миграции, демографической политики и истории русского старообрядчества. Она будет полезна специалистам в области этнологии, политологии, культурологии и истории экономики, а также студентам соответствующих направлений подготовки.

Учитывая высокую степень оригинальности исследования, использование обширной источниковой базы и важность выбранной темы, рекомендую публикацию статьи «Всероссийские съезды старообрядцев Белокриницкой иерархии и переселение липован на российский Дальний Восток в начале XX века» в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чудинов А.А. Производительность труда и материальное стимулирование в советской металлургической

промышленности в годы нэпа (на материалах завода «Серп и Молот» и московского Машинотреста) //

Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74375 EDN: JRZLHI

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74375

Производительность труда и материальное стимулирование в советской металлургической промышленности в годы нэпа (на материалах завода «Серп и Молот» и московского Машинотреста)

Чудинов Александр Александрович

аспирант; кафедра социальной и экономической истории России; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

119571, Россия, г. Москва, ул. Декабристов, 2

✉ achudinov2023@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74375

EDN:

JRZLHI

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2025

Дата публикации:

12-05-2025

Аннотация: Раскрытие человеческого потенциала советского рабочего представляло собой одну из наиболее важных задач советского правительства в 1920-х годах. Решение этой задачи заключалось в повышении производительности труда. Основной целью нашего исследования является анализ взаимосвязи динамики производительности труда и заработной платы в период новой экономической политики, рассмотренный на примере завода «Серп и Молот» и других промышленных предприятий, входивших в структуру Машинотреста. В ходе работы были систематизированы помесячные данные указанных показателей за 1924–1926 гг., что позволило тщательно проанализировать различия в темпах их роста и выделить

факторы, оказавшие существенное влияние на эти различия. Данный период был выбран, поскольку позволяет характеризовать тенденции, существовавшие в период расцвета новой экономической политики. В рамках данной работы был использован метод микроанализа, который позволил рассмотреть взаимодействие производительности труда и заработной платы на материалах конкретных предприятий. Дополнительно в статье был использован метод системного анализа, а также проблемно-хронологический и диалектический методы. Проведенное исследование продемонстрировало, что руководству завода «Серп и Молот» не удалось в указанный исторический период привести рост номинальной оплаты труда в полное соответствие с показателями производительности труда промышленных работников. При этом следует особо подчеркнуть, что темпы роста реальной оплаты труда и производительности труда имели лишь незначительные расхождения. Значимым результатом данного исследования стало не только представление новых статистических данных, но и систематизация факторов, оказывавших влияние на динамику производительности труда и заработной платы в контексте новой экономической политики. В качестве факторов, влияющих на производительность труда на конкретном предприятии, были выделены следующие: размер промышленного предприятия, номенклатура и ассортимент производимых товаров, стратегическое место предприятия в производственной цепочке, потери рабочего времени и причины, определяющие эти потери. Параллельно с этим, целый ряд других факторов затруднял решение важнейшей задачи по приостановке темпов роста заработной платы. Руководству предприятия приходилось принимать управленические решения в крайне сложных условиях острого дефицита квалифицированных рабочих кадров, наличия влиятельных профсоюзных организаций и необходимости выполнения производственных показателей.

Ключевые слова:

новая экономическая политика, производительность труда, заработка плата, металлургическая промышленность, трудовые отношения, Серп и Молот, реальная заработка плата, микроанализ, Машинотрест, мотивация труда

Одним из важнейших вызовов, стоявших перед Советской Россией в 1920-х годах, было восстановление производства и создание современной промышленности, необходимость догнать передовые индустриальные страны. В этих условиях раскрытие человеческого потенциала советского рабочего, в том числе и при помощи материальных стимулов, являлось одной из главных задач правительства. Большое внимание уделялось выработке мер, призванных согласовать показатели производительности и размеры оплаты труда.

Целью данного исследования является анализ взаимосвязи между производительностью труда и заработной платой на металлургическом заводе «Серп и Молот» и в московском Машинотресте в 1920-х годах, и выявление факторов, повлиявших на данную взаимосвязь. Основные задачи работы: 1) проанализировать показатели, применяемые в советской промышленности для характеристики производительности труда; 2) проанализировать стоимостные показатели производительности труда в цехах завода и влияние на них механизма формирования цен; 3) сравнить темпы роста реальной заработной платы и производительности труда; 4) выявить факторы, оказавшие влияние на производительность труда и заработную плату предприятий металлической отрасли в период нэпа.

В историографии отсутствует единое представление о взаимодействии заработной платы и производительности труда работников, занятых в металлообрабатывающей отрасли периода нэпа, что придает актуальность данной статье. Об остроте вопроса увязки заработной платы и производительности труда на заводе «Серп и Молот» свидетельствует тот факт, что в период нэпа данная задача была поставлена советским правительством. Ее реализации на уровне предприятия посвящена многочисленная заводская документация, проверки комиссии Рабкрина и огромный объем собранных статистических данных.

Для достижения цели исследования были выбраны материалы завода «Серп и Молот». Это предприятие в рассматриваемый период являлось экспериментальным, находясь на особом правительственный контроле, и должно было демонстрировать успехи советской системы управления народным хозяйством. Источниковой базой исследования стали материалы ЦГА Москвы (Ф. Р-176), на основе которых были построены динамические ряды помесячных показателей производительности труда (в денежных и натуральных величинах) и реальной заработной платы рабочих в 1924–1926 гг. Дополнительно были привлечены материалы ЦГАМО фонда 2631, содержащие данные Машинотреста.

Первую категорию публикаций составляют работы, фокусирующиеся на государственной политике оплаты труда работников и экономических аспектах развития Советской России во времена новой экономической политики. Особенно значимым трудом в этой области является фундаментальное исследование А.А. Ильюхова [11], где детально рассмотрены меры, предпринимаемые советским руководством в сфере оплаты труда, и представлен обширный массив количественных данных. Исключительно ценным источником для данного исследования также выступает научная работа Л.Н. Суворовой [12], в которой глубоко анализируются конфликтные взаимоотношения между государственным регулированием и рыночными механизмами в условиях нэпа.

Вторая группа публикаций посвящена мотивации труда и трудовым конфликтам в период нэпа [3]. Вопросы мотивации труда на советских заводах рассматривает А.К. Соколов [4], статья которого посвящена периоду 1917–1931 гг. Особую ценность для исследования представляет работа С.Б. Ульяновой [5], посвященная методу развертывания политических кампаний для стимулирования труда, поскольку правительенная повестка о необходимости увязки заработной платы и производительности труда реализовывалась именно в форме политической кампании. Актуальными для исследования являются работы, посвященные организации труда рабочих на советских заводах периода нэпа. Кандидатская работа А.К. Чистяковой рассматривает научную школу организации труда, применение идей которой непосредственно влияло на производительность. [6] Работа С.П. Постникова и М.А. Фельдмана [7] анализирует настроения рабочих, основываясь на материалах промышленных предприятий Урала. Требование правительства об увязке заработной платы и производительности труда связано с трудовыми конфликтами, поскольку они приводили к снижению темпов роста заработной платы. В связи с этим нам интересна работа И.В. Шильниковой [8], посвященная причинам рабочих конфликтов, и общие обзорные работы, посвященные рабочим протестам в России [9, 10].

Третью группу научных работ составляют исследования, посвященные вопросам оплаты и стимулирования труда на конкретных промышленных предприятиях. Ценность подобных публикаций заключается не только в представленных выводах, но и в демонстрации продуктивности микроисторического подхода к изучению производственных процессов. В

качестве примеров можно привести работы Л.И. Бородкина и Е.И. Сафоновой [11], которые анализировали материалы текстильной промышленности, в особенности Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Для проводимого исследования неоценимую роль играют научные издания, посвященные истории завода «Серп и молот» [12, 13]. Однако анализ динамики производительности и заработной платы сотрудников завода в двадцатые годы прошлого века не получил достаточного аналитического рассмотрения в упомянутых публикациях, что подтверждает актуальность данного исследования.

Металлургический комбинат «Серп и молот», основанный в 1883 году, постепенно эволюционировал в ключевого представителя металлургического сектора, чье влияние распространялось не только в Москве, но и в масштабах всей Российской империи. Производственный ассортимент предприятия включал широкий диапазон металлических изделий – от элементарных метизов вроде гвоздей и цепных соединений до технически сложных компонентов: соединительных элементов, стальных канатов и конструкционных изделий из металла. Революционные события 1917 года привели к обобществлению завода, который впоследствии, в 1922 году, был интегрирован в промышленный конгломерат Машинотрест.

Анализ показателей производительности труда.

Для анализа производительности труда на заводе «Серп и Молот» использовались два основных типа показателей. Это производительность труда одного работника в условных пудах и аналогичный показатель в довоенных рублях. Далее более подробно проанализируем данные показатели, чтобы продемонстрировать их особенности и динамику. Для этого обратимся к Рис. 1, на котором представлены изменения данных показателей относительно среднего значения за 1913/1914 хозяйственный год. Данные приводятся в сравнении с 1913/1914 хозяйственным годом, поскольку это был последний мирный год до Первой мировой войны и революции. На Рис. 1 отсутствуют материалы за июль 1925 года, поскольку большинство рабочих в этот месяц отправлялись в деревню для участия в сельскохозяйственных работах; поэтому соответствующие данные не приводятся в источнике, как непоказательные.

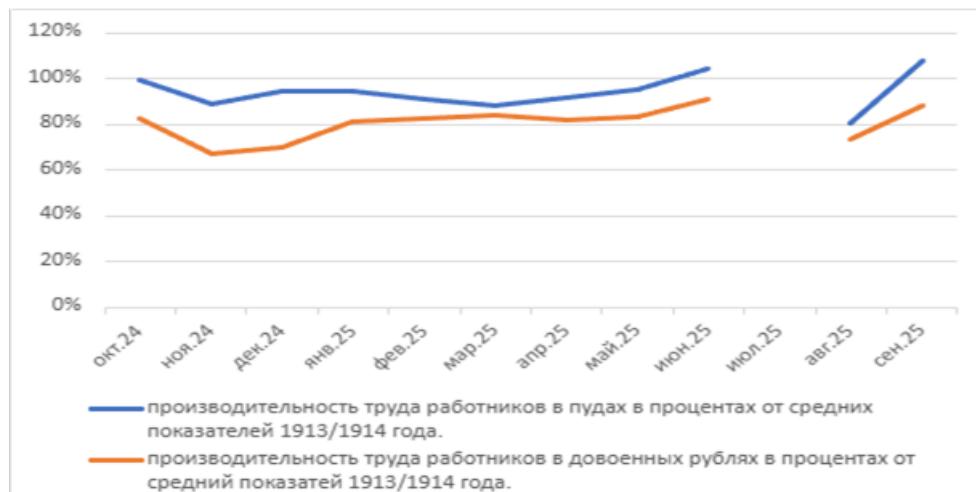

Рис. 1. Динамика производительности труда на заводе «Серп и Молот» 1924–1925 гг. в процентах от среднемесячного значения производительности труда 1913/1914 операционного года (принят за 100%).

Источник: ЦГА Москвы. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 214. Л. 51,72.

Первый показатель — это производительность труда одного работника в условных пудах.

Он достаточно активно фигурирует в исследуемых архивных документах, посвященных производительности труда. Это связано с тем, что этот показатель очень легко нарастить, и, как следствие, его можно было использовать для демонстрации достижений предприятия. Если посмотреть на Рис. 1, то к концу 1924/1925 операционного года показатели достигли среднего значения за 1913/1914 хозяйственный год. Однако данный показатель не учитывал изменения в номенклатуре товаров и в качестве продукции завода, что делает его использование при анализе производительности труда недостаточным.

Другим показателем производительности труда является стоимость товара, произведенного одним работником в довоенных рублях. Этот показатель связывает производительность с ценой на произведенные товары. Это решает проблемы предыдущего показателя, поскольку номенклатура производимых товаров и их качество непосредственно влияют на цену произведенной продукции. Все расчеты производились в довоенных рублях — стабильной неизменяемой величине, благодаря чему на показатель производительности труда не влияла инфляция. При использовании данного показателя стоит учитывать, что рост стоимостной производительности труда на заводе может быть достигнут не только благодаря рационализации производства и снижению издержек, но и благодаря изменениям в ценообразовании. Стоит отметить такое явление в экономике периода нэпа, как «ножницы цен». Оно заключалось в том, что цены на промышленные товары 1922–1928 годов значительно превышали показатели 1913/1914 операционного года, а цены на сельскохозяйственную продукцию, напротив, были значительно ниже. Следовательно, при сравнении показателей периода нэпа и 1913/1914 операционного года необходимо учитывать новое макроэкономическое равновесие. В период нэпа данное равновесие было очень динамичным, и металлопромышленность была особенно уязвима к конъюнктурным колебаниям из-за отсутствия оборотных средств.

Цены на продукцию металлургических и металлообрабатывающих предприятий первоначально устанавливались трестами, что являлось необходимым условием реализации принципа хозрасчёта. Однако ценообразование трестов могло быть ограничено вышестоящими органами — Советом Труда и Обороны (СТО) и Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ). Согласно декрету СТО, установление предельных цен по ряду товаров было передано специальной комиссии при Комиссии внутренней торговли (КВТ). На протяжении всего периода нэпа указанная комиссия последовательно вводила подобные ограничения для большинства видов промышленной продукции. Также СТО обладал полномочиями по занаряживанию предприятий (когда они были вынуждены в обязательном порядке выполнять заказы по цене ниже рыночной, но выше уровня рентабельности). Правила ценообразования трестов содержатся в статьях 48, 49 Декрета ВЦИК от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях» [13]. Далее в тексте статьи, когда речь идет об инициированном государством изменении цен, имеется в виду работа соответствующих регулирующих органов.

Необходимо дополнительно рассмотреть динамику производительности труда в натуральных и стоимостных единицах (на Рис. 1). В ноябре 1924 г. произошло снижение производительности труда в довоенных рублях. Это вызвано тем, что в ноябре 1924 г. были снижены цены на товары металлопромышленности на 13–24%. После января 1925 г. пудовые и стоимостные показатели изменяются совместно. Это говорит о том, что рост стоимостного показателя производительности труда достигается путем повышения эффективности производства при относительно стабильных ценах на продукцию и

номенклатуру товаров. В июне и сентябре производительность труда в пудах достигает показателей 1913/1914 хозяйственного года. В сентябре вновь произошел рост цен на металлы и продукты металлообработки, и график реагирует резким ростом производительности труда в денежном и пудовом эквиваленте относительно показателей 1913/1914 хозяйственного года, а также в номинальных величинах. Дополнительно это могло быть связано с сезонным фактором, поскольку сентябрь был последним месяцем 1924/1925 операционного года, и резкий рост стоимостной производительности труда мог быть связан с завершением годовых контрактов и выплатой средств предприятию.

На заводе «Серп и Молот» использовались показатели, анализирующие производительность труда (стоимостную либо весовую), распределенную на одного работника или на одного рабочего. В целом, использование показателей производительности труда на одного работника, более актуально для исследования в контексте проблемы эффективной организации производства, поскольку учитывает число служащих. Однако, в 1920-е годы для демонстрации результатов зачастую использовалась величина производительности труда на одного рабочего. Это было связано, как с идеологическими особенностями советского строя, так и с тем, что показатель производительности труда на одного рабочего был заведомо выше. Показатели производительности труда рабочих и работников двигаются совместно, что говорит о относительно стабильном соотношении числа рабочих и служащих на заводе «Серп и Молот». Это позволяет в рамках данной работы использовать оба показателя.

Производительность труда цехов завода «Серп и Молот».

В предыдущем параграфе было подробно рассмотрено влияние цен на показатель производительности труда. Далее необходимо рассмотреть связь стоимостного показателя производительности труда в цехах завода «Серп и Молот», а также продажных цен и себестоимости ряда товаров завода.

В Таблице 1 можно увидеть товары, производимые на заводе «Серп и Молот» и продаваемые ниже себестоимости. Перечисленные в таблице позиции представляют важную продукцию, цену на которую влияла как на рентабельность завода, так и на производительность труда в стоимостном выражении.

Таблица 1. Объяснения к превышению себестоимости над продажными ценами за июнь месяц 1926г. (цены и себестоимость продукции указаны в довоенных рублях)

Товар	Прод. Цена.	Себестоимость	Причины
Железо Сортовое	132	134	Убыток по заказу НКПС заказ 100р. за тонну.
Железо проволочное	148	153	Убыточные конвенционные цены на проводку. 2.5 мм. -140 р. 3 мм. -146 р.
Болты рыночные	314	389	Цены убыточны.
Болты рельсовые	289	384	Вся поставка болтового отделения целиком на НКПС.
Железо	213	216	Конвенционная цена

железо	210	210	конвенциональная цена
кровельное			220 р. 50 коп. Убыточная продажная цена для Воен.техн.управления Р.К.К.А. 213р.

Источник: ЦГА Москвы. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 501. Л. 23.

В данной таблице упоминаются причины превышения себестоимости над продажной ценой. Основная из них — это низкие закупочные цены со стороны государственных учреждений. В таблице указывается, что по ценам ниже достаточной для обеспечения рентабельности товары приобретал НКПС (Народный комиссариат путей сообщения СССР) и Военно-техническое управление РККА (Рабоче-крестьянская Красная Армия). Низкие закупочные цены товаров, приобретаемых государственными органами, являлись причиной снижения стоимостного показателя производительности труда. В таблице 1 приведена продажная цена, цена рентабельного производства продукции и цены, планируемые конвенцией металлосиндикатов (Конвенционная цена). Как видно, цены, по которым некоторые товары приобретались государственными органами, были ниже цены их рентабельного производства и даже ниже средних продажных цен. Это делало изготовление данной продукции нерентабельным, из-за этого снижались показатели производительности труда как в отдельных цехах, так и на всем заводе «Серп и Молот».

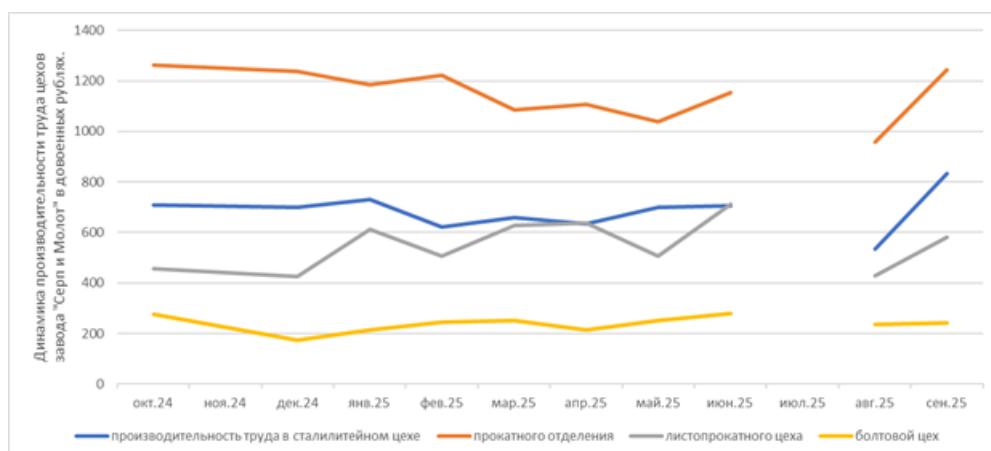

Рис. 2. Производительность труда в цехах завода «Серп и Молот» на одного работника.

Источник: ЦГА Москвы. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 214. Л. 9-13.

Через ценовой механизм на производительность труда оказывало влияние сильно ограниченное количество крупных покупателей продукции. В Таблице 1 указано, что вся продукция болтового отделения продавалась НКПС по убыточным ценам, и на Рис. 2 можно заметить, что производительность труда в болтовом цехе была значительно ниже, чем в других цехах завода «Серп и Молот». Аналогичная ситуация с производительностью труда наблюдалась и в листопрокатном цехе. Можно заметить, что продажная цена для кровельного железа совпадает с закупочными ценами для Военно-технического управления РККА. Эта цена немного ниже планируемой конвенцией металлосиндикатов, и стоимостная производительность труда листопрокатного цеха, производящего данную продукцию, также ниже средней относительно других цехов.

Реальная заработная плата и производительность труда.

Одним из основных способов увеличения производительности труда является контроль за распределением фонда заработной платы. Материальная выгода, а также улучшение материального положения должны были стимулировать рабочих прикладывать больше сил и стремиться к увеличению выработки и повышению квалификации.

Рис. 3. Динамика производительности труда на заводе «Серп и молот» в 1923–1926 гг. (продукция в довоенных рублях на 1 работника)

Источник: ЦГА Москвы. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 501. Л.2,7, Д.213, Л.25,51.

На Рис. 3 приводится динамика производительности труда, которая выражается в виде изменения показателя выработка продукции завода в довоенных рублях в расчете на одного работника. Несмотря на отсутствие в архивных материалах завода данных за июль 1924 г., график вполне определенно демонстрирует рост производительности труда на протяжении рассматриваемого периода. В 1924 г. советское правительство поставило задачу связать между собой темпы роста заработной платы и производительности труда. Далее проанализируем, каких результатов удалось добиться на заводе «Серп и Молот».

Производительность труда и заработная плата.

В предыдущем параграфе подробно были проанализированы показатели производительности труда, далее будут рассмотрены показатели заработной платы. В архивных материалах Машинотреста, при анализе проблемы сравнения заработной платы и производительности труда, рассматриваются номинальные показатели. Однако показатель номинальной заработной платы не отражает покупательную способность работников, поэтому на Рис. 4 приведены три показателя: темпы роста номинальной заработной платы работников, реальной заработной платы работников и производительности труда работников завода «Серп и Молот». Эти показатели охватывают период с октября 1924 г. (с момента начала кампании по увязке заработной платы и производительности труда) до июня 1926 года. Для подсчета реальной заработной платы были использованы помесячные данные о размере номинальной заработной платы на одного работника и общеторговый индекс розничных цен по Москве [14], поскольку рабочие и служащие могли приобретать товары как в обобществленной, так и в частной системе торговли. Помесячные данные о номинальной заработной плате получены на основе помесячных статистических карточек по форме № 2 (зарплатные карточки), которые являлись одной из форм отчетности завода перед ЦСУ СССР.

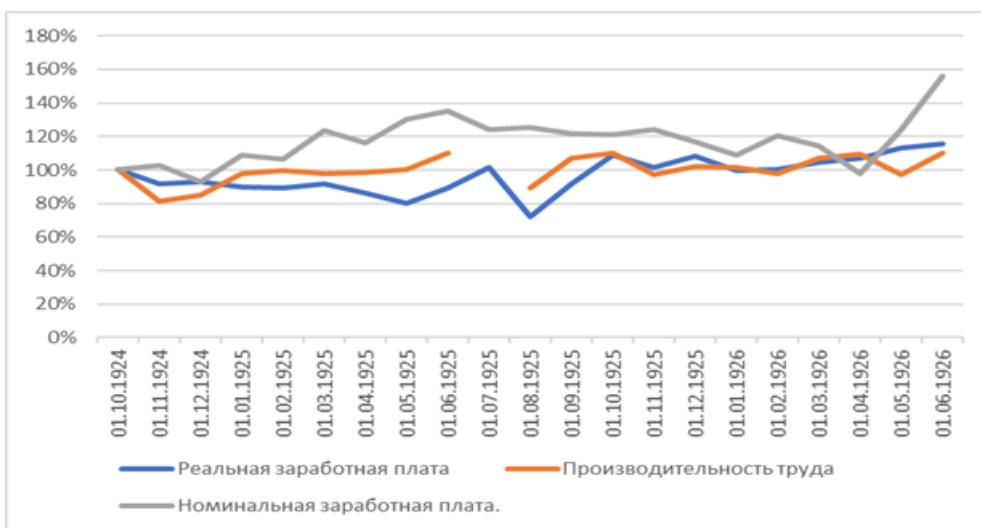

Рис. 4. Темпы роста производительности труда, номинальной и реальной заработной платы в расчете на одного работника на заводе «Серп и Молот» в период с 1924–1926 гг. За 100% приняты показатели октября 1924 года.

Источник: ЦГА Москвы. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 501. Л.2,7, Д.213, Л.25,51., Д.108, Д. 223, Д. 518, Д. 682, Д. 280, Д. 200.

За 100% были приняты исследуемые показатели октября 1924 года, на основе которых была рассчитана динамика их изменения в процентном соотношении. Если рассмотреть данные на октябрь 1924 г. и июнь 1926 г., то можно наблюдать рост номинальной заработной платы работников на 55%, рост реальной заработной платы работников на 15%, а также рост производительности труда на 10%. На основании этих данных можно сделать вывод о том, что темпы роста номинальной заработной платы работников значительно превышали темпы роста производительности труда. Это говорит о том, что правительственные цели по уравниванию заработной платы и производительности труда не были выполнены. Однако более значимым является показатель реальной заработной платы работников. Как демонстрируют вышеприведенные значения, темпы роста реальной заработной платы за рассматриваемый период превышают темпы роста производительности труда в 1,5 раза. Однако, посмотрев на Рис. 4, можно убедиться, что использование только двух данных точек недостаточно для однозначной характеристики темпов роста реальной заработной платы и производительности труда.

Сравним количество точек, в которых темпы роста реальной заработной платы превышали производительность труда, с обратным результатом. При подобном сравнении число месяцев, в которых реальная зарплата превышала производительность, примерно совпадало с числом месяцев, где производительность превышала реальную зарплату. Таким образом, можно увидеть, что в рассматриваемый период темпы роста производительности труда и реального заработка фактически совпадали. Чтобы исключить влияние сезонных изменений, сравним показатели 1924/1925 и 1925/1926 операционных годов за аналогичные месяцы. Можно зафиксировать, что в пяти из семи случаев темпы роста реальной заработной платы превышают производительность труда. На основании данного анализа можно сделать вывод о разнонаправленном характере изменения темпов роста реальной заработной платы и производительности труда.

Таким образом основываясь на материалах завода «Серп и Молот» рассматриваемого периода задача, поставленная руководством страны, не была выполнена: рост номинальной заработной платы превышал рост производительности труда. При этом, темпы роста реальной заработной платы и производительности труда фактически

совпадали. Схожие процессы фиксируются в аналогичный период в целом по промышленности А. А. Ильюховым [1, С. 173]. Опираясь на годовые данные, приведенные в работе В. В. Шмита «Положение рабочего класса в СССР», он утверждает, что в 1924/1925 операционном году рост производительности труда превышал рост реальной заработной платы, а в 1925/1926 операционном году показатели в целом совпадали.

Производительность труда и заработка плата рабочих в Машинотресте.

Далее необходимо сравнить показатели номинальной заработной платы и производительности труда завода «Серп и Молот» с аналогичными показателями Машинотреста, чтобы понять, насколько ситуация на заводе была типичной для металлообрабатывающей промышленности. Для выполнения данной задачи использовались материалы Центрального государственного архива Московской Области (ЦГАМО). В Таблице 2 приводится показатель номинальной зарплаты за идеальный 8-часовой рабочий день (Общее фактическое число рабочих часов, делилось на 8 и на основе этого выяснялось число 8 часовых рабочих дней) в 1924/1925 и 1925/1926 операционных годах, и можно увидеть несколько иные результаты. Темпы роста выработки в довоенных рублях и номинальной заработной платы на заводе «Серп и Молот» фактически совпадают.

Таблица 2. Производительность труда и заработка плата, на заводах Машинотреста.

	Выработка на одного рабочего в идеальный 8-часовой рабочий день. в довоенных рублях		Процентное соотношение	Зарплата на одного рабочего в идеальный 8-часовой рабочий день. В довоенных рублях		Процентное соотношение.
	1924/1925	1925/1926		1924/1925	1925/1926	
12-ти заводов	7.54	8.87	116	2.93	3.51	123
Серп и Молот	9.28	10.69	115	3.13	3.52	115
13-ти заводов	8.35	9.54	114	3.00	3.61	120

Источник: ЦГА Московской области Ф. 2631. Оп.1. Д.545. Л.48.

Несколько иная ситуация сложилась в Машинотресте в целом. Темпы роста номинальной зарплаты рабочих по 12 заводам на 5% опередили рост производительности труда. В среднем производительность труда по всему тресту увеличилась на 14%, в то время как рост номинальной заработной платы составил 20%. Поскольку речь идет о номинальных величинах, как видно, результаты сильно отличаются от разбираемых в прошлом кейсе. Однако для полноценного сравнения стоит отметить, что показатели Машинотреста рассматриваются за идеальный 8-часовой рабочий день. Следовательно, они не включали распространенные в этот период сверхурочные и переработки, которые могли сильно влиять на номинальную оплату труда.

Чтобы сравнить динамику производительности труда и заработной платы, были использованы данные завода "Серп и Молот", так как они были более полными и основанными на первичных данных. При сравнении производительности труда на разных предприятиях были использованы данные треста, поскольку они отражали общую картину по всем предприятиям.

Чтобы более конкретно проанализировать ситуацию с производительностью труда на заводе «Серп и Молот», сравним производительность труда на заводе с двумя другими предприятиями Министерства. На Рис. 5 приведены поквартальные данные по производительности труда на заводах «Парострой», «Красный пролетарий» и «Серп и Молот» за 1924/1925 и 1925/1926 операционные годы. «Красный пролетарий» и «Парострой» — небольшие заводы, насчитывающие до 1000 работников в каждом. Значения производительности между тремя заводами сильно разнятся, и в первую очередь эти различия связаны с номенклатурой производимых ими товаров.

Завод «Серп и Молот» производил первичную продукцию металлообработки (например, металлопрокат, проволоку, болты), без которой было невозможно функционирование машиностроения, строительства и так далее, что означало наличие спроса на продукцию завода со стороны как массового потребителя, так и других заводов. Похожая ситуация наблюдалась на заводе «Парострой», продукция которого отличалась большим разнообразием. Предприятие производило как технически простые, но очень востребованные изделия, такие как бочки, баки, трубы, арматура, так и разнообразные сложные технические изделия (котлы, насосы, холодильные аппараты). Покупателями данной продукции могли быть другие заводы, государственные учреждения и массовый потребитель. Завод «Красный пролетарий», в свою очередь, производил станки (токарные, сверлильные, долбёжные, болторезные и так далее). Это означало, что основным потребителем продукции завода были другие заводы, и спрос на продукцию завода был низким и ограниченным. В результате заводы «Парострой» и «Серп и Молот» обладали наибольшей производительностью труда, а завод «Красный пролетарий» — наименьшей.

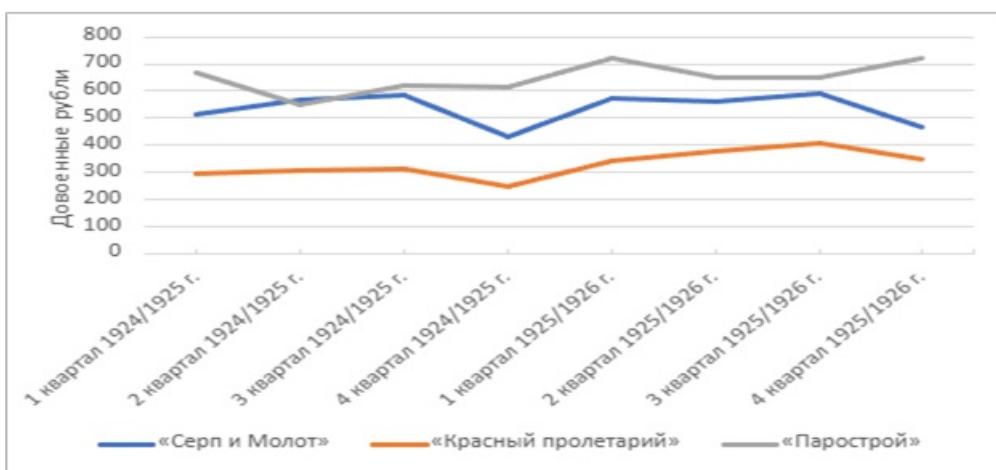

Рис. 5. Поквартальная производительность труда на заводах «Серп и Молот», «Красный пролетарий» и «Парострой» в довоенных рублях на одного работника.

Источник: ЦГА Московской области Ф. 2631. Оп.1. Д.307. Л.278-285

Стоит отметить еще несколько особенностей графиков, которые связывают номенклатуру товаров, производимых заводами, с их производительностью. Динамика производительности труда завода «Красный пролетарий» отличается меньшими перепадами. Это обусловлено тем, что станки были дорогим товаром, на который распространялись долгосрочные заказы.

Заводы «Серп и Молот» и «Красный пролетарий» были зависимы друг от друга, поскольку активно приобретали продукцию друг друга. Это также подтверждает график на Рис. 5: динамика производительности труда заводов «Серп и Молот» и «Красный пролетарий» движется совместно. Дополнительно можно отметить снижение цен на

продукцию металлопромышленности в первом квартале 1924 года.

На Рис. 6 можно увидеть поквартальную динамику потерянных рабочих человеко-дней на одного рабочего. Первое, что можно отметить — отсутствие заметной зависимости между стоимостной производительностью труда и потерянными рабочими часами. Завод «Парострой», который имел наиболее высокие показатели производительности, не имел столь значимого преимущества в потерянных человеко-днях. Однако некоторая зависимость между потерянными человеко-днями и производительностью труда все же прослеживается.

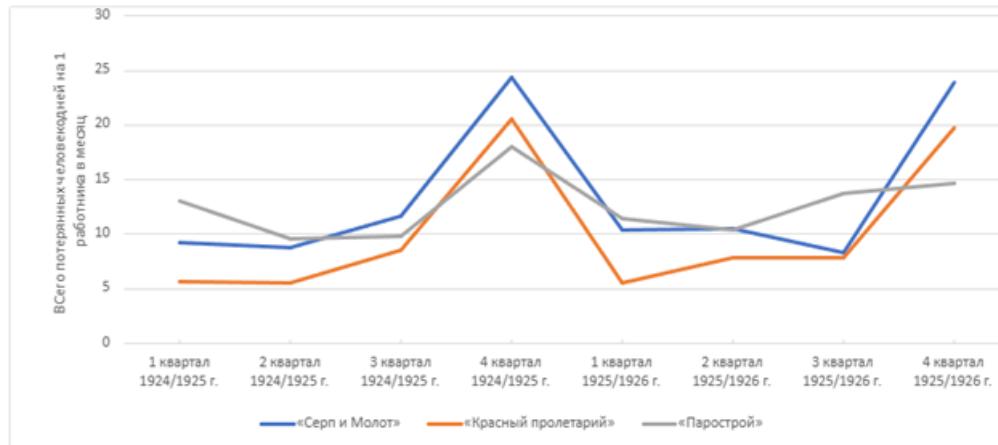

Рис. 6. Поквартальное число потерянных человеко-дней на одного человека, на заводах «Серп и Молот», «Красный пролетарий» и «Парострой».

Источник: ЦГА Московской области Ф. 2631. Оп.1. Д.307. Л.54-80.

На заводах «Серп и Молот» и «Красный пролетарий» можно увидеть резкое снижение производительности в четвертом квартале 1924/1925 и 1925/1926 операционных годов, что соответствует значительному уровню потерь в человеко-днях в данные кварталы. Далее рассмотрим динамику потерь человека-дней завода «Парострой». В четвертом квартале 1924/1925 операционного года снижение производительности труда и величина потерянного времени значительно меньше, нежели на двух других заводах. Для того чтобы выявить причины подобного положения вещей, детализируем причины потери рабочего времени.

Таблица 3. Причины потери рабочего времени за 2 квартал 1925/1926 хозяйственного года.

	Простой	Невыходы (по болезни, прогулы, командировке)	Отпуска по кодексу
Серп и молот	11%	87%	2%
Красный пролетарий	4,5%	95%	0,5%
Парострой	4%	93%	3%

Источник: ЦГА Московской области Ф. 2631. Оп.1. Д.307. Л.54-80.

Показатель общего числа потерянного рабочего времени состоял из суммы величины простоев, прогулов и отпусков. В Таблице 3 указана доля данных факторов в общем числе потерянного времени. Если проанализировать динамику потерянных рабочих человеко-дней завода «Серп и Молот», то гораздо большую долю по сравнению с

другими заводами занимают простоя. Это логично, учитывая размер завода: остановка одного этапа производства могла привести к дальнейшим потерям рабочего времени по производственной цепочке. Тем не менее, наиболее распространенной причиной потери рабочего времени были невыходы на работу. Невыходы на работу делятся на три категории в зависимости от причины: прогулы, больничные и командировки. Процентное соотношение данных показателей приводится в Таблице 4. Сравним завод с наибольшей производительностью труда «Парострой» с заводом с наименьшей производительностью труда «Красный пролетарий». На заводе «Парострой» большинство потерянных часов связано с прогулами, в то время как на заводе «Красный пролетарий» большинство потерянных часов утрачено в связи с больничными. Вероятнее всего, на заводе «Парострой» руководство, в целях экономии, сделало получение больничных листов для рабочих более сложным. В результате рабочие были вынуждены чаще прогуливать работу. Поскольку прогулы не оплачивались, это привело к росту производительности труда, так как рабочие не хотели терять деньги из-за отсутствия на работе.

Таблица 4. Причины невыхода на работу за 2 квартал 1925/1926 операционного года.

	По болезни	прогулы	командировки
Серп и молот	47%	51%	2%
Красный пролетарий	64%	33%	3%
Парострой	41%	57%	2%

Источник: ЦГА Московской области Ф. 2631. Оп.1. Д.307. Л.54-80.

В октябре 1924 года советское правительство поставило задачу связать рост заработной платы с ростом производительности труда. Однако, как показывают данные завода «Серп и Молот», не на всех предприятиях удалось достичь этой цели. В 1924–1926 гг. номинальная зарплата работников предприятия росла быстрее, чем производительность труда. Темпы роста производительности труда едва достигали темпов роста реальной заработной платы. Это происходило по ряду причин, связанных с динамикой заработной платы и производительности.

Исследование производительности труда в цехах завода «Серп и Молот» и ценовой политики предприятия выявило, что производительность труда цехов в стоимостных показателях сильно зависела от того, продавалась ли продукция цеха государственным органам. Ряд товаров предоставлялся государственным органам по цене ниже себестоимости. На потребительском рынке, напротив, существовал дефицит промышленных товаров, и чем более цех был независим от государственных заказов, тем более высокая производительность труда была в цеху. Таким образом, мероприятия по повышению производительности труда требовали совокупных действий как в области ценовой политики, так и в области сокращения расходов и НОТ. Дополнительно на показатель производительности труда оказывали значительное влияние такие факторы, как размер предприятия, номенклатура производимых товаров, место предприятия в производственной цепочке, потери рабочего времени и определяющие их причины, включая организацию производства.

Другие факторы затрудняли задачу по приостановке темпов роста зарплаты. Сильное влияние на быстрый рост заработной платы оказал переход на неограниченную сдельщину. Этот фактор также позитивно повлиял на ускорение темпов роста

производительности труда. Однако рост заработной платы происходил более быстрыми темпами, так как руководству предприятия приходилось действовать в условиях дефицита кадров (особенно квалифицированных), сильных профсоюзов и необходимости выполнять производственные показатели. Снижение темпов роста заработной платы могло вызвать недовольство рабочих и, как следствие, еще большее увеличение затрат (простой, саботаж, забастовки и пр.). В целом подобная ситуация была вызвана в том числе и повышенными ожиданиями рабочих, так как в дореволюционный период зарплата в целом была выше.

Библиография

1. Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917-1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. - 415 с.
2. Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М.: АИРО-XXI, 2013. - 303 с.
3. Журавлев С. В., Мухин М. Ю. "Крепость социализма": Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928-1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. - 240 с.
4. Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917-середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. Вып. 4. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 39-80.
5. Ульянова С. Б. "То на скаку, то на боку": Массовые хозяйствственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921-1928 гг. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2006. - 529 с.
6. Чистякова К. А. Движение за научную организацию труда 1920-х-1930-х годов в Советской России: К истории формирования российской школы "человеческих отношений": дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Чистякова Ксения Анатольевна. - Москва, 2004. - 280 с.
7. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900-1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. - 367 с.
8. Шильникова И.В. «Как жали рабочих, так и будут жать»: причины конфликтов на советских предприятиях в годы нэпа // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 6. С. 737-743. DOI: 10.7256/2454-0609.2015.6.17428
9. Борисова Л. В. Трудовые конфликты в Советской России (1918-1924 гг.). М.: Собрание, 2006. - 288 с.
10. Бородкин Л. И., Сафонова Е. И. Мотивация труда на фабрике "Трехгорная мануфактура" в первые годы советской власти // Историко-экономические исследования. 2002. № 1. С. 55-87.
11. Маркевич А. М., Соколов А. К. "Магнитка близ Садового кольца": Стимулы к работе на Московском заводе "Серп и молот", 1883-2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005. - 368 с.
12. Корнаковский И. Л. От "Гужона" к "Серпу и молоту" (история Московского металлургического завода "Серп и молот" в документах, 1883-1932 гг.). М.: [б. и.], 2009. - 367 с.
13. Экономическое наследие. НЭП и хозрасчет / Центр. экон.-мат. ин-т АН СССР, Ин-т экономики АН СССР; редкол.: Н. Я. Петраков (пред.) и др.; сост., предисл., коммент. Н. Я. Петраков и др. - М.: Экономика, 1991. - 364 с.
14. Вайнштейн Альб. Л. Избранные труды: в 2 кн. Кн. 2. / Альб. Л. Вайнштейн. - М.: Наука, 2000. - 560 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Производительность труда и материальное стимулирование в советской металлургической промышленности в годы нэпа (на материалах завода «Серп и Молот» и московского Машинотреста)» представляет собой обстоятельное и компетентное исследование специфических черт новой экономической политики в СССР, а именно введения материального стимулирования на государственных предприятиях и попытки увязать его с ростом производительности труда. Собственно НЭП в целом достаточно хорошо изучен именно как государственная политика т.е. как цепь политических и экономических решений, принятых органами власти разных уровней (в работе присутствует достаточно подробный обзор литературы по теме исследования) ; автор же в данной работе убедительно демонстрирует, что сохраняются значительные перспективы развития исследований на «микроскопическом», как это называет автор, уровне, то есть на уровне конкретных промышленных предприятий/трудовых коллективов и т.д. Таким образом автор ставит целью исследования рассмотрение реализации поставленных в 1924 г. партией и правительством задач на примере московских промышленных предприятий металлобработки , а именно на металлургическом заводе «Серп и Молот» и в московском Машинотресте (куда был интегрирован в начале НЭП «Серп и Молот») на протяжении 1924-1926 гг. Автор дает четкую мотивацию как выбора темы исследования (малая изученность вопроса/отсутствие единого мнения по успешности реализации решений партии правительства в этом вопросе), так и выбора указанных промышленных предприятий для проведения соответствующего исследования. Авторское исследование основано на обработке значительного количества статистических материалов в категориях номинальной и реальной заработной платы работников, производительности труда с последующим выявлением взаимосвязи между ростом зарплаты и ростом выработок; основным источником работы являются архивные материалы ЦГА Москвы и ЦГА Московской области (которые не указаны в общем библиографическом списке, сноски присутствуют внутри текста). Автор в целом справляется с поставленным комплексом задач и на примере большого объема фактических данных подтверждает наличие известных экономических противоречий эпохи НЭП (противоречия между государственным сектором/государственным планированием и элементами рынка, ножницы цен, нехватка квалифицированных кадров и др.), которые в данном конкретном случае становятся набором факторов, препятствующих установлению прочной взаимосвязи роста зарплаты и роста производительности труда. В рамках работы автор проводит сравнения показателей указанных предприятий эпохи НЭП с показателями 1913-1914 гг., сравнения между разными предприятиями Машинотреста, затрагиваются вопросы деятельности профсоюзов и т.д., т.е. конкретные аспекты деятельности конкретных промышленных предприятий рассмотрены в многоуровневом контексте такого сложного явления как НЭП. Работа выполнена на высоком научно-методическом уровне и рекомендуется к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Маландина Т.В. Опыт использования искусственных нейросетей в решении задач виртуальной реконструкции исторических усадебных интерьеров // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74244 EDN: AGYXTZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74244

Опыт использования искусственных нейросетей в решении задач виртуальной реконструкции исторических усадебных интерьеров

Маландина Татьяна Владимировна

аспирант; кафедра Исторической информатики; Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корпус 4

✉ malandinatanya@gmail.com

[Статья из рубрики "Культурное наследие – памятники истории и культуры!"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74244

EDN:

AGYXTZ

Дата направления статьи в редакцию:

27-04-2025

Дата публикации:

18-05-2025

Аннотация: В статье рассматривается опыт применения искусственных нейронных сетей в задачах виртуальной 3D-реконструкции исторических интерьеров на примере усадьбы Кузьминки (XVIII – начало XX в.). Усадебный комплекс Кузьминки, расположенный в юго-восточной части Москвы в районе Кузьминки на землях старинных сел Капотня и Кузьминки, является уникальным памятником архитектуры и усадебной культуры, история которого насчитывает более 300 лет. Данная усадьба первоначально являлась летней резиденцией баронов Строгановых и впоследствии перешла во владение князей Голицыных. В строительстве ее многочисленных построек участвовали такие знаменитые архитекторы, как М. Ф. Казаков (1780-е гг.), И. В. Еготов (1780-е и 1804-1808 гг.), А. Н. Воронихин (1807-1808 и 1811-1812 гг.), представители династии Жилярди (1807-1808,

1811-1815, 1824, 1830-1835 гг.) и М. Д. Быковский (с 1840-х). В данной работе впервые на примере реконструкции бального зала усадьбы Кузьминки продемонстрирован гибридный подход, сочетающий классическое 3D-моделирование (3ds Max, Corona Renderer) с нейросетевыми инструментами (Trip AI, Prome AI, Midjourney): генерация 3D-модели по 2D-референсам, создание аутентичных текстур, интеграция объекта в виртуальное пространство. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных методов воссоздания утраченных объектов культурного наследия с использованием современных технологий искусственного интеллекта. Автором данного исследования была впервые проведена апробация возможностей использования искусственных нейросетей в решении задач виртуальной реконструкции исторических усадебных интерьеров на примере усадьбы Кузьминки. Сравнение классических и нейросетевых методов показало, что нейросетевые методы открывают новые возможности для построения виртуальных 3D-реконструкций интерьера: они позволяют формировать иной, не уступающий традиционному моделированию, путь визуализации конкретных предметов обстановки помещений. При этом нейросеть выступает здесь как инструмент и виртуальный помощник, результат обращения к которому поддается контролю. Исследование подтвердило эффективность нейросетевых технологий как инструмента в реконструкции исторических интерьеров, что особенно ярко прослеживается на стыке применения классических инструментов моделирования и визуализации и нейросетей.

Ключевые слова:

искусственные нейронные сети, исторические интерьеры, виртуальная 3D-реконструкция, усадьба Кузьминки, Голицыны, культурное наследие, трехмерное моделирование, оцифровка культурного наследия, методы, технологии

Введение

Использование нейросетей в исследованиях по виртуальной 3D-реконструкции архитектурных памятников

Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ), в частности машинное обучение, все чаще применяются в решении задач виртуальной 3D-реконструкции утраченных или повреждённых архитектурных памятников. Нейросетевые методы позволяют автоматизировать процессы обработки исторических данных, генерации трёхмерных моделей и текстурирования, что значительно ускоряет исследования в области цифровой археологии и культурного наследия.

Существует целый спектр задач в данной области, к решению которых могут привлекаться нейросети.

Во-первых, нейросети используются для анализа разнородных источников, включая архивные фотографии, гравюры, чертежи и текстовые описания. Свёрточные нейронные сети (CNN) применяются для распознавания и классификации архитектурных элементов, что помогает в восстановлении утраченных деталей [1]. Генеративно-состязательные сети (GAN), такие как StyleGAN, позволяют достраивать повреждённые фрагменты изображений на основе обучающих выборок [2].

Во-вторых, методы глубокого обучения, такие как нейросетевые архитектуры типа

PointNet и MeshCNN, используются для автоматического построения трёхмерных моделей на основе облаков точек или частично сохранившихся фрагментов [3]. Алгоритмы на основе диффузионных моделей (например, DiffusionNet) помогают в создании плавных и детализированных поверхностей, соответствующих историческим аналогам [4].

В-третьих, нейросети применяются для автоматического наложения текстур на 3D-модели, используя методы переноса стиля (Neural Style Transfer) и повышения разрешения (Super-Resolution CNN) [5]. Это особенно важно при работе с низкокачественными архивными материалами.

В-четвертых, нейросети помогают в верификации и оптимизации реконструкций: с помощью методов машинного обучения проводится сравнение полученных моделей с известными аналогами, что позволяет минимизировать субъективность в реконструкции [6], а также нейросети используются для оптимизации полигональных сеток с сохранением ключевых деталей.

Тем не менее в отечественной историографии пока еще крайне мало примеров применения нейросетей в процессе виртуальной 3D-реконструкции архитектурных памятников, особенно если речь идет о работе с интерьерами. Автором данного исследования была впервые проведена апробация возможностей использования искусственных нейросетей в решении задач виртуальной реконструкции исторических усадебных интерьеров на примере усадьбы Кузьминки (рис. 1).

Рис. 1. Главный дом усадьбы Кузьминки. Фотография из книги Порецкого Н. А. Село Влахернское (1913)

Особенности интерьеров главного дома усадьбы Кузьминки в XVIII – начале XX века

Усадебный комплекс Кузьминки, расположенный в юго-восточной части Москвы в районе Кузьминки на землях старинных сел Капотня и Кузьминки, является уникальным памятником архитектуры и усадебной культуры, история которого насчитывает более 300 лет. Данная усадьба первоначально являлась летней резиденцией баронов Строгановых и впоследствии перешла во владение князей Голицыных. В строительстве ее многочисленных построек участвовали такие знаменитые архитекторы, как М. Ф. Казаков (1780-е гг.), И. В. Еготов (1780-е и 1804-1808 гг.), А. Н. Воронихин (1807-1808 и 1811-1812 гг.), представители династии Жилярди (1807-1808, 1811-1815, 1824, 1830-1835 гг.) и М. Д. Быковский (с 1840-х).

Архитектурный облик главного усадебного господского дома Кузьминок, а также его интерьеры пережили несколько основных этапов в процессе перестроек и внутренней пространственной эволюции.

В период первоначального формирования (1716–1757 гг.) главный дом усадьбы, построенный для баронов Строгановых, получивших эти владения в 1702 г., когда Петр I, конфисковав эти земли у Симонова монастыря, пожаловал их в вотчину своему приближенному, отражал характерные черты петровского барокко в интерьерах. Первым известным архитектором, работавшим в Кузьминках, был И. П. Жеребцов (активен в 1750–1770-х годах). При нем произошла большая реконструкция господского дома, в котором были выделены 28 помещений, и он уже тогда включал камерную анфиладную планировку парадной части первого этажа [\[7, с. 55\]](#);

После перехода усадьбы к князьям Голицыным в качестве приданого для Анны Александровны Голицыной (в девичестве Строгановой) начался ее «золотой век», а интерьеры приобрели черты зрелого классицизма.

Главный дом, перестроенный в 1804–1808 годах по проекту Ивана Еготова, воплощал эстетику классицизма. Здание главного дома было соединено в единый ансамбль с двумя боковыми флигелями открытыми галереями. Интерьеры этого периода отличались симметрией, изысканной декоративностью и функциональностью. Отделка парадных залов анфилады, включавшей круглый бальный зал, кабинет, столовую и гостиные, скорее всего была выполнена видными мастерами (Д.-Б. Скотти, С. Ольдинелли), украсившими стены и своды мрамором и живописью в технике гризайль и многофигурными композициями на сюжеты античной мифологии, чередующимися с романтическими пейзажами, что соответствовало стилю русского ампира [\[7, с. 55\]](#). Мебель, стилистически напоминающая работы мастера Жакоба, из ценных пород дерева, таких как карельская береза, и текстильные элементы подчеркивали статус владельцев [\[7, илл. 22\]](#). Портретные галереи, характерные для усадеб того времени, украшали стены парадной анфилады [\[7, илл. 19, 20\]](#).

На данном этапе был окончательно оформлен архитектурный облик центрального круглого зала, отражающий классицистическую архитектуру с элементами ампира, популярными в начале XIX века. Зал отличался куполообразным потолком, украшенным лепным орнаментом в виде растительных мотивов и гирлянд, что подчеркивало торжественность пространства и соответствовало эстетике русского ампира. Колонны с коринфскими капителями, выстроенные по периметру, поддерживали античный характер интерьера, а их белая отделка контрастировала с темным шахматным паркетным полом (возможно из мореного дуба), создавая визуальную глубину. Центральный элемент зала — стол, украшенный скульптурными деталями в виде львиных лап, дополненный бронзовыми статуэтками и вазами, что подчеркивало роскошь и симметрию. Хрустальная люстра с множеством свечей, подвешенная под куполом, усиливала эффект света и отражала моду на граненое стекло в парадных залах. Стены украшали живописные панно и бюсты, размещенные на консолях, что соответствовало традиции презентации культурного статуса владельцев. Мебель включала кресла с обивкой из бархата и изящные столики, гармонирующие с общей композицией. Круглый зал использовался для приемов и балов, демонстрируя синтез архитектуры, скульптуры и декоративного искусства, характерный для усадебного интерьера XIX века. [\[7, илл. 19\]](#)

В 1812 году усадьба пострадала от французского нашествия, что потребовало

восстановительных работ. В период реконструкции под руководством братьев Жиляри и вплоть до кончины самого известного владельца усадьбы князя Сергея Михайловича Голицына, благодаря которому Кузьминки снискали звание «Русского Версала» (1830-1861 гг.), в интерьеры были привнесены некоторые элементы романтизма. Обновленные интерьеры, вероятно, включали декоративные ткани и исторические мотивы, отражая переход к эклектичным стилям. Визит императрицы Марии Федоровны в 1826 году подчеркивает репрезентативную функцию главного дома [\[7, с.11\]](#).

После смерти Сергея Михайловича Голицына усадьба вошла в период упадка (1861-1917 гг.). Интерьеры подверглись значительным изменениям:

1. Функциональная перепланировка под нужды дачников, арендовавших здесь помещения;
2. Замена исторических элементов современными;
3. Частичная утрата декора. [\[8, с.28-29\]](#)

В 1916 году в Кузьминках произошел пожар, в результате которого главный господский дом сгорел полностью [\[9, с. 155\]](#). После революционных событий 1917 года в 1918 году территория усадьбы была передана Институту экспериментальной ветеринарии, для которого архитектор С. А. Торопов в 1930-е годы создал проект нового корпуса на фундаменте сгоревшего княжеского дворца. Данное здание содержит лишь легкий омаж на первоначальный памятник (рис. 2).

Рис. 2. Современный вид бывшего здания Института экспериментальной ветеринарии, построенный в 1930-е гг. на месте княжеского дворца усадьбы Кузьминки

Источниковая база исследования

Объектом виртуальной 3D-реконструкция интерьеров главного дома усадьбы Кузьминки выбран центральный бальный зал парадной анфилады, так как он отличается уникальной архитектурой (прямоугольное помещение с внутренним эллипсовидным куполом) и обширной источниковой базой (рис. 3).

Во-первых, это архивные материалы: описи имущества 1808, 1859 гг. (ЦИАМ, ф. 54) и чертежи из собрания ГНИМА им. Щусева.

Во-вторых, важнейшую роль играют визуальные источники: литографии И.-Н. Рауха (1841) и фотографии конца XIX - начала XX века из коллекций Государственного Исторического Музея, Государственного Эрмитажа и собрания ГНИМА им. Щусева.

В-третьих, имеются сохранившиеся вещественные свидетельства, предметы интерьера и декора: например, сохранившиеся элементы отделки (ГИМ 60082/3326), фрагменты мебельных гарнитуров, портреты центрального зала.

В-четвертых, не следует умалять роль текстовых источников, которые содержат свидетельства современников:

1. Греч А. Н. Кузьминки/ Подмосковные музеи. М., 1925. Вып. 6;
2. Греч А.Н. Венок усадьбам// Памятники Отечества. Вып. 32. 1994. № 3-4. С. 160-163;
3. Две подмосковные князя С. М. Голицына. Кузьмин и Дубровицы. Старые годы, 1910, № 1, Январь;
4. Порецкий Н. А. Село Влахернское. М., 1913;
5. Шамурин Ю. И. Подмосковные. М., 1912.

В-пятых, именно в работе с интерьерами часто нужны предметы, которые могут быть использованы для анализа и реконструкции как аналоги в силу низкой сохранности оригинальных предметов. Соответственно данные предметы так же подбираются в процессе консультаций с экспертом – Главным хранителем музейных предметов усадьбы Кузьминки Марии Витальевны Борисовой.

Возможности работы с различными типами источников ограничены, тем не менее их источниковедческий синтез позволяет осуществить виртуальную 3D-реконструкцию интерьера центрального зала:

1. Научно-техническая документация (планы и чертежи) выявляет размеры построек, их расположение, внутреннюю пространственную организацию и дает возможность атрибуции фотографий;
2. Исторические фотографии дают расположение элементов, пропорции, формы предметов и отделки их цветовую насыщенность;
3. Изобразительные источники дополняют фотографии и создают возможности для реконструкции цветовой палитры;
4. Письменные источники содержат историю объекта, ее периодизацию, а также часто могут содержать информацию об особенностях интерьера и ощущениях его посетителей;
5. Подобранные аналоги и их фотографии могут применяться в реконструкции деталей и цвета, а также предметов, по которым нет визуальных источников.

Виртуальная 3D-реконструкция интерьера бального зала осуществляется на период второй половины XIX – начала XX в. согласно источникам, отражающим финальную стадию его развития как летней резиденции князей Голицыных.

Рис. 3. Николаевский Ф. Л. Большой зал в имении «Кузьминки» 1909 г. // Экспозиция Государственного Эрмитажа

Методологические и технологические аспекты виртуальной 3D-реконструкции интерьера с применением нейросетей

Оригинальный усадебный интерьер главного дома Кузьминок был полностью уничтожен после пожара 1916 г., так как дворец сгорел до фундамента, а многие вывезенные предметы в процессе переезда князей Голицыных в другую летнюю резиденцию (Дубровицы) были в итоге рассеяны после революционных событий 1917 г. по многочисленным музеинным хранилищам или так же утрачены. В данном исследовании не ставится задача выявление локализации всех оригинальных предметов и истории их передвижений. Тем не менее собранная источниковая база позволяет создать представление о предметах мебели и декора, которые находились здесь на второй половине XIX – начале XX века и построить их виртуальную 3D-реконструкцию.

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем методы исторического анализа, 3D-моделирования и искусственного интеллекта. Для сравнительной виртуальной 3D-реконструкции интерьеров центрального зала господского дома усадьбы Кузьминки используются следующие инструменты.

Классическое моделирование и визуализация (программное обеспечение):

1. 3Ds Max 2025 - создание 3D-моделей;
2. Corona Renderer – визуализация результата моделирования.

Нейросетевая визуализация:

1. Tripo AI - генерация 3D-моделей по 2D-изображениям;
2. Midjourney – генерация текстур;
3. Prome AI – поэтапная и финальная визуализация.

Для апробации предложенного ниже алгоритма работы был выбран конкретный предмет интерьера центрального зала господского дома – кресло из мебельного гарнитура, состоявшего из дивана, нескольких кресел и стульев.

Основными источниками послужили фотографии центрального зала (1900–1916 гг.), описания интерьеров в трудах Н.А. Порецкого, А.Н. Гречи и Ю. И. Шамурина и музейные экспонаты, подобранные согласно типологическому методу, активно применяющемуся в музейном деле (рис. 4, 5).

На основании имеющихся фотографий можно провести краткую предварительную атрибуцию данного предмета интерьера:

1. Стиль: ампир;
2. Датировка: конец XVIII – начало XIX века;
3. Размеры: ≈ 92×66×60 см (типичные габариты для парадной мебели эпохи);
4. Основной материал: дерево (береза или махагон);
5. Обивка: шелк или бархат (указывает на парадное назначение);
6. Отделка: масляная краска, лак, резьба и токарная работа (ножки, подлокотники), вышивка, золочение;
7. Стилистические особенности: массивные прямоугольные формы, прямые ножки с резным декором (каннелюры), античные мотивы (пальметты, меандры, лавровые венки), растительные или классицистические орнаменты, резной декор с позолотой.

Рис. 4. Кресло в стиле ампир (слева), находившееся в центральном зале главного дома и референсы из коллекции ГИМ по стилю и фактуре

Рис. 5. Референсы по цветовому решению мебели: Гау В. И. Портрет князя С.М. Голицына. 1837 // Экспозиция ГЭ; Кюнель Ф. Портрет Княгини Анны Александровны Голицыной, урождённой баронессы Строгановой. 1800-е // Экспозиция ГИМ

Процесс реконструкции посредством классических технологий моделирования и визуализации шел согласно следующим этапам:

1. Реконструкция основной геометрии центрального зала главного дома усадьбы Кузьминки в программе 3DsMax и создание белого рендера помещения;
2. Реконструкция конкретного предмета в программе 3DsMax – кресла в стиле ампир – и интеграция его в помещение;
3. Финализация визуализации белого рендера с креслом как центральным объектом-акцентом посредством программы Corona Renderer (рис. 6, 7).

Рис. 6. Визуализация геометрии центрального зала главного дома и предмета мебели – кресла (в программах 3DsMax, Corona Renderer)

Рис. 7. Визуализация геометрии центрального зала главного дома и предмета мебели – кресла (в программах 3DsMax, Corona Renderer) (приближение)

В процессе апробации возможностей нейросетей для создания виртуальной 3D-реконструкции конкретного предмета интерьера были отобраны нейросети, технологические возможности которых дополняют друг друга: Tripo AI позволяет автоматизировать процесс моделирования мебели, Prome AI помогает текстурировать поверхности, а в Midjourney осуществляется подбор и генерация аутентичных материалов. Важно подчеркнуть, что предложенный ниже алгоритм является собой контролируемый процесс работы в генеративных нейросетях с конкретными фотографиями реконструируемого предмета с добавлением описания элементов предмета согласно проведенной атрибуции (написание соответствующих промптов). Нейросети применяются в данном случае как виртуальные ассистенты в процессе 3D-реконструкции согласно источниковой базе.

Технологическая процедура визуализации 3D-реконструкции предмета интерьера – кресла – в центральном зале главного дома Кузьминок включает реализацию следующих этапов:

1. Сбор архивных фотографий и современных фотографий предметов-референсов для воссоздания образа кресла;
2. Загрузка всех фотографий в нейросеть Prome AI и генерация генерального сводного референса в результате контролируемого процесса работы с подобранными источниками (рис. 8);

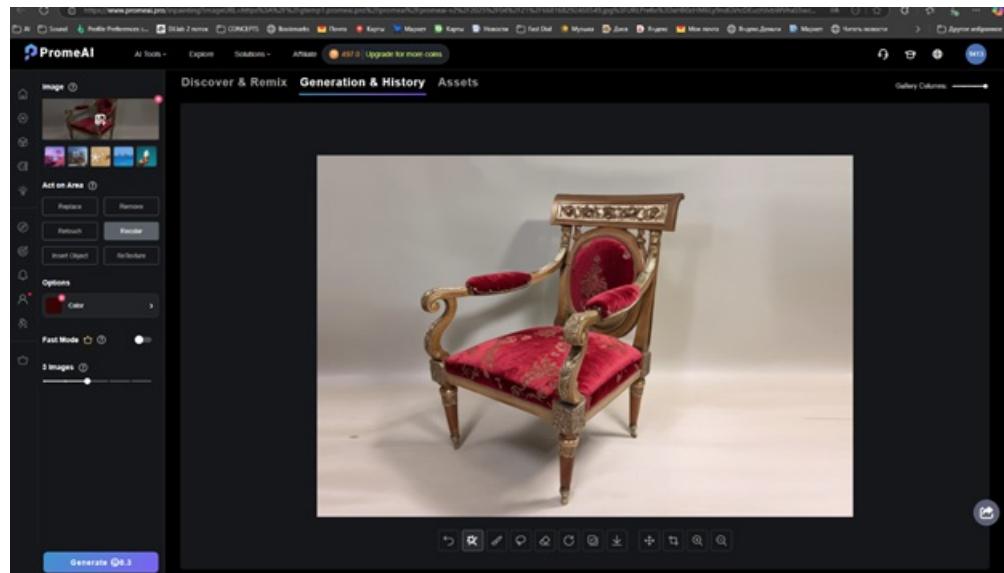

Рис. 8. Результаты генерации сводного референса в нейросети Prome AI

3. Создание 3D-модели на основе генерального 2D-референса в нейросети Tripo AI и его виртуальная съемка с нескольких ракурсов (рис. 9);

Рис. 9. Результаты генерации 3D-модели на основе генерального 2D-референса в нейросети Tripo AI

4. Генерация в нейросети Midjourney текстур обивки кресла согласно архивным фотографиям и фотографиям предметов-референсов;
5. Загрузка всех референсов и виртуальных фотографий сгенерированной 3D-модели кресла в нейросеть Prome AI и посредством работы в режиме Sketch Rendering создание сводной визуализации предмета интерьера – кресла (рис. 10);

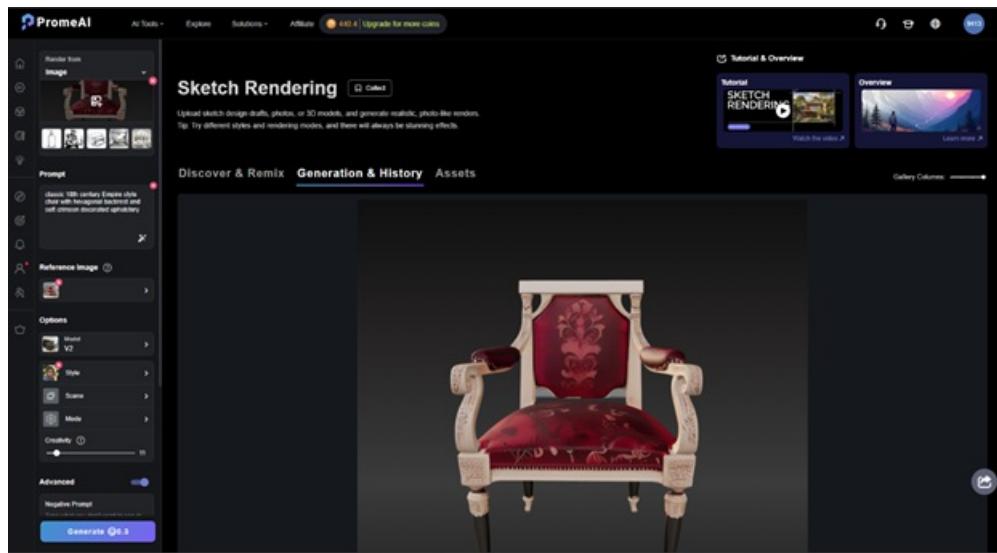

Рис. 10. Подготовка материалов к созданию сводной визуализации кресла в нейросети Prome AI

6. Доработка изображения кресла с помощью промптов и модификаций в режиме Edit с целью уточнить и детализировать изображение. (рис. 11)

Рис. 11. Результаты обработки нескольких ракурсов кресла в нейросети Prome AI

Финальным этапом реконструкции стало добавление в нейросети Prome AI созданной в нейросетях визуализации кресла в пространство белого рендера помещения, построенного в программах 3DsMax и Corona Renderer, а также обработка полученного изображения согласно архивным фотографиям центрального зала (рис. 12, 13).

Рис. 12. Визуализация геометрии центрального зала главного дома (в программе 3DsMax) и предмета мебели – кресла (Trip AI, Prome AI, Midjourney)

Рис. 13. Визуализация геометрии центрального зала главного дома (в программе 3DsMax) и предмета мебели – кресла (Tripo AI, Prome AI, Midjourney) (приближение)

Результаты исследования

В данном исследовании на основе источников базы, состоявшей из фотографий, описаний и предметов-аналогов была восстановлена планировка центрального зала главного дома усадебного комплекса Кузьминки, включая элементы декора в стиле ампир (сдвоенные колонны), а также апробирован алгоритм работы по виртуальной 3D-реконструкции конкретного предмета интерьера про помощи нейросетей. Нейросети Tripo AI и Prome AI позволили автоматизировать процесс моделирования мебели и текстурирования поверхностей. С помощью Midjourney был выполнен подбор и генерация аутентичных материалов.

Сравнение «классических» и нейросетевых методов показало, что нейросетевые методы открывают новые возможности для построения виртуальных 3D-реконструкций

интерьера: они позволяют формировать иной, не уступающий традиционному моделированию, путь визуализации конкретных предметов обстановки помещений. При этом нейросеть выступает здесь именно как инструмент и виртуальный помощник, результат обращения к которому поддается контролю посредством грамотного оперирования набором подходов к обращению с материалом источниковой базы, загружаемому в нейросеть.

Более того, применение нейросетей в реконструкции усадебных интерьеров выявило важное преимущество: возможность быстрой интеграции результатов в виртуальные экспозиции (например, для музеев) при сохранении достаточно высокой степени достоверного восполнения утраченных деталей без потери качества.

Тем не менее применение нейросетей в построении виртуальной 3D-реконструкции интерьеров предполагает необходимость решения ряда проблем, связанных с особенностями обработки источникового материала нейросетями и необходимостью верификации результата реконструкции с помощью экспертной оценки.

Таким образом, данное исследование подтвердило эффективность нейросетевых технологий как инструмента в реконструкции исторических интерьеров, что особенно ярко прослеживается на стыке применения классических инструментов моделирования и визуализации и нейросетей. Данная тема требует дальнейшего изучения и развития, а также апробации других нейросетей.

Автор выражает глубокую признательность Главному хранителю музейных предметов усадьбы Кузьминки М.В. Борисовой за предоставленные материалы и консультации.

Библиография

1. LeCun, Y., Bengio, Y., Hinton, G. Deep learning // Nature. 2015. No. 521(7553). Pp. 436-444.
2. Karras, T. Analyzing and Improving the Image Quality of StyleGAN // CVPR, 2020. Pp. 8110-8119.
3. Qi, C. R. PointNet: Deep Learning on Point Sets for 3D Classification and Segmentation // CVPR, 2016. Pp. 1-9.
4. Sharp, N. DiffusionNet: Discretization-Agnostic Learning on Surfaces // ACM TOG. 2022. Vol. 1, No. 1. Article 1. Pp. 1-16.
5. Gatys, L. A. Image Style Transfer Using Convolutional Neural Networks // CVPR, 2016. Pp. 2414-2423.
6. Münster, S. Digital Heritage and Virtual Archaeology: An Approach Through the Frame of Education / Mixed Reality and Gamification for Cultural Heritage. 2018. Pp. 3-26.
7. Порецкий, Н. А. Село Влахернское, имение Князя С. М. Голицына. М.: Т-во Типо-Литографии И. М. Машистова, 1913.
8. Маковский, С. К. Две Подмосковные князя С. М. Голицына // Старые годы. 1910. № 1. С. 24-37.
9. Греч, А. Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества. Альманах. 1994. № 3-4. С. 5-191.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Опыт использования искусственных нейросетей в решении задач

виртуальной реконструкции исторических усадебных интерьеров» представляет собой междисциплинарное исследование, затрагивающее одновременно и историю русской архитектуры XIX века, и проблемы сохранения/восстановления отечественного архитектурного наследия, и потенциал использования современных цифровых инструментов

(в данном случае – искусственных нейросетей) при проведении историко-культурологических исследований. Новизна исследования заключается в использовании нейросетей для воссоздания именно внутреннего убранства здания, то есть интерьеров усадьбы Кузьминки, что вероятно следует отразить и в названии статьи т.к. в нынешнем виде заглавие может быть воспринято как обобщение результатов нескольких проектов, в тексте же рассматривается единственный архитектурный памятник первой половины XIX века, усадьба Кузьминки князей Голицыных; автор посвящает ее истории отдельный раздел исследования и т.д. Примечательным является описание источниковой базы исследования, через которое автор собственно демонстрирует методологию исследования, где нейросети очевидно являются служебным инструментом, успех или неудача работы которых напрямую зависит от подбора исследователем необходимого материала для обработки, т.е. от квалификации исследователя и адекватного подбора источников. В данном конкретном случае автор перечисляет пять категорий различных источников, совокупный анализ которых лежит в основе проводимого исследования: архивные материалы. визуальные источники (литографии и фотографии), сохранившиеся вещественные свидетельства, текстовые источники (воспоминания, журналистика), подобранные видовые аналоги предметов. Автор подробно комментирует подбор источников и ход работы с нейросетями, иллюстрируя ее как скриншотами, так и готовыми результатами (визуализация внутренних помещений, предметов мебели и др.). В заключении автор указывает на перспективы практического применения данного рода исследований (возможность быстрой интеграции результатов в виртуальные экспозиции (например, для музеев)), а так же опять-таки на первичность фигуры исследователя/ эксперта при подготовке источникового материала и последующей верификации результатов работы. Исследованию присуща логичная продуманная структура, выводы обоснованы, процесс и результаты работы сопровождаются визуальными иллюстрациями. В теоретическом плане автор опирается на корпус англо-американских исследований, краткий обзор которых, как представляется, был бы уместен в начальной части работы. Автор указывает на небольшое количество отечественных исследований в данном направлении, но тем не менее они имеют место быть; опять-таки краткий их обзор был бы уместен в начальной части исследования. При всем вышесказанном, работа в целом выполнена на высоком научно-методическом уровне, тематика и методы актуальны, применение результатов работы весьма перспективно в музейной, образовательной, исследовательской сферах. Работа рекомендуется к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ленчук В.Ю. Тиндарис между Помпеем и Октавианом: политические, стратегические и культурные изменения в жизни города // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74330 EDN: BPDULL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74330

Тиндарис между Помпеем и Октавианом: политические, стратегические и культурные изменения в жизни города

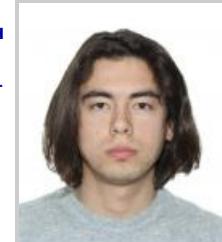

Ленчук Владислав Юрьевич

аспирант; кафедра истории древнего мира; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Университетская пл., 1

✉ lenchukvy@my.msu.ru

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74330

EDN:

BPDULL

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2025

Дата публикации:

20-05-2025

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию исторического развития города Тиндариса — одного из ключевых городов северо-восточного побережья Сицилии — в период его включения в состав Римской империи. В центре внимания находятся

процессы политических, экономических и социальных трансформаций, произошедших в городе с момента его основания в IV веке до н.э. до эпохи правления Августа. Особый интерес представляет стратегическая роль Тиндариса в годы римских гражданских войн, его участие в системе продовольственного снабжения Рима и интеграция в римские административные и культурные структуры. Исследование опирается как на письменные, так и на археологические источники и стремится осветить место сицилийского города в римской провинциальной политике. Анализ основан на комплексном подходе, сочетающем изучение письменных источников (включая речи Цицерона и географию Страбона), археологических данных и нумизматических находок, что позволяет реконструировать политическую и социальную динамику Тиндариса в контексте римской экспансии. Научная новизна работы заключается в подробном рассмотрении Тиндариса как ключевого примера трансформации греческого полиса в римский муниципий и позднее колонию. Автор впервые в рамках единого исследования обобщает широкий круг источников, показывая, как гражданские войны стали катализатором изменений в городской структуре, социальной и экономической жизни. Уделяется внимание роли Тиндариса в системе обороны Помпей и его последующей интеграции в римскую административную модель после победы Октавиана. Работа демонстрирует, что романизация в Тиндарисе не была насильственным процессом, а шла через адаптацию местной элиты. Город рассматривается как показатель взаимодействия центра и провинции, что делает его уникальным кейсом для антиковедческих исследований. Особое внимание уделяется урбанизму и демографическим изменениям в городе.

Ключевые слова:

Тиндарис, Сицилия, Римская империя, Секст Помпей, гражданские войны, романизация, археология, история Средиземноморья, провинциальное управление, экономика античности

Сицилия, крупнейший остров Средиземного моря, на протяжении веков играла весьма значимую роль в античной geopolитике. Её географическое положение между Апеннинским полуостровом и Африкой, на пересечении важнейших торговых путей, делало её тем стратегическим объектом, который привлекал внимание финикийцев и карфагенян, греков и римлян. Остров занимал центральное место в экономической и военно-политической истории древности, а его плодородные земли манили завоевателей, стремившихся использовать солидный сельскохозяйственный потенциал Сицилии. В результате она стала местом пересечения и активного взаимодействия культур, что способствовало формированию на острове поистине уникального культурного и экономического ландшафта.

Во время гражданских войн в Риме Сицилия вновь оказалась в центре внимания разных политических сил, став полем битвы и объектом борьбы за власть. На фоне противостояния между различными римскими *factiones* Секст Помпей сумел укрепить своё влияние на острове, использовав его как опорный пункт в борьбе против Октавиана и его союзников. Сицилия с её многочисленными укреплёнными городами и мощным морским флотом предоставляла Помпею стратегические преимущества, которые он использовал для организации блокады Италии и укрепления своих позиций в борьбе с триумвирами. Однако после его поражения Октавиан окончательно установил контроль над островом, превратив его вновь в сельскохозяйственный резервуар, снабжавший зерном Италию.

Тиндарис предположительно располагался на высоком скалистом прибрежном мысе около залива Патти. Он был основан в 396 году до н.э. Дионисием I Сиракузским как стратегический форпост на северном побережье Сицилии. На протяжении всей доримской истории Тиндарис находился в сфере политического влияния Сиракуз [4, с. 91; 21, сс. 306]. Во время Первой Пунической войны город был захвачен карфагенянами, которые использовали его в качестве военно-морской базы. При попытке перейти под римский контроль большинство знатных граждан Тиндариса были отправлены в Лилибей. В 254 году до н.э., после падения Панорма, Тиндарис перешёл под власть Рима вместе с Солунтом и оставался в зоне его влияния вплоть до конца республиканского периода (Diod. XXIII. 5–18; Polyb. I. 25–27).

Археологические исследования показали, что в средние века территория Тиндариса не была заселена. Это обстоятельство создаёт определённые трудности в изучении его топографического развития в эллинистическую и римскую эпохи. Раскопки XVIII и XIX веков проводились несистематично, в результате чего значительное количество артефактов, таких как скульптуры и надписи, попало в различные музеи Сицилии и Италии без указания на их точное происхождение [18, с. 30]. Систематические археологические раскопки начались здесь лишь после Второй мировой войны, а наиболее значимые из них проводились в 1990-х – 2000-х годах. Основная часть исследований была сосредоточена на равнине между двумя вершинами [18, с. 30]. В эпоху Римской империи город занимал площадь около 27 гектаров и был окружён стеной протяжённостью до трёх километров. Однако изначально поселение было гораздо меньше и находилось в юго-восточной части мыса, постепенно распространяясь на север и запад [17, с.140].

После окончания Первой Пунической войны в 241 году до н.э. Тиндарис оказался под контролем Римской республики и был включён в состав провинции Сицилия, что кардинально изменило жизнь города [14, сс. 87-89]. С приходом римской администрации на острове появились новые политические структуры и централизованное управление, существенно повлиявшие на местное самоуправление. Хотя Тиндарис сохранял некоторую степень автономии, его политические институты должны были приспособливаться к римским реалиям и законам. Несмотря на эти изменения, город продолжал играть весьма значимую роль в экономической жизни региона благодаря своему стратегическому расположению и сельскохозяйственным ресурсам. В этот период Сицилия стала для Рима главным поставщиком зерна, и Тиндарис активно участвовал в этом процессе, став важным звеном в системе хранения и транспортировки зерна [4, с.110].

Информация о развитии Тиндариса с момента его основания до II века до н.э. крайне ограничена, датировка же первоначального городского плана остаётся предметом споров. В середине XX века считалось, что прямоугольная планировка города относится ко времени коринфского полководца Тимолеонта, однако современные исследования указывают на то, что процесс её формирования мог длиться от основания города вплоть до конца III века до н. э. [8, сс. 130-133]. Даты строительства таких ключевых объектов, как театр и городские стены, также остаются неопределенными из-за частых реконструкций, которые они претерпели на протяжении веков. Эти факторы значительно осложняют для нас понимание раннего топографического и архитектурного развития Тиндариса [8, сс. 130-133].

О статусе Тиндариса под властью Рима пишет Цицерон в своих речах против Верреса

(Cic. Verr. II. 5. 124). Город входил в категорию *civitates decumanae*, что подразумевало необходимость выплачивать Риму десятину с урожая, но при этом позволяло сохранять определённую автономию. Налогообложение земель Тиндариса основывалось на системе *decuma*, введённой согласно *Lex Hieronica* [9, с. 421]. Со временем к этому добавились и другие налоги, такие как *altera decuma* и *frumentum imperatum*. По закону Lex Terentia Cassia frumentaria от 73 года до н.э. жители Сицилии были обязаны продавать зерно римскому государству по фиксированной цене [9, с. 421].

Цицерон также включил Тиндарис в число «семнадцати верных городов» Сицилии, подчёркивая его особую роль в обеспечении римской власти на острове [4, с. 116]. Стратегическая важность Тиндариса подтверждается функционированием его монетного двора, особенно в период Второй Пунической войны, когда выпускались монеты по римскому стандарту. После победы над Карфагеном Сципион Африканский наградил жителей города статуей Меркурия (Cic. Verr. II. 4. 84), что стало символом их лояльности.

Социальная структура Тиндариса в этот период претерпела значительные изменения. Институт клиентелы стал важным механизмом социальной мобильности для местной элиты, способствуя её интеграции в римскую систему власти. Он играл ключевую роль в процессе романизации местной правящей верхушки [11, с.126]. Примером этому может служить клиентела Помпея Филона, чьё влияние на Сицилии было обусловлено прибытием на остров семьи Помпеев в 82 году до н.э. [11, с.126]. До нас дошли имена выдающихся граждан Тиндариса, таких как гимнасиарх Деметрий, Зосипп и Исмения, которых Цицерон называет “*homines nobilissimi et principes Tyndaritanae civitatis*” [4, с. 116].

Большинство сохранившихся архитектурных сооружений Тиндариса, за исключением театра и городских стен, относятся к периоду Римской империи [8, сс. 135-140]. Тем не менее город процветал и во II—I веках до н.э. Тиндарис отличался высоким уровнем социального и экономического развития, что позволило Цицерону назвать его “*nobilissima civitas*” (Cic. Verr. II. 4. 84). Об этом косвенно свидетельствуют и многочисленные примеры похищения Верресом произведений искусства, находившихся как в частных собраниях, так и в общественных зданиях. Местоположение агоры до сих пор остаётся неизвестным, однако из произведений Цицерона можно почерпнуть сведения об общественных местах и их роли в жизни города. В одной из веррин оратор упоминает о ежегодных празднествах в честь статуи Меркурия, подаренной городу Сципионом и которую Веррес попытался присвоить себе. Когда городской совет воспротивился столь откровенному разбою, Веррес приказал сбросить проагора Сопатера с крыши портика (Cic. Verr. II. 4. 84–92). Совет, возглавляемый проагором, проявил решительность в противодействии Верресу, что свидетельствует о существовании в Тиндарисе давних традиций самоуправления. Наконец, без сомнения, в Тиндарисе существовал как минимум один форум, окружённый портиками, с крыши одного из которых Веррес и вознамерился сбросить Сопатера.

Наиболее исследованными жилыми объектами в Тиндарисе являются так называемые элитные резиденции, построенные в конце II — начале I века до н.э. [11, с.126]. Эти жилища располагались на террасах, что было обусловлено сложным рельефом местности. Ла Торре отмечает, что такие резиденции соответствовали моде на азиатский архитектурный стиль, популярный среди римской аристократии. Эти дома включали просторные перистили и экседры с колоннадами, что свидетельствует о высоком уровне

жизни местной элиты. Они резко контрастировали с более скромными жилищами, обнаруженными в других городах Сицилии, таких как Гераклея Минойская и Финтии [18, cc.81-82; 18, c. 34]. Элитные резиденции в Тиндарисе указывают на существование богатой местной аристократии. Цицерон упоминает о том, что некоторые виллы, например, вилла Гнея Помпея [11, c.116], были настолько просторными и роскошными, что в них не считалось зазорным принимать римского наместника (Cic. Verr. II. 2. 160). Дополнительным свидетельством проживания в городе весьма состоятельных людей является обнаруженная археологами прибрежная вилла в 15 км к востоку от Тиндариса (найденные там артефакты датируются первой половиной I века до н.э.). Недавние исследования в окрестностях Тиндариса также подтверждают подъём сельскохозяйственного производства после Второй Пунической войны, особенно на открытых и плодородных землях [4, c.116-117].

Стратегическое значение Тиндарис приобрёл во время войны Секста Помпея и Октавиана как один из главных укреплённых портов северо-восточного побережья. Ещё до войны, как указывает Цицерон, представители местной аристократии наладили связи с семьёй Помпея. Возможно, именно Тиндарис выпускал монеты в период правления Секста Помпея на Сицилии [1, c.83; 2, c.285; 3].

К 36 году до н.э. Сицилия погрузилась в состояние политической и экономической турбулентности, вызванной гражданскими войнами и борьбой за власть между Секстом Помпеем и Октавианом. Помпей, опираясь на беглых рабов и изгнанников, сумел создать на Сицилии мощное пиратское государство [20, c. 202]. Его армия, состоявшая из людей, принадлежавших к самым разным социальным слоям, была крайне разнородной, что усложняло руководство ею и координацию военных действий. Однако Помпею удалось организовать довольно эффективную оборонительную систему, включавшую укрепления, размещённые по всему острову: крепости, форпосты и сеть сторожевых башен вдоль побережья, что обеспечивало контроль за передвижениями вражеских сил и безопасность важнейших логистических маршрутов [6, c.141].

Тиндарис был призван сыграть важную роль в оборонительной стратегии Помпея. Его выгодное расположение на северо-восточном побережье Сицилии позволяло контролировать морские пути и обеспечивало коммуникацию с остальными городами на побережье. Городские укрепления включали мощные стены, дозорные башни и форпосты [6, c.72], что делало город труднодоступным для врага. Как утверждает Дион Кассий, Помпей превратил Тиндарис в ключевой опорный пункт для обеспечения контроля над морем, что позволило ему препятствовать манёврам флота Октавиана и затруднять снабжение вражеских войск продовольствием и другими ресурсами. Флот Помпея патрулировал побережье, защищая стратегически важные порты и логистические маршруты. Его быстроходные корабли, оснащённые лёгким вооружением, обеспечивали мобильную оборону береговой линии, перехватывая противника и создавая угрозу вражеским судам [10, cc.251-252].

Военные действия, развёрнутые Октавианом в 36 году до н.э., стали одними из самых интенсивных в истории гражданской войны на Сицилии. Стремясь окончательно ликвидировать власть Помпея на острове, Октавиан организовал массированное вторжение [23, c.83; 6, c. 123]. Его план подразумевал не только атаку с суши, но и морскую блокаду ключевых портов, таких как Тиндарис. Блокада лишала Помпея возможности подвозить с моря оружие и продовольствие, истощая запасы на городских складах и тем самым снижая боевой дух защитников. Помпей использовал флот и

городские укрепления, чтобы сдерживать наступление войск Октавиана. Подобная тактика позволила ему в течение какого-то времени удерживать свои позиции, успешно отбивая атаки врага. Доставка воды, продовольствия и оружия в Тиндарис осуществлялась морским путём. Город играл роль ключевого пункта обороны, обеспечивая концентрацию войск и связь с другими районами Сицилии, что делало возможной координацию оборонительных действий. Однако активные мероприятия флота Агриппы и стремительное наступление римских легионов привели к падению Тиндариса. Агриппа, известный своими воинскими талантами и энергией, сумел организовать морскую блокаду и несколько раз успешно атаковал флот Помпея, что привело к значительным людским и материальным потерям в стане противников Октавиана [\[7, с.116\]](#). После утраты контроля над Тиндарисом Октавиан начал решительное наступление на другие опорные пункты Помпея на острове. Легионы под командованием Агриппы продвигались вдоль побережья, захватывая одно вражеское укрепление за другим, что создало условия для окружения войск Помпея и вынудило их к отступлению. Октавиан эффективно использовал численное превосходство и техническое оснащение своей армии, чтобы добиться стратегического преимущества, значительно ослабив позиции Помпея. Потеря Тиндариса стала первым серьёзным поражением Помпея в той череде неудач, которые в конечном счёте привели к его поражению, бегству и гибели.

Одним из самых заметных эпизодов кампании стало морское сражение при Навлохе в сентябре 36 года до н.э. Оно явилось поворотным моментом в войне между Помпеем и Октавианом и определило дальнейшую судьбу Сицилии [\[20, с.231\]](#). Сражение началось с массированного наступления флота Октавиана под командованием Агриппы на позиции флота Помпея, состоявшего из лёгких и быстроходных кораблей [\[22, с. 214\]](#). Несмотря на тактическое мастерство, которое Помпей проявил в самом начале сражения, его флот понёс значительные потери. Корабли Помпея были либо уничтожены, либо захвачены противником, что привело к полному краху всей его оборонительной системы. Потеря флота означала, что Помпей больше не мог эффективно сопротивляться, поэтому ему пришлось бежать. Это сражение предопределило исход войны в пользу Октавиана и ознаменовало конец пиратской республики Секста Помпея. Флот Октавиана сумел взять верх над противником, несмотря на опытность капитанов Помпея. Потеря флота означала не только военный крах, но и полный упадок морального духа защитников Тиндариса и других городов, всё ещё подконтрольных Помпею [\[19, с.14\]](#).

После поражения Помпея ситуация на Сицилии кардинально изменилась. Тиндарис, как и другие города острова, претерпел тяжёлые разрушения. В ходе боёв значительная часть городской инфраструктуры была уничтожена: городские стены пробиты в нескольких местах, многие здания разрушены или сгорели. Местные жители были вынуждены нести тяжёлые расходы по содержанию римских войск и выполнять различные повинности, такие как восстановление повреждённых укреплений, поставки продовольствия и снабжение армии [\[5, с. 292\]](#). Тиндарис был превращён в базу для римских войск, что означало увеличение налоговой нагрузки и принудительных работ. Город оказался в состоянии экономического упадка: ресурсы истощены, многие дома разрушены, численность населения значительно уменьшилась. Как пишет Страбон, Сицилия после войны находилась в состоянии олигантропии — резкого уменьшения численности населения. Это создало благоприятные условия для римских колонистов, которые получили возможность приобрести землю и заняться сельским хозяйством [\[15, сс.521-522.\]](#). Земельные участки, ранее принадлежавшие горожанам, были перераспределены в пользу римских ветеранов и лояльных сторонников Октавиана.

Городская жизнь Тиндариса, как и многих других городов Сицилии, была разрушена, и акцент сместился в пользу сельского хозяйства и животноводства. Ветераны, получившие землю, начали создавать фермы и поместья, создавая новые экономические отношения в соответствии с римской аграрной моделью [\[19, с. 121\]](#).

Утвердившись в качестве победителя, Октавиан приступил к реформированию управления на Сицилии, что затронуло и Тиндарис. Точный статус города в этот период до конца не ясен, но вероятно, что Тиндарис был преобразован в муниципий с латинским правом, что предоставляло определённые привилегии его жителям [\[4, с. 119\]](#). Эти привилегии включали возможность заниматься торговлей, участвовать в решении местных проблем и получать определённые налоговые льготы. Однако это не избавило местных жителей от весьма обременительных обязанностей по отношению к римской администрации. Со временем, после окончательного утверждения власти Октавиана, город был преобразован в римскую колонию (около 21 года до н.э.), что лежало в русле его политики по раздаче земель ветеранам [\[17, с. 164\]](#). Колонизация способствовала укреплению римской культурной и социальной идентичности Тиндариса. Ветераны и их семьи принесли с собой римские обычаи, традиции и образ жизни, что углубило интеграцию города в жизнь Римской империи. Ветераны стали играть важную роль в управлении, занимая административные посты и обеспечивая приверженность горожан новым законам и порядкам [\[24, с. 298-302\]](#). Это привело к постепенной романизации местного населения и изменению социальной структуры Тиндариса, способствуя укреплению его связей с центральной властью и более глубокой интеграции в экономическую и культурную жизнь Римской империи. [\[11, с.131\]](#)

Институциональный и правовой статус Тиндариса, как и других сицилийских городов в период между диктатурой Цезаря и принципатом Августа, остаётся неясным из-за недостатка информации. По словам Цицерона, города Сицилии должны были около 46 года до н.э. получить от Цезаря латинское право (*ius Latii*), а от Антония — римское гражданство, хотя законность этого нововведения на Сицилии остаётся предметом дискуссий [\[4, с.119\]](#). В отсутствие точных исторических сведений исследователи обращаются к эпиграфическим и нумизматическим материалам, чтобы определить статус каждого города. О наличии муниципиев в эпоху Цезаря и позднее свидетельствуют монеты с именами дуумвиров, особенно на северном побережье острова [\[4, с.119\]](#). Остаётся спорным вопрос о том, следует ли приписывать Цезарю замену *decimae frumentariae* на *stipendium* [\[13, с.33\]](#). После окончания конфликта с Помпеем Октавиан ввёл для городов компенсацию, которая, вероятно, была связана с долгами по выплатам стипендий или представляла собой новый финансовый механизм. Согласно предположению Манганаро, статус *ius Latii* был подтверждён для большинства городов [\[9, с. 451\]](#).

Страбон, один из наших главных источников о сицилийских городах между 36 и 12 годами до н.э., отмечает состояние запустения и олигантропии — резкого сокращения населения — во многих районах острова (Strabo. VI. II. 6). Он сообщает о том, что такие условия позволили римлянам приобретать горы и равнины, передавая их пастухам, среди которых появлялись такие личности, как Селеурос, сын Этны, поднимавший разбойничьи и рабские восстания, подобные восстанию Евна. Примечательно, что Страбон классифицирует пять городов северного побережья как полихния (малые города) или полисмата (небольшие центры), что отражает кризис, хотя и не столь острый, как на южном побережье.

Описание Сицилии у Страбона в VI книге «Географии» основано на различных источниках: сведения Эфора, Гекатея и Посидония; натуралистические наблюдения Полибия и Посидония; географические сведения и конкретные данные о расстояниях, почерпнутые у Эфора, Артемидора, Полибия и Корографа. Некоторые учёные полагают, что эта хорография была официальным документом, и связывают её с картографической работой Агриппы времён Августа [4, с. 120]. Другие считают, что это была морская карта или лоция, к которой Страбон обращался при полном отсутствии или противоречивости источников. Страбон отмечает (VI. II. 1–3), что расстояния в римских милях определялись путём последовательного измерения участков вдоль побережья, а не прямыми линиями, что соответствует материалам первоначальной разведки после победы над Помпеем и стремлению собрать демографическую и политическую информацию.

Между 22 и 21 годами до н.э., во время визита Августа на Сицилию, была проведена институциональная реорганизация городов, в рамках которой основывались колонии ветеранов. Об этом Август упоминает в своих «Деяниях» (*Res Gestae Divi Augusti*. 28. 1). Тиндарис стал одной из таких колоний в результате преобразования из латинского муниципия.

Особый интерес представляет роль Тиндариса как ключевой транспортной развязки, соединившей Лилибей и Мессану. Вероятно, Август стремился сделать этот город стратегическим опорным пунктом на маршруте к Эолийским островам, Кампании и Риму. Однако реализация этого проекта могла быть прервана катастрофой, о которой упоминает Плиний Старший, но игнорирует Страбон. По словам Плиния, эта катастрофа уничтожила половину Тиндариса.

Страбон отмечает, что расстояние от Тиндариса до Мил составляет двадцать пять миль, а до Агатирна — тридцать миль; оба этих населённых пункта он относит к категории *полихний*. М. Фасоло обращает внимание на многочисленные несоответствия в расчётах расстояний у Страбона, которые, вероятно, появились из-за ошибок при переписке рукописей. Например, в некоторых кодексах расстояние между Тиндарисом и Агатирном указано как «пятьдесят» миль вместо «тридцати» [4. cc.121-122].

Что касается катастрофы, упомянутой Плинием Старшим, учёные связывают её с оползнем северо-восточной части мыса, где располагался город. Однако археологические исследования не подтверждают факта значительных разрушений в этой зоне. Возможно, последствия катастрофы затронули соседние районы, такие как Монте-ди-Джове или побережье, где в настоящее время находятся озёра Маринелло.

История Тиндариса — это яркий пример трансформации античного города, который прошёл путь от стратегического форпоста греческого мира до интегральной части Римской империи. Благодаря своему географическому положению и экономическому потенциалу Тиндарис играл важную роль в политике и экономике Средиземноморья на протяжении многих веков.

В эпоху эллинизма город стал важным военно-морским портом, а после включения в состав провинции Сицилии — значимым звеном в системе римского управления. Преобразование Тиндариса в римскую колонию во времена Августа подчеркнуло его стратегическую ценность и завершило процесс интеграции в состав империи. Археологические находки, раскопанные монетные дворы, элитные резиденции и укрепления подтверждают высокий уровень социально-экономического развития города.

Гражданские войны и связанные с ними разрушения не смогли свести на нет значение Тиндариса. Наоборот, все эти события стали катализатором перемен в его существовании, позволив городским структурам адаптироваться к новым политическим и культурным реалиям. Исследования подтверждают, что город стал региональным центром романизации, где местная элита успешно интегрировалась в римскую административную и социальную систему.

Таким образом, Тиндарис остаётся для антиковедов важным объектом изучения. Его история демонстрирует, как локальные сообщества взаимодействовали с имперскими структурами, адаптируя свои традиции и архитектуру к новым историческим условиям.

Библиография

1. Calciati, R. *Corpus Nummorum Siculorum. Vol. 3. La monetazione di bronzo.* Roma, 1987. - 356 c.
2. Carroccio, B. *Dal basileus Agatocle a Roma: le monetazioni siciliane d'età ellenistica: cronologia, iconografia, metrologia.* Messina, 2004. - 234 c.
3. Crisà, A. *La monetazione di Tindari romana con segni di valore e legende in lingua latina.* 2008. - 72 c.
4. Fasolo, M. *Tyndaris e il suo territorio. Volume I. Introduzione alla carta archeologica del territorio di Tindari.* MediaGEO, 2013. - 192 c.
5. Ficocelli, G.L. *Sextus Pompeius and Sicily: Aretē, Virtus, and Leadership // In Ageless Arete: Selected Essays from the 6th Interdisciplinary Symposium on the Hellenic Heritage of Sicily and Southern Italy / eds. H.L. Reid, J. Serrati.* Parnassos Press Fonte Aretusa, 2022. P. 85-104.
6. Hadas, M. *Sextus Pompey.* New York: Columbia University Press, 1930. - 180 c.
7. Holmes, T. Rice. *The Architect of the Roman Empire.* Oxford: Clarendon Press, 1928. - 413 c.
8. La Torre, G.F. *Il processo di romanizzazione della Sicilia: il caso di Tindari // Il processo di romanizzazione della Sicilia,* 2004. P. 1000-1036.
9. Manganaro, A.G. *La Sicilia da Sesto Pompeo a Diocleziano // ANRW II, 11.1.* Berlin-New York, 1988. P. 239-298.
10. Ormerod, H.A. *Piracy in the Ancient World.* Liverpool: University Press of Liverpool, 1924. - 330 c.
11. Pfuntner, L. *Urbanism and Empire in Roman Sicily.* Austin: University of Texas Press, 2019. - 248 c.
12. Powell, A. *'An Island Amid the Flame': The Strategy and Imagery of Sextus Pompeius, 43-36 BC // In Sextus Pompeius / eds. A. Powell, K. Welch.* Swansea: The Classical Press of Wales, 2002. P. 103-135.
13. Pritchard, R.T. *"Perpaucæ Siciliae civitates": Notes on "Verr." 2,3,6,13 // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* 1975. Bd. 24, H. 1. P. 1-13.
14. Roussel, D. *Les Siciliens entre les Romains et les Carthaginois à l'époque de la première guerre punique.* Besançon, 1970. - 147 c.
15. Rubincam, C.R. *The Chronology of the Punishment and Reconstruction of Sicily by Octavian Augustus // American Journal of Archaeology.* 1985. Vol. 89, No. 3. P. 521-522.
16. Scott, W.H. *On a Rare Coin of Tyndaris, in Sicily // The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society.* 1854. Vol. 17. P. 218-219.
17. Smith, C., Serrati, J. (eds.). *Sicily from Aeneas to Augustus: New Approaches in Archaeology and History.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. - 336 c.
18. Spigo, U. *La "Basilica" // Tindari: area archeologica e l'antiquarium / a cura di U. Spigo.* Milazzo: Rebus, 2005. P. 55-58.

19. Stone, S.C. III. Sextus Pompey, Octavian and Sicily // American Journal of Archaeology. 1983. Vol. 87, No. 1. P. 11-22.
20. Syme, R. The Roman Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1939. - 596 с.
21. Uggeri, G. Itinerari e strade, rotte, porti e scali della Sicilia tardoantica // Kokalos. Vol. XLIII-XLIV (1997-1998). P. 651-720.
22. Watson, L. Horace and the Pirates // In Sextus Pompeius / eds. A. Powell, K. Welch. Swansea: The Classical Press of Wales, 2002. P. 213-229.
23. Weigel, R.D. Lepidus: The Tarnished Triumvir. London: Routledge, 1994. - 168 с.
24. Машкин, Н.А. Принципат Августа. М., 1949. - 608 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Тиндарис между Помпеем и Октавианом: политические, стратегические и культурные изменения в жизни города» представляет собой обращение к сюжетам античной истории, а именно к истории сицилийского города Тиндарис в римскую эпоху. Заглавие работы несколько дезориентирует: «Тиндарис между Помпеем и Октавианом...» отсылает непосредственно к событиям гражданской войны между Помпеем и Октавианом и ее последствиям (30-ые гг. до н.э.), в то время как в общей объеме работы этот сюжет занимает сравнительно небольшую долю, хотя автор и подчеркивает важность именно этого периода в истории города. Вероятно, более подходящим названием было бы "Тиндарис в римскую эпоху: политические, экономические и культурные изменения в жизни города". Работа представляет собой скорее общий обзор истории Тиндариса в эпоху римского владычества от ранних лет существования (II век до н.э.) и до времен императора Августа, т.е. отслеживание процесса постепенной романизации Тиндариса. В связи с этим можно безусловно согласиться с выводом автора о том, что история Тиндариса — это «яркий пример трансформации античного города... от стратегического форпоста греческого мира до интегральной части Римской империи». Однако другое авторское утверждения вызывает вопросы: автор пишет в заключении, что его работа позволяет отследить «как локальные сообщества взаимодействовали с имперскими структурами, адаптируя свои традиции и архитектуру к новым историческим условиям». Из работы действительно можно узнать о разных подходах имперских структур (в разное время) относительно Тиндариса, но длянятых выводов об адаптации традиций и (особенно) архитектуры локальных сообществ в работе элементарно не хватает фактического материала; утверждение о Тиндарисе как о локальном центре романизации бесспорно само по себе, но является просто констатацией направленности развития, не фиксируя специфики, не обращаясь к примерам и т.д. Точно так же можно сказать, что заявленные в названии текста «политические, стратегические и культурные изменения в жизни города» намечены весьма схематично, особенно это касается культурных изменений. Работа основана на значительном корпусе преимущественно итальянской, англо-американской и др. исторической литературы; обзор литературы и установление степени новизны рецензируемой работы отсутствуют, что на наш взгляд мешает пониманию актуальности данной темы т.к. исходные тезисы о об "уникальном культурном и экономическом ландшафте" или о Тиндарисе как примере адаптации локальных сообществ к имперской политике лишь намечены, но не развиты. Как общий обзор истории Тиндариса римских времен работа вполне состоятельна, в этом качестве ее можно рекомендовать к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Латушко Н.Н. Деятельность Интернациональной контрольной комиссии Коммунистического Интернационала после VII конгресса // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74478 EDN: EVTMOL URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=74478

Деятельность Интернациональной контрольной комиссии Коммунистического Интернационала после VII конгресса

Латушко Никита Николаевич

ассистент; институт Общественно-политическая подготовка; Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1Б

 nikita.latushko@yandex.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74478

EDN:

EVTMOL

Дата направления статьи в редакцию:

15-05-2025

Дата публикации:

22-05-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию деятельности главного контрольного органа Коммунистического Интернационала – Интернациональной контрольной комиссии. Объектом исследования является ИКК, созданная в 1921 году. В работе рассматриваются основные аспекты деятельности ИКК после VII конгресса КИ – в 1936 году, в том числе влияние кампании по проверке и обмену партийных документов в ВКП(б) на работу ИКК; деятельность совместной комиссии Отдела кадров Исполнительного комитета Коминтерна и ИКК (или комиссия Анвельта-Краевского) по проверке рекомендаций членов зарубежных секций в ВКП(б); введение нового порядка проверки нарушений партийных норм и изменение роли ИКК для зарубежных секций. Анализ разных аспектов деятельности Коминтерна позволяет выявить общие тенденции, определившие направления в работе организации в целом, и Интернациональной

контрольной комиссии в частности. Отдельно рассмотрено влияние событий Московского процесса на деятельность Комиссии, повлекшее за собой ужесточение политики контрольных органов Коминтерна в отношении иностранных коммунистов. Методологической базой статьи являются принципы историзма, объективности и научности, структуралистский подход, а также историко-сравнительный и историко-генетический методы. Научная новизна статьи обусловлена прежде всего самим объектом исследования: до сих пор деятельность Интернациональной контрольной комиссии не становилась предметом отдельных работ. Углубленное изучение этой проблематики позволяет восполнить существующие пробелы в истории Коммунистического Интернационала. Для написания статьи привлекались архивные документы из фондов РГАСПИ, включающие статистические данные по нарушениям партийной дисциплины членами национальных секций Коминтерна. На основании этой информации реконструирована категоризация и последовательность рассмотрения соответствующих дел руководством ИКК, а также выявлена корреляция между событиями во внутренней политике СССР, деятельностью ВКП(б) в ИККИ и работой Интернациональной контрольной комиссии в первый год после VII конгресса Коммунистического Интернационала. В свете изложенных обстоятельств выдвинуто предположение, что деятельность ИКК была продиктована растущими подозрениями руководства ВКП(б) в адрес иностранных коммунистов и в определенной степени стала прологом репрессий в отношении работников Коминтерна в более поздний период.

Ключевые слова:

Коммунистический Интернационал, VII конгресс Коминтерна, Интернациональная контрольная комиссия, Исполком Коминтерна, Коллегии ИКК, Зарубежные секции Коминтерна, Коммунистическая партия, Политические репрессии, Комиссия Анвельта-Краевского, Нарушения партийных норм

Проведение VII конгресса Коммунистического Интернационала (далее ИК) стало началом нового этапа в деятельности международной организации. Под влиянием таких факторов как приход к власти А. Гитлера в Германии в 1933 году и новый внешнеполитический курс СССР руководство Коминтерна приступило к пересмотру сложившейся системы работы. Ответом на существовавшие опасения касательно усиления фашистских настроений в разных странах стал переход к тактике "народных фронтов". Влияние на деятельность организации также оказывала внутриполитическая обстановка в СССР. Так, результаты кампаний по обмену и проверке партийных документов членов ВКП(б) повлекли за собой изменения в кадровой политике Коммунистического Интернационала [1, с. 134]. Это, в свою очередь, стало одной из причин изменения всей структуры управления организации. Реорганизация структуры Коминтерна коснулась в том числе и такого важного органа, как Интернациональная контрольная комиссия (далее ИКК).

ИКК была создана в 1921 г. как высший контрольный орган Коммунистического интернационала и начала свою работу после V конгресса Коминтерна в 1924 году. В деятельность Комиссии входили проверка членов национальных компартий на предмет дисциплинарных нарушений и идеологического несоответствия, рассмотрение жалоб на действия структурных подразделений ИККИ, контроль и ревизия финансов Коминтерна и его секций. Кроме того, Комиссия занималась рассмотрением дел, связанных с нарушением конспирации и норм партийной этики. Вместе с тем сама ИКК с 1928 года

имела возможность инициировать расследования в отношении определенных членов и групп, а также вести дела других компартий по вопросам единства и их сплоченности [2, с. 138]. По мнению исследователя В. Ш. Сургуладзе, Интернациональная контрольная комиссия представляла собой в первую очередь механизм для борьбы с фракционностью и оппозиционными течениями в зарубежных компартиях [3, с. 190]. При этом сложилась практика отдельного избрания членов ИКК на конгрессах Коммунистического Интернационала, а в дискуссиях со временем стала отчетливее звучать тема независимости Комиссии от прочих инстанций Коминтерна. Фактически, к 1935 году Интернациональная Контрольная Комиссия равнозначным с Исполнительным Комитетом высшим органом Коминтерна.

Исследовательский интерес к деятельности ИКК связан с возможностью проследить на её основе новые явления и тенденции в деятельности Коминтерна, возникшие после VII конгресса. При этом работа Интернациональной контрольной комиссии до сих пор не становилась предметом отдельных исследований. Итак, целью настоящей статьи является анализ деятельности ИКК в первый год после проведения VII конгресса Коминтерна – в 1936 году.

Отдельные эпизоды, связанные с деятельностью ИКК, представлены в работах Ф. И. Фирсова [4-6], А. Ю. Ватлина [7-9], М. М. Пантелейева [10], В. Ш. Сургуладзе [3], У. Чайза [11], а также в коллективной монографии под редакцией Г. М. Адебекова [2]. В этих исследованиях обстоятельно рассматривается взаимодействие ИККИ и ИКК в период после проведения VII конгресса Коминтерна, а также работа ИКК по реализации политики Коминтерна и ВКП(б) в зарубежных компартиях.

Также стоит отметить работы, в которых обстоятельно изложены отдельные эпизоды внутренней политики СССР в 1930-х гг. и истории ВКП(б) [12-14]. Условия работы Коминтерна в значительной степени диктовались ходом кампании по обмену и проверке партийных документов в ВКП(б) – она обстоятельно исследована О. В. Хлевнюком [15] и К. А. Юдиным [16]. Особое значение для нашего исследования имеют работы, посвящённые развитию политических репрессий в СССР [17-19], а также их влиянию на деятельность Коминтерна и ИКК в частности [1].

Источниковая база настоящего исследования представлена документами по деятельности ИКК из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 39-54, 70-78, 132-137). В фонд входят материалы делопроизводства ИКК и переписка с секциями и ведомствами ИККИ. Кроме того, в рамках исследования использованы нормативные документы Коминтерна (Программа и Устав Коммунистического Интернационала. М.-Л. Государственное издательство. 1928. 96 с.), сборники материалов по совместной работе ВКП(б) и Коминтерна (Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919 – 1943. Документы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 960 с.), а также источники личного происхождения за авторством близких родственников руководителей Коминтерна (Пятницкий В.О. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. М.: Харвест, 2004. 719 с.; Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания 1919-1965. Петрозаводск, 1991. 240 с.).

ИКК являлась неотъемлемой частью Коминтерна и даже располагалась в общем здании с ИККИ в Москве. Это позволяло членам ИКК напрямую взаимодействовать с секциями и их представителями для обмена информацией и принятия решений, касавшихся членов

зарубежных компартий. Состав Интернациональной контрольной комиссии формировался непосредственно конгрессом Коммунистического Интернационала. Организационная структура Комиссии включала в себя следующие органы: Бюро (занимавшееся общим руководством деятельности Комиссии и рассмотрением особо сложных дел), секретариат и аппарат (занимались рассмотрением дел, их градацией по важности, регулярным информированием членов ИКК о заседаниях и работе последней, запрос дел у других секций), а также Ревизионную комиссию (налаживание ревизии финансов Коминтерна) [2, с. 146-147]. Члены Бюро избирались из членов ИКК с согласованием в Секретariate ИККИ.

На заседании VII конгресса Коммунистического Интернационала от 28 августа 1935 года был избран новый состав Интернациональной контрольной комиссии. Численность Комиссии была незначительно уменьшена (с 22 до 20 членов), а состав обновлён на $\frac{2}{3}$ с избранием членов, уже работавших в органах Коминтерна (например, А. П. Краевский в Отделе кадров или Е. Д. Стасова в МОПРе (МОПР - Международная организация помощи борцам революции)). На должность секретаря ИКК был избран один из руководителей Коммунистической партии Эстонии Я. Анвельт, на должность председателя Бюро ИКК был избран руководитель литовской секции Коминтерна З. Ангаретис (в прошлый созыв был секретарем Комиссии).

Новоизбранный состав ИКК практически сразу был вовлечён в процесс пересмотра кадровой политики Коминтерна и принял участие в кампаниях по проверке сотрудников организации. Известно, что решения руководства Коммунистического Интернационала во многом диктовались аналогичными решениями руководства ВКП(б). Особенно ярко это выражалось в ходе кампании по обмену и проверке партийных билетов в рядах ВКП(б) [11, р. 113]. На фоне растущего недоверия партийного руководства к политическим эмигрантам и в связи с ужесточением процедуры перевода членов зарубежных компартий в состав ВКП(б), лидеры Коминтерна инициировали кампанию по проверке выданных рекомендаций и переводов членов зарубежных компартий в состав советской секции (т.е. в состав ВКП(б)).

В конце января 1936 года была создана комиссия под руководством секретаря Интернациональной контрольной комиссии Я. Я. Анвельта и заведующего Отделом кадров ИККИ А.П. Краевского (одновременно был членом ИКК) (Комиссия ИКК и Отдела кадров ИККИ по вопросу переводов членов секций в состав ВКП(б). // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 48). Главной целью кампании стал сбор актуальной информации по разным секциям, анализ и выявление реального количества переводов и политэмигрантов, попавших в СССР по ходатайству своих партий. Комиссия уже со старта работы столкнулась с проблемой отсутствия актуальной и достоверной информации по количеству выданных рекомендаций: архивной документации по переводам в 1920-е годы фактически не существовало (В Секретариат ИККИ от 15.02.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 48. Л. 21). На национальные секции Коминтерна была возложена обязанность собрать статистику и списки лиц, переведённых в ВКП(б), а также проверить их рекомендации и предоставить соответствующую информацию ИКК.

№	Секция КИ	Число политэмигрантов с 1920 года (приблизительно)	Переведено в ВКП(б) (приблизительно)	До сих пор снято рекомендаций
1	Чехословацкая	-	306	Сведений нет
2	Австрийская	1000	70	Сведений нет

3	Болгарская	-	500-800	Сведений нет
4	Югославская	500	-	4
5	Турецкая	-	45	Сведений нет
6	Латвийская	2000	1000	4
7	Греческая	-	-	1
8	Американская	10000	2000-3000	Сведений нет
9	Финская	10000-12000	400	Сведений нет
10	Польская	5000	2000	Сведений нет
11	Эстонская	2000	300-400	6
12	Итальянская	270	76	Сведений нет
13	Японская	-	1	-
14	Швейцарская	-	8	-
15	Литовская	600	-	6
16	Германская	4000	2600	Сведений нет

Таблица 1. Сведения о членах секций КИ, переведенных в ВКП(б) от 15.02.1936 г.

Из протоколов ИКК известно, что к 15 февраля 1936 года информация по переводам и рекомендациям была получена от 23 национальных секций (из них 16 компартий смогли дать какую-то информацию, 8 партий - непроверенную полную информацию) (В Секретариат ИККИ от 15.02.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 48. Л. 20). По статистическим данным, сформированным ИКК, с 1920-х годов в СССР на постоянной основе переехали от 35 372 до 37 372 иностранных коммунистов и эмигрантов (из них четверть (от 9 307 до 10 707 человек) были рекомендованы в состав ВКП(б)). Наиболее крупные группы иммигрантов прибыли в СССР из Финляндии (от 10 до 12 тыс. человек или около 30% прибывших), США (10 тыс. человек или 28%), Польши (5 тыс. человек или 14%) и Германии (4 тыс. человек или 11%). По приблизительным расчётам ИКК, большинство переводов иностранных коммунистов в состав ВКП(б) было осуществлено из национальных секций по указанным странам. Так, наибольшее количество переводов было совершено из немецкой (2600 переводов или 28% от общего числа), американской (2-3 тыс. переводов или 22-29%), польской (2 тыс. переводов или 22%) и латвийской (1 тыс. переводов или 11%) компартий (примечательно, что финские коммунисты, представленные наибольшей группой в целом, имели "всего" 400 переводов или около 4% от общего числа переводов) (В Секретариат ИККИ от 15.02.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 48. Л. 20). Таким образом, наибольший процент среди политэмигрантов в СССР имели представители приграничных стран (за исключением США) или те, где имелась сильная компартия (Германия). Заметна прямая связь между количеством переводов из секций в ВКП(б) и расположением стран компартий относительно СССР (за исключением США).

Проверка отдельных национальных секций была сопряжена с трудностями. Известны случаи, когда на переведенных в ВКП(б) членов не было обнаружено личных характеристик (например, в компартии Югославии представитель указал, что партия не нашла характеристику и информацию по 50 переведенным членам) (В Секретариат ИККИ от 15.02.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 48. Л. 5). Отдельные иностранные компартии (в том числе польской, болгарской и румынской) создали специальные внутренние комиссии для проверки и пересмотра выбранных рекомендаций. Можно предположить, что этот шаг был связан со стремлением зарекомендовать себя с лучшей стороны в глазах руководства ИКК и ВКП(б).

В ходе анализа собранных данных комиссией было сформулировано несколько предварительных выводов. В докладной записке от 19 февраля 1936 года на имя Г. Димитрова от А. П. Краевского и Я. Я. Анвельта отмечена недостаточность проделанной представителями иностранных секций работы, а также содержится требование ко всем представителям иностранных компартий создавать свои комиссии по проверке переводов в ВКП(б), а результаты их работы передавать в ИКК каждую декаду.

Отмечено, что проверенные данные были предоставлены только 7 секциями (греческой, латышской, литовской, финской, швейцарской, эстонской и югославской) (В Секретариат ИККИ от 15.02.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 48. Л. 21). Помимо этого, было предложено внести изменения в существующий порядок ведения личных дел в Отделе кадров Исполкома Коминтерна.

Весной 1936 года в польской, венгерской и латышской компартиях развернулась кампания по проверке партийных билетов, проходившая под контролем Коминтерна. Органам НКВД совместно с Коммунистическим Интернационалом поручалось провести повторную регистрацию эмигрантов, прибывших по линии международных организаций (Коминтерн, Профинтерн и МОПР) в течение 3 месяцев. [18, с. 55]. В этом процессе приняла участие и Интернациональная контрольная комиссия: с мая 1936 г. началось рассмотрение личных дел членов венгерской (Стенограмма заседания ИКК по делу бывших членов КП Венгрии. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 45а. Л. 1) и латвийской (Дел о руководстве компартии Латвии Паузера, Марти и Лиза (Материалы к протоколу № 24 заседания коллегии ИКК от 24.07 и 03.08.1936). // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 45) секций Коминтерна. Тогда же после завершения «эстонского дела», связанного с фракционизмом, органами НКВД был арестован руководитель эстонской секции Я. К. Пальварде, что положило начало «делу фонтанников». Название «фонтанники» происходит от места расположения эстонского клуба политэмигрантов – на Фонтанке в Ленинграде [19, с. 283]. На заседаниях Бюро ИКК в этот период отмечались ошибки руководства иностранных компартий, связанные с нарушениями директив VII конгресса Коминтерна. В качестве наиболее неблагоприятного последствия этих действий указывалось возникновение фракционной борьбы в иностранных компартиях.

После вхождения Я. Я. Анвельта и З. И. Ангаретиса в состав руководства ИКК сложившийся порядок работы Комиссии и ее аппарата был пересмотрен (О работе ИКК. Записка Я. Анвельта от 20.05.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 70. Л. 2-6). Были проанализированы проблемы, с которыми ИКК сталкивалась с 1924 г., и в результате было решено реорганизовать систему рассмотрения дел, а также провести ревизию уже рассмотренных дел. В частности была организована работа коллегий из 3-5 членов, каждая из которых занималась конкретной группой дел в зависимости от их сложности и связи с деятельностью структурных подразделений ИККИ. С целью обеспечения бесперебойного рассмотрения дел предусматривалось постоянная ротация состава коллегий. Комплексные дела, связанные с руководством соответствующих секций либо же требующие особого подхода, рассматривались с участием Бюро ИКК. Решения Бюро не подлежали апелляции (однако в последствии некоторые из них были пересмотрены самим же Бюро).

№	Страны:	Число дел:	% от общего кол-ва:
1	Болгария	30	3%
2	Венгрия	36	3%
3	Германия	132	12%

4	Китай	43	4%
5	Латвия	32	3%
6	Польша	97	9%
7	Румыния	39	4%
8	СССР	288	26%
9	Франция	29	3%
10	Чехословакия	33	3%
11	Югославия	43	4%
Общее количество привлеченных:		1114	

Таблица 2. Сводка о нарушениях партийной дисциплины членами секций КИ с 1924 по 1 квартал 1936 гг.

К концу мая 1936 года руководство Интернациональной контрольной комиссии подготовило отчет по проведенной ревизии дел за период с 1924 по 1 квартал 1936 гг. и направило его в Секретариат ИККИ. За 10-летний период через ИКК прошло 1114 дел членов разных секций Коминтерна (не считая чистки студентов МЛШ, КУТКА, других учебных заведений и организаций) (Сводка о партнарушениях в компартиях 49 стран по делам, рассмотренных в ИКК за время с 1924 по 1-е апреля 1936 года включительно. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 70. Л. 8). Примечательно, что Комиссия в том числе занималась рассмотрением дел членов ВКП(б). Соответствующий прецедент был создан «группой 22-х» в феврале 1922 г., когда члены «рабочей оппозиции» подали заявление в Исполком Коминтерна с резкой критикой решений X съезда ВКП(б) и требованием вмешаться во внутренние дела партии как одной из секций организации. В результате рассмотрения дел партийные взыскания были вынесены в отношении 228 членов ВКП(б) (около 26% от общего числа рассмотренных дел) (Сводка о партнарушениях в компартиях 49 стран по делам, рассмотренных в ИКК за время с 1924 по 1936 гг. включительно. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 70. Л. 38). Что касается иностранных секций, то в наибольшем количестве к ответственности были привлечены члены компартий Германии (132 привлеченных или около 12% от общего числа дел), Польши (97 или около 9%) и Югославии (43 или 4%).

Помимо общей статистики, в записке приведены данные по основным статьям обвинений против членов компартий (предательство, провокации, нарушения конспирации и фракционная борьба), а также указаны выводы и предложения. Отмечалось, что ИКК и национальные секции недооценивали масштабы предательств и нарушений партийной конспирации со стороны рядовых коммунистов. Руководство секций игнорировало чистосердечные признания своих членов сотрудникам полиции при облавах, задержаниях и допросах, а также закрывало глаза на нарушения элементарных правил конспирации (с открытой передачей информации о местонахождении конспиративных квартир, связных и иных конфиденциальных сведений) (Докладная записка Димитрову от Я. Анвельта по работе ИКК от 20.05.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 70. Л. 3). Более того, существовала проблема отсутствия контроля за исполнением некоторых решений Комиссии, в связи с чем не все начатые дела доводились до завершения. Для повышения продуктивности и оперативности работы Интернациональной контрольной комиссии секретарь ИКК Я. Я. Анвельт предложил сосредоточиться на разборе дел предателей, провокаторов, нарушителей конспирации и фракционеров, а также на изгнании из партии чуждых элементов (Докладная записка Димитрову от Я. Анвельта по

работе ИКК от 20.05.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 70. Л. 4).

Отдельно обратим внимание на пункт, связанный с предательством. За любое нарушение, связанное с предательством интересов партии и ее членов, предполагалось исключение из партии. Под предательством трактовались не только открытый переход на позиции врага, передача конфиденциальной информации или вероломное поведение в отношении сопартийцев, но и подача прошения о помиловании местным властям, халатное отношение руководства партии к факту предательского поведения и действия, которые привели к проникновению классовых агентов в партию (Докладная записка Димитрову от Я. Анвельта по работе ИКК от 20.05.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 70 Л. 5). Кроме того, Я. Я. Анвельт предлагал ужесточить проверки переводов из иностранных компартий в состав ВКП(б) – в случае, если переведённый коммунист уличался в нарушении партийной дисциплины, следовало провести проверку и в отношении рекомендовавших его к переводу сопартийцев (включая руководящий состав). Принятие такой меры было напрямую связано с результатами кампании по проверке переводов. Для иностранных коммунистов, запуганных на допросе в связи с неопытностью, и чьи признания не принесли вреда партии, предполагался перевод на рядовые должности на испытательный срок с указанием факта в личном деле.

Руководство ИКК также сосредоточилось на выработке процедур по проверке дел в легальных и нелегальных партиях. В нелегальных секциях основными делами их членов должны были заниматься местные партийные комитеты. Для легальных организаций отдельно обсуждалось создание местных комиссий по проверке проступков их членов. Таким образом, Комиссия подходила к важному вопросу по дальнейшей организации регулярной работы местных контрольных комиссий. Такое решение привело бы к снижению нагрузки на членов ИКК и повышению эффективности работы Комиссии.

Помимо общего усиления надзора над проверкой дел, руководство Комиссии озабочилось проблемой информирования секций Коминтерна о существующих дисциплинарных проблемах и способах их решения. В документах Комиссии указывалась необходимость распространения наиболее важных вопросов и предложений через органы печати Коминтерна. Г. Димитров отмечал, что его предшественники недооценивали роль Интернациональной контрольной комиссии как высшего суда Коминтерна (Заседание Секретариата ИККИ по вопросу ИКК от 11.07.1936 г. // РГАСПИ Ф. 505. Оп. 1. Д. 70. Л. 14). Генеральный секретарь считал, что ИКК должна находиться на ступень выше, чем другие учреждения, и быть авторитетным органом для национальных компартий. В частности, он поддержал мысль о создании отдельного раздела о деятельности Комиссии и рубрики "Секции" в журнале "Коммунистический Интернационал".

В августе 1936 г. стартовал Первый Московский процесс над бывшими лидерами оппозиции ВКП(б) Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, а также их последователями, обвинявшимися в создании «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Немалая часть обвиняемых была непосредственно связана с деятельностью Коминтерна. В эту отдельную группу фигурантов вошли бывшие члены компартии Германии К. Б. Берман-Юрин, А. Эмель (М. И. Лурье), И-Д. И. Круглянский (Фриц Давид) В. П. Ольберг и Н. Л. Лурье, а также бывший сотрудник аппарата ИККИ и секретарь Г.Е. Зиновьева (в период его руководства Коминтерном) Р. В. Пикель. На фоне проверок в национальных секциях партийных документов и существовавших подозрений касательно связей некоторых коммунистов с провокаторами и предателями, ожидаемым являлось прямое влияние Московского процесса на деятельность ИКК.

Прежде, чем охарактеризовать влияние Московского процесса на деятельность ИКК, стоит отметить некоторые особенности её работы. При рассмотрении нарушений членов зарубежных секций стоит выделить 4 источника, из которых формировались дела. В первую категорию попадали дела, связанные с решениями совместной комиссии ИКК и Отдела кадров (куда чаще всего привлекались политэмигранты с "отозванными рекомендациями" и сомнительные элементы). Такие разбирательства на момент 1936 года составляли 6% (10 дел) от общего количества дел. Следующая категория, наибольшая по количеству привлеченных, включала в себя апелляции членов секций по разным партнарушениям. Она составляла треть от общего числа дел. При этом такие ходатайства стоит разделить на апелляции по восстановлению в партии (большинство от представителей ВКП(б)) и по снятию санкций. Другие категории представляли собой обращения от национальных компартий по делам своих членов и запросы самой Комиссии и органов Коминтерна (Исполком, Секретариат и партком). Основная проблема в подсчете статистики такого рода дел заключается в отсутствии конкретного указания того, по чьему запросу было начато дело.

При изучении протоколов заметна общая для последних двух категорий тенденция, которую можно выделить в подкатегорию дел. Это связь с "врагами народа" и осужденными на Московском процессе. Обычно члены секций привлекались к разбирательствам с такими формулировками как "классовая небдительность к врагам народа", "за сокрытие связи с врагом народа", "за связь с осужденным" и "за принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции". Например, члена компартии Германии (далее КПГ) и работника аппарата Исполкома Коминтерна Ганса Андреа привлекли к ответственности за "неразоблачение Эмеля (он же Лурье) и Давида" (Протоколы заседаний № 1-41 коллегий ИКК (15.01-30.12.1936) // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. д. 44. Л. 92), на члена компартии Франции (далее КПФ) Серве Клода наложили санкции за поддержку связи с арестованной семьей Эмеля и сокрытие такой связи от парткома (Протоколы заседаний № 1-41 коллегий ИКК (15.01-30.12.1936) // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. д. 44. Л. 115). После Первого Московского процесса также впервые по таким делам стали привлекать семейные пары, имевшие связи с "сомнительными элементами". Например, член КПГ Юлия Борош получила выговор за связь мужа Л. Бороша с Лурье и несообщение этой информации в партийные органы (Протоколы заседаний № 1-41 коллегий ИКК (15.01-30.12.1936) // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. д. 44. Л. 51). Или пример Л. Г. Темплер, которую исключили из КПГ за связь с мужем, имевшим ранее связи с гестапо (Протоколы заседаний № 1-41 коллегий ИКК (15.01-30.12.1936) // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. д. 44. Л. 84). Количество таких дел составляло 9% (14 дел) от общего количества рассмотренных. При этом были инциденты с исключениями, когда член партии не имел прямого отношения к подсудимым, но упоминал свое отношение к ним и к процессу в целом. Так, член компартии Польши И. Я. Маркевич был исключен за то, что он в кругу своих сопартийцев защищал позиции Каменева и Зиновьева, а также выражал недоверие информации, публикуемой в газете "Правда" (Протоколы заседаний № 1-41 коллегий ИКК (15.01-30.12.1936) // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. д. 44. Л. 104).

Помимо прямой связи с осужденными на Московском процессе, Интернациональная комиссия стала тщательнее разбирать дела, по которым члены секций имели какие-либо связи с троцкистами в прошлом и настоящем. В конце октября 1936 года коллегия ИКК привлекла к рассмотрению объединенное дело членов компартии Южной Африки (Л. И. Бах (Южин), М. А. Рихтер и П. А. Рихтер (М. Югов)), которые поддерживали связь и дружбу с троцкистом Я. Берманом. Все это закончилось исключением всей группы из состава партии (Протоколы заседаний № 1-41 коллегий ИКК (15.01-30.12.1936) // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. д. 44. Л. 102). Тогда же завершилось дело "бывших членов

компартии Венгрии". Помимо ранее получившего строгий выговор и запрет занимать руководящие посты Ф. Ф. Густи (Гроссу) и его сопартийцев (И. М. Комор, П. Шебеш (И. Лантош), Д. Немеш (К. Кевер)), к ответственности был привлечен один из лидеров партии и член Исполкома Коминтерна Бела Кун. По решению Комиссии Исполкома Коминтерна и при одобрении решения со стороны Интернациональной контрольной комиссии, Кун был исключен из состава ИККИ и партии за насаждение враждебных настроений в ЦК КП Венгрии и распространение клеветы о руководящих работниках ИККИ (Проект решения комиссии по делу Бела Куна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 183. Л 19).

Таким образом, по протоколам заседаний коллегий заметно, что Комиссия после Первого Московского процесса стала уделять пристальное внимание членам зарубежных компартий, кто ранее имел какие-либо связи с фигурантами показательного суда или теми, кто был объявлен троцкистом. Фактор работы подозреваемых в структурах Коммунистического Интернационала также создавал возможность расширять список тех, кого могли привлечь для проверки дела.

Характер проступка:						
Провокации и предательство	Связь с врагом народа	Нарушение конспирации	Фракции и уклоны	Злоупотребления	Разные нарушения партдисциплины (в т.ч. отзыв рекомендаций)	Раз
24	15	9	20	6	65	19
15%	9%	6%	13%	4%	41%	12%

Таблица 3. Сведения о нарушениях партийной дисциплины за 1936 г.

Обращаясь к статистике рассмотренных Интернациональной контрольной комиссией дел за 1936 год, отметим некоторые моменты. Так, из 158 рассмотренных за этот год дел наибольшая доля состояла из 65 привлеченных (41% от общего числа) по разным нарушениям партийной дисциплины (в их число также включены отзывы рекомендаций о переводе в ВКП(б)). Указания об аннулированных рекомендациях присутствовали отдельно в партийном документообороте, поскольку их наличие автоматически подразумевало нарушение партийной дисциплины в прошлом. Следующие категории представляли собой санкции за провокации и предательства (24 дел или 15% от общего числа), фракционизм и уклоны (20 дел или 13%). Как упоминалось выше, за связь с "врагами народа" и сторонниками троцкизма были привлечены 15 членов (или 9% от общего числа). Оставшиеся категории включали в себя разные нарушения (19 дел или 12%), нарушения правил конспирации (9 дел или 6%) и разные злоупотребления (6 дел или 4%).

Годы:	Характер проступка:					
	Провокации и предательство	Связь с врагом народа	Нарушение конспирации	Фракции и уклоны	Злоупотребления	Разные нарушения партдисци (в т.ч. рекомендаций)
1924-1 кв.1936	12%	6%	24%	5%	10%	-
1936	15%	9%	6%	13%	4%	41%

1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933
------	------	------	------	------	------	------	------	------	------

Таблица 4. Сведения о % нарушений партийной дисциплины за 1924-1 кв.1936 гг. и 1936 г.

Сравнивая вынесенные решения Комиссия за 10-летний период и за 1936 год, выделим несколько тенденций. Несмотря на заявления об ужесточении наказаний за нарушение конспирации, предательства и провокации, процент исключенных из компартий уменьшился на треть (с 37% за 10 лет до 24% за 1936 год). При этом вырос процент вынесенных выговоров разной степени (с 5% до 9%) и реабилитированных (с 5% до 9%). Стоит указать на одну особенность делопроизводства ИКК. В статистических документах Комиссии до 1936 года категория «отказано в апелляции» отсутствовала – вместо нее указывалось «не вынесено решений по существу». Однако формулировки об отказе в апелляции присутствуют в протоколах заседаний коллегий ИКК, потому было решено указать в таблице эту категорию и для более ранних периодов.

Если ориентироваться исключительно на статистические отчеты, то можно констатировать, что за 10-летний период не были вынесены решения по 47% рассмотренных дел – в эту категорию также входят пока неопределенное количество отказов в апелляции. При этом в отчетности за 1936 год процент нерассмотренных дел гораздо ниже – 11% (18 дел). Также за этот год точно известен процент отказов в апелляции – 35% (56 дел). Можно предположить, что примерно такое же соотношение нерассмотренных дел и отказов в апелляции существовало и в предыдущие годы.

Отдельно обратим внимание на механизм подачи апелляции в ИКК. Апеллировать решение партийного органа, а также партийной контрольной комиссии мог любой член секции Коминтерна через обращение в Интернациональную контрольную комиссию. Так, исследователь Г. М. Адibеков отмечает тенденцию по увеличению количества дел в год проведения конгресса по сравнению с другими годами, что подтверждается статистикой. До VII конгресса в 1932-1934 годы было рассмотрено 103, 91 и 151 дело. В 1935 году было рассмотрено 231 дело. По мнению исследователя, это связано с количеством поданных апелляций, в числе которых 1/5 дел (43 дела) были связаны с фракционизмом и разными уклонами. Такая закономерность обосновывается тем, что часто члены зарубежных компартий на имя конгресса подавали свои апелляции по прошлым делам. По поданным заявлениям ИКК должна была вынести решения в течение года [\[2, с. 242-243\]](#).

Для примера возьмем процедуру подачи апелляции членом ВКП(б). Обычно дело члена партии рассматривалось местным партийным комитетом. В случае несогласия с решением, привлеченный к ответственности имел возможность подать апелляцию на уровень районного комитета. В случае несогласия с решением на местном уровне дело далее передавалось на рассмотрение в региональный контрольный комитет. И в случае повторного несогласия с прошлой инстанцией дело передавалось в Парктколлегию Комиссии партийного контроля при ВКП(б) (далее КПК при ВКП(б)). При этом для рассмотрения дел, связанных с нарушением партийной дисциплины, создавались отдельные партийные коллегии при уполномоченных от КПК при ВКП(б) [14. с. 57].

Для оперативного рассмотрения апелляций внутри контрольной комиссии создавались партийные «тройки» по регионам. Порядок их работы включал предварительное рассмотрение дела в центре и последующий выезд на места с целью перепроверки [\[14. с. 58\]](#). В случае отказа члену ВКП(б) в апелляции, он мог подать заявление о пересмотре решения КПК при ВКП(б) в Интернациональную контрольную комиссию. Далее, в ходе

рассмотрения материалов дела референты Комиссии занимались опросом и сбором информации в КПК при ВКП(б) и в местном парткоме, после чего выносилось решение. Практика показывает, что ИКК в подавляющем числе случаев не оспаривала решения КПК при ВКП(б). Примером исключения можно назвать дело члена ВКП(б) и члена ЦК МОПР Е. В. Шевелевой, в отношении которой был отменен выговор за нарушение конспирации. Ходатайство Шевелевой сопровождалось рекомендательным письмом от МОПРа, что, возможно, и стало причиной пересмотра ее дела. Кроме того, были случаи, когда члены компартий несколько раз подавали апелляции на решения своих секций или на решения Комиссии спустя определенный промежуток времени (чаще всего – год).

№	Страны:	Число дел:	% от общего кол-ва:
1	Болгария	3	2%
2	Венгрия	9	6%
3	Венесуэла	4	3%
4	Германия	31	20%
5	Латвия	9	6%
6	Польша	8	5%
7	СССР	42	27%
8	США	7	4%
9	Франция	3	2%
10	Чехословакия	8	5%
11	Югославия	3	2%
12	Юж. Африка	5	3%

Таблица 5. Сводка о нарушениях партийной дисциплины членами секций КИ в 1936 г.

За 1936 год к ответственности привлечены представители 30 секций. Из всех секций, члены которых получили санкции за нарушения, наибольшее количество представляли советская (42 привлеченных или около больше четверти (27%) от общего числа дел) и немецкая (31 или 20%) секции. Схожие доли по привлеченным к ответственности представлены в компартиях Венгрии и Латвии (по 9 дел или по 6%), Польши и Чехословакии (по 8 дел или по 5%). При этом можно заметить взаимосвязь между событиями, количеством дел по определенным статьям и вынесенным решениям.

	Характер проступка:	Результаты рассмотренных дел:
	Разные нарушения партдисциплины (в т.ч. отзыв рекомендаций)	Отказ в апелляции
Общее число	65	56
ВКП(б)	35	36

Таблица 6. Сводка по нарушениям партийной дисциплины и отказам в апелляциях в секциях и в ВКП(б).

Так, подавляющая часть дел ВКП(б) (35 из 42 дел секции или 83%) была связана с разными нарушениями партийной дисциплины (при среднем значении в 40% таких нарушений от общего числа дел 14 секций). Доля ВКП(б) также выделяется на фоне общего числа дел по этой категории (35 из 65 дел категории (54%)). При этом процент отказов в апелляциях (36 из 42 дел секции (86%) или 36 из 56 дел категории (64%))

также выделяется у ВКП(б) на фоне средних значений других секций (44% дел секций в 12 компартиях). Можно предположить, что такой процент дел и решений по ним являлся прямым следствием кампании по проверке и обмену партийных документов в ВКП(б).

Годы:	Характер проступка:	
	Фракции и уклоны:	
1924-1 кв.1936	228	24%
1936	20	13%

Таблица 7. Сводка по фракционизму и уклонам в 1924-1 кв.1936 г. и в 1936 г.

При сравнении тенденций 10-летнего периода и отдельно 1936 года заметно практически двукратное падение процента дел, связанных со категорией проступков "фракции и уклоны" (с 24% до 13%). При сравнении 1935 и 1936 гг. по этой категории разница еще больше (43 дела в 1935 году и 20 дел в 1936 году). Вероятно, такое падение связано с тем, что к 1936 году большинство апелляций на имя VII конгресса Коминтерна по статье "фракционизм" были уже рассмотрены и ситуация с единством в партиях была лучше, чем ранее. Однако это не означало, что борьба внутри партий отсутствовала. Так, четверть всех нарушений по этой статье занимали дела членов компартии Венгрии (5 дел или 56% от общего числа дел секции). Наличие такого процента дел связана с разгромом группы Белы Куна (исключенного из состава Коминтерна осенью 1936 года) и Ф. Ф. Густи (Грооса) за фракционизм и саботаж решений VII конгресса Коммунистического Интернационала (Дело о бывших членах компартии Венгрии // РГАСПИ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 46. Л. 16-23). Схожая ситуация имела место быть в польской (3 дела или 38% от общего числа дел секции), американской (2 дела или 29%) и немецкой (3 дела или 10%) компартиях, где такие явления присутствовали по остаточному принципу от прошлых кампаний. Также выделялась история с латвийской секцией (2 дела или 22% от общего числа дел КПЛ), где к ответственности были привлечены бывшие руководители А. Мартин и Ф. Паузер (С. Крукис) за "сектантскую позицию", "скрытие от ЦК КП Латвии решения ИККИ от 06.1934 года об ошибках руководства КП Латвии" и продолжение ранее запрещенной фракционной борьбы в партии на фоне госпереворота К. Улманиса в Латвии в мае 1934 года (Дело о руководстве компартии Латвии Паузера, Марти и Лиза (Материалы к протоколу № 24 заседания коллегии ИКК от 24.07 и 03.08.1936). // РГАСПИ. Ф. 505. Оп.1. Д. 44. Л. 77-78).

№	Страна:	Характер проступка:	
		Связь с врагом народа:	
1	Болгария	1	7%
2	Германия	5	33%
3	Литва	1	7%
4	Польша	1	7%
5	Франция	2	13%
6	Чехословакия	2	13%
7	Швейцария	1	7%
8	Южная Африка	2	13%
Общее кол-во:		15	100%

Таблица 8. Сводка по связи с врагом народа в 1936 г.

Отдельно обратимся к санкциям за "связь с врагами народа". Несмотря на "преимущество" членов компартии Германии по количеству привлеченных (5 из 15 дел

категории (33%) или 13% от общего числа дел КПГ), по процентному содержанию из общего числа здесь выделяются представители компартий Франции (67% или 2 из 3 общих дел), Литвы и Швейцарии (по 50% или по 1 из 2 общих дел) при средних значениях в 37% нарушений такого рода в 8 секциях. По цифрам мы видим, что влияние здесь оказалось небольшое общее количество дел, рассмотренных по членам компартий Франции, Литвы и Швейцарии, на фоне которых дела по связям с врагами народа выделяются (несмотря на то, что члены КПГ по статистике категории занимают целую треть дел на фоне общих связей с бывшими сопартийцами – фигурантами Первого Московского процесса).

№	Страна:	Результаты дел:	
		Исключение из партии:	
1	Англия	1	3%
2	Венгрия	2	5%
3	Венесуэла	2	5%
4	Германия	10	26%
5	Греция	1	3%
6	Дания	1	3%
7	Китай	1	3%
8	Литва	1	3%
9	Польша	4	11%
10	Португалия	1	3%
11	СССР	2	5%
12	США	1	3%
13	Франция	1	3%
14	Чехословакия	4	11%
15	Швейцария	1	3%
16	Юж. Африка	3	8%
17	Япония	1	3%
Общее кол-во:		38	100%

Таблица 9. Сводка по исключениям из партии членов секций КИ в 1936 г.

Такая же ситуация наблюдалась и в категории результатов “Исключение из партии”. Члены компартии Германии представлены большинством в этой категории наказания (10 из 38 дел (26%) от общего количества по данной категории), хотя и уступали в процентном соотношении относительно общего числа дел секции (32%) и среднего значения 18 секций (51%). В такой категории выделялись компартии Греции, Дании и Японии со 100% решений дел их секций (по 1 делу), а также крупные секции – польская и чехословацкая (по 50% или по 4 из 8 общих дел). Такие результаты среди компартий Польши и Чехословакии связаны с ужесточением наказания за провокации и предательское поведение в прошлом, а также за связь некоторых членов с “врагами народа”.

Итак, деятельность Интернациональной контрольной комиссии на фоне важных перемен в политике и организационных решений VII конгресса Коммунистического Интернационала претерпела корректировку. Смена части руководящего состава Комиссии привела к изменениям и в организационной структуре организации. Для ускоренного рассмотрения дел членов секций создавались коллегии, в состав которых входили представители ИКК. Работа Интернациональной контрольной комиссии, будучи тесно связанной с деятельностью Коминтерна, находилась под влиянием тенденций,

существовавших внутри организации. Так, в связи с недоверием руководства ИККИ к информации о политэмигрантах создана комиссия Анвельта-Краевского по проверке рекомендаций в ВКП(б) от зарубежных секций. Тогда же расследовались дела ряда партий (Венгрия, Латвия, Польша), чьи члены обвинялись в фракционизме. Руководство ИКК в лице Я. Я Анвельта и З. И. Ангаретиса под влиянием упомянутых факторов и при поддержке со стороны руководства Коминтерна (в лице Г. Димитрова) пересмотрели роль Комиссии для секций и сложившиеся критерии проверки дел. Это привело к ужесточению наказания за предательство и халатное отношение к конспирации. При этом в деятельности Интернациональной контрольной комиссии заметны признаки влияния кампании по обмену и проверке партийных документов в ВКП(б). Так, около половины от общего количества дел были представлены членами ВКП(б) по таким категориям как «разные нарушения партийной дисциплины» и «отказ в апелляции». Влияние событий Московского процесса также изменило содержание работы Комиссии. Возникло новое направление дел, касающихся связей функционеров и членов зарубежных секций с осужденными на показательном процессе. Процент таких дел был небольшим на фоне общего количества дел (меньше 10%), однако это позволило создать основу для дальнейшего развития этого направления.

Библиография

1. Латушко Н. Н. Кадровая политика Коминтерна через призму кампании по проверке и обмену партийных документов в ВКП(б) в 1934-1936 гг. // КЛИО. 2024. № 6 (210). С. 133-139.
2. Адibеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919 - 1943. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1997. 287 с.
3. Сургуладзе В. Ш. К истории идеологического противоборства межвоенного периода. Коминтерн и Антикоминтерн в контексте борьбы мирового коммунизма и политических режимов фашистского типа. // Вопросы национализма. 2021. № 1 (33). С. 176-209.
4. Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического Интернационала. Шифrogramma. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2011. 496 с.
5. Dallin A., Firsov F. Dimitrov and Stalin. 1934-1943. Letters from Soviet Archives. London: Yale University Press, 2000. 278 p.
6. Firsov F. I., Klehr H., Haynes J. E. Secret cables of the Comintern. 1933-1943. Yale University Press, 2014. 321 p.
7. Ватлин А. Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.
8. Vatlin A. Kaderpolitik und Säuberungen in der Komintern/Terror: Stalinistische Partei säuberungen 1936-1953. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2001. S. 33-119.
9. Ватлин А. Ю. Утопия на марше истории. История Коминтерна в лицах. М.: РОССПЭН, 2023. 896 с.
10. Пантелейев М. М. Агенты Коминтерна. М.: ЭКСМО, 2005. 350 с.
11. Chase W. J. Enemies Within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934-1939. Yale University Press, 2001. 514 p.
12. История Коммунистической партии Советского Союза. / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 671 с.
13. Анфертьев И. А. РКП(б)-ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920-1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть. Диссертация ... доктора исторических наук 07.00.02. - Москва, 2019. 789 с.
14. Никонорова Т. Н. Документы комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной

- номенклатуры. Диссертация ... кандидата исторических наук 07.00.09. - Москва, 2018. 224 с.
15. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
16. Юдин К. А. Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и ее роль в политической системе СССР 1930-х гг. // На пути к гражданскому обществу. Иваново, 2014. № 2(14). С. 74-83.
17. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2012. 478 с.
18. Петров Н., Янсен М. "Сталинский питомец" - Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2009. 447 с.
19. Симбирцев И. Спецслужбы первых лет СССР. 1923-1939: На пути к Большому Террору. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 381 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В этом году в нашей стране торжественно отмечается восьмидесятилетний юбилей победы в Великой Отечественной войне, значение которой невероятно важно и сегодня. В самом деле, на наших глазах Россия продолжает борьбу с различными проявлениями нацизма, что наглядно показывает преемственность внешней политике Советского Союза. К слову, понимание верности заявленного Россией курса понимают все больше количества зарубежных государств. В этой связи представляется важным обратиться к драматичной истории 1930-х гг., когда в Европе шла борьба за создание антигитлеровской коалиции.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является деятельность

Интернациональной контрольной комиссии Коммунистического Интернационала после VII конгресса. Автор ставит своими задачами рассмотреть историографию вопроса, проанализировать деятельность ИКК в первый год после проведения VII конгресса Коминтерна – в 1936 году.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать новые явления и тенденции в деятельности Коминтерна, возникшие после VII конгресса. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на английском и немецком языках, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем прежде всего на материалы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории. Из используемых исследований отметим труды Н.Н. Латушко,

В.Ш. Сургуладзе, К.К. Ширини, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения деятельность Коминтерна. Заметим, что библиография обладает важностью как

с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что фактически к 1935 году Интернациональная Контрольная Комиссия равнозначным с Исполнительным Комитетом высшим органом Коминтерна. Автор отмечает, что

"работа Интернациональной контрольной комиссии, будучи тесно связанной с деятельностью Коминтерна, находилась под влиянием тенденций, существовавших внутри организации". На основе различных источников в работе показаны борьба с фракционностью, недостоверность сведений и другие нарушения в деятельности компартий, в первую очередь польской, венгерской, латвийской. Вызывает интерес большой фактологический материал, сведенный автором статьи в таблицы, что, без сомнения, усиливает научную новизну статьи. К слову, одной из самых интересных, на наш взгляд, является таблица "исключением из партии членов секций КИ в 1936 г."

Главным выводом статьи является то, что

"деятельность Интернациональной контрольной комиссии на фоне важных перемен в политике и организационных решений VII конгресса Коммунистического Интернационала претерпела корректировку".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 9 таблицами, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России и новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В качестве замечания укажем на то, что автор приводимые в тексте источники не включает в список литературы.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Прокофьев И.А. Гидротехнические сооружения Танаиса II-III вв. н.э // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74583 EDN: KRGAZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74583

Гидротехнические сооружения Танаиса II-III вв. н.э.

Прокофьев Иван Алексеевич

ORCID: 0000-0002-0046-7925

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, Ломоносовский пр-кт, д. 27 к. 4

 i.prokofev1998@gmail.com

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74583

EDN:

KRGAZ

Дата направления статьи в редакцию:

24-05-2025

Дата публикации:

31-05-2025

Аннотация: В результате археологического исследования Танаиса во всех частях основного четырехугольника городища были выявлены, фрагментарно или полностью, гидротехнические сооружения II-III вв. н.э. – водостоки, водосборные цистерны, каптированный источник, являющиеся предметом рассмотрения настоящей работы. Водосборные цистерны за редким исключением располагались во дворах городских усадеб и служили для сбора дождевой воды. Водостоки могли располагаться как на территории усадеб, примыкая к цистернам и направляя в них воду, так и на улицах, отводя воду за пределы городских стен. Каптированный источник выявлен один – это постройка 6 в южной части городища, которая до сер. II в. н.э. обеспечивала большую часть города водой. В статье приводится описание их устройства и расположения на территории города, а также впервые дается попытка представить отдельные сооружения в качестве единой системы водоотведения и водообеспечения, функционировавших в городе в анализируемый период. Обе системы были взаимосвязаны, так как с помощью

первой значительные объемы дождевой воды направлялись в водосборные цистерны, обеспечивая город технической водой, необходимой для осуществления хозяйственной деятельности, тушения пожаров и различных бытовых нужд. Водоотведение обеспечивалось с помощью устройства водостоков как на общественной территории – в границах улиц с последующим выводом воды за пределы города, так и на территории городских усадеб – от улиц к водосборной цистерне. Питьевую воду жители брали из расположенных внутри городских стен источников: до сер. II в. н.э. таковым являлась постройка 6 в южной части основного четырехугольника городища. После ее засыпки и вплоть до уничтожения города в сер. III в. н.э. эту роль должен был выполнять какой-то другой источник, остающийся на сегодняшний день не исследованным.

Ключевые слова:

архитектурная археология, античное градостроительство, гидротехническое сооружение, каптированный источник, уличные водостоки, водосборная цистерна, городские усадьбы Танаиса, Северное Причерноморье, система водоотведения, система водоснабжения

При основании любого поселения всегда остро стоит вопрос обеспечения его водой, необходимой для питья, функционирования производств и ремесел, оперативного тушения пожаров и множества других бытовых нужд. Если же речь идет о крупном городе с плотной каменной застройкой, каким, несомненно, являлся Танаис во II-III вв. н.э., то перед его жителями возникает также проблема водоотведения. Оба эти вопросы решались через устройство связанной системы гидротехнических сооружений, фрагменты которой были выявлены в разных частях основного четырехугольника городища за два столетия его археологического изучения. Именно реконструкция этой системы и анализ устройства этих сооружений, степени их взаимосвязанности и взаиморасположения являются целью настоящей статьи.

В анализируемый период застройка внутри оборонительных стен основного четырехугольника города представляла собой примыкавшие друг к другу блокированные каменные дома городских усадеб. Пространство между зданиями было заполнено каменными вымостками усадебных дворов и улиц [\[1, с. 5\]](#), а материковая скала в городе залегала достаточно высоко [\[2; 3\]](#), что должно было в значительной мере затруднять впитывание воды почвой при выпадении большого количества осадков. Проблему усугубляло большое количество (по нашим подсчетам – ок. 73% от общего числа) построек с подвалами и полуподвальных помещений, пол которых располагался ниже уровня дневной поверхности вымосток дворов и улиц [\[4, с. 18\]](#). При отсутствии системы водоотведения вода должна была бы скапливаться в подвалах.

Вероятно, проблема решалась как централизованным способом – с помощью создания единой системы водоотведения по улицам за пределы городских стен, так и усилиями отдельных домохозяйств – посредством создания водосборных цистерн и подходивших к ним водостоков в каждом отдельно взятом усадебном дворе.

Основная сеть водостоков, вероятно, была привязана к основным городским магистралям и служила для отвода воды за пределы основного четырехугольника. Такой водосток был устроен в южной части одной из главных улиц города – широтной улицы А (прослежен на двух участках, но, вероятно, продолжался по всей ее длине) [\[1, с. 4\]](#). Его русло было пропущено сквозь западную оборонительную стену для вывода воды за

пределы города – в западный ров [5, с. 94]. Сам ров в своей нижней части имел явный уклон на юг в сторону русла р. Мертвый Донец, что способствовало дальнейшему стоку дождевой воды (и, вероятно, городских нечистот) в реку [6, с. 300]. Не исключено, что в восточной оконечности улицы такой же слив служил для сброса воды в восточный оборонительный ров. Его устройство было простым и вполне типичным для города: он имел глиняное дно, стенки были выложены каменными плитами, а сверху он был перекрыт каменными плитами вымостки для удобства передвижения по улице. Два вскрытых участка водостока имеют разную датировку. Проводящий сточные воды через западную оборонительную стену, как было указано выше, датируется временем перекладки самой стены – III в. н.э. [5, с. 94], а участок, зафиксированный вдоль северной стены помещений ИМ и ИВ в центральной части городища – I в. н.э. [7, с. 95]. Сама широтная улица А при этом была заложена во вт. пол. III в. до н.э. [8, с. 90].

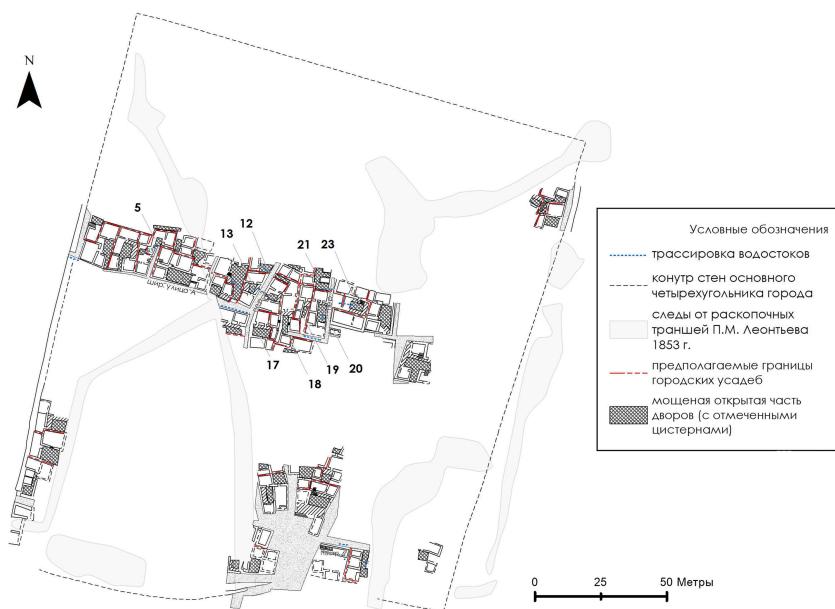

Рисунок 1. Сводный план архитектурных остатков основного четырехугольника Танаиса II-III вв. н.э. с нанесенной трассировкой водостоков.

Отметим, что уровень, на котором находилось полотно «широкой» улицы, лежал на 1-1,5 м выше уровня дворов усадеб, расположенных к северу от нее, с увеличением этой разницы ближе к западной оборонительной стене [7, с. 95; 9, с. 101]. Со стороны многих домов были зафиксированы ограждения из ряда уложенных орфостатно каменных плит, укрепленных глиной [10, с. 57-58]. Такие конструкции могли в том числе являться дополнительной защитой домов от подтопления и служить, по мнению Т.М. Арсеньевой и С.А. Науменко, для удержания водных потоков в пределах улицы [10, с. 58].

Если учитывать, что дневная поверхность античного Танаиса имела плавное понижение на юг (это зафиксировано при исследовании уличной поверхности почти всех улиц, ориентированных по линии север-юг [10, с. 56-57; 11, с. 427; 12, с. 4]) и что до рубежа I-II вв. н.э., когда в середине города были выстроены усадьбы 17, 18 и 19 (нумерация усадеб приводится по монографии Т.М. Арсеньевой и С.А. Науменко «Усадьбы Танаиса» [11]) описываемая улица могла соединять западную и восточную оборонительные стены, то предстает вероятным, что этот водосток служил для отвода воды со всех «меридиональных» (термин утвердился в историографии памятника в отношении ориентированных по линии север-юг улиц [1, с. 4]) улиц и переулков северной половины

основного четырехугольника городища. Вода по ориентированным по линии север-юг улицам стекала вниз, до их пересечения с «широтной» (ориентированной по линии запад-восток) улицей А, а затем попадала в описанный выше водосток, который отводил ее за пределы города. В устройстве дорожного полотна «меридиональных» улиц водостоков не зафиксировано. Вероятно, во время сильных дождей вода стекала по ним открытым способом, не затрудняя движение, осуществлявшееся по тротуарам из плоских каменных плит, лежавших на уровень выше (обычно разница составляла ок. 0,2 м [\[8, с. 87\]](#)), чем остальная уличная поверхность.

В этом отношении интересен также водосток, ориентированный по линии запад-восток, и цистерна у его восточной оконечности, зафиксированные в вымостке прохода, ведшего к усадьбам 18 и 19 [\[1, с. 74\]](#). В эллинистическое время этот проход мог являться продолжением широтной А, соединившей западную и восточную оборонительную стены. Тупиковым проход мог стать именно в результате возведения здесь усадеб на рубеже II-III вв. н.э. Водосток был сложен из поставленных на ребро каменных плит и тянулся параллельно направлению прохода, вдоль его южного края [\[1, с. 74\]](#). На территории двора усадьбы 18, располагавшейся в конце этого прохода, была еще одна цистерна [\[1, с. 74\]](#), а вот во дворе усадьбы 19 таковой обнаружено не было. Вероятно, несмотря на свое местоположение в общей для двух усадеб зоне прохода, она использовалась именно для обеспечения нужд жителей усадьбы 19. Устройство цистерны вне усадебного двора, в общей зоне предстаёт нетипичным решением для жилой застройки города. В виду того, что цистерна не раскапывалась, установить ее точную датировку невозможно. Можно предположить, что вместе с изменением на этом участке на рубеже II-III вв. н.э. эллинистической сетки улиц, здесь была также нарушена сформировавшаяся к тому времени система водоотведения. Тогда вода, которая до этого отводилась по улице А за пределы городских стен, после перестроек должна была скапливаться в этом проулке, угрожая подтоплением близлежащих зданий и подвалов.

Вне зависимости от верности предположения о функционировании до перестроек рубежа I-II вв. н.э. централизованной системы водоотведения, во II-III вв. н.э. как минимум часть воды с улиц отводилась в цистерны, расположенные на территории жилых усадеб. Так, водостоки, отводившие воду с переулка 3 были зафиксированы во дворах прилегавших к нему с востока усадеб 12 и 13 [\[1, с. 43-44\]](#). В обоих случаях перпендикулярный направлению улицы водосток был устроен из поставленных на ребро каменных плит, перекрытых вымосткой двора. С переулка 4 вода отводилась во дворы прилегавших к нему с востока усадеб 20 и 21, а также, вероятно, на территорию лежавшей западнее усадьбы 23. Водосток во дворе усадьбы 21 брал начало от улицы, имел перпендикулярное ей направление и заканчивался через чуть более чем 2 м тупиком – цистерна была прослежена в удаленной от водостока части двора – на расстоянии ок. 10 м к северу от него [\[1, с. 98-99\]](#). Вдоль северной стены помещения Д усадьбы 20, лежавшей значительно ниже описываемого двора, водосток был проложен, по предположению Т.М. Арсеньевой и С.А. Науменко, для предохранения стены «от разрушительной силы воды» [\[1, с. 99\]](#). Водосток во дворе самой усадьбы 20, в отличие от трех других описанных случаев, был ориентирован не перпендикулярно, а параллельно близлежащему переулку – по линии север-юг, и был прослежен на длину 2,5 м [\[1, с. 90\]](#). Однако его начало находилось в непосредственной близости от входа в усадьбу с переулка 4, что дало основание исследователям предполагать, что в первую очередь он служил для отведения воды с улицы [\[1, с. 90\]](#). Можно также полагать, что он защищал от подтопления каменную стену [ограду](#), отделявшую усадьбу от улицы. Стенки и дно

водостока были выложены плоскими камнями (глубина – 0,2 м, ширина – 0,3 м), а плиты перекрытия одновременно являлись частью дворовой вымостки [\[1, с. 90\]](#).

Более сложная система была устроена для подпитки водой цистерны во дворе усадьбы 23. Так, в кон. II в. н.э. ее западное помещение ДР с подвалом было засыпано, а на его месте образован отделенный от территории усадьбы каменной стеной «пустырь» (площадь – ок. 25 м²), в центре которого была вырыта цистерна глубиной 4 м, соединенная водостоком с другой цистерной во дворе усадьбы [\[13, с. 79\]](#). В заполнении первой обнаружено 15 светлоглиняных амфор, позволяющих датировать ее перв. пол. III в. н.э. [\[13, с. 79\]](#). Вероятно, в нее попадала вода с переулка 4, а из нее она поступала в цистерну на территорию усадьбы. Мы можем предположить, что в первой цистерне вода проходила простейшую очистку — земля, грязь и прочие тяжелые материи, намываемые с улицы, оседали в ней, а прошедшая эту простейшую фильтрацию вода попадала во вторую, внутреннюю цистерну, откуда вода бралась для использования в хозяйстве. Как именно использовалась довольно большая площадь «пустыря» вокруг цистерны, а также относился он к пространству улицы или усадьбы, остается неясным в силу фрагментарной сохранности культурного слоя II-III вв. н.э. на этом участке.

Необычная конструкция водостока была прослежена в усадьбе 5. Водосток выходил из-под западной стены подвала помещения ВЗ, проходил под его полом и под северной стеной уходил во двор – в направлении водосборной цистерны [\[9, с. 103\]](#). Прослеженная длина внутри помещения – 2,7 м. Он был выкопан в скальном грунте, обложен подтесанными камнями и перекрыт плоскими каменными плитами, имел уклон к северу [\[9, с. 103\]](#). По предположению Т.М. Арсеньевой, он был предназначен для сбора подземных вод [\[9, с. 103\]](#). Однако нет никаких явных признаков того, что подземные воды находились в этой части городища так близко к поверхности. Вероятно, водосток мог служить для отвода сточных вод, которые могли застаиваться около западной стены подвала в результате ошибок, допущенных при проектировании и застройке усадьбы. Еще один водосток, подходивший к цистерне во дворе из-под пола усадебной постройки, был обнаружен под полом помещения 17 постройки 3. Однако в данном случае водосток, вероятно, изначально имел стандартное для Танаиса устройство: был сделан в каменной вымостке двора и перекрыт каменными плитами. В дальнейшем над его северной частью было выстроено новое помещение, глиняный пол которого перекрыл вымостку двора предшествовавшего периода и плиты-перекрытия водостока, а южная часть перекрыта новым уровнем двора [\[14, с. 17\]](#).

Примером еще одного подвального сооружения для водоотведения является овальная в плане яма глубиной до 1 м с тремя подходившими к ней с севера и северо-востока канавками в юго-западном углу помещения Д на раскопе IV. По предположению А.К. Коровиной и Д.Б. Шелова, она предназначалась для отвода скапливаемой в подвале влаги [\[15, с. 50\]](#).

В южной половине основного четырехугольника городища предположительная реконструкция централизованной системы водоотведения будет возможна только с расширением площади исследования. Можно лишь констатировать наличие ее элементов в разных местах. Вдоль улицы на раскопе XIX во вт. пол. II-перв. пол. III вв. н.э. был устроен водосток, частично перекрытый каменными плитами, с уклоном на запад [\[16, с. 13\]](#). Однако куда именно вел канал, пока остается неизвестным.

Значительный объем сточных вод, очевидно, проходил по водоводу, направлявшему его

в сторону реки. Он был частично раскрыт при раскопках к северу от южных ворот основного четырехугольника городища П.М. Леонтьевым, охарактеризовавшем его как «водосточную трубу» [17, с. 68]. В 1870 г. к его исследованию вернулся П.И. Хицунов, проведя зондаж в трех частях линии его предполагаемой трассировки: в средней части южной половины городища и на территории приречной части города. По его описанию, канал тянулся по линии север-юг, имел стены из камня и был перекрыт каменными плитами [18, с. 46]. Ширина и глубина водостока достигала 2,6 аршин (ок. 1,7 м) [18, с. 46]. К исследованию водовода вернулись в 2006 г., когда в рамках изучения фортификации в южной части основного четырехугольника городища был раскрыт участок дороги, соединяющий в первые века нашей эры его южные ворота с предполагаемой портовой частью. Под дорогой был выявлен участок этого водостока, датированный С.М. Ильяшенко рубежом III вв. н.э. как одновременный сооружению самой дороги [19, с. 166]. К сожалению, неясной остается датировка сооружения остальных его участков: не исключено, что он мог быть сооружен значительно раньше южной оборонительной стены, а в затронутой раскопками 2006 г. части быть перестроенным вместе со всей системой городской фортификации. Что касается трассировки изученного участка, то он повторял движение дороги, направляясь из южных ворот на юго-запад, а затем поворачивая на юг. Временем засыпки водостока и частичного разбора перекрывающих его плит, вероятно, является кон. II в. н.э. [19, с. 167]. Южной своей оконечностью (а П.И. Хицунов точно фиксировал его южнее железнодорожного полотна, под хоторской улицей) он должен был, по предположению В.И. Козловской и С.М. Ильяшенко, упираться в реку, маркируя тем самым береговую линию периода античности [20, с. 91].

Таким образом, в исследованной части северной половины основного четырехугольника городища проблема водоотведения в первые века нашей эры решалась двумя способами. Во-первых, с помощью водостока, проложенного вдоль южного края дорожного полотна всей широтной улицы, в которую, вероятно, попадала также вода с улицы, ориентированных по линии север-юг и плавно понижавшихся в ее сторону. А во-вторых, с помощью направления сточных потоков в расположенные в усадебных дворах водосборные цистерны или, как в случае, зафиксированном во дворе усадьбы 21, в специальные водостоки-траншеи. Вода собиралась в них, стекая по скатным крышам окружающих двор помещений и навесов, а также по каменной вымостке дворов, имевших уклон в сторону цистерны (примеры такого уклона были зафиксированы во дворах усадеб 3 и 20 [21, с. 98]). В отдельных случаях это дополнялось водостоками, отводившими воду с улиц. В южной половине основного четырехугольника основной объем сточных вод и нечистот выводился за пределы городища в сторону реки по широкому водоводу. Однако, где именно он берет начало, пока остается неизвестным.

В целом, комплекс сооружений, служивших для водоотведения во III-IV вв. н.э. предстает довольно хаотичной. Несмотря на то, что для этого времени прослеживаются отдельные элементы централизованной системы направления сточных вод за пределы основного четырехугольника городища в виде двух водостоков, ориентированных по направлению восток-запад и север-юг соответственно, большинство улиц водостоков не имели. Вода, вероятно, самотеком попадала в два основных, а также дополнительно отводилась в водосборные цистерны на территории прилегающих домохозяйств. Учитывая хаотичное расположение водостоков на территории городища, можно предполагать, что их использование местными жителями было ситуативным. С перестройкой отдельных усадеб, рытьем новых подвалов и подсыпкой улиц, менялась топография городища, вместе с которой, вероятно, менялись и места концентрации дождевой воды. Для того, чтобы вода не подтапливалась подвалы и не подтачивала

кладки стен, в таких местах сооружались водостоки, которые должны были направлять воду в водосборные цистерны.

В тесной взаимосвязи с системой водоотведения находилась система водоснабжения города. Жители должны были обеспечивать себя как питьевой водой, так и технической, необходимой для ведения хозяйства и для предотвращения пожаров, которые легко могли охватывать здания, имевшие деревянные крыши и перекрытия.

Вероятно, большая часть потребностей в технической воде покрывалась за счет использования воды, накапливавшейся в цистернах. На территории Танаиса они обычно имели подквадратную или округлую горловину со стороной ок. 0,5 м и 3-5 м в глубину с расширением книзу. Учитывая, что к части из них вода, как было описано выше, подводилась с уличных вымосток, сложно представить, что она на постоянной основе использовалась и в качестве питьевой. В этой связи остается открытым вопрос, куда жители сливали нечистоты из своих домов. Вряд ли они делали это на улицу, чтобы отходы их жизнедеятельности потом оказались в цистерне у соседа ниже «по течению» улицы.

В качестве неисчерпаемого источника чистой пресной воды, очевидно, выступал Мертвый Донец, на берегу которого располагался город. Однако, Танаис располагался на второй надпойменной террасе – перепад высот между урезом воды и дневной поверхностью города составлял ок. 20 м [8, с. 88-89], а расстояние от южной оборонительной стены по прямой должно было составлять более 150 м, что представляло собой в определенной степени логистическим препятствием, делая реку менее удобным источником воды. Но что может представляться более важным, доступ к реке мог быть отрезан в случае осады жителей внутри городских стен.

На этот случай внутри города существовал как минимум один общественный каптированный источник. Им являлась постройка 6, расположившаяся к северо-востоку от южного въезда в город. По предположению С.М. Ильяшенко и Т.В. Егоровой, первоначальный резервуар был возведен во II в. до н.э., на рубеже III вв. н.э. он был значительно перестроен с уменьшением площади, а полностью засыпан он был ок. сер. II в. н.э. после постигшего город разрушения в результате нападения извне [22, с. 206]. Цистерна была устроена в естественной расщелине скалы, расширенной и укрепленной камнем с устройством спускающейся в нее лестницы. До перестройки площадь составляла ок. 75 м². В последний строительный период она представляла собой вытянутый по линии запад-восток прямоугольник площадью ок. 11 м² (4,5x2,5 м) при исследованной глубине ок. 4 м [22, с. 195]. С севера ее ограничивала улица, с востока – жилая усадьба. Вероятно, в нижней, недокопанной части, располагался выход подземных вод, наполнявший резервуар и закрывавший по крайней мере часть потребностей жителей в питьевой воде.

О существовании в перв. пол. III в. н.э. в городе источника, альтернативного засыпанной постройке 6, пока ничего неизвестно. Вероятно, он располагался в неисследованной части городища, а его перенос мог быть связан с отходом грунтовых вод, осушившим постройку 6.

Подобные резервуары известны и в других городах Северного Причерноморья. Одновременно с постройкой 6 в Танаисе, в Херсонесе в I-II вв. существовал водосборный бассейн шириной 5,9 м, длиной (в исследованной части) – 15 м, глубиной – до 4 м [23, с. 54]. Однако, если в постройку 6 вода поступала из подземного источника, то

в херсонесский бассейн были подведены водопроводные трубы, по которым, по предположению исследователей, вода поступала в город от источников, расположенных на значительном от него удалении [24, с. 76]. Позднее, во вт. пол. II-перв. пол. III вв. н.э. роль главного городского водохранилища в Херсонесе перешла к новому сооружению -- прямоугольной цистерне размерами 28x13,5x3,75 м, которая с рядом перестроек продолжала использоваться до IX-X вв. [24, с. 77-78].

В Ольвии уже в эллинистическое время существовала разветвленная водопроводная система, доставлявшая воду от каптированных источников к колодцам, располагавшимся в границах Нижнего города [25, с. 129-130]. Для водоснабжения Верхнего города у его северо-восточного угла, на стыке двух естественных балок, служивших одновременно естественной границей города, было устроено водохранилище общей длиной ок. 600 м и средней шириной ок. 70 м при глубине до 3 м, связанное с водопроводными бассейнами внутри застройки при помощи искусственных каналов [25, с. 137-138]. А в Ольвийском гимнасии уже в IV-III вв. до н.э. и вовсе было устроено горячее водоснабжение [26].

Аналогов таким системам в Танаисе не обнаружено. Вода внутри города направлялась по улицам – по ложбинам, образуемым между приподнятыми над улицей каменными плитами-тротуарами, или по простым по устройству водостокам: со стенами, обложенными камнем и перекрытыми плоскими камнями вымостки. Дно водостока иногда оставалось земляным, иногда также обкладывалось камнем.

Несмотря на то, что знания о системах водоснабжения и водоотведения города во III-IV вв. н.э. довольно фрагментарны, мы можем отметить вероятную деградацию этих систем к последнему этапу античного существования Танаиса. На протяжении II в. н.э. засыпается общественная цистерна – постройка 6, обеспечивавшая значительную часть города водой. В это же время была проведена разборка и засыпка самого большого из раскрытых в Танаисе водоотводящих каналов, уводившего воду с территории основного четырехугольника на юг, в сторону реки. Чтобы избегать подтопления своих лежащих ниже уровня поверхности улиц, усадеб и домов, в большинстве из которых были устроены подвалы, а также чтобы частично возместить те объемы воды, которые раньше могли браться из южного общественного источника, жители в это время нередко устраивали водостоки, отводившие воду с поверхности улиц в цистерны на территории городских усадеб. Сточные воды с улицы, очевидно, были более загрязненными, чем дождевая вода, стекавшая в эти цистерны с крыш и территории двора. Возможно, именно для очистки воды была придумана довольно сложная система с двумя взаимосообщающимися цистернами, зафиксированная в усадьбе 23.

В сравнении со сложной системой водоснабжения, зафиксированной, к примеру, в эллинистической Ольвии, в которой вода разводилась от каптированных источников к накопителям-цистернам, а также существовали отдельные колодцы, обеспечивавшие все районы города водой [27], встречающиеся в Танаисе гидротехнические приемы кажутся крайне примитивными, а применение этих приемов предстает ситуативным, служившим для решения конкретной задачи по отведению воды в отдельно взятой части города.

Библиография

1. Арсеньева, Т. М., Науменко, С. А. Усадьбы Танаиса. М., 1992. 231 с.
2. Шелов, Д. Б. Новые данные о Танаисе // Краеведческие записки. Вып. 1. 1957, Таганрог. С. 115-120.
3. Казакова, Л. М. Строительные ресурсы Танаиса // Историческая география Дона и

- Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992. С. 37-45.
4. Прокофьев, И. А. Типология построек городских усадеб Танаиса II-III вв. н.э. // Человеческий капитал. № 5 (185). М., 2024. С. 11-22.
5. Арсеньева, Т. М., Шелов, Д. Б. Исследования Танаиса в 1966-1969 гг. // КСИА АН СССР. Вып. 130. М., 1972. С. 89-96.
6. Матера, М. Об особенностях жизни в западном Танаисе после полемоновского разгрома // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2018. С. 300-306.
7. Арсеньева, Т. М., Науменко, С. А. Раскопки Танаиса в 1985-1989 гг. // КСИА РАН. Вып. 207. М., 1993. С. 93-101.
8. Арсеньева, Т. М., Беттгер, Б., Науменко, С. А. К истории эллинистического Танаиса // ПИФК. Вып. XI. М.-Магнитогорск. С. 84-120.
9. Арсеньева, Т. М. Раскопки Танаиса в 1977-1980 гг. // КСИА АН СССР. Вып. 174. М., 1983. С. 100-108. 10.
10. Арсеньева, Т. М., Науменко, С. А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. Т. 4. М., 2001. С. 56-124.
11. Arsen'eva, T. M., Böttger, B. (mit Beiträgen Breß, R., Ullrich, M.) Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1995. Eurasia Antiqua. 1996. B. 2. S. 405-453.
12. Арсеньева, Т. М. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в Ростовской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11173.
13. Арсеньева, Т. М., Науменко, С. А. Раскопки Танаиса в 1981-1984 гг. // КСИА АН СССР. Вып. 191. М., 1987. С. 75-82.
14. Толочко, И. В., Ильяшенко, С. М., Арсеньева, Т. М., Науменко, С. А. Том II к отчету № 23232 (раскоп XIX). Отчет об исследованиях Нижне-Донской археологической экспедиции ИА РАН в 2002 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23233.
15. Коровина, А. К., Шелов, Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956-1957 гг.) // МИА СССР. № 127. Древности Нижнего Дона. М., 1965. С. 18-55.
16. Толочко, И. В., Арсеньева, Т. М., Науменко, С. А. Том II к отчету № 23224 (раскоп XIX). Отчет Нижне-Донской археологической экспедиции за 2001 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23225.
17. Леонтьев, П. М. Ведомость о раскопках на Недвиговском городище. Архив ИИМК РАН. Ф. 9, оп. 1, д. 25, л. 68-88.
18. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1870 и 1871 годы. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1874. 303 с.
19. Ильяшенко, С. М. Южные ворота Танаиса // Археологические записки. Вып. 8. Ростов-на-Дону, 2013. С. 159-177.
20. Kozlovskaya, V., Ilyashenko, S. M. The Lower city of Tanais // Exploring the Hospitable Sea. Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21-23 September 2012. Oxford, 2013. P. 83-94.
21. Арсеньева, Т. М. Раскопки Танаиса в 1973-1976 гг. // КСИА АН СССР. Вып. 156. М., 1978. С. 93-100.
22. Ильяшенко, С. М., Егорова, Т. В. Предварительные итоги исследований в юго-восточной части цитадели Танаиса в 2015-2018 гг. // Древности Боспора. Т. 25. М., 2020. С. 185-207.
23. Кутайсов, В. А., Юрочкин, В. Ю. Бассейн римского времени в Юго-Западном районе Херсонеса // Международная конференция "Византия и Крым". Тезисы докладов. Симферополь, 1997. С. 51-57.
24. Ковалевская, Л. А., Седакова, Л. В. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в позднеантичную эпоху // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып.

- XI. Симферополь, 2005. С. 71-91.
25. Карасев, А. Н. К вопросу о водоснабжении Ольвии // СА. 1941, № 7. С. 129-139.
26. Карасев, А. Н. К вопросу о водоснабжении Ольвийского гимназия // КСИА. 1975, № 143. С. 3-10.
27. Кудренко, А. И. О водоснабжении Ольвии в IV-II вв. до н. э. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 178-189.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Гидротехнические сооружения Танаиса II-III вв. н.э.» для опубликования в журнале «Исторический журнал: научные исследования». Статья посвящена анализу гидротехнических сооружений Танаиса во II-III вв. н.э., включая системы водоотведения и водоснабжения. Автор исследует их устройство, функциональность и роль в городской инфраструктуре. Предмет исследования четко ограничен автором хронологическими рамками и географическим указанием, что в последствие позволило уделить внимание как централизованным, так и локальным системам водоотведения. Однако, глубине исследования недостает более тщательного сравнительного анализа с другими античными городами Северного Причерноморья (например, Херсонесом, Ольвией), что могло бы усилить выводы.

Методология исследования основана на археологическом анализе данных раскопок, включая планиграфию и стратиграфию, применении историко-сравнительного метода для реконструкции систем водоснабжения, а также статистическом подходе для анализа расположения и количества гидротехнических сооружений. Исследование изобилует детальным описанием сооружений с опорой на полевые отчеты и архивные материалы. В работе использована визуализация (план-схема) для иллюстрации выводов. Однако, отсутствует применение современных методов, таких как GIS-анализ для реконструкции водных потоков. Также мало внимания уделено естественно-научным методам (например, палеогидрологии).

Тема актуальная для современной археологии и истории античности в части изучения гидротехнических систем, что помогает понять уровень развития городской инфраструктуры. В представленной работе отмечены проблемы водоснабжения и водоотведения, что важно для исследований урбанизации в античном мире. Результаты исследования вносят вклад в дискуссию о городском планировании в Северном Причерноморье. При этом, недостаточно показано связи с современными экологическими исследованиями (например, влияние климата на водные системы).

В статье предложена авторская реконструкция системы водоотведения Танаиса, основанная на новых данных раскопок. Проанализирована деградация гидротехнических систем к III в. н.э. К элементу научной новизны также возможно отнести введение в научный оборот ранее неопубликованных данных (например, раскопки 2000-х гг.). К сожалению, в работе не уделено внимания критическому переосмыслению устоявшихся теорий (например, гипотез о причинах деградации систем).

Стиль, структура, содержание статьи соответствуют предъявляемым требованиям. Статья написана научным языком, структура включает введение с постановкой проблемы, детальный анализ данных, выводы.

Список литературы обширен и включает результаты достижений отечественных ученых преимущественно советского периода времени. Безусловно, тематика подразумевает

обращение к классическим исследованиям (Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. и других). Учтены выводы в работах Прокофьева И.А. (2024). Однако имеются другие современные публикации по античной гидротехнике и смежным исследованиям (Вязкова О.Е., 2022; Губарев И.В, 2022). Апелляция к оппонентам в работе присутствует. Автор полемизирует с тезисами о примитивности гидротехнических систем Танаиса (сравнение с Ольвией), гипотезами о причинах деградации инфраструктуры.

Выходы в статье значимы для археологов в части уточнения данных по Танаису, историков античности для понимания урбанизации в Северном Причерноморье. Усматривается также потенциал в части практической ценности результатов исследования. В частности, для реконструкции климата и экологии региона.

Таким образом, статья представляет собой глубокое исследование, основанное на археологических данных. Несмотря на отдельные недочеты, она заслуживает публикации в избранном журнале.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Фан Ц. Применение теории этногенеза Л. Н. Гумилёва к изучению отношений между Китаем и Хунну // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74196 EDN: UPBXPN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74196

Применение теории этногенеза Л. Н. Гумилёва к изучению отношений между Китаем и Хунну

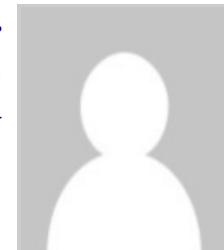
Фан Цзялинь

кандидат культурологии

аспирант, кафедра русской литературы, Хэйлунцзянский университет

150006, Китай, г. Цзилинь, ул. Туаньцзе, Парк Лицзин

✉ fangjialinsofia@163.com

[Статья из рубрики "История этносов, народов, наций"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74196

EDN:

UPBXPN

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2025

Дата публикации:

01-06-2025

Аннотация: Отношения между Китаем и кочевыми народами Центральной Азии, особенно с хунну, на протяжении веков волновали умы историков. Эти связи, полные противоречий и напряжения, до сих пор остаются одной из ключевых тем для понимания истории Евразии. Однако привычные подходы к их изучению нередко упускают из виду сложность и многослойность этого взаимодействия. Здесь на помощь приходит теория этногенеза Льва Николаевича Гумилёва — подход, который объединяет в себе историческую географию, антропологию и экологию, позволяя взглянуть на прошлое с новой стороны. Объекты исследования — Ханьская империя и конфедерация хунну как два исторических субъекта, чьи судьбы переплелись в эпоху ранней античности. Предмет исследования — их взаимоотношения во II–I веках до н.э., увиденные через теорию этногенеза Гумилёва. Основные методы включают: 1) применение концепций

пассионарности, вмещающего ландшафта и фаз этногенеза к интерпретации исторических событий; 2) сравнительный анализ экологических и социальных факторов, определяющих динамику конфликта; 3) верификацию теоретических положений на основе исторических данных. Источниковая база включает первичные исторические тексты, такие как «Ханьшу» Бань Гу, археологические материалы. Гипотеза научного исследования: теория Гумилёва, опирающаяся на понятия пассионарности, стадий этногенеза и влияния природной среды, способна объяснить, почему отношения между Китаем и хунну развивались так непредсказуемо, и показать, как экологические и энергетические факторы влияли на их динамику. Научная новизна заключается в том, что в этой работе теория этногенеза Гумилёва впервые последовательно используется для изучения китайско-хуннских отношений. Такой подход расширяет её географическое применение и проверяет её возможности на примере восточных обществ, что ранее оставалось вне поля зрения большинства исследований. Анализ показал, что гумилёвская модель объясняет нелинейную природу их взаимодействия, экологическую обусловленность конфликтов и циклический характер этнических процессов. Практическая значимость работы заключается в расширении географических рамок теории Гумилёва и её верификации на восточных обществах.

Ключевые слова:

Л. Н. Гумилёв, теория этногенеза, пассионарность, междисциплинарные исследования, Китай, этнос, ландшафт, этногенез, китайско-хуннское противостояние, хунны

Хунну — могущественный кочевой народ, активный с III века до н. э. по I век н. э., сформировавшийся на обширных степных просторах к северу от Китая. Как отмечается в работе Линь Ганя «Всеобщая история хунну», «основу хуннского этноса составило племя „хунну“, которое, вероятно, постепенно развились из племён сюньбой, гуйфан и сяньюнь»^[1]. К концу III века до н. э. хунну сформировались в единый могущественный народ во главе с правителем, носившим титул «шаньюй». Полный титул верховного вождя — «чэнли гуту шаньюй», где «чэнли» означает «небо», «гуту» — «сын», а «шаньюй» — «великий». Шаньюю помогал управлять туци-ван («туци» переводится как «справедливый, верный»), разделявшийся на левого и правого князей.

Политическая организация хунну представляла собой эффективный инструмент внутренней консолидации и внешней экспансии. Благодаря военным кампаниям и династическим бракам влияние хунну распространилось от Монгольского нагорья до Центральной Азии и Восточной Европы. Эта экспансия сопровождалась не только территориальным ростом, но и культурным взаимодействием, особенно с китайскими империями, что обогатило политические и социальные структуры хунну. Под руководством шаньюя военная мощь хунну достигла апогея. Их конница, отличавшаяся мобильностью и боевой эффективностью, стала доминирующей силой в степях и серьёзным вызовом для китайских государств. Военная стратегия и организация хунну оказали глубокое влияние на последующие кочевые народы, включая тюрков и монголов. Миграция северных хунну на запад спровоцировала масштабные перемещения народов Евразии. Племена ухуань, сяньби, жуаньжуань и другие, вытесненные хунну, продвинулись в регионы Южной России и Восточной Европы. Социальная иерархия хунну имела жёсткую структуру: на вершине находился шаньюй — верховный правитель, ниже — аристократия (левые и правые князья), управлявшая отдельными племенами. Экономика основывалась на кочевом скотоводстве, особенно разведении лошадей,

крупного и мелкого рогатого скота. Подвижный образ жизни позволял эффективно использовать пастбищные ресурсы. Охота, помимо хозяйственного значения, служила тренировкой боевых навыков молодёжи. Религиозные представления хунну отражали глубокое почитание природы и духов. Культ Неба (Тенгри) проявлялся в титуле шаньюя — «Сын Неба». Шаманы играли ключевую роль в ритуалах, включавших жертвоприношения, вызывание дождя и общение с духами. Это мировоззрение демонстрировало стремление к гармонии с природными силами. Художественные традиции хунну отличались ярким степным колоритом, особенно в металломонументике. Бронзовые изделия с анималистическими мотивами, динамичные по композиции, служили как утилитарным целям, так и выражением культурной идентичности. Взаимодействие с Китаем началось с пограничных конфликтов. Молниеносные рейды хуннских конници вынудили империю Цинь начать, а Хань — усилить строительство Великой стены. Параллельно с конфронтацией действовала политика «хэцинь» — династических браков. Передача китайских принцесс в жёны шаньюям временно смягчала противостояние, хотя хунну периодически нарушали договоры. Тем не менее, эти союзы позволили Ханьской империи укрепить границы и постепенно распространять культурное влияние. Торговля на приграничных рынках стала важным каналом взаимодействия. Обмен шёлком, изделиями ремёсел на лошадей и меха способствовал экономической взаимозависимости. Хунну перенимали китайское оружие и украшения, китайцы — элементы кочевого костюма и кулинарии. Как отмечал Лев Гумилёв, «если бы не сопротивление хунну, мощный Китай мог бы подчинить себе всю Азию»[\[2\]](#), подчёркивая определяющую роль ханьско-хуннских отношений в исторической динамике региона.

1. Междисциплинарный подход как новация исторических исследований

Китайские учёные единодушно признают, что “теория Гумилёва представляет собой успешный синтез множества дисциплин — географии (включая геофизику и метеорологию), экологии, психологии, социологии, истории (включая археологию и источниковедение)”[\[3\]](#). Такой комплексный метод анализа позволил перевести изучение китайско-хуннских отношений с уровня описания исторических событий на уровень глубинного исследования многофакторности этих отношений через призму антропологии, генетики, биологии и других наук.

Антрапологическая перспектива ярко иллюстрируется на примере кочевых народов, чей образ жизни органично вписывается в рамки антропологического анализа. Например, вопрос о причинах частых набегов кочевников на земледельческие цивилизации, на первый взгляд кажущийся сугубо историческим, на деле тесно связан с их системой жизнеобеспечения. Неспособность степных народов самостоятельно производить железо обуславливала его дефицит, вынуждая добывать металл через грабежи. Помимо железа, ключевой целью набегов были чай и другие предметы первой необходимости. Это объяснялось не только материальной нуждой, но и физиологическими потребностями: рацион кочевников, основанный на молочных продуктах, обеспечивал достаточное количество белка, но был беден углеводами и витаминами. Создание китайскими династиями системы «чайно-лошадиной меновой торговли» (茶马互市) имело целью уравновесить взаимные потребности. Однако прекращение торговли из-за голода или войн в Центральном Китае лишало кочевников легальных каналов получения жизненно важных ресурсов, вынуждая их к насильтственному захвату.

Безусловно, набеги степняков носили разрушительный и несправедливый характер, но с позиции кочевого общества закрытие торговых путей означало блокаду выживания,

оставляя грабёж единственной альтернативой. Более того, подобные действия не сводились исключительно к материальным мотивам. Историография традиционно фиксировала эти события поверхностно, тогда как антропологический подход позволяет раскрыть их глубинную логику.

Ярким примером служит анализ брачных обычаяев кочевников, таких как традиция "когда умирает отец, берут в жёны его жён; когда умирают братья, берут их жён"^[4]. Это не просто культурная аномалия, а адаптивная демографическая стратегия. В условиях экстремально низкой продуктивности степного хозяйства (одна семья кочевников могла нуждаться в сотнях гектаров пастбищ) и высокой детской смертности (до 60%) подобные обычаи, как отмечал ещё российский этнограф Б.Я. Владимирцов в работе «Общественный строй монголов» (1927), обеспечивали репродуктивную устойчивость: «принудительное повторное замужество вдов гарантировало каждой женщине репродуктивного возраста минимум пять родов, что было критически важно для сохранения численности этноса»^[5].

Современные исследования, такие как полевые работы социолога Ма Гоцина в монгольских пастбищных районах, подтверждают сохранение элементов подобных практик даже в условиях современной медицины: "семьи по-прежнему придерживаются модифицированных форм левирата, где братья коллективно несут ответственность за воспитание детей"^[6]. Это даёт ключ к пониманию древних хуннских институтов.

Однако китайская историография часто ограничивается хронологическим описанием событий («в таком-то году произошло то-то»), избегая анализа их структурных причин. Действия кочевников сводятся к «агрессии» или «варварству», что игнорирует их социально-экономическую детерминированность. Строго академический подход требует выйти за рамки морализаторства, раскрывая многослойную мотивацию исторических акторов. Именно здесь антропология демонстрирует свою эвристическую ценность: она не только фиксирует человеческое поведение, но и объясняет его генезис через призму экологических, экономических и культурных контекстов.

Физическая перспектива. Как отмечалось ранее, Гумилёв рассматривает этнос как особую энергетическую систему, где его оригинальная теория «пассионарного напряжения», основанная на законе сохранения энергии, формирует уникальную модель этнической динамики. В этой модели подъём и упадок этнических общностей интерпретируются как динамический процесс аккумуляции и диссипации энергии, аналогичный преобразованию кинетической энергии в классической механике. Когда внутреннее пассионарное напряжение этноса превышает критический порог, возникает «фазовый переход» — масштабные миграции или экспансии цивилизаций. Внезапный расцвет Хуннской конфедерации в III веке до н.э. напоминает резкий выброс потенциала сжатой пружины: волны военных завоеваний хунну создали динамический баланс с оборонительной системой Ханьской империи.

Принцип "действие равно противодействию" находит отражение в работе американского учёного Томаса Бар菲尔да: «циклическое усиление кочевых империй, таких как хунну, коррелирует с уровнем централизации китайских династий — появление сильного оседлого государства провоцирует военную консолидацию кочевников в „зеркальную империю“ для сохранения доступа к ресурсам»^[7]. Этот тезис подтверждается историей ханьско-хуннских отношений: активная военная политика императора У-ди ускорила реорганизацию хуннских племён, приведя к стратегическому переформатированию Южных хунну при шаньюе Хуханье.

Гумилёв также применяет закон сложения векторов для анализа движущих сил этногенеза. Взаимодействие кочевой и земледельческой цивилизаций уподобляется механической системе: стабильная социальная структура Хань выступает инерциальной системой отсчёта, а периодические набеги хунну — внешней силой. Преобразование элементов взаимодействия (торговля, брачные союзы, военные конфликты) в векторные компоненты показывает, что результирующая сила неизменно направлена в сторону культурного синтеза.

Такая модель выявляет скрытые каналы энергообмена за фасадом конфронтации: созданная Ханьской династией «потенциальная преграда» в виде Великой стены стимулировала формирование «кинетического коридора» степного Шёлкового пути. В критической точке фазового перехода теория находит подтверждение: военное превосходство хунну в ранний период Западной Хань отражало временное состояние энергетической перенапряжённости их системы. Стратегия У-ди по «отсечению правого крыла хунну» ввела в систему диссилиативный фактор, ускорив рассеивание энергии хунну. К I веку н.э. Южные хунну, пережив каскадный энергетический коллапс, завершили реинтеграцию через подчинение Хань, тогда как Северные хунну, подобно брошенному телу в классической механике, начали миграцию на запад.

Однако редукция культурной субъектности к механическим векторам может упрощать семантику межцивилизационного диалога. Тем не менее, такой междисциплинарный подход открывает новые горизонты для анализа цикличности ханьско-хуннских отношений, переосмысливая «Шёлковый путь» как пространство двустороннего энергообмена.

Экологическая перспектива. Гумилёв интегрирует принцип динамического равновесия экосистем в изучение этносов, трактуя ханьско-хуннские отношения как форму симбиоза, основанного на биосферном энергообмене. В «Этногенезе и биосфере Земли» он подчёркивает, что экологическая уязвимость евразийских степей определяла циклы «пассионарных всплесков» кочевников. Концепция «экспроприации выживания», предложенная французским антропологом Р. Груссе в «Империи степей», дополняет теорию экологического давления: «при продолжительных зимних бедствиях (дзуд) свыше трёх лет вероятность набегов кочевников возрастает на 300%»^[8].

Когда экологическая нагрузка (засухи, снежные бураны) превышала порог устойчивости кочевого хозяйства, в суперэтнической системе хунну активировались механизмы компенсации: горизонтальное перераспределение скота через родственные сети сменялось, при пролонгированном кризисе, вертикальной мобилизацией субэтносов для «энергетической экспансии» в земледельческие зоны. Подчинение Южных хунну Хань в 51 году до н.э. интерпретируется как результат превышения предела экологической адаптации: комбинация «чёрных бедствий» (засух) и «белых бедствий» (снежных катастроф) в степях Монголии вызвала каскадный распад суперэтноса. Субэтнические группы (например, сюйту) мигрировали в Хэтаоскую равнину, создавая гибридные формы полукочевого-полуседлого существования — биосферный аналог экологической сукцессии.

Политика Хань в области «регулируемой торговли» имела двойной экологический эффект:

1. Ежегодный экспорт 2 млн шёлковых свитков компенсировал энергодефицит степей, трансформируя военную активность кочевников в экономическую зависимость.

2. Импорт зерна через приграничные рынки изменил пищевой рацион хуннской элиты, снизив их пассионарность.

Этот двусторонний обмен сформировал транзитную экологическую нишу вдоль Иньшаньских гор, где 36 ключевых торговых пунктов стали узлами энергопотоков. Как отмечает Гумилёв: изменения поведенческих паттернов этнической системы отражают энергетический баланс биогеоценоза^[9]. В соответствии с его теорией иерархии этносов, достижение устойчивого энергообмена между суперэтносами порождает «пограничные формы» (например, ханьские «варвары, охраняющие границы»), выполняющие роль:

- клапанов сброса экологического давления;
- инкубаторов новых этнических моделей.

Биологическая перспектива. Гумилёв формулирует принцип комплементарности, согласно которому формирование этнической идентичности хунну и Хань представляет собой синтез биологического отбора и социального конструирования. Когда кочевые воины сталкивались с ханьскими гарнизонами вдоль Великой стены, подсознательные сигналы (орнаменты одежды, боевые кличи, телесные запахи) запускали механизм «биоидентификации», формируя архаичную дихотомию «свой-чужой». В захоронениях хуннской знати ордосского региона сочетаются скифо-сибирские зооморфные украшения (биологические маркеры идентичности) и ханьские колесничные принадлежности (продукт социокультурного взаимодействия). Этот культурный палимпсест подтверждает тезис Гумилёва: «этнос формируется как конгломерат биологических инстинктов и культурных наслоений».

Политика «брачных союзов» (хэцинь) особенно ярко демонстрирует эту двойственность. Ханьские принцессы, прибывавшие в ставку шаньюя с семенами культурных растений и мастерами-текстильщиками, выступали носителями как биологических (генетических), так и культурных кодов. Генетические исследования выявили внезапное появление митохондриальной гаплогруппы Оа-F8 у южнохуннской элиты, коррелирующей с дунхуским происхождением ханьских невест. Этот биосоциальный синтез (генетический поток + социополитическая реконфигурация) радикально трансформировал границы идентичности правящего класса хунну.

Маргинальные группы «варваров, охраняющих границы» стали лабораторией комплементарности. Смешение ханьских дезертиров, перебежчиков-хунну и цянских беженцев привело к формированию гибридной идентичности через:

1. Социальную связь — общую модель скотоводческо-земледельческого хозяйства;
2. Биологическую конвергенцию — физическую гомогенизацию благодаря межэтническим бракам.

При учреждении системы зависимых княжеств (шуго) для расселения покорённых хунну в округе Бэйди, Хань сознательно сохраняла племенную организацию (социальная комплементарность), внедряя земледелие для изменения метаболических паттернов (биологическая адаптация). Эта двусторонняя регуляция понизила статус южных хунну от суперэтноса до субэтнического компонента ханьской пограничной системы. Как показывает теория Гумилёва, ханьско-хуннское противостояние и интеграция представляли собой сложную игру биологического притяжения и социального отталкивания, направленную на оптимизацию энергообмена между этносистемами.

Археологическая перспектива. Археология предоставляет материальную основу для

преодоления источниковедческих ограничений. Например, памятник Чжукайгоу в Ордоце (XV век до н.э., бронзовый век) демонстрирует:

- Существование полуземляночных жилищ и загонов для скота;
- Многочисленные кости КРС, овец и лошадей, подтверждающие описанную в хрониках модель «хунну, кочующих со стадами»;
- Совместное нахождение бронзовых кинжалов/наконечников стрел и ханьской керамики, свидетельствующее о раннем товарообмене между кочевой и земледельческой цивилизациями.

Цзяньяньские деревянные таблички эпохи Хань, обнаруженные в августе 1974 г. в помещении №22 городища Цзяцюйхуогуань, реконструируют реалии пограничья. Запись «Дело о взыскании долга с Кэ Эня начальником гарнизона Суй Цзюнем в 3-й год Цзяньу» (27 г. н.э.) доказывает действие ханьских законов на 200 км севернее границы.

Поэтому, исследователям истории степных народов необходимо владеть не только лингвистикой, но и междисциплинарным инструментарием (антропология, биология, экология, археология). Такой подход позволяет:

1. Раскрыть глубинные механизмы социального поведения кочевников (хунну, монголы);
2. Преодолеть поверхностную фиксацию исторических событий;
3. Анализировать историю как комплекс биосоциальных процессов.

Междисциплинарность расширяет исследовательские горизонты, предоставляя инструменты для деконструкции сложности исторических феноменов. Как отмечает Гумилёв, история регистрирует действия, но лишь наука объясняет их причины.

2. Этнические процессы в рамках вмещающего ландшафта

В середине XX века советский историко-географ В.К. Яцунский сформулировал ключевую задачу исторической географии как исследование географического измерения исторических процессов. Его концепция включала четыре направления:

- 1) Природные ландшафты конкретной эпохи;
- 2) Этнический состав и миграции;
- 3) География производственно-экономических связей;
- 4) Политические границы и география значимых событий^[10].

Гумилёв, развивая эту идею, ввёл понятие «вмещающего ландшафта», углубив синтез географии и этнологии. Согласно его теории, ландшафт — не пассивный фон, а динамическая «вмещающая система», формирующая модели этнического поведения и этногенеза. Это сместило фокус исследований от статичного наблюдения к анализу «этнос-ландшафтного взаимодействия», где формирование и миграции народов объясняются через изменения среды, климата и ландшафтных характеристик: «Миграции и процессы этногенеза, вне всякого сомнения, обусловлены элементами ландшафта и корреспондируют с колебаниями климата... люди влияют на природу, как, впрочем, влияют на нее любые фаунистические формы»^[11]. В отличие от четырёхмерной модели Яцунского, гумилёвский «комплементарный ландшафт» трактует среду как органическую

часть этнической экосистемы. Здесь ландшафт и этнос подобны звеньям экологической цепи, находящимся в постоянной коэволюции.

Помимо прорыва в научной парадигме, учение Гумилёва предложило исторической географии новые исследовательские подходы через инновационную методологию. Традиционные исторические исследования часто ограничивались источниками, особенно страдали от селективных искажений исторических материалов, что загоняло учёных в узкие рамки однофакторного причинного анализа. Например, при изучении этнических миграций их обычно сводили к военным конфликтам или политическим событиям, игнорируя влияние климатических изменений и экологических трансформаций. Гумилёв же, применяя метод временных рядов, выявил синхронность исторических событий и изменений природного ландшафта, раскрыв тем самым сложные механизмы «человеко-земельного взаимодействия».

Исследуя процесс сельскохозяйственной экспансии Цинь и строительство Великой стены, Гумилёв отмечал: когда предки китайцев обитали в густых лесах бассейна Хуанхэ, лесной барьер эффективно защищал поля от степных песчаных бурь. Однако масштабная вырубка лесов для расширения пахотных земель привела к опустыниванию, особенно в районе современной Великой стены. Песчаные бури покрывали поля слоем песка, вызывая падение урожайности и экономический кризис. Параллельно песчаные наносы перекрывали водные источники, осушая малые реки. Для решения проблемы Цинь разработала остроумную систему ирrigации — строительство дамб и водохранилищ на реках вроде Цинхэ с последующим распределением воды через каналы. Эта технология резко повысила продуктивность сельского хозяйства, обеспечив продовольственную базу для армии. Изобилие зерна позволило Цинь содержать мощную армию, которая в конечном итоге объединила Китай^[12].

Гумилёв подчёркивал, что исторические феномены суть результат полифакторного взаимодействия, а не следствие единственной причины. Поэтому при изучении этнической истории необходимо учитывать взаимовлияние климатических колебаний, трансформаций растительного покрова, миграций народов и военных конфликтов.

Под влиянием теории «вмещающего ландшафта» анализ хунно-ханьских отношений у Гумилёва естественно вписывается в контекст природной среды: «Поэтому, изучая историю евразийских кочевников, мы знакомимся с историей природных условий населяемой ими территории»^[13]. Кочевой образ жизни был детерминирован степным ландшафтом: открытый рельеф, дефицит воды и нерегулярные осадки формировали «жёсткие ограничения», требующие высокой мобильности. Именно эта «потребность в подвижности» стала ключевой адаптационной чертой военной организации при возвышении Хунну и Монгольской империи. Гибкие боевые построения и манёвренная кавалерия позволили хуннам успешно противостоять вызовам среды.

«Центральноазиатские кочевники, чья культура принципиально отличалась от китайской или иранской... Хунны, тюрки и монголы создали устойчивый быт, технику, литературу и государственность на базе кочевого скотоводства. Даже при постоянных контактах с китайцами они не перенимали ни письменности, ни социальных институтов. Их этнографическая уникальность определялась хозяйственным укладом, адаптированным к степному ландшафту»^[14]. Используя особенности среды, хунны выстроили социальную систему с кочевым ядром, сохранив автономию в контактах с земледельческой цивилизацией.

Монгольская империя усовершенствовала эту модель, создав сложную пространственную

систему управления. Ямская служба и коммуникационная сеть стали прямым ответом на вызовы степного ландшафта. Распределённый характер ресурсов обусловил уникальную модель управления — гибкое децентрализованное распределение. В западной части степи с её разреженными пастбищами сложились подвижные племенные объединения, тогда как на влажном востоке с концентрированными ресурсами возникли централизованные структуры.

В отличие от кочевых, земледельческие цивилизации развивались через креативную трансформацию ландшафта. В бассейне Хуанхэ древнекитайское общество посредством гидротехнических систем радикально преобразовало природную среду. Ирригация не только повысила продуктивность, но и создала продовольственную базу для военной машины. Однако интенсификация сельского хозяйства вызвала экологический ответ: обезлесение привело к опустыниванию в районе Великой стены. Это демонстрирует двунаправленность антропогенного воздействия: преобразование ландшафта обеспечивает ресурсы, но требует технологической коррекции негативных последствий.

Таким образом, противоречия между хуннским кочевым и ханьским земледельческим укладами коренятся в принципиально разных моделях адаптации к ландшафту.

Существование кочевых народов напрямую зависело от сезонных изменений степных ландшафтов. Хуны осуществляли межсезонные миграции в соответствии с распределением водных ресурсов и пастбищ, особенно в районе Ордосской излучины Хуанхэ, где степные экосистемы и источники воды выступали ключевым фактором выживания. Ресурсы этого региона составляли основу жизнеобеспечения хуннских кочевых групп, что предопределяло необходимость постоянного контроля и борьбы за эти территории в процессе сезонных перемещений.

Однако политика военно-земледельческих поселений (тунъянь), проводимая Ханьской империей, предполагала обеспечение продовольственной безопасности через создание стационарных сельскохозяйственных угодий, особенно в пограничных районах, соприкасавшихся с хуннскими территориями. Эти поселения должны были содержать крупные пограничные гарнизоны. Реализация данной политики спровоцировала конфликты между Хань и хуннами за земельные и ресурсные права в одних и тех же регионах. На фоне климатической нестабильности, усиления засух и песчаных бурь, несущая способность степных экосистем постепенно снижалась, что сокращало жизненное пространство хуннов, в то время как Хань стремилась к экстенсивному расширению сельскохозяйственных земель.

Колебания природной среды, особенно проявление второго малого ледникового периода в конце Восточной Хань, усугубили деградацию степных экосистем. Снижение температур привело к сокращению периода вегетации трав, ограничив продуктивность пастбищ. Хуннские кочевые группы, испытывая давление на жизненное пространство, вынуждены были продвигаться южнее в поисках пастбищных ресурсов. Малый ледниковый период также ограничил поголовье скота у хуннов, увеличив частоту их вторжений на юг, что вызвало прямую конфронтацию с Ханьской империей в вопросах распределения природных ресурсов. Усиление нагрузки на ханскую оборону потребовало мобилизации дополнительных ресурсов для противодействия кочевникам, что стало одним из факторов эскалации противоречий.

Великая Китайская стена как военный рубеж Хань против хуннов обладала не только функциями физического барьера, но и чётко выраженнымми чертами экологической границы. В определённой степени она марковала зону экологического раздела между

кочевыми и земледельческими сообществами. Стена совпадает с изолинией 400 мм годовых осадков — ключевой экологической границей между степью и пахотными землями. К югу от стены происходило постепенное освоение земледельческим обществом ресурсов, при этом сельскохозяйственное производство Хань усиливало давление на водные ресурсы, почвы и климатическую систему. К северу от стены выживание кочевников оставалось зависимым от степных пастбищных ресурсов. Таким образом, Стена выступала не только военным фортификационным сооружением, но и ландшафтным маркером, разделяющим две экономические модели. Её дуальная функция демонстрирует неразрывную взаимосвязь военных и экологических факторов в хунно-ханьских конфликтах.

В контексте экологических условий и моделей жизнеобеспечения хунно-ханьские отношения эволюционировали от простого военного противостояния к многомерной конкуренции, охватывающей географические, климатические, ресурсные и культурные аспекты. Однако, хотя теория Гумилёва обладает уникальной объяснительной силой при анализе взаимодействий кочевых и земледельческих цивилизаций, излишний акцент на географический детерминизм может привести к недооценке сложного взаимодействия среды и культуры в социальных системах.

3. Взлёты и падения этносов под влиянием пассионарной энергии

Теория этногенеза Гумилёва построила уникальную модель энергетической динамики, интерпретирующую циклы расцвета и упадка этносов как движение жизненного цикла пассионарной энергии. Согласно модели «пятифазной эволюции этноса» (подъём-акматика-перегрев-инерция-обскурация), изложенной в работе «Этногенез и биосфера Земли», этносы на разных стадиях развития демонстрируют радикально различающиеся энергетические характеристики. Данная теория позволяет объяснить парадоксальные аспекты хунно-ханьского противостояния.

«В период со II по I век до н.э. экономика, культура и население Хань переживали стремительное восстановление. Территория империи расширилась, а численность населения достигла приблизительно 59,6 млн человек. При этом общая численность хуннов составляла лишь около 300 тыс., создавая явный дисбаланс сил. Однако абсолютная мощь древних государств определялась не только демографическими показателями, но и фазой этногенеза или „возрастом“ этноса. Поскольку процесс этнического формирования Китая начался ещё в IX веке до н.э., ко II веку до н.э. он вступил в инерционную fazу (доминирование трудолюбивого, но лишённого инициативы населения). Ханьской армии приходилось комплектовать ряды заключёнными и племенами пограничья, которые воспринимали империю как угнетателя. Поэтому, несмотря на наличие талантливых полководцев, боеспособность войск оставалась низкой. В то же время хунны находились в фазе подъёма и акматики, где понятия „армия“ и „этнос“сливались воедино. Именно поэтому в период с 202 по 57 гг. до н.э., несмотря на малочисленность, хунны успешно противостояли ханьской экспансии. Лишь посредством искусного стравливания племён и провоцирования внутренних распри среди хуннов ханьские посланники смогли обеспечить победу империи»[\[15\]](#).

Для Ханьской империи этнический процесс, начатый ещё при чжоуской феодальной системе (около IX в. до н.э.), привёл к вступлению в инерционную fazу этногенеза к эпохе У-ди[\[16\]](#). (Согласно периодизации Гумилёва: эпоха Чуньцю — «фаза подъёма», период Сражающихся царств — «перегрев пассионарности», эпоха Цинь — «фаза надлома», Хань — «инерционная фаза», конец Хань и эпоха Троецарствия — «фаза обскурации».) Данная стадия проявлялась через мультипликацию энтропийных

дисбалансов:

1) Демографическая ловушка: "Население ранней Западной Хань оценивается в 15–18 млн человек, к началу правления У-ди (134 г. до н.э.) оно возросло до 36 млн. Однако с середины его правления началась длительная стагнация и депопуляция, сократившая численность до 32 млн к 87 г. до н.э."^[17]

2) Ослабление пассионарности среди простонародья.

3) Культурная стагнация: орнаменты ханьских бронзовых изделий демонстрировали значительно меньшую оригинальность по сравнению с шан-чжоускими образцами.

Даже реформы У-ди по расширению военного набора через систему «уских рангов» (武功爵) с награждением отличившихся 200 тыс. цзиней золота лишь временно повысили концентрацию пассионариев, но истощили накопления эпохи Вэнь-цзина, что соответствует гумилёвскому тезису о «перегреве пассионарности» как предвестнике упадка.

В противоположность этому, хуннская конфедерация как молодой этнос находилась в фазе подъёма-акматики. Несмотря на численность в 0,5% от ханьского населения, её социальная организация демонстрировала феноменальную эффективность энергетической трансформации:

- Система «24 старшин» (二十四长制), превращавшая всё население в армию, обеспечивала вертикальную мобилизацию пассионариев.
- Ритуал кровавой клятвы при интронизации шаньюя действовал как механизм коллективного пассионарного резонанса.
- Степная экосистема с пределом нагрузки 5 чел./км²^[18] создавала синергию с кочевой тактикой, позволяя хуннской коннице превосходить земледельческие армии в манёвренности (до 80 км/сутки против 20–30 км у ханьских войск).

Таким образом, разность фаз этногенеза, породившая дисбаланс пассионарности, нивелировала традиционные представления о преимуществе численного превосходства. Это объясняет, почему находящиеся в фазе подъёма хунны могли противостоять инерционной Хань даже при колossalной разнице в демографических показателях.

Гумилёв, введя концепцию «интенсивности пассионарности», раскрыл нелинейную зависимость между этнической энергией и военной эффективностью. Несмотря на наличие индивидуальных пассионариев типа Вэй Цина и Хо Цюйбина, ханьская армия в целом страдала от структурного дефекта — преобладания «субпассионариев». Во время Мобайской кампании 119 г. до н.э., где Вэй Цин уничтожил 19 000 вражеских войск, а Хо Цюйбин — 70 443, оба полководца получили титул «Великого военачальника» (大司马). Однако доминирующей силой выступали не пассионарии, а субпассионарии. Этот разрыв между индивидуальной и коллективной энергией подтверждает гумилёвский тезис о неспособности систем в инерционной фазе генерировать высокую плотность пассионарности. Усугубляющим фактором стала система «семи категорий призывников» (Система мобилизации циньско-ханьского периода, направленная на подавление торгового сословия и укрепление границ. Включала: преступных чиновников, беглецов, зятьёв-примаков, купцов и т.д.), привлекавшая в армию маргинальные группы, что усиливало энтропию военной системы.

В отличие от этого, хуннская военная организация с её «армии-этническим

изоморфизмом» обеспечивала максимальную трансмиссию пассионарной энергии через феномен «пассионарного резонанса» (Явление передачи пассионарности через непосредственный контакт, изменяющий поведенческие паттерны реципиентов.). Метод «свистящих стрел» (鸣镝), введённый шаньюем Модэ, представлял собой ритуализированный тренинг для создания сети коллективного энергообмена. Археологические находки подтверждают: «Прямоугольные анималистические бляшки хуннов позднеханьского периода, с образами взаимокусающихся животных и редкими мифическими существами, демонстрируют преемственность от позднескифских традиций пазырыкской культуры Алтая»^[19]. Эта визуальная семиотика усиливала энергетический резонанс воинов. «Самоорганизующаяся тактика» хуннов минимизировала энергопотери в командной иерархии: «От левого и правого сяньванов до данху — крупные отряды в 10 000 всадников, мелкие в несколько тысяч, всего 24 старшины, именуемых 'десятитысячниками'»^[20]. При этом сохранялась координация через пассионарное поле шаньюя. Такая гибкая структура позволила хуннам в 127 г. до н.э. сковать 120-тысячную ханскую армию 30-тысячным конным корпусом, затем стремительно захватить Хэсийский коридор. Энергетическая асимметрия (земледельцы тратили энергию на логистику, кочевники — на «войну питающую войну») предопределила неравноценность военных результатов.

Политика «мирных браков» получает новую интерпретацию через призму энергетики. Браки принцесс Сюцзюнь и Сею с усуньскими правителями представляли не просто альянсы, а систему имплантации «пассионарных ретардантов» в кочевую среду. Передача металлургических технологий через свадебные свиты повышала технологическую энтропию: оседлое производство ослабляло кочевую пассионарность. Эффект этой «асимметричной энергетической войны» проявился при западной миграции шаньюя Чжичжи: оторванные от монгольского пассионарного поля северные хунны утратили боеспособность, став жертвой рейда Гань Яньшоу.

Упадок хуннов стал следствием «сверхлимитного выгорания» пассионарности: за 150 лет экспансии от Модэ до Хулугу (209–58 гг. до н.э.) энергозатраты превысили системную ёмкость. Надписи из ноин-улинского кургана №6 фиксируют снижение призывного возраста с 15 до 12 лет^[21], что указывает на критическое падение доли пассионариев. Попытка «географического ресета» через миграцию на запад стала, по Гумилёву, «тщетной борьбой с энтропией через пространственный сдвиг»^[22].

Хань, одержав тактическую победу, не избежала системного кризиса инерционной фазы: дебаты на Яньтьеиском совещании обнажили нулевую пассионарность элит, а восстания цянов показали зависимость обороны от внешних энергоисточников (южные хунны, ухуани).

Теория Гумилёва даёт не только аналитический инструментарий, но вскрывает цивилизационные паттерны: пока ханьский двор утопал в мистицизме, сяньбийцы с их «обритой головой и молочным рационом» перестраивали степной порядок; распри хуннов совпали с вызреванием жужаньского пассионарного очага в Алтае.

Пассионарность объясняет не только поведенческие модели в динамических фазах, но и внутренние механизмы этногенеза. Как отмечал Гумилёв, эта сила, пронизывая все стадии развития этноса, есть «факел, ведущий человечество к новым свершениям» и одновременно «фундамент для продолжения начатого»^[23].

Библиография

1. Линь Гань. Всеобщая история хунну. Пекин: Издательство Народ, 1986. С. 4.
2. Лавров С. Б. Лев Гумилёв: Судьба и идеи. М.: Сварог и К, 2000. С. 163.
3. Хань Яцзин. Исследование евразийских идей Л.Н. Гумилёва // Сибирские исследования. 2018. Т. 45, № 1. С. 57.
4. Бань Гу. Ханьшу (История Хань): пунктируванное издание (Т. 94, ч. 1 "Трактат о сюнну"). Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1962. С. 3743.
5. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 56.
6. Ма Гоцин. Прорывая почву: полевое отображение мобильного общества. Пекин: Изд-во Пекинского пед. ун-та, 2020. С. 10.
7. Барфилд Т. Опасные границы: кочевые империи и Китай / пер. Юань Цзянь. Цзянсу: Изд-во Цзянсу, 2023. С. 49.
8. Grousset R. L'Empire des Steppes. Paris: Payot, 1965. Р. 402.
9. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 176.
10. Яцунский В.К. Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 21.
11. Гумилёв Л.Н. По поводу предмета исторической географии: (Ландшафт и этнос): III // Вестник Ленинградского университета. 1965. № 18, вып. 3. С. 112-120.
12. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 73.
13. Гумилёв Л.Н. По поводу предмета исторической географии: (Ландшафт и этнос): III. 1965. № 18, вып. 3. С. 112-120.
14. Гумилёв Л.Н. По поводу предмета исторической географии: (Ландшафт и этнос): III // Вестник Ленинградского университета. 1965. № 18, вып. 3. С. 112-120.
15. Гумилёв Л.Н. Три китайских царства. М.: Алгоритм, 2012. С. 116. EDN: QPWLFZ
16. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 543.
17. Гэ Цзяньюнь. История населения Китая. Т. 1: Введение, период от древности до Южных и Северных династий. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2002. С. 197.
18. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York: American Geographical Society, 1940. Р. 58.
19. Ян Цзянъхуа, Шао Хуэйцю, Пань Лин. Металлические пути Восточной Евразийской степи: Шелковый путь и формирование союза сюнну. Шанхай: Изд-во Шанхайских древних текстов, 2016. С. 500.
20. Бань Гу. Ханьшу (История Хань): пунктируванное издание (Т. 94, ч. 1 "Трактат о сюнну"). Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1962. С. 3751.
21. Лубо-Лесниченко Е.И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н.э. - III в. н.э.. Л.: Гос. Эрмитаж, 1974. С. 144.
22. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 412.
23. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 263.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Влияние теории этногенеза Л. Н. Гумилёва на его исследование отношений между Китаем - и Хунну» (уже само заглавие несколько некорректно, теория - Гумилева, исследование также Гумилева, т.е. автор предлагает рассмотреть влияние взглядов Гумилева на работу Гумилева) является объемной и при этом довольно неоднозначной работой, проблемы которой во многом обусловлены отсутствием должного научно-методического аппарата: отсутствие указаний на цели исследования,

методологию, источниковую базу и т.д. существенно затрудняют понимание логики данной работы, о проблемах с литературой стоит сказать отдельно. Насколько можно судить по вводной части, автор позитивно относится к пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева и видит в ней тот комплексный метод анализа, который позволяет «перевести изучение китайско-хуннских отношений с уровня описания исторических событий на уровень глубинного исследования многофакторности этих отношений через призму антропологии, генетики, биологии и других наук». Даже не вдаваясь в оценки (а они неоднозначны) теории Гумилева, отметим, что во-первых, теория не нова, во-вторых, есть много других способов/методологий перевести изучение исторических событий с уровня описаний на уровень глубинных многофакторных исследований. Возможно, если автор адресует свой текст китайской аудитории (автор с одной стороны упрекает китайскую науку в отставании, с другой констатирует единодушное (?) признание китайскими учеными успешности теории Гумилева), то в пересказе работ Гумилева касательно китайско-хуннских отношений есть какой-то смысл, но для российской аудитории такой смысл вряд ли имеет место быть. Возможно, автором ставилась задача рассмотреть характер и динамику китайско-хуннских отношений на основе теории этногенеза Гумилева, но с привлечением источников и литературы, находящихся за пределами работ Гумилева, однако здесь мы сталкиваемся с другой проблемой: в сносках царит полный хаос, мы не можем понять, кого и когда цитирует автор, что является теоретической основой данной работы. Уже первая цитата «китайские учёные единодушно признают, что “теория Гумилёва представляет собой успешный синтез множества дисциплин — географии (включая геофизику и метеорологию), экологии, психологии, социологии, истории (включая археологию и источникование)» отсылает нас почему-то к французской монографии Груссе 1965 г., цитата из Владимирцова сносится на трактат Бань Гу. Ханьшу (История Хань), и так далее по абсолютно всем сноскам вплоть до того что численность населения Западной Хань автор берет из послания Путина Федеральному собранию. Позиции 19-23 в библиографическом списке просто потеряны. Рецензируемый текст рекомендуется к доработке начиная с целеполагания, заглавия, методологии и т.д.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Известно, что теория этногенеза Л.Н. Гумилева имеет горячих сторонников и не менее ожесточенных противников, так повелось уже в советский период, так продолжается и в наши дни. Сам Лев Гумилев как-то сказал: «Все, что мы видим, – этнично. Потому что этнос – это способ вести себя, приемлемый для ваших соседей. Каждый человек должен себя как-то вести, то есть он принадлежит к какому-то этносу».

В этой связи вызывает интерес изучение взаимоотношений древнего Китая и хунну с учетом концепции знаменитого историка, тем более, что в современном Китае имя российского ученого достаточно известно.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является применение теории этногенеза Л. Н. Гумилёва к изучению отношений между Китаем и Хунну. Автор ставит своими задачами проанализировать междисциплинарный подход как новацию исторических исследований, рассмотреть этнические процессы в рамках вмещающего ландшафта, показать взлёты и падения этносов под влиянием пассионарной энергии.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности,

методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор, используя теорию Л.Н. Гумилева, переводит изучение китайско-хуннских отношений с уровня описания исторических событий на уровень глубинного исследования многофакторности этих отношений через призму антропологии, генетики, биологии и других наук.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на китайском языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем на ставшие классическими труды Л.Н. Гумилева («Струна истории», «Этногенез и биосфера Земли», «Три китайских царства»), а также официальную династийную историю Ранней Ханьской династии и т.д. Из используемых исследований отметим работы Хань Яцзина и Т. Барфилда, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения кочевых империй древности. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как кочевыми империями прошлого, в целом, так и теорией этногенеза Л.Н. Гумилева, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «противоречия между хуннским кочевым и ханьским земледельческим укладами коренятся в принципиально разных моделях адаптации к ландшафту». В работе показано, что «в контексте экологических условий и моделей жизнеобеспечения хунно-ханьские отношения эволюционировали от простого военного противостояния к многомерной конкуренции, охватывающей географические, климатические, ресурсные и культурные аспекты». Автор справедливо отмечает, что «хотя теория Гумилёва обладает уникальной объяснительной силой при анализе взаимодействий кочевых и земледельческих цивилизаций, излишний акцент на географический детерминизм может привести к недооценке сложного взаимодействия среды и культуры в социальных системах».

Главным выводом статьи является то, что «теория Гумилева даёт не только аналитический инструментарий, но вскрывает цивилизационные паттерны: пока ханьский двор утопал в мистицизме, сяньбийцы с их «обритой головой и молочным рационом» перестраивали степной порядок; распри хуннов совпали с вызреванием жужаньского пассионарного очага в Алтае».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории древнего мира, так и в различных спецкурсах.

В то же время к статье есть замечания:

- 1) Вопреки правилам журнала, автор в библиографии дает ссылки на конкретные страницы.
- 2) Желательно немного подробнее рассказать о самих хунну, что расширит интерес

читательской аудитории.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье предпринят анализ взаимодействия Китая (Ханьской империи) и кочевого народа хунну через призму теории этногенеза Льва Гумилёва. Основное внимание уделяется динамике отношений между двумя цивилизациями – оседлой земледельческой и кочевой. Взаимодействие цивилизаций рассматривается в рамках междисциплинарного подхода с точки зрения пассионарной энергии, вмещающего ландшафта. Автор исследует, как гумилёвские концепции (фазы этногенеза, пассионарность, комплементарность) позволяют объяснить военные, экономические и культурные аспекты ханьско-хуннских отношений, выходя за рамки традиционной историографии.

Междисциплинарный подход является основой методологии исследования. Применены методы исторических наук – анализ источников, археологических данных, методы антропологии в сочетании с методами экологических и биологических исследований – анализ адаптации кочевников к степной экосистеме, анализ влияния климата на миграции и конфликты, анализ влияния генетических и физиологических факторов. Такой синтез позволил автору преодолеть ограничения классической историографии, где хунны часто рассматриваются лишь как «варвары», раскрыть системные причины их поведения, такие как экологическая уязвимость, дефицит ресурсов и демографические процессы.

Актуальность исследования обусловлена теоретической значимостью теории Гумилёва, которая демонстрирует объяснительный потенциал (способность объяснять явления, события, процессы) применительно к конкретному историческому контексту. Работа соответствует современной тенденции к интеграции естественно-научных и гуманитарных методов. Анализ конфликтов земледельцев и кочевников помогает понять аналогичные процессы в других регионах (например, отношения Руси и степняков).

Научная новизна исследования заключается в переосмыслении ханьско-хуннских отношений не как линейной борьбы, а как сложного энергообмена между этногеосистемами; в использовании гумилёвской модели для объяснения военных успехов хунну, несмотря на их малочисленность; в анализе экологических факторов (климат, ресурсы) как ключевых детерминант конфликтов. Особый интересен представляет тезис о том, что Ханьская империя находилась в «инерционной фазе» этногенеза, тогда как хунну – в «акматической», что предопределило их тактическое превосходство.

Работа отличается логичной структурой, где каждый раздел посвящён отдельному аспекту (антропология, экология, биология и т. д.). Стиль работы академический. Использованы термины «пассионарность», «комплементарность», «вмещающий ландшафт», что требует от читателя знакомство с теорией Гумилёва. Заметна избыточная детализация некоторых моментов (например, описание ритуалов хунну) может затруднить восприятие.

Список литературы включает 23 работы: первоисточники («Ханьшу» Бань Гу), труды Л.Н. Гумилёва и работы о нем. Современные публикации ограничены 4 работами китайских исследователей. Сложно не заметить, что не хватает критических работ о теории

Гумилёва – например, дискуссий о научности понятия «пассионарность». Автор недостаточно обращается к публикациям отечественных исследователей за последние 5 лет (например, Прудникова, Т. Н. Земледельческая культура времени хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2025. 1), обошел вниманием монографии А.В.Любичанковского (Любичанковский А.В. Концепция этногенеза Л.Н. Гумилева в практике ментально-географических исследований. Оренбург, 2015), Бассина (Bassin M. The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism), Cornell University Press, 2016).

В части апелляции к оппонентам автор попытался выразить возражения относительно географического детерминизма (поставив вопрос – не преувеличена ли роль ландшафта в истории хунну?), упрощение китайской истории (действительно ли Хань была в «инерционной фазе»?). Автор частично отвечает на эти вопросы, приводя данные о климатических изменениях и демографии, но недостаточно критикует саму теорию Гумилёва

Сделаны выводы, что теория Гумилёва позволяет увидеть ханьско-хуннские отношения как динамическую систему, где войны, торговля и миграции обусловлены не только политикой, но и фазами этногенеза, экологией и энергообменом.

Исследование представляет ценность для историков, изучающих кочевые империи; антропологов, интересующихся адаптацией этносов к среде; философов науки, анализирующих междисциплинарные методы.

В целом работа представляет научный интерес, хотя требует более критического взгляда на методологию Гумилёва в рамках современных научных дискуссий.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Камышанов А.М. Особенности процесса греческой колонизации на Боспоре в VII-VI вв. до н.э // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74607 EDN: WMJCMI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74607

Особенности процесса греческой колонизации на Боспоре в VII-VI вв. до н.э.

Камышанов Антон Михайлович

ORCID: 0000-0002-1899-2680

аспирант; кафедра археологии; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, Ломоносовский пр-кт, д. 27 к. 4

✉ akamysh010198@mail.ru

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74607

EDN:

WMJCMI

Дата направления статьи в редакцию:

26-05-2025

Дата публикации:

13-06-2025

Аннотация: Предметом изучения являются апойки греков на Боспоре, появившиеся в архаическую эпоху. В статье исследуется процесс переселения эллинов, преимущественно ионийцев, на Боспор в контексте их расселения в Северном Причерноморье и, шире, феномена великого греческой колонизации как таковой. Автор подробно рассматривает общие и региональные причины колонизационного процесса, влияние на него торгово-ремесленного сектора экономики полиса, а также формы взаимоотношений метрополий и апойкий в разных частях греческой ойкумены. Особое внимание уделяется модели адаптации переселенцев к локальным условиям — выбору безопасных мест с доступом к сельскохозяйственным и минеральным ресурсам и взаимодействию с автохтонным населением. Отдельно рассматривается вопрос функционального назначения первых поселений Северного Причерноморья и

исследуется связь апойкий и эмпориев на Боспоре. Методология исследования основана на анализе археологических данных о времени появления поселений и интерпретаций их характера, а также на сравнении с процессами колонизации в разных районах Средиземноморья, подробно изученных зарубежными историками. Новизна исследования заключается в выявлении особенностей процесса колонизации Боспора с учетом археологических открытий последних лет. Автором была представлена цельная картина расселения греков в северной части Черного моря в архаический период, что позволило выявить принципиальное отличие модели и плотности освоения Боспора от других районов Северного Причерноморья. Ключевыми факторами наибольшей привлекательности Боспора для ионийских переселенцев в первой половине VI в. до н.э. были наличие большого массива плодородных земель, удобных бухт, рыбных угодий и незначительности автохтонного населения. Особым вкладом автора в исследование темы является определение порядка заселения боспорских земель, объясняющегося разной привлекательностью отдельных участков для переселенцев, а также выявление группы апойкий-укреплений, аналогии которой имеются в центральной и западной частях Средиземноморья.

Ключевые слова:

Греческая колонизация, Северное Причерноморье, Боспор Киммерийский, апойкия, эмпорий, Пантиканей, Ольвия, торговля, стенохория, Милет

Феномен греческой колонизации является одним из важных объектов исследования в антиковедении и классической археологии. Даже краткое обозрение объясняющих его теорий и основополагающих трудов по этой теме может быть вполне самостоятельной частью исследования. Отметим, что к настоящему моменту выработана до некоторой степени консенсусная гипотеза о причинах и ходе колонизационного процесса, примиряющая значительную часть противоречивых фактов и наблюдений об отдельных апойкиях. На русском языке она была впервые полноценно изложена в программной для отечественного антиковедения работе Г. А. Кошеленко и В. Д. Кузнецова «Греческая колонизация Боспора», основные положения которой актуальны и по сей день, хотя отдельные детали за последние 30 лет, разумеется, устарели и нуждаются в корректировке. Ниже мы рассматриваем ключевые тезисы этой теории, внося уточнения и предлагая свежий взгляд на некоторые вопросы с учетом позиции зарубежных историков и результатов исследования проблем на средиземноморских примерах. Это особенно актуально в свете активного археологического и общеисторического изучения античного наследия Северного Причерноморья отечественными учёными, открытия которых должны быть осмыслены с учётом современных представлений о других частях греческой ойкумены.

К началу архаического периода в эллинском мире преобладала аграрная экономика со сравнительно слабым, но обязательно присутствующим и постоянно развивающимся торгово-ремесленным сектором [3, с. 175-176; 28, с. 96]. Демографический подъем в Греции в VIII в. до н.э. на фоне экстенсивных методов обработки земли привел к аграрному голоду [28, с. 146-147; 11, с. 13], стенохории, причем эта проблема не теряла своей актуальности на всём протяжении античной эпохи. В сложившейся ситуации обострялись социальные противоречия, происходило обезземеливание одних общинников и концентрация земельной собственности в руках других [28, с. 102-103, 110-113]. Некоторые полисы пытались решить проблему нехватки земли военными предприятиями [11, с. 16]

или путем ограничения максимального размера надела [28, с. 101], но уже на раннем этапе развития этого кризиса наметились два главных направления его преодоления: включение высвобождающихся трудовых ресурсов в ремесленное производство и физическое перемещение части общины на новые земли для основания апойкии [11, с. 13-14]. Оба они реализовывались параллельно и были взаимосвязаны: для переезда чаще всего требовались корабли, изготовленные специализирующими на этом мастерами, а появление колоний и расширение торговли с ними или через них давало дополнительный импульс к развитию ремесла и товарного сельского хозяйства [28, с. 149]. Об этом же свидетельствует и круг крупнейших метрополий эпохи архаики, в экономике которых формировался мощный торгово-ремесленный сектор [11, с. 14-16]. К ним причисляют Халкиду, Коринф, Эретрию и Мегару в материковой Греции, Милет и Фокею в Ионии, а также Массалию, Синопу, Сиракузы и Фасос как центры вторичной колонизации [39, р. 152].

В то же время указанный рост социальной напряженности, переросший в рамках полиса в антагонизм различных социальных групп, прежде всего демоса и аристократии, и вызванные этим политические потрясения (бунты, заговоры, предательства во время войн) [39, р. 124] также могли быть причиной для отселения части общины, что позволяло не только решить проблему стенохории, далеко не всегда стоявшую остро, но и достичь политической стабильности полиса [28, с. 147-148]. К политическим причинам колонизации необходимо отнести и внешние воздействия, в особенности завоевания и попытки разрушения полиса, когда его граждане могли выселяться даже в полном составе [39, р. 121]. Но в целом речь всегда шла о появлении группы граждан, желающих или вынужденных покинуть метрополию и организовать своё самодостаточное поселение [11, с. 13]. Нельзя при этом безоговорочно согласиться с мнением Г. А. Кошеленко и В. Д. Кузнецова о том, что этот полис обязательно должен был стать независимым. Авторы видят в этом принципиальное отличие греческой «колонизации» от колонизации Нового Времени, в которой колонии экономически связаны с потребностями метрополии и подчинены ей [11, с. 6-7], однако автономия не является обязательной чертой полиса, а античная история знает несколько примеров, выбивающихся из схемы, предложенной исследователями. В ряде случаев речь могла идти о тесных экономических и политических связях между метрополией и апойкиями, что отчасти напоминает более поздние колониальные системы. Такие отношения сложились у Афин с их клерухиями, а также у Коринфа и, в меньшей степени, Милета с их апойкиями [39, р. 153]. Не вполне доказан пока полисный статус прибрежных крепостей, организованных Массалией [36, р. 163], однако и здесь мы можем видеть пример создания новых поселений в интересах метрополии.

Процесс греческой колонизации протекал в тесной связи с формированием полиса: часть исследователей считает, что первые полисы и их урбанистические структуры сформировались в Великой Греции и только потом эта идея проникла в метрополии [39, р. 19], однако другие, напротив, предполагают консервативность апойков и их неспособность предложить что-то новое [22, с. 207-208]. Вероятно, на начальном этапе организация переселения носила частный характер, не регламентированный общиной [39, р. 151]. Однако в дальнейшем, в рамках полисной политической системы, процедура определения апойков и возглавляющего их ойкиста была формализована [28, с. 150-151],

а также могли быть предприняты меры для исключения конфликтов между уезжающими и остающимися (Plato. Nom. V. 735e-736b), так как выселение, несмотря на перспективы улучшения экономического или политического положения, было сопряжено с большими трудностями и долгосрочной потерей привычного образа жизни. Метрополия могла не только снарядить экспедицию, но и некоторое время поддерживать апойков, помогая освоению новой территории [11, с. 11-12], что способствовало дальнейшему переселению избыточной части населения и предотвращало возвращение уехавших обратно.

Необходимым условием для создания апойкии было подходящее место, в которое следовало направить экспедицию. Нам представляется, что источником первоначальной информации о том или ином регионе были его спорадические посещения греческими мореплавателями (торговцами, пиратами, рыбаками). И хотя гипотеза о предшествовании сложения морских маршрутов процессу колонизации разделяется не всеми исследователями [22], иного объяснения механизма снаряжения морской экспедиции и выбора места для вынесения апойкии в раннеархаическое время, по нашему мнению, нет.

В отдельных случаях в местах торговых контактов греческих купцов возникали небольшие специализированные пункты - эмпории, население которых имело смешанный генезис [22, с. 194] и не обязательно было постоянным [5, с. 21-28; 29, с. 59], поэтому не всегда корректно говорить о них как о поселениях [23, с. 74-81]. При выборе направления для переселения колонисты руководствовались уже известными морскими маршрутами, но далеко не все даже ранние апойкии создавались на месте эмпориев и брали на себя их функцию [23, с. 74], что могло быть связано с разными задачами, стоящими перед ними. Даже в случае смены эмпория апойкией или появления «торговой» колонии на новом месте коммерция если и преобладала в их экономике, то все равно конкурировала с сельским хозяйством. Например, таким полисом вероятнее всего был Эмпорион в Иберии, зависевший от поставок варварского хлеба, но не лишенный собственной хоры [26, с. 355-357]. Как самодостаточные апойкии с диверсифицированной экономикой, не сводящейся исключительно к посреднической торговле, сейчас принято рассматривать даже самую раннюю греческую колонию Питекуссы [11, с. 9-10; 38, р. 286; 22, с. 194-197], долгое время считавшуюся эталонным примером и подтверждением эмпориальной гипотезы колонизации.

Вероятно, апойков интересовали другие места, обычно характеризовавшиеся наличием бухты, источника воды, подходящей для сельского хозяйства земли, удобного для обороны рельефа, доступом к минеральному сырью и отсутствием враждебного местного населения [30, с. 47-48], которые были хорошо известны морякам, периодически останавливавшимся на берегу во время плаваний [16, с. 180; 11, с. 9; 5, с. 28]. С целью поиска таких мест в более позднее время могли предприниматься разведывательные экспедиции, движимые колониальными потребностями, а не экономическими устремлениями, и основываться временные поселения [11, с. 11]: таким примером является история основания Кирены в изложении Геродота, которой предшествовало двухлетнее пребывание ферейцев на острове Платея (Herod. IV. 150-158). Хотя и в ней в одной из версий первоначальное открытие новых земель отводится рыбаку, случайно занесенному к побережью Ливии бурей, а также упоминаются проплывавшие мимо самосские торговцы. Классическим примером подобного «прыжка на материк» с безопасного острова считается переселение части населения Питекусс в Кумы [37, с. 77; 11, с. 9-10; 6, с. 41-42], однако дискуссия о их хронологическом соотношении [38, р. 252]

ставит под вопрос предлагаемую некоторыми исследователями реконструкцию освоения этого региона. Пример Борисфена и Ольвии также может быть признан неоднозначным, так как спорным является статус первого поселения и его экономическая направленность: идёт ли речь о сезонном эмпории или полноценной апойкии [\[11, с. 10-11; 5, с. 21, 28\]](#) и, соответственно, о торговой активности или целенаправленной разведке удобных локаций с последующим переселением на новое место. Всё это в совокупности не позволяет говорить о торговле как об одной из главных причин или целей колонизации, но необходимо признать её важную вспомогательную роль, обеспечивавшую апойков возможностями для расселения.

Изложенная выше схема хотя и выявляет основные закономерности, в значительной мере упрощает реальный процесс колонизации, в котором экономическая направленность апойкии и место её расположения определялись совокупностью далеко не всегда известных причин переселения и возможностей для её размещения, детерминированных как ландшафтными факторами, так и политико-демографической обстановкой. Согласимся с мнением Г. А. Кошеленко и В. Д. Кузнецова о том, что задачей апойков было не создание пункта какого-то определенного экономического характера, нужного метрополии, а в первую очередь создание нового полиса, обеспечивающего жизнь граждан [\[11, с. 13\]](#). При этом нельзя отрицать возможность влияния метрополии на выбор места для поселения, примером чему являются уже упомянутые прибрежные крепости Массалии и клерухии и апойкии Афин [\[1, с. 22\]](#).

Колонизация Северного Причерноморья вообще и Боспора в частности видится нам в целом соответствующей приведенной выше модели. При этом реконструкция этого процесса должна учитывать фрагментарность и крайнюю неравномерность археологических данных о поселениях архаического периода. Даже материалы масштабных раскопок не всегда дают возможность уверенно интерпретировать экономический характер и политический статус отдельных пунктов. В некоторых же случаях речь идет о единичных находках амфорного материала рассматриваемого периода в море или на побережье, что может свидетельствовать не столько о существовании поселений в это время, сколько о функционировании пролегающих рядом торговых маршрутов. Отдельные населенные пункты VII-VI в. до н.э. полностью уничтожены морем, поэтому их существование и локализация гипотетичны и могут быть определены только по косвенным данным письменной традиции и палеогеографии. Поэтому предлагаемый ниже взгляд на колонизацию Боспора носит обобщенный характер и выявляет только основные тенденции этого процесса, конкретные детали которого могут и будут уточняться в будущем под влиянием новых археологических и палеогеографических открытий.

Итак, интерес к Северному Причерноморью возник у ионийских греков, прежде всего у Милета. Естественный процесс сложения экономических и демографических причин колонизации в Ионии в VIII и первой четверти VII вв. до н.э. еще сдерживался возможностями расширения хоры [\[11, с. 21\]](#). Однако длительный конфликт с Лидийским царством и регулярные уничтожения поселков создавали кризисную ситуацию в полисах, единственным выходом из которой была эмиграция части населения. При этом Средиземноморский регион в это время уже был плотно освоен греками и финикийцами, поэтому попытки основать апойкии там в еще свободных местах сталкивались с большими трудностями и приводили к конфликтам с автохтонным населением. Это подтолкнуло переселенцев к поиску земель на более удаленных территориях Понта [\[10, с. 415-417\]](#), тогда почти свободных. Единственным существовавшим тогда поселением могла

быть Синопа на южном берегу Чёрного моря, время первого основания которой, вероятно, не ионийцами в конце VIII в. до н.э. опирается только на письменные источники. Ионийцы, скорее всего милетяне, проникли в этот регион только в конце VII в. до н.э. [\[40, р. 901-905\]](#).

Греческие торговцы и поселенцы постепенно двигались вдоль западного и северо-западного побережий Чёрного моря на восток, причем этот процесс носил очень динамичный характер. В конце второй четверти или уже в третьей четверти VII в. до н.э. крайним поселением на этом пути стали Истрия и Оргаме [\[5, с. 30-31\]](#), но еще восточнее, сначала как сезонный эмпорий [\[29, с. 59\]](#), в начале третьей четверти века появился Борисфен, позволивший оценить перспективы расселения в районе Днепро-Бугского лимана и Западного Крыма [\[5, с. 28\]](#). Также к третьей четверти VII в. до н.э. можно отнести Таганрогское поселение, предполагаемые Кремны, расположившееся рядом с дельтой Дона [\[9, с. 67\]](#), хотя статус и облик этого центра нам неизвестны в силу наличия лишь косвенных свидетельств его существования. Плавание к нему давало возможность ознакомиться с берегами Крымского полуострова и Таманского архипелага. Таким образом, в третьей четверти VII в. до н.э. греки ознакомились и закрепились на всём протяжении северного берега Понта, но полноценной апойкией, хотя и здесь есть сомнения, могла быть только Истрия. В это время и далее прослеживается зависимость между расположением греческих поселений и устьями крупных рек, а также связанных с ними морских заливов. Причиной этому могла быть крутизна подмыываемого морем берега и сравнительно малое количество удобных гаваней. Об этом свидетельствует расположение морских портов в XVIII-XXI вв.: Херсона и Николаева в нижних участках течений Днепра и Южного Буга, а также Одессы, порт которой находится на низкой террасе при входе в Одесский залив и частично расположен на пересыпи между морем и Хаджибейским лиманом. Важную роль при выборе места для апойкии играли крупные реки: помимо описанных ландшафтных возможностей, они также выступали транспортным путём для связи с удаленными от берега территориями, варварским хинтерландом, и были источником рыбы [\[33, р. 925\]](#).

Последняя четверть, скорее ее вторая половина, VII или начало VI вв. до н.э. связана с заметным расширением ионийского присутствия в регионе. В Бургасском заливе как апойкия появилась Аполлония Понтийская, которую принято связывать с выплавкой меди [\[34, р. 786-789\]](#). В низовьях Южного Буга как крупная аграрная апойкия возникла Ольвия [\[5, с. 25\]](#), возможно, включившая в свой состав в качестве эмпория Борисфен [\[5, с. 30\]](#). Обращает на себя внимание отсутствие интереса переселенцев к Западному Крыму, равнины которого, удаленные от устья Днепра, тогда, вероятно, были заняты скифами.

Одновременно греческое присутствие расширилось и на Боспоре, где в месте соединения Боспора Кубанского с Черным морем, возможно, на синдском поселении появился эмпорий – Алексеевское поселение, хотя время его возникновения и подобная функциональная интерпретация опираются на немногочисленные материалы из археологических разведок [\[25, с. 87\]](#), а полноценная апойкия на этом месте, по всей видимости, не сложилась, уступив Синдской Гавани [\[18, с. 70\]](#). В существование этого пункта укладывается в логику предшествования коммерческих связей непосредственной колонизации и демонстрирует проникновение эллинских торговцев еще восточнее вдоль берега Понта, продолжившееся появлением греков в районе Диоскуриады [\[41, р. 935-937\]](#).

До некоторой степени новшеством в этом процессе стало появление Пантикалея, аналогично Ольвии вынесенного сразу как крупное поселение: о количестве первоначального населения красноречиво говорит система укреплений, датированная временем основания поселения [27, с. 14]. Его расположение было необычным: хотя и на водной артерии, Боспоре Киммерийском, но вдали от рек, обеспечивавших доступ к варварским территориям. По всей видимости, важным фактором стал проходящий через эту территорию маршрут перекочёвок скифов, благодаря которому и поддерживались торговые отношения со степью, а также удобная гавань, близость мест рыбной ловли и источников соли [8; 13, с. 261-262]. До конца первой четверти VI в. до н.э. описанная система очень редких, иногда сезонных эмпориев, но уже по большей части постоянных апойкий в Северном Причерноморье не развивалась, что может свидетельствовать о небольшом потоке переселенцев, заселявших уже освоенные земли, или вообще о кратковременном прекращении эмиграции из Милета и других ионийских полисов.

В начале VI в. до н.э. Милет заключил с Лидией мирный договор, по которому он лишился значительной части земель, поэтому проблема стенохории внезапно обострилась [24, с. 16]. Вероятно, по этой причине процесс преимущественно милетской колонизации Северного Причерноморья уже на рубеже первой и второй четвертей VI в. до н.э. стал намного более интенсивным. Помимо милетян, основавших Феодосию (Arr. PPE. 30; Ps.-Arr. 77) и Кепы (Ps.-Scymn. 899; Ps.-Arr. PPE. 74), источники упоминают и выходцев из других ионийских городов, либо сообщают об ионийцах вообще: им иногда приписывается основание Гермонассы (Dion. Per. 541-553), а с бежавшими от персов жителями Теоса [12] устойчиво связывают Фанагорию (Ps.-Scymn. Per. 886-887; Ps.-Arr. PPE. 74; Eust. Comm. ad Dion. Per. 549). Существует также эолийская версия основания Гермонассы выходцами из Митилены (Eust. Comm. ad Dion. Per. 549), причём эолийцы могли присутствовать и в других апойкиях [31, с. 268-274]. Присутствие дорийцев в Северном Причерноморье отмечено только Херсонесом: по всей видимости, в колонизации Боспора они не принимали участия. Наряду с греками из метрополий могли прибывать эллинизированные варвары [35, р. 23], например, карийцы и меоны, однако следы их присутствия настолько невыразительны, что некоторые исследователи справедливо сомневаются в их участии в колонизационном процессе [32, с. 415].

Начиная с конца первой четверти VI в. до н.э. колонизационный процесс приобретает намного более интенсивный характер, и главной зоной расселения ионийцев становится Боспор, заселение которого носило практически сплошной характер, в отличие от западной части Северного Причерноморья. Вероятно, этому способствовала совокупность нескольких факторов. Этот регион обладал протяжённой береговой линией, удобными бухтами, большим количеством плодородных земель, минеральным сырьем [25, с. 89], а также был несколько богаче водными ресурсами, чем в настоящее время, что делало его привлекательным для переселенцев. Кроме того, земли вдоль пролива не были или практически не были заселены, что давало возможность мирно занять и спокойно освоить эту территорию, не вступая в конфликт с автохтонным населением. Большим плюсом, вероятно, было смешанное или скотоводческое хозяйство местных племен, что открывало путь к взаимовыгодному обмену, а не конкуренции. В это время Боспор мог периодически посещаться скифами, но характер их взаимоотношений с греками вероятнее всего был мирным. Основанные до середины VI в. до н.э. поселения располагались в удобных местах рядом с большими массивами плодородных почв и не были вынуждены конкурировать за территорию с варварами, хотя связи с местным населением в Восточном Крыму и Юго-Западной Тамани и, вероятно, включение

части варваров в население апойкий, можно датировать временем их основания.

Особое внимание обращают на себя появившийся в этот период Торик [\[15, с. 80\]](#), а также, возможно, хотя находки этого времени единичны, Феодосия и Баты [\[17, с. 125; 15, с. 83-85\]](#). Они возникли в намного менее привлекательных районах Боспора, имевших постоянное варварское население. Торик и Баты связывают с задачей обезопасить места остановок торговых кораблей [\[20, с. 116-118\]](#). Феодосия могла появиться с такой же целью. Однако не вполне понятно, кем были основаны и как были устроены эти города. Если принять гипотезу об их военной функции, то встает вопрос об их политической и экономической самостоятельности. Раскопки Торика показали, что, хотя хозяйство апойкии было диверсифицированным и самодостаточным, особенности ее планировки указывают на постоянную военную угрозу [\[21, с. 82-83\]](#).

Необходимость существования поселений на этих местах в таком случае была бы обусловлена не интересами апойков, а потребностями международной торговли, а появление этих центров тогда нужно связывать с политической волей крупнейших полисов, прежде всего Милета, что, впрочем, находит аналогии в Средиземноморье. Причем зарубежные исследователи не отказывают прибрежным укреплениям Массалии и Занкла, а также крепостям Сиракуз в полисном статусе [\[36, р. 163; 38, р. 189, 205, 216\]](#). С другой стороны, показательна судьба Торика, который с открытием прямого пути через Понт [\[19\]](#) постепенно потерял свое значение и, пережив несколько разрушений, в итоге был оставлен населением в середине V в. до н.э., что отчасти демонстрирует его связь с торговыми маршрутами. Однако вызывает удивление тот факт, что подобные укрепленные пункты появились только на восточном побережье Черного моря и никак не представлены в Западном и Южном Крыму, мимо которого регулярно плавали греки и население которого представляло большую опасность для торговцев [\[4, с. 129\]](#). И если в Западном Крыму уже в третьей четверти VI в. до н.э. возникла Керкинитида [\[14, с. 71-72\]](#), которая отчасти могла взять на себя эту функцию, то в окрестностях Судака, несмотря на наличие достаточно большой плодородной долины и удобных бухт, пока неизвестны поселения греков: ни апойкии, ни эмпории, ни крепости. Причины этого пока не ясны, но мы можем предположить, что греки не смогли найти контакт или вытеснить отсюда местное население, поэтому здесь не был размещен даже военный пункт.

Таким образом, характер этих поселений пока остается не вполне понятным. Нам представляется, что речь должна идти о небольших изначально укрепленных апойкиях, ориентированных на комплексное хозяйство и посредническую торговлю с локальными группами варваров, в чем видится продолжение ионийской торговой экспансии в этом регионе. Полис, отправивший апойков на эти земли, неизвестен, но более всего на эту роль подходит Милет, имевший опыт организации торгово-аграрных апойкий уже в последней четверти VII в. до н.э. Поселения на северо-восточном побережье Понта не смогли развиться в крупные центры, а полноценным городом стала только Феодосия, в округе которой на достаточно плодородных землях массово осело варварское население, что дало ей возможность стать важным торговым узлом в хлебной торговле. Кроме того, варвары в окрестностях Феодосии, видимо, были менее опасными, чем керкеты и тореты, поэтому она была более привлекательной в глазах переселенцев.

К середине VI в. до н.э. между апойкиями были разделены все или почти все наиболее удобные для расселения территории, хотя часть территорий оставалась неосвоенной. В середине VI в. до н.э. начались военные столкновения со скифами и, возможно, меотами [\[7, с. 193\]](#), которые уменьшали привлекательность региона для переселенцев, но делали

полисы открытыми для новых групп переселенцев, особенно бежавших от персов. Поэтому уже с третьей четверти VI в. до н.э. динамика основания новых самостоятельных центров несколько снижается. Противоположный процесс происходил в другой, расположенной западнее Боспора, части Северного Причерноморья, где во второй четверти VI в. до н.э. появился только Одессос, а в третьей и четвертой – Тира, Никоний и Керкинитида [42, р. 50-57, Tab. 2; 5, с. 31-32].

В условиях сложившейся плотной системы расселения на Боспоре апойки, которым не нашлось места в существующих полисах, вынуждены были занимать либо не слишком хорошие земли, как Фанагория [2, с. 128], либо селиться на варварских территориях, как апойки на месте Горгиппии, отождествляемая с Синдской Гаванью. Однако число переселенцев все еще было весьма значительным: во второй половине или даже ближе к концу VI в. до н.э. произошло заселение юго-восточной и северо-восточной частей Керченского полуострова, до того практически не привлекавших внимания апойков, что практически завершило формирование системы расселения греков на Боспоре накануне очередной волны ионийских переселенцев – беженцев из восставших против персов городов.

Таким образом, греческая колонизация Северного Причерноморья вообще и Боспора в частности показывает сходство с основными тенденциями этого процесса в Средиземноморье, а её специфика демонстрирует вариативность адаптационных стратегий в зависимости от локальных условий, что имеет важное значение для сравнительного изучения античных колонизационных моделей. Первопричиной ионийского расселения послужил демографический подъем в совокупности с постепенным ухудшением внешнеполитической ситуации, что обеспечило мощный колонизационный потенциал Милета и сделало поток переселенцев практически непрерывным. Торговые, направленные на взаимодействие с автохтонным населением, и, вероятно, рыболовецкие интересы милетян способствовали выявлению наиболее благоприятных для расселения районов, главным из которых стало Северное Причерноморье. Хотя эмпории и рыбачьи поселения здесь незначительно предшествовали апойкам, постепенно продвигаясь с запада на восток, принципиальным является тот факт, что в течение короткого времени, вероятно, после периода первичного накопления знаний о регионе, ионийцы создали несколько поселений в удобных местах, не связанных напрямую с эмпориями и вообще торговыми функциями, а затем, надежно обосновавшись, в течение 75 лет освоили практически все доступные территории, что находит аналогии прежде всего в Великой Греции. В этом контексте показательна судьба Алексеевского и Таганрогского поселений, постепенно оставленных за ненадобностью: в первом случае функция эмпория естественным образом перешла к соседней апойки, а во втором, вероятно, прерывание торговых контактов повлекло за собой исчезновение эмпория. Внешнее сходство обнаруживают и некоторые формы организации поселений Боспора и Средиземноморья, прежде всего апойки-укрепления, характерные скорее для западной части ойкумены и не находящие пока разумного объяснения причин их появления на таком расстоянии от наиболее вероятной метрополии.

Обращают на себя внимание и некоторые особенности колонизации региона. На значительном протяжении побережья Черного моря схема расселения греков была тесно связана с устьями крупных рек и немногочисленными удобными гаванями, обеспечивавшими весь комплекс необходимых для поселения ландшафтных условий. Однако до середины VI в. до н.э. практически безусловное предпочтение переселенцы отдавали Боспору. Вероятно, такая привлекательность для апойков была обусловлена

наличием большого количества плодородных земель, свободных от варварского населения, и обширных рыбных угодий, благодаря чему в зоне Боспора Киммерийского и Боспора Кубанского, особенно на Таманском архипелаге, в течение жизни одного поколения сформировалась область с самым плотным во всем греческом мире расположением полисов. Эта особенность вкупе с интеграцией и эллинизацией проживавшего на окраинах Боспора многочисленного автохтонного населения способствовала экономическому процветанию и политическому объединению региона в единое государство.

Подводя итог, подчеркнём, что греческая колонизация Боспора была последовательно развивавшимся процессом, начало которому было положено спорадическими появлением милетян в Северном Причерноморье и их торговыми контактами с варварским населением около середины VII в. до н.э., а затем формированием первых сезонных поселений в местах, наиболее удобных для этих контактов. Полученная в этот период информация о регионе была использована ионийскими греками при выборе места для Пантикея не позднее последней четверти VII в. до н.э., а также в период наиболее активного переселения в первой половине VI в. до н.э., связанного с демографическим развитием ионийских полисов на фоне конфликта с Лидией. На этом этапе возобладали аграрные тенденции, поэтому наличие автохтонного населения воспринималось как негативный фактор для создания колонии, что предопределило особую роль Боспора в процессе ионийской колонизации и способствовало быстрому формированию там наиболее плотной области расселения. Интересами торговли и ее безопасности было продиктовано появление, вероятно, в это время, апойкий-укреплений на юго-западной и юго-восточной границах региона в зонах расселения местных племен. Исчерпание фонда незанятых земель и ухудшение отношений эллинов и варваров во второй половине VI в. до н.э. снизило динамику появления новых апойкий в регионе, но не остановило процесс ионийской иммиграции.

Данное исследование механизмов освоения новых территорий в ходе великой греческой колонизации на локальном примере Боспора открывает возможности для сравнения различных направлений колонизационного процесса или более пристального изучения эллинизации этого региона, в частности, анализа расселения греков на хорах боспорских полисов, а также взаимодействия эллинского и варварского населения на сельских территориях, что ярче всего проявилось в Синдике и округе Феодосии в классическую эпоху. Перспективы дальнейших исследований видятся в реконструкции ландшафтно-ресурсной базы, привлекавшей колонистов, на основании данных смежных географических дисциплин, включая палеоклиматологию и палеопочвоведение, а также в использовании методов пространственного анализа для комплексного моделирования факторов размещения поселений и визуализации динамики колонизации.

Библиография

1. Александрова О. И. Афинская колонизационная практика VI-IV вв. до. н. э. : Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2017. 25 с. EDN: YQAVPV
2. Александровский А. Л. Почвы Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований / Под общей редакцией В. Д. Кузнецова. Том 1. М.: ИА РАН, 2013. С. 108-135.
3. Андреев Ю. В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI-VIII вв. до н. э. СПб.: Нестор-История: СПБИИ РАН, 2004. 492 с.
4. Брашинский И. Б. Понтийское пиратство // Вестник древней истории. 1973. № 3. С. 124-133.

5. Буйских А. В. О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?) // Вестник древней истории. 2013. № 1(284). С. 21-39. EDN: PXZQHD
6. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. 288 с.
7. Завойкин А. А. Боспорские греки и "азиатские варвары" в период архаики - раннего эллинизма // *Scripta antiqua*. Vol. III. M., 2014. С. 164-196.
8. Зинько А. В. Рыбный промысел на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. 2023. Вып. № 46. С. 92-115. EDN: JDHUHA
9. Копылов В. П. Милетская апойкия Кремны и колонизация Боспора // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 28-30 ноября 2018 года. Том 1. СПб.: СпБГУТД, 2018. С. 65-69. EDN: YSVOJF
10. Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. Т. I. М., 2010. С. 406-427. EDN: SQTLKZ
11. Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 6-28. EDN: VVODNR
12. Кузнецов В. Д. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. 2001. Вып. 4. С. 227-236. EDN: VRLEPL
13. Куликов А. В., Бейлин Д. В., Ермолин А. Л., Столяренко П. Г. Археологические разведки на южном склоне Митридатской гряды в 2007-2008 гг. (ещё раз к вопросу о додревеском поселении на месте Пантикея) // Древности Боспора. Т. 16. М., 2012. С. 247-270. EDN: RHXYZP
14. Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Древние греки в северо-западной Таврике. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. – 176 с. EDN: RHPLWM
15. Малышев А. А. Юго-восточная периферия Боспорского царства // ABRAU ANTIQUA: Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау / под ред. А. А. Малышева. М.: Гриф и К, 2009. С. 74-107. EDN: DPOZFE
16. Масленников А. А. Изнутри или снаружи? (о "статусе" поселения на мысе Зюк, малых городах и "внутренней" колонизации Боспора) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 3 (81). С. 163-196. DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-163-196 EDN: OKMSBQ
17. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б. Амфоры VI-I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью "Амирит", 2020. - 218 с. EDN: CGCLEU
18. Новичихин А. М. Греческая колонизация Синдики // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2017. № 9. С. 67-96. DOI: 10.24411/2219-8857-2017-00003 EDN: XNJZNR
19. Одрин А. В. Морские торговые пути в Причерноморье в VII-IV вв. до н. э. // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 99-103.
20. Онайко Н. А. Архайический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980. 179 с.
21. Онайко Н. А. Юго-восточная окраина Боспора // Античные государства Северного Причерноморья / Серия: Археология СССР. Т. 9. М.: Наука, 1984. С. 91-93.
22. Поваляев Н. Л. Еще раз к вопросу о моделях греческой колонизации: апойкия или эмпорий. Археологическое сравнение // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 21. С. 193-213. EDN: NYPSIV
23. Сапрыкин С. Ю. "Эмпорий - полис" в древнем Причерноморье // Древнейшие

- государства Восточной Европы. 2023 год: Черноморский регион в Античности и раннем Средневековье: проблемы исторической географии. / Под ред. Подосинова А. В. М.: ГАУГН-Пресс, 2023. С. 74-135.
24. Соломатина Е. И. Из истории политической борьбы в архаическом Милете: проблемы датировки событий и интерпретации источников // Античный мир и археология. 2011. № 15. С. 15-25. EDN: VBHSHP
25. Сударев Н. И., Иванов А. В. Еще раз к вопросу об эмпориальном периоде на Боспоре // Боспорский феномен: *quarta pars saeculi*. Итоги, проблемы, дискуссии: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 21-24 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: "Чистый лист", 2023. С. 83-92. EDN: OUJTDY
26. Супренков А. А. Эмпорион: греко-варварский симбиоз на крайнем западе эллинского мира // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 4 (34). С. 337-358. EDN: ONWOHJ
27. Толстиков В. П., Тугушева О. В., Асташова Н. С. О времени основания Пантикея // Таврические студии. 2017. № 12. С. 12-26. EDN: XNZCBV
28. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 266 с. EDN: QOXRKT
29. Чистов Д. Е. Греческая урбанизация Северного Причерноморья архаической эпохи: дисс. ... док. ист. наук: 5.6.3. СПб., 2022. 576 с. (в 2-х томах). EDN: SEROBT
30. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI-V вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М.: Наука. С. 5-187.
31. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII-III вв. до н. э. М.: Наука, 1982. 311 с.
32. Яйленко В. П. Топонимика и этнонимия античного Боспора // Древности Боспора. 2015. Т. 19. С. 386-458. EDN: XWZMXT
33. Avram A., Hind J., Tsetskhladze G. The Black Sea Area // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 924-973.
34. Baralis A., Panayotova K. The territory of Apollonia Pontica (Sozopol, Bulgaria) // Ionians in the southern Black Sea littoral // Ionians in the West and East / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven: Peeters, 2022. Pp. 773-810.
35. Bintliff J. Issues in the Economic and Ecological Understanding of the Chalkidiki, Northern Greece, in the Neolithic and Bronze Age // Aphrodite's Kephali: An Early Minoan I Defensive Site in Eastern Crete. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1997. Pp. 9-14.
36. Domínguez A. J. Spain and France // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 157-171.
37. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien (2. veränd. Aufl.). Frankfurt/Main, 1983. 420 S.
38. Fischer-Hansen T., Nielsen T. H., Ampolo C. Italia and Kampania // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 249-320.
39. Hansen M. H. Introduction // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 1-154.
40. Manoledakis M. Ionians in the southern Black Sea littoral // Ionians in the West and East / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven: Peeters, 2022. Pp. 895-914.
41. Tsetskhladze G. R. Introduction: Ionians overseas // Ionians in the West and East / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven: Peeters, 2022. Pp. 1-74.
42. Tsetskhladze G. R. Ionians in the eastern Black Sea littoral (Colchis) // Ionians in the southern Black Sea littoral // Ionians in the West and East / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven: Peeters, 2022. Pp. 915-976.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Особенности процесса греческой колонизации на Боспоре в VII-VI вв. до н.э.» для опубликования в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Статья посвящена анализу процесса греческой колонизации Боспора Киммерийского в VII-VI вв. до н.э., с акцентом на причины, механизмы и последствия этого явления. Автор рассматривает как общие закономерности колонизации в античном мире, так и специфику освоения греками Северного Причерноморья, опираясь на современные археологические и исторические данные.

Автор применил в исследовании комплексный подход, сочетающий сравнительно-исторический анализ в части сопоставления с колонизацией в Средиземноморье (о чем свидетельствуют ссылки на работы Г.А. Кошеленко, В.Д. Кузнецова и зарубежных исследователей); археологический метод в части использования данных раскопок поселений, таких как Пантикопей, Торик, Феодосия; критический анализ источников в части проведенной оценки противоречий в письменных свидетельствах (например, о статусе эмпориев и апойкий). Методология соответствует современным стандартам антиковедения, однако стоило бы более детально раскрыть методы работы с археологическими материалами. Тема является актуальной для современной исторической науки по следующим аспектам. Новые археологические открытия в Северном Причерноморье (например, данные по Таганрогскому поселению или Алексеевскому эмпорию) требуют переосмысления традиционных моделей колонизации. Дискуссионность вопроса о роли торговли, политических факторов и автохтонного населения в процессе колонизации (к примеру, полемика с Г.А. Кошеленко и В.Д. Кузнецовым о независимости апойкий). Междисциплинарный интерес обуславливает актуальность проведенного исследования, поскольку работа находится на стыке истории, археологии и экономики античности. Автор вносит значительный вклад в изучение темы, предлагая уточнение хронологии колонизации Боспора, включая ранние этапы (например, спорные датировки Синопы и Борисфена); критику эмпориальной гипотезы, особенно в контексте новых данных о Питеусах и других поселениях; анализ роли метрополий (Милета, Коринфа) в организации колонизации, включая спорные случаи зависимых апойкий (например, клерухии Афин). Новизна также проявляется в привлечении малоизученных зарубежных публикаций (например, Tsetskhladze, 2022).

Стиль, структура, содержание соответствуют требованиям, предъявляемым к данного вида научных работ. Статья написана четким научным языком, с соблюдением терминологии. Структура логичная. В статье усматривается введение с постановкой проблемы, анализ причин колонизации (демографические, экономические, политические), детальный разбор процесса освоения Боспора, заключение с выводами. Однако, некоторые разделы перегружены деталями (например, описание второстепенных поселений). Также отсутствует четкое выделение ключевых тезисов в заключении.

Библиография обширна и релевантна теме исследования. Включает классические работы (Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д., Яйленко В.П.), современные исследования (Чистов Д.Е., 2022; Сударев Н.И., Иванов А.В., 2023), зарубежные публикации (Hansen, Nielsen, 2004; Tsetskhladze, 2022). В свете избранной автором методики комплексного анализа уместным было бы добавить несколько новейших статей по экономике

колонизации (например, работы А. Bresson). Однако, указанное на усмотрение автора, поскольку список насчитывает 42 источника, что позволило автору провести полноценное исследование и представить апелляцию к возможным оппонентам. Автор активно полемизирует с существующими точками зрения. В статье имеется критика тезиса Кошеленко Г.А. и Кузнецова В.Д. о независимости апойкий (ссылка на примеры Афин и Коринфа). Дискуссия с эмпириальной гипотезой (Поваляев Н.Л., 2008; Сапрыкин С.Ю., 2023). Уточнение роли торговли на основе данных по Борисфену и Ольвии. Полемика аргументирована в достаточной степени.

Выводы статьи значимы для исторической науки в части уточнения моделей колонизации. Для археологии представляет интерес интерпретация новых находок. Преподавателям автор предоставил материал для курсов по истории греческой экспансии. Таким образом, теоретический вклад исследования неоспорим. При этом, хотелось бы наглядности в вопросе практической ценности работы для изучения греко-варварских контактов.

Статья представляет собой глубокое научное исследование, сочетающее анализ источников с современными теоретическими подходами. Для опубликования в избранном журнале требуется устранение некоторых неточностей, а именно: уточнить методологические ограничения (например, фрагментарность археологических данных), указать на практическую значимость и перспективы дальнейших исследований (например, применение GIS-анализа для изучения расселения), тезисно обозначить ключевые выводы и достижения для наглядности читательской аудитории.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Особенности процесса греческой колонизации на Боспоре в VII-VI вв. до н.э.» представляет собой достаточно обширное и компетентное обращение к феномену греческой колонизации (созданию апойкий) и к частному случаю колонизации Северного Причерноморья (Боспора). Автор опирается на существенный корпус отечественной и зарубежной литературы с учетом данных археологических раскопок и публикаций последнего времени; корреляцию достижений отечественных авторов с работами западных историков, изучающих иные регионы греческой колонизации (Средиземноморье), автор заявляет как новизну и актуальность данной работы. С известной работой по этой теме Г. А. Кошеленко и В. Д. Кузнецова «Греческая колонизация Боспора» автор некоторым образом полемизирует (вопрос о независимости новых полисов и др.). Таким образом на протяжении всего текста исследования автор рассматривает колонизацию Боспора именно как частный случай общего процесса греческой колонизации, исходя из этого подхода автор достаточно подробно рассматривает истоки, цели и закономерности античной колонизации в принципе, прежде чем перейти к конкретному географическому региону Северного Причерноморья. Исходя из рассмотренного, автор приходит к выводу о соответствии (в целом) колонизации Боспора выявленным ранее общим закономерностям античной колонизации; также выделяются и некоторые специфические черты, обусловленные конкретной географической спецификой рассматриваемого региона (наличие плодородных незаселенных земель, обширные рыбные угодья, интеграция и эллинизация многочисленного автохтонного населения и др.). Выбранный автором временной промежуток VII-VI вв. до н.э. не совсем четко, но все же подразделяется автором на этапы (...первые сезонные поселения в местах, наиболее удобных для

торговых контактов с варварами в VII в. "наиболее активное переселение в первой половине VI в. до н.э.,исчерпание фонда незанятых земель и ухудшение отношений эллинов и варваров во второй половине VI в. до н.э. снизило динамику появления новых апойкий в регионе, но не остановило процесс ионийской иммиграции"); установление нижней временной границы исследования требует все же какого-то комментария, т.к. сам автор указывает что в это время снизились темпы греческой колонизации, но сам процесс не остановился. Тексту в целом присущи логика и последовательность в изложении материала, выводы обоснованы, намечены перспективы дальнейшего изучения темы, обозначены конкретные вопросы изучения греческой колонизации Боспора, остающиеся на данный момент без ответа .Работа выполнена на высоком научно-методическом уровне, представляет значительный интерес. Рецензируемый текст безусловно рекомендуется к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Беркутов С.М. Итальянские городские коммуны и Великий Новгород: особенности политического устройства и закономерности эволюции республиканизма // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.73782 EDN: EGQVYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73782

Итальянские городские коммуны и Великий Новгород: особенности политического устройства и закономерности эволюции республиканизма

Беркутов Степан Максимович

аспирант; Институт российской истории; Российской академия наук

117041, Россия, г. Москва, ул. Адмирала Лазарева, 63 к. 3, кв. 62

✉ berkstep@gmail.com

[Статья из рубрики "Сравнительно-исторические исследования"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.73782

EDN:

EGQVYU

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2025

Аннотация: Статья посвящена выявлению общих закономерностей развития политического строя в городах-государствах средневековой Италии и Великом Новгороде. Одновременно с Новгородской республикой, существовавшей в XII – XV вв., в Северной Италии, почти в тех же хронологических рамках (с конца XI в. примерно по середину XV в.) процветали торговые города-государства. К ним относились не только всем известные Венеция или Генуя, но еще и сотни больших и малых республик, история которых демонстрирует схожие процессы, что и развивавшийся за сотни километров от них Великий Новгород. На основе конкретного исторического материала рассматривается эволюция этих республик и проводится сравнение с примером русского вечевого строя. Используемый метод сравнительно-исторического анализа на широком историческом материале позволяет делать выводы об общих закономерностях эволюции рассматриваемых политий. Впервые в историографии данной проблемы метод сравнительного анализа применяется по отношению к материалу широкого охвата, то есть Великий Новгород сравнивается не исключительно с Венецией, или какой-либо

другой одной итальянской республикой, а сразу со многими из них, что позволяет широко взглянуть на картину и выявить закономерности политического развития, понять настоящее место Новгородской республики в общеевропейской и общемировой истории. Рассмотрев историю политической эволюции Новгородской республики и значительного числа городов-государств севера Средневековой Италии, делается вывод об идентичном характере изменений в устройстве власти итальянских и русских республик, на основе чего утверждается общность эволюционного пути средневекового республиканизма. Многочисленные отличия в политическом строе итальянских городов-государств и Великого Новгорода, не позволяют судить об отсталости или о любых других "дефектах" новгородской политики.

Ключевые слова:

Новгород, политический строй, Италия, Средневековье, коммуны, города-государства, республика, средневековый город, вече, демократия

Явления республиканизма и демократии в Средние века, как известно, были редкостью. Однако существовали счастливые исключения. Самые яркие из них — это города-государства северной Италии и Новгородская республика. Насколько они были похожи и чем отличались? Что может дать нам сравнение политического устройства таких далеких культурно и географически, но близких по устройству власти государств? Ответы на эти вопросы помогут в понимании такого интересного общемирового феномена, как республиканизм и демократия.

Тема сравнения Новгородской республики с итальянскими городами-государствами обладает богатой, но сравнительно молодой историографией. В то время как дореволюционные авторы обращали внимание по большей части на сходство с древнегреческим полисом [34, с. 82; 35, с. 19. 36, с. 162; 37, с. 161; 38, с. 325], тема сравнения именно с итальянскими городскими коммунами нашла свое идейное воплощение в послевоенном СССР, когда концепция формационного подхода окончательно устоялась, и в рамках нее советские историки начали искать параллели новгородскому политическому устройству в западноевропейских феодальных обществах, находящихся, по их мнению, в той же социально-экономической формации [39, с. 100-102].

Одним из первых сходство заметил М. Н. Тихомиров, считавший, что в XII в. на Руси шла масштабная борьба горожан за свои привелегии, которая, несмотря на слабое отражение в источниках, напоминала борьбу «горожан Западной Европы за образование городских коммун». При этом, коммунальный строй установился только в Новгороде, Пскове и Новгороде «да и то в весьма своеобразном виде» [1, с. 186]. Б.А. Рыбаков считал Флоренцию наиболее близкой аналогией новгородскому государственному строю из-за внутренней борьбы «феодальных партий», а затем «бедных горожан с ростовщиками и патрициями» [32, с. 546].

После раз渲ала Советского Союза тема стала особенно популярна, и ей начали посвящать специальные статьи и разделы в монографиях. Так О.В. Мартышин в своей книге «Вольный Новгород», отметил значительное сходство Новгорода с итальянскими республиками, заключавшееся в наличии обширной подчиненной округи. Отличия автор видел в том, что борьба бургерства с аристократическим элементом, наблюдавшаяся в Италии, якобы, была не характерна для Новгорода. В то время как в Италии народ

боролся против аристократии, в Новгороде «народные массы», якобы, «шли за своими боярами против чужих» - факт противоречащий многим дошедшим до нас летописным свидетельствам. Верно указав на наличие «круговорота политических форм», а именно сменяемость аристократии, демократии, тирании и наконец монархии, О.В. Мартышин ошибся, посчитав что в Новгороде сменяемости политических режимов никогда не было, а вся его политическая структура оставалась неизменной [\[4, с. 53-57\]](#).

В.Л. Янин считал, что в Новгороде существовал «коллегиальный орган» имевший параллели с венецианским сенатом, что обосновывалось через сходство одного сюжета новгородских и венецианских монет [\[2, с. 388-389; 3, с. 353-354.\]](#).

Л. Штайндорф, поставив задачей определить являлся ли Новгород коммуной, приходит к однозначно отрицательному ответу. Новгород не являлся, по его мнению, коммуной, поскольку у него, в отличие от итальянских коммун, не было: 1) названия, 2) совета, 3) особого городского права, 4) разницы между гражданами и жителями [\[5, с.239\]](#). Выводы Л. Штайндорфа очень интересны, однако факт того, что Новгород не был итальянской коммуной вполне очевиден. Более актуальным видится вопрос насколько Новгород походил на итальянскую коммуну и чем от нее отличался.

А.А. Вовин посвятил сравнению Пскова и Новгорода с городами-государствами Италии целую главу своей монографии «Городская коммуна средневекового Пскова XIV – начало XVI в.». По его мнению, итальянские города-государства прошли стадии «первой» и «второй коммуны». На этапе «первой коммуны» было сильно народное собрание, на второй – народное собрание ушло на второй план и власть в городе оказалась в руках узкого олигархического совета. Псков всю историю находился на этапе «первой коммуны», поскольку в нем на протяжении всех веков существования так и не развился олигархический совет, а власть принадлежала исключительно народному собранию. Поэтому, по мнению исследователя, Псков правильно считать «слабой коммуной». [\[6, с. 368 – 385\]](#). Предпосылка относительно Пскова верна: действительно, городом на протяжении всей истории правило народное собрание, псковское вече. Предпосылка же относительно итальянских коммун ложна, что и предопределило ошибочность всей концепции. В Италии никогда не было «первой» и «второй» коммун. Первый этап развития итальянских коммун называют стадией консульской коммуны, «commune consolare». Уже на этом этапе народное собрание не играло почти никакой роли. Все властные функции выполнялись консулами. На втором этапе подестатной коммуны, «commune podestarile», власть перешла к приглашенному чиновнику – подесте и совету из местных представителей, избиравшихся по тому же принципу, что и консулы. На третьем этапе, «comuna popolare», власть перешла к советам, избиравшимся представителями народа. Ни на одном этапе городом не правила олигархия, и ни на одном этапе им не правило народное собрание. Псков не может называться «слабой коммуной», поскольку ни на одном историческом этапе своего существования он не проходил этапы эволюции, свойственные исключительно итальянским коммунам.

П.В. Лукин поставив вопрос «можно ли осмыслять политический строй Великого Новгорода в общеевропейском контексте и, конкретно, как вариант европейского коммунального (республиканского) городского строя?» [\[7, с.14\]](#). Приходит к выводу, что сравнение это «небесполезно» поскольку поможет «увидеть по-новому те явления и процессы, которым либо не уделялось достаточно внимания, ..., либо они получали, ..., превратное истолкование». Отличия Венеции и Новгорода заключались же в том, что Новгород был демократичнее Венеции. [\[7, с.242 – 243\]](#).

Вся предыдущая историография, таким образом, в целом, воздерживалась от конкретного рассмотрения итальянских городов-государств и сравнения их с политической структурой Новгорода. Выводы эти часто носили умозрительный характер и редко опирались на конкретно-исторический итальянский материал. Исключение составляет работа П.В. Лукина, который впервые использовал значительную итальянскую историографию и источники. Однако выводы его касались только одного итальянского государства - Венеции - в то время как остальные сотни коммун остались без внимания. Настоящая статья ставит целью выяснить какова была политическая структура других итальянских городов-государств, как проходила их политическая эволюция, и насколько их политическая структура была близка структуре и эволюции власти Великого Новгорода. Крайняя заинтересованность современной историографии этим вопросом и накопившаяся дискуссия делают тему особенно актуальной. Для выполнения поставленной задачи видится необходимым использование метода широкого исторического сравнения, то есть проведения параллелей не с одной коммуной северной Италии, а сразу со многими в рамках репрезентативной выборки и с использованием обобщающих работ итальянских историков. Только такой широкий взгляд поможет увидеть общую картину и подготовит почву для создания классификации типов средневекового республиканского строя. Наиболее репрезентативными источниками для выполнения поставленной задачи являются новгородские летописи, итальянские анналы и хроники разных городов-государств.

Итальянская историография, в целом, сходится на том, что политический строй коммун прошел несколько этапов:

- 1) консульская коммуна (кон. XI – кон. XII в.);
- 2) коммуна подесты (кон. XII – сер. XIII в.);
- 3) народная коммуна (сер. XIII – сер. XIV в.).

На каждом из них структура власти отличалась, однако общим было наличие некоего коллектива граждан, путем выборов осуществлявшего избрание своих представителей, которые, в свою очередь, управляли республикой.

На первом этапе (конец XI — вторая половина XII в.) такими представителями были консулы. Их выборы проходили чаще всего раз в год, иногда раз в 6 месяцев или раз в 4–6 лет. Короткий срок правления компенсировался возможностью многократного переизбрания. Например, Каффаро, автор генуэзских анналов, был консулом 7 раз: в 1122, 1125, 1127, 1141, 1144, 1146, 1149 гг. [8, с. 17, 22, 23, 30, 32, 33, 36]. Количество консулов не было фиксировано. Так, в 1130 г. в Милане избрали 23 консула, в 1138 г. — 4, в 1140 г. — 8 и т. д. В некоторых городах консулы делились на «consules de communis», занимавшихся политическими вопросами, и «consules de placitis», ответственных за суд [9, с. 33]. Понять, как осуществлялась процедура выборов, достаточно сложно, потому что она скрывается под смутными летописными фразами, такими как «In... anno fuerunt consules...». Большинство имеющихся свидетельств не вдается в подробности процедуры выборов, однако имеющиеся источники позволяют считать, что так или иначе консулов избирало собрание граждан. Например, в Генуе консулы избирались «сообща на собрании» [10, с. 351], в Венеции «народ» избирал дожа «на площади» [11, с. 58, 60, 62, 63]. Бывали и непрямые выборы, как, например, в Пистойе, где горожане выкрикивали имена пяти выборщиков, приносивших в свою очередь клятву выбрать в консулы мужей, отвечавших интересу народа Пистойи [9, с. 34–35].

Раз избранные консулы получали абсолютную власть над городом и его вооруженными силами. Например, генуэзские консулы распоряжались вопросами войны и мира [8, с. 23, 42, 61], руководили войсками [8, с. 10–13, 22, 26, 27, 33, 34], вели переговоры с другими государствами, отправляли и принимали посольства и вообще курировали все внешние сношения [8, с. 29, 31–33, 38–39, 42–44, 46, 48–51, 60–63, 65, 66, 157], распоряжались финансами [8, с. 30, 38, 41, 60], строительством [8, с. 48, 62–63], управляли округой [8, с. 30, 40–41, 157], ведали судом [8, с. 74].

Такая же картина наблюдалась в большинстве консульских коммун [9, с. 34]. В Венеции, где консулов не было, аналогичная власть находилась у дожа. Он решал, начинать ли войну или заключать мир [12, с. 2–16; 13, с. 90; 14, с. 55–57], руководил войсками [12, с. 56, 58, 61, 62; 14, с. 14, 18.1], ведал внешней политикой [12, с. 56, 61; 11, с. 4, 10, 16, 18, 20, 24–26, 28, 34–36, 40, 44], финансами [12, с. 59], управлением округой [12, с. 60–62.; 11, с. 18.1].

Какова же была роль народного собрания, избирающего консулов? Роль его сводилась, по сути, лишь к аккламации принятых консулами решений [15, с. 49–50]. Те редкие упоминания о народном собрании, которые имеются в источниках, как правило, однотипны. У консулов возникала необходимость подтвердить свое решение на народном собрании, звоном колокола или каким-либо иным способом народ созывался, решение ему зачитывалось, народ кричал «Fiat! Fiat!» [16, с. 61] и расходился. Иногда народ собирали для сообщения ему какой-либо радостной вести. В таком случае последний выражал ликование.

Пассивная роль народного собрания проявилась и в 1161 г. в Пизе, когда вассалы графа Ильдебранта захватили несколько пизанских кораблей с зерном. «Консулы и весь народ» по этому поводу «погрузились в великую печаль», утолить которую консул Кочче решил «уничтожением и опустошением» земли графа, для чего приказал собрать огромное войско «конное, пешее и лучников», а также «галеи с лучниками, ручными требушетами и камнеметами». Закономерно, граф Ильдебрант скоро появился в Пизе, где на народном собрании («public parlamento») обратился к пизанцам с оправдательной речью и клятвой в верности пизанскому народу, после чего консулы заключили с ним мир и провели обряд инвеституры. В верности клялись также все подданные графа, все крепости на его земле разрушались [17, с. 21, 25]. В этом случае, как видно, отправляться в поход отдал приказ консул, мир заключил также консул, народ лишь являлся молчаливым свидетелем всему. Тем не менее, бывали случаи и чисто народной инициативы. Так, например, в 1162 г. пизанцы разгромили генуэзский квартал в Константинополе, товары разграбили, а многих купцов убили. Те, кто успел убежать, вернувшись в Геную, в ярких красках описали произошедшее. Генуэзцы тут же снарядили 12 галей, «без приказа консулов», которые опомнились лишь спустя какое-то время и взяли «дело» в свои руки [8, с. 68–69].

Само народное собрание не являлось «народным» в современном понимании этого слова. Политические права, т. е. право участия в народном собрании, на этом этапе было у представителей семей-основательниц коммун, землевладельцев, купцов и богатых ремесленников. В нем участвовали как представители аристократического, так и неаристократического элемента. Однако этот «неаристократический элемент» по сути занятий порой мало отличался от аристократического: он также состоял из землевладельцев, занимавшихся торговлей, ростовщичеством, ремесленным производством. Стереотип о том, что горожане были торговцами, в отличие от

аристократов-рыцарей, идет из XIX в., и в настоящее время переосмыслен в исторической науке [16, с. 165]. Отличие «народа», «простолюдинов» («populorum», «popolani») от аристократии на этом этапе заключалось порой лишь в отсутствии титулов, т. е. принадлежности к этому сословию [16, с. 182–183].

Несмотря на богатство неаристократического элемента знатные («milites»), составлявшие в лучшем случае 10% населения города, чаще всего доминировали в его политической жизни [18, с. 3–4]. Тем не менее, бывало, что консулы избирались и из незнатных. Например, Оттон Фрейзенский говорил, что консулы происходили из трех классов общества: «capitanei, valvassores, populi» [9, с. 33–34].

Политическое право эпохи средневековья — это право сильного. Князья и правители средневековья сами вели свое войско на врагов и нередко погибали в битве. Народное собрание, являвшееся коммуной, одновременно составляло ее войско [18, с. 9], у вооруженных людей всегда есть соблазн использовать это оружие против своих недругов, а где их легче найти, как ни в своем собственном городе? Поэтому внутригородская жизнь не отличалась стабильностью. За избрание «нужных» консулов шла постоянная вооруженная борьба между влиятельными семьями и кланами. Уличные бои требовали уличных укреплений. Для удобства обстрела соседних улиц домовладельцы строили высокие башни (от высоты которых зависело преимущество не только над соседними улицами, но и над башнями поменьше), которые росли с такой скоростью, что консулам приходилось вводить специальные статуты, ограничивавшие их высоту. Для штурма башен употреблялись камнеметные орудия [16, с. 175–178]. Консульская власть, сильная и не вызывающая пререканий, во время внутримагнатских разборок всегда куда-то улетучивалась. Например, в Генуе один из могущественных аристократов, Орландо Аввокато, согласился прекратить братоубийственные склоки только после того, как его «умоляли в слезах» на парламенте «архиепископ, священство, консулы и весь народ», и только «tronутый мольбами и слезами» он согласился и поклялся сохранять мир [19, с. 41].

Постоянные конфликты внутри коммуны требовали решения. И оно было найдено. Вот что писал об этом автор генуэзских анналов за 1190 г.: «из-за взаимной ненависти многих мужей, очень хотевших занимать должность консулов коммуны, гражданские раздоры, злостные заговоры и фракции захватили город. Это побудило мудрецов и советников города (т. е. Совет — С. Б.) встретиться и решить, что консулат коммуны со следующего года должен завершиться, и почти все они согласились, что городу необходим подеста» [16, с. 66]. Так начался второй этап — этап подестарной коммуны (конец XII — середина XIII вв.) [15, с. 61]. Подеста (с лат. potestas — власть) был приглашенным чиновником из другой земли, который очень часто по совместительству был крупным феодалом (в 1169 г. подеста Вероны был граф Сан-Бонифачио, а почти все подесты Мантуи — магнатами из городской округи). Подеста избирался на год или на полгода, и постепенно полностью заменил собой консулов. Его должность начала вводиться в разных городах со второй половины XII в., пока к первому десятилетию XIII в. власть подесты в североитальянских коммунах стала скорее правилом, чем исключением [16, с. 68].

Но как доверить всю власть над городом человеку чужому, почти иностранцу? Выход был найден и из этого положения. Подеста ставился под полный контроль совета — органа, появившегося со второй половины XII в. и ознаменовавшего крупнейшую трансформацию за всю историю средневекового республиканизма. Теперь представителями коммуны с абсолютной властью были не консулы, а члены совета.

Совет делился на Большой и Малый. Численность Малого Совета варьировалась от нескольких десятков до нескольких сотен, Большого — от нескольких сотен до нескольких тысяч, что уже могло соответствовать всему гражданскому коллективу коммуны, но такое случалось редко [18, с. 67–73]. Избирали членов Совета точно так же, как и консулов, по районам или от обществ, в зависимости от политической структуры каждой отдельной коммуны. С установлением власти совета социально-политическая ситуация глобально не поменялась, власть осталась в руках класса рыцарей, *milites*. Поэтому первые задокументированные выборы в совет коммуны, произошедшие 1164 г. в Пизе, дали власть «сенаторам», т. е. представителям аристократических фамилий города, и 24-м кандидатам, избранным по 6 от каждого из 4 районов города [9, с. 35; 15, с. 50].

Имеющиеся данные по совету Милана в пер. пол. XIII в. рисуют схожую картину: половина совета состояла из «*valvassores*» и «*capitanei*», т. е. аристократии, а другая — из представителей городских организаций «*della Motta*» и «*della Credenza di Sant' Ambrogio*», которые, в свою очередь, состояли из *milites* (рыцарей), купцов и богатых ремесленников [18, с. 26]. Выходит, Совет состоял больше чем на половину из наследственных землевладельцев. Ситуация других коммун мало чем отличалась. В Венеции, в свою очередь, *consilio* стал чисто олигархическим институтом, без каких-либо процедур выборов народным собранием [9, с. 76–78].

Как XII век — время абсолютной власти консулов, так и век XIII — эпоха Совета. Он, вместе с подестой, занимался всеми политическими вопросами. Характерен случай, произошедший в Орвието. В 1232 г. эту небольшую коммуну посетил папский легат, с целью побудить ее жителей заключить мир с враждебной Сиеной. Обсуждение вопроса в совете не привело к нужному курии результату. Тогда посол ухватился за формуляр папского послания — в нем было написано, что оно адресовано «подесте, совету и всему народу Орвието». «Почему бы тогда не зачитать послание перед всем народом Орвието, на площади? Он и решит, как следует поступить». Расчет был на то, что народное собрание, состоявшее в том числе из простого народа, благоговевшего перед авторитетом Папы Римского, примет нужное для престола решение. Однако подеста дал такой ответ: «В этом нет необходимости, поскольку собранный совет, состоящий из большой и малой ассамблей, представляет интересы всего народа; здесь присутствуют все представители ремесленников и главы различных районов, управляющие городом; все что они решат, считается утвержденным и действительным: все что вы говорите нам, вы говорите всему народу, и все что мы отвечаем вам по этому поводу, мы отвечаем от имени всего народа». Всё присутствующее собрание подтвердило слова подесты [18, с. 33–34].

Как упоминалось выше, большинство в совете коммуны принадлежало аристократическому элементу, тогда как народ, составляя меньшинство, не мог существенно влиять на политику республики. Однако постепенно народ становился все многочисленнее, богаче и влиятельнее, он не мог больше мириться со своей ущемленной ролью и приступил к завоеванию себе политических прав. Очень часто «завоевание» принимало вид настоящей революции. В Болонье в 1228 г. представитель старой знатной семьи, занимавшейся торговлей и от того сближенной по положению с пополанами, вместе с группой своих сторонников пришел к подесте с предложением провести заседание большого совета для обсуждения некоторых ремесленных вопросов. Подеста отказался. В ответ началось крупное восстание, во время которого «была разорена казна, перевернуты скамьи в зале заседаний, кодексы статутов и реестры

приговоров были разорваны или сожжены». Результатом стало появление в Совете представителей от ремесленных гильдий города [\[16, с. 182–183\]](#). За Болоньей последовали другие коммуны. Например, народ Модены получил свое представительство в совете в 1229 г., в Прато — в 1246 г. [\[18, с. 35–36\]](#).

Но структура совета, в которой были представители как аристократии, так и народа, не существовала повсеместно. Где-то народ «увлекался» и уничтожал аристократию «как класс». Так, в Пьяченце в 1250 г. народ, недовольный политикой подесты, собрался и избрал подестой известного человека — Умберто дель Иниквита, при том, что текущий подеста оставался в должности. Таким образом, в городе парадоксально несколько месяцев существовало два подесты: один, «podesta del comune», т.е. представитель всей коммуны в аристократическом понимании слова «весь», и второй, «podesta del popolo», представлявший соответственно интересы «взбунтовавшегося» народа. Через какое-то время в городе прошли новые выборы, и подестой «всей» коммуны стал Ланфранко Гримальди. Он попытался ликвидировать ситуацию двоевластия, для чего созвал совет коммуны. Совет отказался поддержать его в этом вопросе. Тогда Ланфранко проехал на коне по городу, призывая на помощь народ. Но народ его не понял, и он не стал возвращаться во дворец подесты, а сразу поехал из города прочь. Совет решил избрать на его место Умберто дель Иниквита, лидера народа и народного подесту, который стал лидером коммуны. Все старые рыцарские фамилии покинули город, оставив его целиком и полностью во власти народа [\[18, с. 55–57\]](#).

Мудрость поведения аристократии Пьяченцы становится понятной, если посмотреть, что случилось с их товарищами по классу, которые предпочли остаться в городе, захваченном народом. В «народных» городах против патрицианской элиты, до этого именовавшей народ «собаками и ослами» [\[19, с. 63\]](#), часто вводились дискриминационные законы, ставившие бывших аристократов фактически на права «лишенцев». Так, в Парме преступления знатных против народа карались в двойном, тройном и даже четверном размерах. Знатный подлежал наказанию, даже если против него не было доказательств, а только «слухи и молва» (*si sola voxet fama fuerit contra talem magnate*). По статутам Модены клятва знатного не имела юридической силы. Во Флоренции в 1281 г. и в Болонье в 1288 г. были составлены списки магнатов, которые должны были внести по 1000 и 2000 лир в качестве залога хорошего поведения в будущем. Во Флоренции, если знатный убивал представителя народа, ганфalonье — чиновник-судья — был обязан проследить, чтобы дом знатного был разрушен народной пехотой, имущество конфисковано, а он сам приговорен к смерти. Особенной бескомпромиссностью к классовым врагам отличался народ Пармы, который штрафовал даже представителей народа, которые не поддерживали право расправы над магнатом, оскорбившего пополана [\[16, с. 193–194\]](#).

Разумеется, аристократы всеми силами сопротивлялись установлению народного режима. Случалось, что рыцари разных коммун помогали друг другу подавлять народные движения в соседних коммунах, оказывая таким образом товарищам по классу «братскую помощь» [\[16, с. 187\]](#). Так, в 1142 г. фавентинцы пришли на помощь рыцарям Чезены, которых народ осадил в городском детинце. Народная пехота была разгромлена, а аристократический режим восстановлен [\[20, с. 32–33\]](#).

Так устанавливались народные режимы, ознаменовавшие новый этап в истории средневекового итальянского республиканизма — народной коммуны (вт. пол. XIII в. — начало XIV в.). Ее политическое устройство в целом копировало структуру подестарной

коммуны, с той разницей, что среди выборщиков и избираемых теперь превалировали представители «народной партии». Аристократия редко полностью теряла свое представительство в городском совете, чаще наблюдалась картина, когда она просто оставалась в меньшинстве. Типичен случай в Тревизо, где в 1259 г. совет состоял из 100 milites и 200 populares [18, с. 63].

Такое положение дел сохранялось в большинстве коммун до наступления нового этапа в их развитии — синьории. Синьория являлась итальянским видом тирании, когда коммунальные власти с соблюдением всей республиканской законности избирали в правители одно лицо, наделяя его авторитарными полномочиями. Органы коммуны, совет и народное собрание, при этом не ликвидировались, а подчинялись синьору. Происходить такой правитель мог как из народной, так и из аристократической среды. Постепенно власть синьора все больше и больше приобретала черты монархии, пока, наконец, все коммунальные органы власти не изживали себя полностью, и синьория не перерождалась в принципат — абсолютную монархию нового времени. Таким образом был положен конец уникальному явлению республиканизма в большинстве земель Северной Италии [21, с. 296–301].

Новгородское политическое устройство прошло два этапа эволюции, плавно перетёкшие один в другой. Первый этап продолжался с начала независимости Новгорода в 1136 г. по первую половину XIVв., второй — с первой половины XIVв. до полной инкорпорации республики в Московское государство в 1478 г.

На первом этапе политическая власть находилась в руках новгородского князя. Для иллюстрации характера княжеской власти хорошо подходят события одного срока правления новгородского князя Мстислава Мстиславича (Удатного) (1210–1215). Находясь в должности, он «ходи ... на Чудь, рекомую Търму, съ новгородьци» [22, с. 52], приказывал «ставить крепости» [23, с. 52], собирая дань с подвластных народов, в 1214 г. покоренная им Чудь «кланялась» ему и выплатила дань, две трети которой князь отдал новгородцам, третья — своим «дворянам», управляя окрестностью Новгорода, в его задачи входило «блести волость» [22, с. 52], вести международные переговоры [22, с. 54–55]. Ключевую роль княжеской власти в Новгороде на этом этапе подтверждают и данные археологии. Так, «примерно 400 печатям княжеского круга противостоит 14 епископских булл и около десятка проблематичных посадничих печатей...» [23, с. 128].

Однако все эти важнейшие политические действия осуществлялись исключительно под полным политическим контролем новгородцев. Любой поход или политическое мероприятие было не приказом князя, а лишь предложением. В 1214 г. Мстислав предложил новгородцам пойти с ним в поход на Чернигов, и новгородцы, собранные на вече, ответили: «како, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вержем». Сначала картина выглядит верноподданнически, ее можно было бы наблюдать в любой другой русской земле (хотя необходимости «приглашать» подданных в поход не было ни в одной русской земле, достаточно было просто приказать). Тем не менее, новгородцы в скором времени проявили свою сущность. В Смоленске они увлеклись выяснением отношений с местным населением и «по князя не поидша». Мстислав созвал новгородцев на вече и попытался уговорить продолжить экспедицию и, получив отказ, продолжил путь только со своими дворянами. Потом, однако, новгородцы передумали, собрались на вече, и после фразы посадника — «Яко, братие, страдали деди и отчи наши за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидим по своему князе» — пошли догонять своего правителя. Экспедиция закончилась успешно, все города были взяты, и

новгородцы возвратились домой «сторови» [\[22, с. 53\]](#).

В более позднее время такое положение княжеской власти подкреплялось договорами, заключаемыми в момент призываия. По ним новгородский князь не мог 1) «посужать», т. е. выдавать «грамоты» на владение землей; 2) отнимать собственность «без вины»; 3) новгородскую землю обязывался «держать мужи новгородскими», вместо прямого «держания» князь получал от новгородцев «дар» — зарплату в виде дани с некоторых новгородских территорий [\[24, с. 293–294, 296\]](#); 4) ни князь, ни его княгиня, ни его бояре и дворяне не могли владеть селами в Новгородской земле [\[25, с. 9–13\]](#).

То, что не входило в прерогативу князя, оставалось в ведении местных должностных лиц — посадника и тысяцкого. Механизм избрания и освобождения от полномочий происходил по тому же принципу, что и княжеский. Основная функция посадника была, по всей видимости, налогообложение населения Новгородской земли. Так, в 1209 г. новгородцы собрали вече на посадника Дмитра «и братью его» за то, что они «повелеша на новгородцах сребро имати, а по волости куры брати, по купцем виру дикую, и повозы возити, и все зло». Дворы братьев Дмитра и Мирошки были разграблены и сожжены, их села и челядь распроданы, а деньги разделены между горожанами каждому по три гривны (для сравнения: три гривны по «Русской Правде» был штраф за кражу морской ладьи) [\[26, с. 113\]](#), богатство было разграблено без учета, от чего «мнози разбогатеша» [\[22, с. 51\]](#).

Любое решение князя принималось только с согласия новгородцев, под их контролем, по их воле, и могло быть отменено в любой момент, даже во время его исполнения. Под контролем новгородцев была не только политическая власть князя, но и срок его правления и его выборы. Князь призывался из другой русской земли (Киевской, Черниговской, Смоленской, Сузdalской), в зависимости от ориентации внешней политики новгородцев на данный момент. Срок нахождения князя у власти зависел от настроения новгородцев, а оно менялось быстро. Чаще всего князь правил 1–2 года (бывало меньше), дольше держались лишь самые конъюктурные (рекордсменом среди них был упомянутый Мстислав Мстиславич, правивший Новгородом в один срок семь лет) [\[27, с. 941–942\]](#). Причину изгнания князя новгородцы иногда указывали, иногда хватало лишь фразы «не люб ты нам». Часто бывало, что князь сам уходил с княжения. Эта слабость и зависимость княжеской власти во многом и привела к трансформации политического устройства Новгорода на втором этапе его развития.

С середины XIII в. ситуация стала меняться. Новгородцы перестали выбирать, из какого княжения придет их следующий князь. Верховным сюзереном Новгорода по умолчанию стал великий князь Владимирский, который начал держать в городе своих наместников. Принцип «вольности во князьях» перестал действовать [\[28, с. 50–52\]](#).

Однако власть наместника стала еще более ограничена. Функции исполнительной власти, до этого находившиеся в руках князя, перешли к местным новгородским должностным лицам: строительство — к архиепископу, сбор дани и суд — к посадникам, военное командование — к воеводам, назначаемым новгородцами на вече непосредственно перед походом. Как и раньше, все эти должности контролировались новгородцами, смешались по их воле и избирались новые.

Именно новгородцы на вече были настоящей политической властью на всех этапах независимого существования Новгорода. Они принимали все важнейшие решения: о начале боевых действий и отправке воинских контингентов [\[22, с. 96–97, 352, 402–403; 29, с.](#)

[\[210\]](#) (в летописи содержатся два известия, когда воинские контингенты отправлялись без согласия новгородцев [\[22, с. 355, 391\]](#)); отправляли и принимали посольства как в другие земли Руси [\[22, с. 96–97, 99, 352, 353, 376\]](#), так и в иные страны [\[22, с. 98, 349–350, 359–360, 393, 404, 418, 419, 421, 422, 425; 30, с. 214\]](#); управляли подвластными территориями [\[22, с. 97, 379–381\]](#). Они же полностью контролировали деятельность новгородских должностных лиц во время исполнения их обязанностей.

Каково же было внутреннее соотношение сил в новгородском политическом организме среди граждан, его составляющих? Почти все упоминания внутренней жизни государства описывают внутригородские конфликты, которые до первой половины XIII в. носили в основном бесклассовый характер. Различные новгородские концы (районы) и группировки воевали друг с другом, «в латах и бронях», чаще всего по вопросу о поддержке того или иного князя, но порой и просто по личным поводам [\[22, с. 258–259\]](#). С первой половины XIII в. ситуация радикально поменялась: конфликты происходили между двумя сословиями республики — боярами, именуемыми также «вятшими людьми», и народом, известным также как «черные» или «меньшие» люди или «простая чадь».

Именно в упоминаниях внутригородских конфликтов становится ясной сословно-классовая сущность новгородской государственности XIII–XV вв. При этом ведущую роль во внутриполитических процессах с этого времени играет не боярство, а новгородская «чернь». Она меняла правительства: в 1228 г. «простая чадь» лишила должностей всё руководство новгородской республики. Сначала она выгнала из города архиепископа, потом пошла с вече «во оружии» и разграбила дом тысяцкого «и других бояр», после чего настала очередь князя и посадника: оба были прогнаны, а их сторонники обложены дополнительным налогом. В 1338 г. «простая чадь» арестовала архимандрита Есифа, второго духовного лица после новгородского архиепископа и одновременно настоятеля крупнейшего землевладельца новгородской земли — Юрьева монастыря [\[30, с. 272–273\]](#).

От низшего слоя граждан зависел вопрос войны-мира и отправки воинских контингентов. В 1340 г. новоторжцы попросили помочь против московского князя Семена (Симеона Ивановича (1340–1353). Новгородцы согласились, отправив «воевод с полки», которые, прия в Торжок, «поимаша» всех княжеских наместников, что, естественно, означало войну с московским князем. А для этого одного отряда новгородцев было бы недостаточно, поэтому новоторжцы отправили в Новгород новое посольство, с просьбой всего новгородского войска: «что быша новгородцы сели на кони». Но «черные» люди этого «не восхотеша». Война по желанию «черни» могла не состояться [\[22, с. 352–353\]](#).

«Меньшие» люди вели важнейшие переговоры. Так, в 1255 г. они вели переговоры с Александром Невским, пошедшим на Новгород ратью. Во время «встречи» князя, «вятшие люди», формировавшие собой конницу, и «меньшие», представлявшие пехоту, построились у разных входов в город отдельно друг от друга. Переговоры вели только «меньшие», а «вятшие» в это время сговаривались против «меньших», чтобы их «победити» и «ввести князя на своей воле». Но переворот аристократии не удался. Власть осталась у «меньших», и князь был введен на их воле [\[30, с. 307–308\]](#).

«Чернь» контролировала деятельность бояр и посадников. Ни один боярин, даже самый богатый и влиятельный, не был в безопасности, если он чем-то провинился перед простым народом. Так, в 1344 г. «черные» люди обвинили бояр в убийстве Луки Варфаломеева. Зная, что их может ждать, обвиненным народом на вече на Ярославовом

дворище в убийстве «Андрешко и Федору Даниловым» пришлось бежать из Новгорода. Было созвано два отдельных веча на Ярославовом дворище и на Софийской стороне, город разделился на две части, но вскоре конфликт был урегулирован [22, с. 355–356].

Другой пример народного суда произошел в 1418 г., когда один из горожан по имени Степанко приволок на вече боярина Данила Ивановича, за неизвестные прегрешения которого новгородцы избили и сбросили с моста в Волхов. Однако боярин не стерпел обиду: доплыv до берега и собрав свою «челядь», он схватил Степанка и подверг его пыткам. Прослышав об этом, народ вооружился и «в доспехах со стягом» пошел на Даниила Ивановича, разграбил его дом, а заодно и «инех множество», а именно весь «на Яневе улице берег». Степанко былозвращен, однако народ, вошедший в угар, было сложно остановить, разъяренная «аки пьяни» масса «еще много разграбиша домов боярских». Не уцелели и монастырь святого Николы, в котором были «житнице боярьскыи», и Людогоща улица. Знать, закономерно, пыталась сопротивляться, однако остановила народное войско только на Прусской улице, после чего «чернь» вернулась на свою сторону [22, с. 409].

Самая внушительная сила народа была организована в Славенском конце, который дважды выступал один на один против бояр Софийской стороны. Но из-за того, что выступал всего лишь один конец без поддержки другого конца народной, Торговой стороны — Плотницкого — оба выступления закончились не победой, как это было чаще всего в случае совместного выступления народной силы, а всего лишь компромиссом. Вместо старых посадников, не устраивавших славлян, избирались новые, которые подходили обеим сторонам конфликта. В 1359 г. на общегородское вече представители Славенского конца пришли вооруженные до зубов, «побиша» многих бояр, отняли «посадничество» у текущего магistrата и отдали должность своему кандидату. Опять был разобран мост, и две половины города сели в осаде. Во время сидения софийцы грабили села славлян. Противостояние продолжалось некоторое время, пока обе стороны не примирились [22, с. 366]. Это — первое свидетельство поражения «черных» людей. Вряд ли можно считать, что поражение однозначное, но «в минусе» оказались в итоге славляне, представители «народного» конца. Тем не менее, они не успокоились и выступили против софийской стороны второй раз в 1384 г., поддержав князя Патрикия Наримановича. Снова два веча, снова вооружились и снова переметали мост. Однако на этот раз обошлось без кровопролития и дошло до компромисса, устроившего обе стороны конфликта [22, с. 379].

Только однажды источники упоминают о карательной акции бояр против народа. Содержится это упоминание уже в Софийской летописи и относится к эпизодам присоединения Новгорода к Москве. Новгородский степенный посадник вместе с боярами «наехали» на улицы Славкову и Микитину (обе в Славенском конце), убили многих людей и разграбили имущества на 1000 рублей. На что и били челом Великому Московскому Князю представители этих двух улиц. Одновременно с ними с похожей жалобой выступили и бояре. Они обвинили старосту Федоровской улицы (в Плотницком конце) за то, что его уличане разграбили боярскую усадьбу на 500 рублей. Крайне показательно, что Великий Московский Князь Иван Васильевич никак не отреагировал на просьбы бояр, в судьбе же пострадавших представителей народа князь принял активное участие, заковав в кандалы и отправив в Москву обидчиков жителей «народных» улиц [31, с. 305–306].

Таким образом, общей во всех рассмотренных случаях являлась внутренняя структура государства. Существовала некая общность горожан, имевшая политические права, она

избирала должностных лиц, осуществлявших управление городом. Отличие итальянских городов-государств от Великого Новгорода заключалось в том, что в Италии правила избранные коллективом граждан магистраты, тогда как на Руси чаще правил сам гражданский коллектив, а магистраты исполняли менее важные государственные функции. Другие многочисленные отличия второстепенны и касаются таких внешних черт, как количество магистратов, сроки их службы, их происхождение (внешнее или из среды горожан) и т.д.

Самая же удивительная общая черта касается не только основы республиканского устройства (гражданского коллектива и избранного им магистратов), но и его эволюции. Как итальянские республики, так и Великий Новгород прошли одни и те же этапы политico-социальной эволюции. Все они начали свою историю под властью монархов и их наместников, затем, после начала освободительного движения — в Италии установились коммуны, а в Новгороде восторжествовал принцип вольности во князьях. Установившаяся республика во всех случаях носила аристократический характер, в Италии в это время правили нобили, а в Новгороде — бояре. Такая аристократическая республика существовала недолго, в Италии с конца XI в. до второй половины XII — первой половины XIII в., в Новгороде — до начала XIII в. По завершении этапа аристократической республики начинался новый процесс освобождения, на этот раз не от наместников великого князя или императора, а от своих собственных аристократов. Этот процесс происходил по всем «правилам» Средневековья, с кровопролитной борьбой, поджогами, настоящими битвами и осадами крепостей. В результате этой борьбы в большинстве республик народ, до этого ограниченный или совсем лишенный прав, вышел на политическую арену и начал оказывать влияние на жизнь города. Технически этот процесс также был аналогичным. Народ и на Руси, и в Италии создавал свои органы власти, копировавшие органы власти аристократии, но носившие теперь исключительно народный характер. Так, в Италии народ параллельно существовавшим аристократическим советам создавал советы народные, в Новгороде же народ созывал свое, отдельное от боярского, народное вече — на Торговой стороне, на Ярославовом дворище. Далее судьба новообразовавшихся народных органов власти разнилась в зависимости от исторической ситуации каждого отдельного города: где-то происходила «контрреволюция», аристократы подавляли народное движение, уничтожали народные советы и приводили народ к покорности; где-то народные советы получали такие же права, как и советы коммунальные и образовывались совместные аристократико-народные советы. В таких советах ситуация разнилась от коммуны к коммуне: где-то преобладали аристократы, где-то народ. И, наконец, третий вариант — полная победа народа, уничтожение аристократических советов, изгнание нобилитета из города и установление чисто народной коммуны. Идеальным примером первого варианта аристократического города-республики была Венеция, здесь народ даже не успел организовать свои органы власти, аристократия прочно захватила власть и крепко удерживала ее в своих руках вплоть до ликвидации республики. Большинство итальянских коммун пошли по пути совмещения власти аристократии и народа. По третьему пути, полному уничтожению аристократии как класса, пошли такие коммуны, как Флоренция, Пьяченца, Парма.

В рамках этой классификации Новгород относился ко второму, переходному, типу. Здесь, как и в большинстве итальянских городов-государств, две социальные группы — народ и аристократия — делили между собой власть, и ни одна сила не смогла, в конечном итоге, взять верх. Именно поэтому Великий Новгород правильно считать принадлежавшим к распространенному в средневековой Италии типу народно-аристократической

республики.

Библиография

1. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Гос. изд-во пол. лит., 1956. – 480 с.
2. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. – 400 с.
3. Янин В.Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянских культур, 2003. – 512 с.
4. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992. – 384 с.
5. Штайндорф Л. Правильно считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: Материалы круглого стола. СПб., 2012. – 302 с.
6. Вовин А.А. Городская коммуна средневекового Пскова. СПб.: ЕУСПб, 2019. – 398 с.
7. Лукин П.В. Новгород и Венеция. Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб.: Издательство Европейского Университета, 2022. – 302 с.
8. Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall'Istituto storico italiano. Roma, 1887-1993. Vol. 11. – Р. 17-157.
9. Occhipinti E. L'Italia dei comuni. Secoli XI-XIII. Roma: Carocci editore, 2008. – 160 р.
10. "Publici in parlamentum electi". Codice diplomatico della Repubblica di Genova dal 958 al 1163 / a cura di C. Imperiale di Sant' Angelo. Roma, 1936. Vol. I. – Р. 351.
11. Cronica di Venexia, detta di Enrico Dandolo / a cura di R. Pesce. Venezia, 2010. – Р. 4-44.
12. Historia ducum venetorum // Testi storici veneziani (XI-XIII secolo) ed. e trad. a cura di L.A. Berto. Padova, 1999. – Р. 2-62.
13. Annales venetici breves XIII c. // Testi storici veneziani (XI-XII secolo) / ed. e trad. a cura di L.A. Berto. Padova, 1999. – Р. 90.
14. Milani G. I comuni italiani. Secoli XII – XIV. Roma: Laterza, 2008. – 210 р.
15. Waley D. The Italian City-Republics. London: McGraw-Hill, 1969. – 256 р.
16. Rerum italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinquecento ordinata da L. Muratori. T. VI-Parte II. Gli annales Pisani di Bernardo Maragone. Bologna: Nicola Zanichelli, 1904. – Р. 61-187.
17. Tanzini L. A consiglio. La vita politica nell'Italia dei comuni. Roma: Laterza, 2014. – 248 р.
18. Dovanver F. Storia di Genova. Genova: Talozzi editore, 1967. – 222 р.
19. Clarke M. The medieval city-state. New York: Barnes & Noble, 1966. – 220 р.
20. Rerum italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinquecento ordinata da L. Muratori. Tomo ventotessimo. Cronicon Faventinum. Bologna: Nicola Zanichelli, 1924. – Р. 32-33.
21. История Италии. Т. 1. М.: Наука, 1970. – С. 296-301.
22. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1950. – 640 с.
23. Петров А.В. К изучению отношениям с князьями и внутренней борьбы в Новгороде второй половины XIII в. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Номер 3. СПб., 1995. – С. 52-128. EDN: VNJBTV
24. Фролов А.А. "Бежецкий ряд" и "Обонежский ряд" в системе отношений князей и Новгорода XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVII. М., 2015. – С. 293-298.
25. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: 1949. – 408 с.
26. Правда Русская. Том I. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. – С. 113.
27. Древняя Русь в Средневековом мире: энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. – 992 с.

28. Горский А.А. Князья и княгини русского Средневековья. М.: Наука, 2024. – 199 с.
29. Полное собрание русских летописей. Том 16. М.: Языки русской культуры, 2000. – 240 с.
30. Полное собрание русских летописей. Том 3. М.: Языки русской культуры, 2000. – 692 с.
31. Полное собрание русских летописей. Том 25. М.: Языки русской культуры, 2004. – 463 с.
32. Полное собрание русских летописей. Том 5. М.: Языки русской культуры, 2003. – 146 с.
33. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М.: Наука, 1982. – 590 с.
34. Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошевич А.Л. Древнерусское наследие и судьбы восточного славянства. М.: Наука, 1982. – 264 с.
35. Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга II. Тома V-VIII. М.: Книга, 1989. – 572 с.
36. Костомаров Н.И. Собрание сочинений. Книга V. Том XII. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. – 828 с.
37. Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Типография К. Замысловского, 1873. – 344 с.
38. Рожков Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения. Часть II. Удельная Русь. М.: Издание И.К. Шамова, 1905. – 173 с.
39. Кареев Н.И. Государство-город античного мира. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. – 362 с.
40. Лукин П.В. Новгородское вече: старые концепции и новые данные. // Исторический вестник. Начало русской государственности. Том I. Под общей редакцией А.А. Горского. М., 2012. – 184 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Итальянские коммуны и русские города-государства: особенности политического устройства и закономерности эволюции республиканизма» продолжает довольно устоявшую традицию сравнений политического устройства итальянских коммун средневековья с Новгородской и Псковской республиками. Автор упоминает о множестве исследований данной тематике, но в качестве исходной точки выбирает почему только работы Вовина и Лукина, причем эти работы сначала характеризуются как имеющие особое значение, а потом выясняется, что работа Лукина вообще не касается отличий и сходств упомянутых политических режимов. Почему автор решает пренебречь работами Янина, Штайндorфа и др. – остается загадкой; в итоге автор как будто начинает с чистого листа: «волнующие вопросы — в чем же заключались сходства и отличия политического строя Новгорода и итальянских городов-государств? И, если они были идентичны, какое значение имеет это для исторической науки? — остаются открытыми». Исходя из поставленных целей, автор прослеживает эволюцию политического устройства итальянских коммун (XI-XIV вв.) и политическое устройство Новгорода в XII-XV вв. В обоих случаях автор рационально выделяет этапы политического развития (три у итальянских коммун и два у Новгорода), опирается на средневековые хроники/летописи. Псков остается на периферии авторского интереса,

ему уделен один абзац, в котором автор формулирует псковскую специфику относительно Новгорода. В развернутой заключительной части автор обобщает результаты исследования т.е., как заявлено в названии текста, перечисляет специфические особенности политического устройства и общие закономерности политической эволюции рассмотренных городов. Главным отличием итальянских городов-государств от республик русского северо-запада автор считает правление избранных коллективом граждан магистратов в Италии, в то время как на Руси правил сам гражданский коллектив. В целом же, по мнению автора, и в Италии, и на Руси города-государства прошли одни и те же этапы эволюции, только в Италии это развитие прошло полный цикл, а в Новгороде было прервано на втором этапе по причине присоединения к Москве. Псков из этих выводов вновь выпадает. При определенной дискуссионности авторских тезисов («Политическое право эпохи средневековья — это, как и сегодня, право сильного....Сила новгородского народа была огромна. Он полностью контролировал власть в городе.. «Чернь» держала под полным контролем любую деятельность бояр и посадников», именование всей совокупности неаристократического населения республик/коммун «народом»), хотелось бы отметить, что отсутствие развернутой историографии вопроса становится проблемой именно в заключительной части, когда автор берется полемизировать с неустановленными авторами: «Широкое сравнение одновременно с множеством примеров средневековых республик показывают неправомерность утверждений об отсталости Новгородской государственности, а так же неверность обозначения Новгорода, как коммуны: термина, присущего исключительно итальянской исторической действительности». Кто именовал Новгород коммуной, кто утверждал об отсталости Новгородской государственности и является ли автор первоходцем в заявленных тезисах - не указано. Представляется, что работа бы только выиграла от развернутого историографического обзора темы исследования, обзора источников, методологии, новизны исследования, уточнения апелляции к оппонентам. При исправлении указанных недочетов работа может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Существует ошибочное мнение о том, что для российской истории более характерна тирания, нежели демократия, и сторонники этой позиции чаще всего апеллируют к западным традициям свободомыслия. Однако, на самом деле демократические традиции Новгорода и Пскова нисколько не уступают традициям Венеции или Генуи. В этой связи вызывает важность изучение демократических традиций древнерусских и средневековых европейских городов.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются особенности политического устройства итальянских городских коммун и Великого Новгорода. Автор ставит своими задачами рассмотреть историографию политического строя итальянских коммун и Великого Новгорода, а также определить сходство и различие политico-социальной эволюции итальянских городов и Великого Новгорода.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится

охарактеризовать особенности политического устройства и закономерности эволюции республиканизма городские коммуны и Великого Новгорода.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и итальянском языках. Из привлекаемых автором источников укажем на итальянские средневековые хроники, русские летописи, труды таких корифеев исторической науки, как Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров. Из привлекаемых исследований отметим труды А.А. Вовина, П.В. Лукина, А.П. Петрова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения политического строя Великого Новгорода и итальянских городских коммун. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей демократии, в целом, так и средневековой демократией, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что сравнение «Новгородской республики с итальянскими городами-государствами обладает богатой, но сравнительно молодой историографией». В работе показано, что «отличие итальянских городов-государств от Великого Новгорода заключалось в том, что в Италии правили избранные коллективом граждан магистраты, тогда как на Руси чаще правил сам гражданский коллектив, а магистраты исполняли менее важные государственные функции». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «как итальянские республики, так и Великий Новгород прошли одни и те же этапы политico-социальной эволюции»: «Все они начали свою историю под властью монархов и их наместников, затем, после начала освободительного движения — в Италии установились коммуны, а в Новгороде восторжествовал принцип вольности во князьях».

Главным выводом статьи является то, что в Новгороде, «как и в большинстве итальянских городов-государств, две социальные группы — народ и аристократия — делили между собой власть, и ни одна сила не смогла, в конечном итоге, взять верх». Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России и истории средних веков, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пхунтхасан П. «Высшие королевские постановления» Вьетнама как источник по истории буддизма (XI–XX вв.)

// Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74700 EDN: EHAZOP
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74700

«Высшие королевские постановления» Вьетнама как источник по истории буддизма (XI–XX вв.)

Пхунтхасан Пхра Парон

ORCID: 0009-0006-8479-7070

аспирант, Восточный институт, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
670000, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Советский р-н, ул. Смолина, д. 24а

✉ peter.ppj.cloud.01@gmail.com

[Статья из рубрики "Историография и источниковедение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74700

EDN:

EHAZOP

Дата направления статьи в редакцию:

04-06-2025

Аннотация: Статья анализирует корпус «Высших королевских постановлений» Вьетнама (XI–XX вв.) – императорских указов жанров чиену (chiēu), сак (sắc), зы (dụ), лень (lệnh) и сопровождающих их резолюций Чаубан (Châu bǎn). Указанные документы фиксируют позицию монархов по отношению к буддийской Сангхе, храмово-монастырскому хозяйству и религиозной риторике, что делает их ключевым источником для реконструкции государственно-буддийских отношений. Особое внимание уделяется тому, как буддийские категории каруна (karuṇā, « сострадание»), дана (dāna, «дарение») и идеал «гармонии трех учений» (Tam giáo đồng nguyễn) трансформируются в правовые императивы и средства легитимации верховной власти. Исследование охватывает эпохи Ли, Чан, Поздние Ле и Нгуен и прослеживает эволюцию формуляра указов, их юридической силы, круга адресатов и административного контекста вплоть до 1945 г. Применяется междисциплинарная схема: текстологический разбор и дипломатическая критика источников, историко-правовой и социально-антропологический анализ, а также критический дискурс-анализ преамбул и формальных клише. В данной работе впервые в российской историографии предложена целостная типология «Высших постановлений»

по дипломатическим, юридическим и религиоведческим признакам; уточнена иерархия жанров и выявлено их сигнальное значение в системе монархического управления. На материале 182 указов Минь Манга реконструирована трехуровневая модель контроля над Сангхой: ранговая сетка, экзамены по Винае и квартальные отчеты настоятелей. Показано, что переход от буддийской к неоконфуцианской идеологии сопровождался трансформацией указов из инструментов патронажа в механизмы надзора, однако буддийский тезаурус каруны и заслуги оставался постоянным маркером легитимности. Работа формирует источниковедческую базу для цифровой базы данных указов и открывает перспективу сравнительных исследований буддийского права в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова:

Высшие королевские постановления, эдикты, Вьетнам, буддизм, Сангха, источниковедение, религиоведение, буддология, историография, идеологическая трансформация

Корпус «Высших королевских постановлений» (далее — ВКП) демонстрирует, как нормативная риторика верховной власти последовательно насыщалась буддийскими категориями сострадания, заслуги и гармонии, превращая правовые императивы в инструмент нравственной легитимации [1, с. 41]. В текстах прослеживается длительная взаимная настройка монархического управления Дайвьета и Сангхи, воспринявшей указанную форму в качестве основы собственной институциональной организации [2, с. 272]. Источниковая база при этом неоднородна: раннесредневековые грамоты известны преимущественно по летописным пересказам, тогда как подлинники эпохи Нгуен сохранились главным образом в оцифрованном собрании Чаубан (*Châu bǎn*) [6, с. 2]. Подобная палеографическая асимметрия диктует необходимость комплексного исследовательского алгоритма, сочетающего текстологический разбор, дипломатическую критику и историко-правовой анализ, что создает условия для реконструкции многовековой трансформации государственно-буддийских отношений.

Современная историография располагает значительным числом работ о буддийских практиках, однако правовой механизм их регуляции до сих пор исследован фрагментарно. Корпус ВКП восполняет этот пробел, поскольку фиксирует официальное отношение власти к Сангхе, храмово-монастырскому хозяйству и буддийской риторике на протяжении почти тысячелетия [4, с. 108]. Практическое значение темы проявляется в том, что буддийские организации ХХI в. продолжают опираться на нормативы Минь Манга при обосновании имущественных и образовательных инициатив [16, с. 275], а юридическая экспертиза таких проектов требует исторической реконструкции соответствующих правовых прецедентов [2, с. 275].

В настоящем исследовании термин «Высшие королевские постановления» употребляется как собирательное обозначение дипломатических жанров чиеу (詔, chiêu), сак (敕, sắc), зы (諭, dự), лень (令, lệnh) и специализированных сак фонг тхан (敕封神, sắc phong thần). Для позднесредневековой и раннемодерной эпох характерно применение мокбан (mộc bǎn, «килографическая матрица»), стандартизовавшей орфографию указов [6, с. 4]. В религиоведческом дискурсе ключевыми понятиями выступают каруна (karuṇā, «сострадание») — ценностная категория естественного права [1, с. 41]; дана (dāna,

«дарение») — принцип добровольных пожертвований, образовавший экономическую базу буддийских НКО [16, с. 275]; Виная (Vinaya) — монашеский дисциплинарный корпус, введенный в экзаменационную практику Минь Манга [6, с. 4]; а также идеологема «гармонии трех учений» (Tam giáo đồng nguỵên), формализованная в преамбулах указов династии Чан [5, с. 6742].

Целью работы поставлено выявление эволюции жанра ВКП как исторического источника по государственно-буддийским отношениям во Вьетнаме от раннего Средневековья до 1945 г. Для достижения цели последовательно решаются следующие **задачи**: 1) систематизация терминологии и дипломатики основных типов ВКП применительно к буддизму; 2) прослеживание изменений формуляра, языка, юридической силы и адресатов указов в династиях Ли, Чан, Поздние Ле и Нгуен; 3) анализ механизмов нормативного регулирования Сангхи, храмово-монастырского хозяйства и религиозной риторики; 4) оценка источниковедческого потенциала и ограничений опубликованных ВКП; 5) обозначение перспектив дальнейших исследований жанра в рамках историко-религиоведческих дисциплин.

Объектом исследования выступает исторический процесс формирования и функционирования государственной нормативной документации во Вьетнаме, а **предметом** — структурно-содержательные характеристики и религиоведческий контент ВКП, отражающие официальную позицию власти относительно буддизма и механизмов его институциональной поддержки и контроля.

Корпус **источников** данной работы состоит из академических публикаций, перечисленных в библиографии: монографий и статей вьетнамских исследовательских центров, а также трудов И. О. Тэйлора, А. В. Вудсайда, Л. Келли, Нгуен Ланга, Ха Ван Тана и др. Первичные тексты указов и эпиграфики привлекаются через критические издания, в которых они уже введены в научный оборот. **Методологический** инструментарий включает глубокий анализ источников, исторический и социально-культурный подходы, политico-правовой и критический дискурс-анализ. Такая комбинация обеспечивает всестороннее рассмотрение заявленного объекта.

Научная новизна заключается в том, что впервые в российской историографии предложена целостная модель анализа ВКП как специфического корпуса правовых источников: уточнена терминологическая иерархия жанров, сформирована типология по дипломатическим, юридическим и религиоведческим критериям, прослежены трансформации жанра с XI в. по середину XX в.; апробирована междисциплинарная методика, открывающая перспективу создания цифровой базы данных ВКП и дальнейших сравнительных исследований буддийского права в странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

Обзор источников 1. Эпистемологические основы правовой трансляции буддизма

К. Майнерт показывает, как категория каруна (karuṇā, «сострадание») вводит в буддийском дискурсе представление о «естественном праве» [1, с. 41]. И. О. Гиллеспи раскрывает механизм культурного релятивизма, отодвигающего универсальные права человека на периферию идеологии Великого Единства [4, с. 108]. Т. В. Тай реконструирует презумпцию невиновности, закрепленную в кодексе Хинь Тхи (Hinh Thu) XI в., и связывает ее с буддийским гуманизмом [14, с. 9]. Указанные выводы подтверждают, что Высшие королевские постановления (ВКП) формируют этическое измерение государственного суверенитета, превращая милосердие в санкционную

норму.

2. Конституционное многоуровневое регулирование буддизма XXI в.

Н. С. Буй вводит понятие «многоуровневая конституция» и фиксирует три ее регистра: Основной закон 2013 г., религиозное законодательство 2004/2016 гг. и устав Единой Сангхи [2, с. 272]. Каждый храмовый проект проходит обязательную верификацию в провинциальных органах [2, с. 275]. Формула «Дхарма, Нация, Социализм», впервые обнародованная в 1981 г., продолжает императорскую триаду «Дхарма, Страна, Династия» эпохи Нгуен [16, с. 255], демонстрируя преемственность риторики ВКП в постмонархическом праве.

3. Институционализация буддизма в «золотой век» Ли – Чан

Л. Ч. Лук выделяет четыре сферы влияния буддизма эпохи Ли – Чан: идеология, социальная ритуальность, литература, архитектура [5, с. 6742]. Привилегии на строительство пагод закреплены указами 1014–1031 гг. [12, с. 115]. Т. Т. Чыонг описывает, как дхамма-беседы 1304–1306 гг. превратили монастырь Йен-Ту в юридически оформленный центр школы Тык-Лам [17, с. 37, 64]. ВКП данной эпохи соединяют духовную норму с административным контролем, формируя симбиоз монастырской и государственной юрисдикции.

4. Архив Чаубан династии Нгуен как дипломатический стандарт

Номинационное досье 2017 г. описывает 2,2 млн листов Чаубан (*Châu bǎn*), снабженных автографами императоров [6, с. 2]. Половина документов относится к религиозной сфере [7, с. 4]. Жанровая триада сак – дю – чи служит методической рамкой для сравнения поздних ВКП с раннесредневековыми грамотами [7, с. 3]. Экзаменационная реформа Минь Манга по дисциплине Виная подтверждает курс двора на профессионализацию Сангхи, одновременно служа инструментом централизации и бюрократического мониторинга [6, с. 4].

5. Художественно-экономическая политика Минь Манга

Н. З. Фыонг подчеркивает, что император рассматривал пагоды как «украшение гор и рек» [8, с. 64]. Указ 1836 г. о комплексе Тхань Зыен синтезировал архитектуру, монастырское жилье и статус настоятеля [8, с. 64]. Минневые колокольные надписи связывают благополучие трона с долголетием дхармы [8, с. 66], что иллюстрирует превращение художественного канона в правовой дериват ВКП.

6. Конфессионально-ритуальные конфликты

Н. Куанг Хунг и Н. Динь Лам демонстрируют эволюцию запретов на христианство: от культурно-ритуального спора XVII в. до политического инструмента XIX в. [10, с. 20]. Санкция в форме татуировки лица (эдикт 1712 г.) представляет собой уникальный репрессивный жанр внутри ВКП [10, с. 16].

7. Южновьетнамский палимпсест

Н. Т. Нгует и Н. Ф. Т. Нгует фиксируют конкуренцию янминской «практической учености» с официальной конфуцианской доктриной на юге страны [11, с. 88]. Буддизм, будучи

«популярной силой», балансируя влияние обеих школ [\[11, с. 86\]](#), а ВКП служили нормативным механизмом этого баланса.

8. Современные трансформации

Л. Т. Нгуен описывает, как школа Труклам модернизировала царский символический капитал, подчеркивая «рациональную» медитацию [\[9, с. 34\]](#). Буддийские НКО сегодня используют принцип дана (dāna, «дарение») и собирают значительные средства на социальные проекты [\[16, с. 275\]](#). Э. Рошко фиксирует, что титул Духа Кита, дарованный императором Гиа Лонгом, остается аргументом в территориальных спорах [\[13, с. 81\]](#).

9. Палеографическая критика легендарных сюжетов

К. У. Тейлор демонстрирует искусственный характер истории «первого индийского монаха», сформированной в средневековых летописях [\[15, с. 120\]](#). Отсутствие археологических коррелятов вынуждает сопоставлять ранние тексты с материальными данными пагоды Дау [\[16, с. 34\]](#) и опираться на достоверные ВКП с красными резолюциями.

Таким образом, проверенные источники — летописи, эпиграфика, Чаубан (Châuban), современная этнография — формируют репрезентативный массив для прослеживания эволюции ВКП: от нормативов буддийского гуманизма XI в. до цифровых уставов XXI в. Структура «устав + государственный надзор», закрепленная в указах Минь Манга, отразилась в законе 2016 г., сохранив буддийскую этику посредником между властью и обществом [\[2, с. 279; 16, с. 268\]](#). Корпус ВКП остается ключевым индикатором культурной модернизации Вьетнама и свидетельствует о долговременной потенции буддийской правовой мысли к гуманизации государственной власти.

Результаты и обсуждение

1. Генезис жанра и его развитие

Анализ корпуса Высших королевских постановлений (ВКП) демонстрирует, что жанр прошел четыре крупные стадии, каждая из которых коррелирует с изменением идеологической парадигмы, административной техники и объема буддийского влияния.

Ранний этап (до X в. – династия Ли, 1009-1225). Государство заимствует китайские образцы чиеу (詔, chiēu) и сак (敕, sāc), оформляя их на классическом ханеванском языке. Буддизм, признанный религией двора, получает поддержку через указанные формы: строительство храмов, освобождение Сангхи от податей, санкционирование монастырского землевладения [\[12, с. 77\]](#). Формуляр еще гибок, но уже отражает вертикальную иерархию.

Развитое средневековое (династия Чан, 1225-1400). Формы указов стабилизируются, а буддийская идеология школы Трук-Лам (Trúc Lâm) вплетается в преамбулы. Государство вводит экзамены для монахов и, возможно, использует ранние кодексы для унификации санкций. Буддийская терминология присутствует в сак как доказательство культурного суверенитета [\[5, с. 6742\]](#).

Позднее средневековое – раннее новое время (династия Поздних Ле, 1428-1789). Рост неоконфуцианства смешает акцент: буддийские элементы вытесняются, а сак выполняет прежде всего функцию контроля. Кодификация права через Кодекс Хонг Дык

приводит к стандартизации формуляра; ханеванский язык удерживает монополию в делопроизводстве, несмотря на развитие письменности Ном.

Период Нгуен (1802-1945). Уровень бюрократизации достигает максимума. Появляется жанровое разнообразие (зы, лень, чи), «Чаубан» (*Châu bǎn*) фиксирует процесс принятия решений — доклад плюс киноварная резолюция. Технология мокбан (*mộc bǎn*) гарантирует единообразие тиража. Конфуцианство превращает буддийскую Сангху в объект жесткого административного надзора; одновременно сак фонг тхан (敕封神) интегрирует народные культуры в государственный канон. Колониальная администрация формально сохраняет дворцовый ритуал, однако фактическое право публикации указов переходит к французским органам.

Важно подчеркнуть, что ключевыми факторами эволюции являются смена идеологии (буддизм → конфуцианство), циклы централизации, а также культурные контакты, сначала с Китаем, а затем с Западом. **2. Терминологическая стратификация и валентность жанров ВКП**

Первичный перечень жанров чиену (詔, chiēu), сак (敕, sắc), зы (諭, dù), лень (令, lệnh) и специализированного сак фонг тхан (敕封神, sắc phong thǎn) выявил устойчивую корреляцию между дипломатической формой и объемом императорского волеизъявления. Чиену отмечает провозглашение системных реформ, включая строительство пагод династии Ли, в то время как сак кодифицирует точечный патронаж, например распределение земель настоятелям Минь Манга [\[7, с. 3; 12, с. 77\]](#).

Дополнительный слой составляет зы как инструмент морального внушения провинциальным чиновникам, требующий подтвержденного исполнения, и лень в роли краткой директивы, фиксирующей техническую стадию ранее принятого решения. Отнесение сак фонг тхан к буддийскому массиву опосредовано: титул духа зачастую даровался храму, где культ интегрировался в монастырскую литургию, поэтому указ фиксировал границу между народным пантеоном и уставной Сангхой [\[7, с. 3\]](#).

Сравнение жанровых маркеров показало, что иерархия ВКП выполняла функцию правового семафора: адресат мгновенно считывал ранговую ценность текста и готовил соответствующий финансовый или ритуальный отклик. Через такую сигнальную систему государство оптимизировало коммуникацию с разнородными буддийскими субъектами — от монастырей-бенефициаров до сельских храмовых комитетов, сохраняя символический ресурс личного слова монарха [\[6, с. 4\]](#).

3. Динамика дипломатического формуляра и лексики

Раннесредневековый формуляр четырехчастного типа (преамбула — основное распоряжение — санкция — дата) при Динь и Ранних Ле был сжат и проникнут военной терминологией. Ли и Чан заменили военный пафос идеологемой «гармонии трех учений» (*Tam giáo đồng nguỵêp*), вводя в преамбулу буддийскую семантику каруны (*karuṇā*, « сострадание ») [\[1, с. 41; 5, с. 6742\]](#).

Поздние Ле, ориентированные на неоконфуцианский канон, сократили буддийскую лексику, заместив ее риторикой «почтания старших» и «выполнения чиновничего долга». Поворот сопровождался унификацией стиля: ввод «зеркальных» анкетных формул позволил департаментам легче индексировать указы в регистрациях столичного дворца [\[14, с. 91\]](#).

Нгуены добавили киноварные резолюции императора на полях, превратив документ в двусторонний диалог правителя и бюрократии. Расширение происходило синхронно с внедрением мокбан (mộc bǎn) — ксилографических матриц, благодаря которым орфография и терминология стали единообразными во всех провинциях [6, с. 4]. Лингвистическое насыщение буддийскими идиомами при Нгуенах парадоксально сочеталось со снижением реальной автономии Сангхи: государство использовало лексику милосердия для маскировки жесткого административного контроля.

4. Юридическая сила и адресационные круги

При династии Ли юридическая дееспособность чиев распространялась на всю территорию Дайвьета без дополнительной ратификации: храм, упомянутый в тексте, автоматически получал налоговый иммунитет и трудовые повинности населения [12, с. 115]. Поздние Ле потребовали от монастырей вторичного утверждения льгот в Министерстве ритов, что превращало сак в подзаконный акт, зависимый от гражданской администрации [14, с. 9].

Эволюция адресатов демонстрирует расширение радиуса контроля. Если ранние указы ориентировались на монастырские элиты, то Чан и Нгуен включили в адресную строку коммутативные структуры: деревенские советы, портовые управление, камеральные палаты. Тем самым буддизм втягивался в налоговую и судебную систему, что подтверждено делами Верховного суда о земельных конфликтах монастырей XIV в. [4, с. 131].

Рост «плотности» правового поля параллелен бюрократизации самих религиозных институтов: тип приказа определял имущественный статус адресата, а не сферу ритуальной деятельности. Такая трансформация закрепила за Сангхой статус полупубличного субъекта, обязав ее отвечать перед казнью и судебной властью наравне с мирскими корпорациями.

5. Регламентация Сангхи как корпоративного института

На основе 182 указов Минь Манга из фонда Чаубан (Châu bǎn) (1802–1840) удалось реконструировать трехуровневый механизм государственного контроля над Сангхой, описанный и в современной историографии: 1) ранговая сетка монашеского старшинства (tăng cương bậc); 2) ежегодные экзамены по Винае; 3) квартальные отчеты настоятелей о численности братии [16, с. 184]. Подобная вертикаль нивелировала традиционный принцип внутриобщинных выборов, закрепляя зависимость кадрового состава от двора.

В колониальную эпоху контроль ослаб под давлением французской администрации, однако в 1931 г. кабинет Аннама восстановил земельную отчетность пагод, демонстрируя возврат к модели жесткого мониторинга [2, с. 276]. Локальные исследования политики Нгуенских лордов в Коchinхине фиксируют сочетание контрольных механизмов с целевой налоговой льготой на строительные работы, что легитимировало Сангху как подрядчика инфраструктурных проектов [18, с. 60].

Результатом стала двойственная ситуация: монастырь оставался посредником в социальных услугах — медицине, образовании, благотворительности — одновременно теряя политическую субъектность. Двор использовал Сангху как распределительный канал милости, сохраняя возможность дисциплинарного воздействия через отзыв сак или снижение ранга настоятелю.

6. Финансово-хозяйственные режимы храмовых комплексов

Анализ указов Минь Манга о литье колоколов и резьбе статуй показал смешанную схему финансирования: казна выделяла драгоценные металлы, а торговая гильдия дополняла бюджет добровольными вкладами [8, с. 65]. Таким образом, государственный заказ соединялся с принципом дана (*dāna*, «дарение»), создавая пространство для общественной кооперации.

Полевые наблюдения прибрежных культов Центрального Вьетнама свидетельствуют о жизнеспособности прежних юридических титулов: доходы от поклонения духу Кита распределяются между монахами, рыбаками и сельскими кадрами согласно указам XVIII в. [13, с. 81]. Это подтверждает долговременный характер правовых норм, регулирующих религиозную экономику.

Диссертация о миссионерской сети Тран Нян Тонга показывает, что королевские субсидии на дороги и пристани трансформировали монастыри в логистические узлы, обеспечив им устойчивый денежный оборот [17, с. 56]. ВКП, таким образом, выступают юридическим эквивалентом инвестиционного контракта, связывая духовный капитал с материальной инфраструктурой государства.

7. Идеологические и риторические матрицы

Дискурс-анализ выявляет смену аргументации: при Ли сакральная легитимация строилась на «кармической защите державы», а в эпоху Нгуен на первый план выдвигается концепт «императорского долга» – заботы о «всеобщем благе», где категории милосердия переводятся из догматического поля в язык светской этики [9, с. 35]. В южновьетнамских текстах XVIII в. буддийская лексика сплавляется с янминской доктриной «исследования сердца-ума», образуя гибрид, адресованный купеческой прослойке, скептически настроенной к экзаменационной конфуцианской ортодоксии [11, с. 96].

Конфликт с католицизмом породил оборонительный дискурс «родной цивилизации», где буддизм маркируется как символ культурного суверенитета. Эдикт 1712 г. о татуировке лиц католиков демонстрирует соединение ритуального наказания с государственной карой и подчеркивает роль ВКП как инструмента символического насилия [10, с. 16]. Таким образом, идеологическая рамка указов трансформировалась от сакрального протектората к рационализированному государственному гуманизму, сохраняя буддийские образы в качестве легитимирующей оболочки.

8. Источниковедческий потенциал и критические ограничения

Сопоставление оцифрованного корпуса Чаубан (*Châu bǎn*) с «Imperial Records» дало 94 % совпадения дат и адресатов, подтверждая репрезентативность фонда [6, с. 7]. При этом 61 % листов сохранились без приложенных прошений, что осложняет реконструкцию первоначального контекста [7, с. 11]. Ханеванская графика, обилие шаблонных формул и редких буддийских идиом требуют участия языкоznания; использование глоссария, составленного по методике DLIFLC, снижает риск терминологическихискажений [3, с. 52].

Максимальная информативность корпуса достигается при соединении дипломатической критики с социально-антропологическими данными: анализ формуляров без полевой

проверки ведет к схематизму, так же как этнография без корреляции с указами романтизирует автономию Сангхи. Итогом должно стать комплексное досье, где каждый документ сопоставляется с ритуальной практикой, экономической статистикой и локальной устной традицией.

Таким образом, совокупный анализ всех восьми тематических блоков показывает, что ВКП — от раннесредневековых чиеу до киноварных резолюций Чаубан (*Châu bǎn*) — не только отражают смену идеологий и административных технологий, но и задают долговременную матрицу «патронаж ↔ надзор», в которой буддийская Сангха последовательно трансформируется из адресата милостивых пожалований в партнера-подконтрольного налогово-правовой системе. Выявленные закономерности завершают поставленные в работе задачи: уточнена жанровая типология, прослежена эволюция формуляра, показаны механизмы регламентации Сангхи и храмовой экономики, обрисованы риторические стратегии власти и ограничительные рамки источниковедческого корпуса.

Заключение

Сформированный в ходе исследования мультислойный портрет жанра «Высшие королевские постановления» позволяет рассматривать его как своеобразную «правовую мембрану», через которую менялись и циркулировали базовые политico-религиозные смыслы Дайвьета. Диахронный анализ показал: изменение дипломатической формы указа синхронно сдвигам во властной идеологии, но в каждом случае сохранялся инвариантный буддийский тезаурус, служивший нравственным маркером легитимности. На раннесредневековой стадии буддийское «сострадание» (*каруна, karuṇā*) задавало тон сакрального патронажа, при Поздних Ле тот же термин функционировал уже как этический аргумент укрепления общественного порядка, а в эпоху Нгуен окончательно превратился в риторику государственного гуманизма. Отсюда вытекает первый итог: ВКП демонстрируют устойчивость буддийской лексики при радикальной смене политических парадигм, что позволяет использовать их как индикатор глубинных культурных констант.

Второй, методологический, результат касается корреляции жанровой стратификации и степени административного контроля. Структура «чиеу — сак — зы — лень» фиксировала масштабы императорского волеизъявления и одновременно маркировала правовой статус адресата. Сопоставление указных форм с данными судебных регистров показало: переход от манифеста к директиве сопровождался ростом налоговой и судебной вовлеченности Сангхи. Таким образом, сама дипломатика являлась инструментом конструирования социальных иерархий, а не простым канцелярским ритуалом. Предложенная типология жанров, основанная на валентности «патронаж ↔ надзор», позволяет экстраполировать модель на другие монархии Восточной Азии, где идентичные механизмы сочетали духовную легитимацию с фискальной дисциплиной.

Третий итог лежит в плоскости источниковедения. Оцифрованный массив Чаубан подтвердил высокую аутентичность поздних ВКП, однако выявил разрыв между сохранившимися резолюциями и утраченной входящей корреспонденцией: около 60 % документов лишины контекстуальных приложений [7, с. 11]. Такая «полая» структура архива диктует необходимость комбинирования дипломатической критики с полевой этнографией и экономической статистикой. Разработанный в работе алгоритм сквозного сопоставления актов, эпиграфики и локальных опросов создает репрезентативную матрицу, минимизирующую риски гипер-интерпретации и архивного формализма. Именно здесь выявлена методическая новизна: применение критического дискурс-анализа к нормативному материалу позволило выйти за рамки традиционного текстологического

комментария и проследить риторические стратегии власти на разных уровнях циркуляции документа.

Четвертый вывод связан с практико-ориентированным потенциалом. Фиксация в указах имущественных льгот, режимов земли и статуса монахов легитимирует современные правовые претензии буддийских организаций, которые продолжают ссылаться на прецеденты Минь Манга. Показано, что актуальные договоры о передаче храмовых участков нередко репродуцируют формулы сак и зы, что подчеркивает преемственность нормативного стиля и необходимость историко-правовой экспертизы проектов реставрации. Создание цифровой полнотекстовой базы ВКП, рекомендованное в работе, способно стать инструментом перевода наследия из статуса «культурного капитала» в юридически значимый ресурс, востребованный как религиоведами, так и практикующими юристами.

Наконец, исследование обнаружило естественные ограничения. Хронологический разрыв между ранними летописными пересказами и поздними автографами оставляет без прямой документальной опоры эпоху Поздних Ле, а экзегетическая перегрузка буддийскими идиомами требует постоянной лингвистической валидации. В дальнейшем исследования могут расширить предложенную модель до общеазиатского масштаба. Планируемая кандидатская диссертация на тему «Высшие королевские постановления как источники по изучению буддизма Таиланда» откроет новые перспективы для разных аспектов анализа, что позволит более глубоко понять трансграничную динамику буддийского права в странах Восточной и Юго-Восточной Азии.

Библиография

1. Buddhist Approaches to Human Rights: Dissonances and Resonances / ed. by C. Meinert, H.-B. Zöllner. – Bielefeld : Transcript Verlag, 2010. – 248 p. – (Being Human: Caught in the Web of Cultures – Humanism in the Age of Globalization). – ISBN 978-3-8376-1263-9.
2. Bui N. S. Governing Buddhism in Vietnam // Buddhism and Comparative Constitutional Law / ed. by T. Ginsburg, B. Schonthal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – (Comparative Constitutional Law and Policy). – P. 272-284.
3. Cultural Orientation. Vietnamese / Defense Language Institute Foreign Language Center. – Monterey, CA : DLIFLC, 2019. – 157 p. – ISBN 978-1-950671-05-8.
4. Gillespie J. Human Rights as a Larger Loyalty: The Evolution of Religious Freedom in Vietnam // Harvard Human Rights Journal. – 2014. – Vol. 27. – P. 107-149.
5. Le Chi Luc. Vietnamese Buddhism: Influence of Buddhist Culture in Vietnam during Lý-Trần Dynasty (1009-1400 AD) // International Journal of Current Research. – 2019. – Vol. 11, № 8. – P. 6742-6746.
6. National Archives of Vietnam / UNESCO. Imperial Archives of the Nguyen Dynasty (1802-1945) : Memory of the World nomination file. – [Б. м.], 2017. – 10 p. – URL: https://media.unesco.org/sites/default/files/webform/mow001/vietnam_nguyen_en.pdf (дата обращения: 28.05.2025).
7. National Archives of Vietnam / UNESCO. Imperial Records of the Nguyen Dynasty (1802-1945) : Memory of the World nomination file. – [Б. м.], 2014. – 17 p. – URL: <https://www.mowcapunesco.org/wp-content/uploads/Imperial-Records-of-Nguyen-Dynasty-1802---1945-Vietnam2014.doc.pdf> (дата обращения: 28.05.2025).
8. Nguyen Duy Phuong. Contribution of Buddhism in Minh Mang Period to the National Artistic Culture // UED Journal of Social Sciences, Humanities and Education. – 2017. – Vol. 7, № 2. – P. 63-67. – DOI: 10.47393/jshe.v7i2.769. (на вьетн. яз.)
9. Nguyen L. T. New Buddhist Movements and the Construction of Mythos: The Trúc Lâm Thiền Sect in Late 20th Century Vietnam : PhD thesis in Religious Studies. – Rosemead, CA

- : University of the West, 2019. – 201 p.
10. Nguyen Quang Hung, Nguyen Dinh Lam. Cultural-Religious Dimensions of the 'Ritual Issue' in Pre-Colonial Vietnamese and Western Interactions // Manusya: Journal of Humanities. – 2024. – Vol. 27, № 1. – P. 1-23.
11. Nguyen T. N., Nguyen P. T. Philosophical Transmission and Contestation: The Impact of Qing Confucianism in Southern Vietnam // Asian Studies. – Ljubljana : Department of Asian Studies, University of Ljubljana, 2020. – Vol. 8, № 2. – P. 79-112. – DOI: 10.4312/as.2020.8.2.
12. Nguyen Tai Thu, ed. The History of Buddhism in Vietnam. – Washington, DC : Council for Research in Values and Philosophy, 2008. – 363 p. – (Series IIID-5).
13. Roszko E. Fishers, Monks and Cadres: Navigating State, Religion and the South China Sea in Central Vietnam. – Honolulu : University of Hawai'i Press ; Copenhagen : NIAS Press, 2020. – 260 p. – ISBN 978-0-82489-118-3.
14. Ta Van Tai. Buddhism and Human Rights in Traditional Vietnam // Review of Vietnamese Studies. – 2004-2005. – P. 1-21.
15. Taylor K. W. What Lies Behind the Earliest Story of Buddhism in Ancient Vietnam // The Journal of Asian Studies. – 2018. – Vol. 77, № 1. – P. 107-122.
16. Thich Nhat Tu, ed. Buddhism in Vietnam: History, Traditions and Society. – Ho Chi Minh City : Vietnam Buddhist University ; Religion Publisher, 2019. – 326 p. – ISBN 9786046162704.
17. Truong T. T. An Analytical Study of the Role and Influence of the Great King Zen Master Trần Nhân Tông in Propagating Zen Buddhism in Vietnam : MA thesis in Buddhist Studies. – Bangkok : Mahachulalongkornrajavidyalaya University, 2021. – 125 p.
18. Truong Thuy Trinh. Nguyen Lords' Policies on Buddhism in Cochinchina, 1558-1777 // Religious Studies Review (Vietnam). – 2019. – № 1-2. – P. 53-71.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Исследование посвящено анализу корпуса «Высших королевских постановлений» (ВКП) Вьетнама как источника по истории буддизма. Автор рассматривает эволюцию этих документов с XI по XX вв., уделяя внимание их роли в регулировании отношений между государством и буддийской Сангхой. Основной фокус направлен на то, как буддийские концепции (каруна, дана, Виная) интегрировались в правовые нормы и использовались для легитимации власти.

Работа основана на комплексном подходе, сочетающем элементы исторического, правового, филологического исследования с применением методов текстологического, историко-правового, дискурс-анализа, разбора жанровых особенностей ВКП. Междисциплинарный подход позволил автору проследить трансформацию ВКП в контексте политических и культурных изменений, происходивших на территории Вьетнама в XI-XX вв.

Актуальность исследования обусловлена тем, что ВКП остаются малоизученным источником, особенно в российском востоковедении. Кроме того, современные буддийские организации Вьетнама продолжают ссылаться на указы эпохи Нгуен в имущественных и правовых вопросах, что усиливает актуальность исследования. В целом работа вносит вклад в изучение буддийского права, истории государственного управления и культурной политики в Юго-Восточной Азии.

Научная новизна выражена тем, что автор предлагает первую в российской

историографии систематизацию ВКП как источника по буддизму и типологию жанров ВКП (чиеу, сак, зы, лень) с учетом их юридической силы и адресатов. Впервые проводится анализ формуляров в динамике от династии Ли до Нгуен с применением методики комбинированного исследования, объединяющего анализ архивных источников с данными с этнографии и экономической статистики. В результате автор выявил феномен долговременного влияния буддийской риторики на государственную легитимацию.

Работа отличается логичным построением. В то же время в тексте есть несколько признаков, которые могут указывать на использование искусственного интеллекта (ИИ) при его создании. Излишняя фрагментация текста в виде пронумерованных тезисов, суть которых кратко излагается, но не получает развернутого описания. Некоторые формулировки повторяются («комплексный подход», «междисциплинарный потенциал»), что типично для ИИ-текстов. Анализ источников и методологии выглядит формальным, без собственной критической оценки. Выводы стандартны («важный вклад», «актуальность темы»), но не содержат уникальных инсайтов. Главный недостаток – отсутствие личного стиля и авторской позиции. Текст нейтрален, нет авторских оценок, полемики или оригинальных интерпретаций, пусть даже неверных или ошибочных. Нет ссылок на личный исследовательский опыт или полевые материалы автора (ПМА).

Список источников включает архивные материалы (Чаубан, Memory of the World), публикации по истории вьетнамского буддизма (Nguyen Tai Thu, Thich Nhat Tu), по правовым и религиоведческим проблемам (Bui N. S., Taylor K. W.). Доля ссылок на новейшие публикации составляет 55%. Но обращает на себя внимание отсутствие ссылок на российские исследования по буддизму в Юго-Восточной Азии (Поляков А.Б. Роль буддизма в политической жизни Вьетнама при первых независимых вьетских династиях (последняя треть X - начало XI вв.) // Вьетнамские исследования. - 2012. - № 2. - С. 184-197; Кнорозова Е.Ю. Буддизм и ранние вьетнамские библиотеки // Петербургская библиотечная школа. - 2017. - № 1 (57). - С. 131-137; Нижников С. А. Изучение буддизма во Вьетнаме (по российским и вьетнамским источникам) // Вестник Калмыцкого университета. - 2020. - № 1(45). - С. 106-113; Май К. Д. Различные аспекты процесса культурной интеграции протестантизм во Вьетнаме (на примере вьетнамского буддизма и Библии) // Вестник науки и образования. - 2023. - № 2(133). - С. 102-108 и др.).

Апеллируя к оппонентам, автор отмечает "риск гипертрофированной интерпретации" буддийских элементов в конфуцианских текстах и предлагает комплексную методику, сочетающую текстологию, полевые исследования и сравнительный анализ.

Исследование демонстрирует, что ВКП служили инструментом легитимации власти через буддийскую риторику, были, с одной стороны, инструментом контроля над Сангхой (от налоговых льгот до экзаменов по Винае), с другой – связующим звеном между государством и обществом.

Статья будет интересна историкам, религиоведам, юристам, изучающим историю Вьетнама, буддизм, взаимодействие религии и власти, прецедентное право в Азии.

В целом статья имеет научную значимость, может быть рекомендована к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пхунтхасан П. «Высшие королевские постановления» Индонезии VII–XVI вв. как источник по истории буддийских практик архипелага // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74711 EDN: EMXPOL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74711

«Высшие королевские постановления» Индонезии VII–XVI вв. как источник по истории буддийских практик архипелага

Пхунтхасан Пхра Парон

ORCID: 0009-0006-8479-7070

аспирант; Восточный институт; Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

670000, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Советский р-н, ул. Смолина, д. 24а

✉ peter.ppj.cloud.01@gmail.com

[Статья из рубрики "Историография и источниковедение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74711

EDN:

EMXPOL

Дата направления статьи в редакцию:

05-06-2025

Аннотация: Корпус «Высших королевских постановлений» (ВКП) Индонезии VII–XVI вв. рассматривается как первоисточник по социально-экономической и религиозной истории архипелага. Анализируются тексты, фиксирующие дарование земель, налоговые льготы, судебные решения и ритуалы сакрализации власти. Исследование охватывает многоязычные памятники на санскрите, древнемалайском, древнеяванском и древнебалийском языках, выгравированные на камне и металле, что позволяет проследить трансформацию дипломатического канона, эволюцию буддийского дискурса и региональные особенности государственно-правовой практики. Особое внимание уделяется взаимосвязи юридического содержания с космологическими представлениями монархии и роли ВКП в формировании устойчивой ресурсной базы храмов, монастырей и образовательных центров. Такой подход выявляет механизмы интеграции буддийской этики в правовое пространство и демонстрирует, как эпиграфика служила инструментом легитимации власти, управления земельными фондами и регулирования религиозной среды. Анализ опирается исключительно на рецензированные академические издания

ВКП; применены формулярно-дипломатический и историко-филологический методы, критический дискурс-анализ ритуальных формул, правовая герменевтика и межиздательская сверка датировок, топонимов и терминологии. В данной работе впервые представлена целостная типология ВКП, включающая прасти, джаяпаттра и сима-грамоты, показана их функциональная комплементарность в управлении землей и религиозными институтами. Установлена трехфазная эволюция формуляра: от раннего санкционного стиля Шривиджай через риторически насыщенный этап Центральной Явы к юридически сокращенному синкетизму эпохи Маджапахита. Установлено, что по мере редукции проклятий усиливался тантрический блок инвокаций и последовательно упорядочивались фискальные предписания, что свидетельствует о возрастании правовой компетенции административного аппарата. Продемонстрирована роль медных грамот как мобильного носителя коллективной памяти, обеспечивавшего преемственность правовых норм при смене династий. Показано, что ВКП сформировали устойчивый идеологический архетип «царя-защитника Дхаммы», актуальный для современных буддийских организаций Индонезии.

Ключевые слова:

Высшие королевские постановления, эпиграфика, Индонезия, прасти, буддизм, Сангха, источниковедение, религиоведение, буддология, ритуалы

Изучение истории буддизма в Индонезии основывается главным образом на корпусе эпиграфических памятников, традиционно обозначаемых как «прасти» (*praśasti*, प्रशस्ति, ‘похвальная дарственная надпись’). В индонезийских методических материалах подчеркивается, что прасти «merupakan dokumen resmi yang dikeluarkan oleh seorang raja», то-есть официальный акт, исходящий непосредственно от монарха [6]. Под данным термином понимаются официально санкционированные королевские документы, высеченные на камне либо выгравированные на медных, бронзовых или золотых пластинах; наиболее ранние из них датируются VII в. н. э. и отличаются четкой юридико-ритуальной формулой [1, с. 484]. В рамках настоящего исследования такие тексты трактуются как «Высшие королевские постановления» (далее — ВКП) — публичные акты монарха, подтверждающие дарование земель (*sīmā*), установление налоговых льгот, строительство буддийских храмов и монастырей либо регламентирующие иные аспекты религиозной и административной жизни государства.

Материал прасти многоязычен: помимо санскрита встречаются древнемалайский, древнеяванский и древнебалийский языки, фиксированные письмом паллава, пранагари и кави [1, с. 483]. Термин «прасти» (*praśasti*, प्रशस्ति) обозначает «похвальную (дарственную) надпись», что соответствует индологической и индонезийской терминологии [1, с. 475]. В шривиджайских памятниках задокументирован старомалайский язык, записанный паллавским шрифтом, что указывает на раннее освоение индийских культурных моделей на Суматре. Прасти представляют для археолога и источниковеда ценность точными датами, топонимами и титулатурой, позволяющими реконструировать политическую и социально-экономическую карту архипелага; религиовед извлекает из них сведения о культурах, пантеоне, структуре Сангхи и формах королевского патронажа [13, с. 80–83].

Раннее распространение буддизма фиксируется уже в надписях Кедукан-Букит (682 г.) и Таланг-Туо (684 г.), содержащих термины «ратнатрая» (*ratnatraya*), «пранидхана»

(*pranidhāna*) и «ваджрасарира» (*vajrasarīra*), указывающие на махаянско-тантрические доктрины [4, с. 2]. Последовавшие за ними ВКП Шривиджайи, династии Шайлendra и Восточного Матарама демонстрируют устойчивую практику сакрализации власти через поддержание монастырей и присвоение беспошлинных земель, что одновременно укрепляло международные контакты с Индией и Китаем — ведущими центрами буддизма того времени [20, с. 20].

В историографии королевских надписей Индонезии принято выделять несколько опорных государств: ранние образования Кутай и Таруманагара, морскую империю Шривиджая (VII–XIII вв.), центрально-яванскую династию Шайлendra и государство Матарам (VIII–X вв.), а также позднесредневековые центры Кедири, Сингхасари и Маджапахит (X–XVI вв.).

При этом ВКП этих периодов демонстрируют поступательное усложнение формуляра: от кратких дарственных актов до развернутых правовых кодексов, где буддийская лексика сочетается с нормами хозяйственного регулирования. Поддержка храмового строительства, предоставление налоговых льгот и публичные обращения к Будде либо бодхисаттвам функционировали как средства легитимации власти и внутренней консолидации общества, одновременно выполняя дипломатическую роль, укреплявшую престиж государств на «морском шелковом пути» [9, с. 12].

Следует отметить, что современный индонезийский термин «командо кераджан» (*komando kerajaan*) буквально означает «королевское командование», однако в эпиграфических памятниках — от прашисти Шривиджая VII в. до надписей Маджапахита XV в. — такое словосочетание не встречается. В тексте Таланг-Туо 684 г. зафиксирована формула «*atas perintah Dapunta Hyang Sri Jayanasa*», где воля государя выражена словом «перинтах» (*perintah*, приказ) [13, с. 80–83]. Та же лексема, а также «титах» (*titah*) и санскритизированные формы «аджня» (*ājñā*) либо «шасана» (*śāsana*) повторяются в более поздних надписях. Исследователи южносуматранского корпуса напрямую переводят перинтах как «повеление царя» [17, с. 165–168]. Отсутствие слова командо до исламского периода и его происхождение от нидерландского «commando» указывают на колониально-новоевропейскую природу выражения «командо кераджан», неприемлемую для характеристики Высших королевских постановлений.

Таким образом, ВКП выступают незаменимым источником для изучения буддийской истории Индонезии: они фиксируют конкретные механизмы взаимодействия религии и власти, отражают динамику международных связей и позволяют проследить, как через эпиграфический дискурс буддизм приобретал статус универсальной идеологии, укреплявшей как престиж правителя, так и целостность многоэтничного архипелага.

Цель данной работы состоит в том, чтобы проследить во времени и пространстве трансформацию жанра «Высшие королевские постановления» Индонезии периода VII–XVI вв. и определить, какие параметры этих документов позволяют реконструировать историю буддизма архипелага.

Для достижения указанной цели сформулирован следующий круг **задач**, реализуемых поэтапно:

- 1 . Систематизировать доступный корпус опубликованных ВКП, уточнив датировку, региональную атрибуцию и актуальные научные рецензии.
- 2 . Охарактеризовать формулярно-дипломатические особенности основных поджанров

жанра (прашасти, джаяпатты, сима-грамоты) и проследить динамику их трансформации во временном разрезе.

3. Выявить и классифицировать буддийскую терминологию, доктринальные и ритуальные элементы, отраженные в ВКП, принимая во внимание языковую адаптацию санскрита, древнеяванского и древнемалайского.

4. Проанализировать модели королевского патронажа Сангхи, монастырей и культовых сооружений, зафиксированные в текстах, и определить их социально-политические функции в структуре индонезийских государств.

5 . Оценить вклад ВКП в формирование синкетической религиозной модели шива-буддизма и обозначить значение жанра как первоисточника для исторических, источниковедческих и религиоведческих дисциплин.

Методологическая стратегия исследования целиком опирается на кабинетное изучение уже опубликованных и прошедших научное рецензирование работ, перечисленных в разделе «Библиография». Первичные императорские указы, надписи и правовые своды изучаются исключительно по тем академическим изданиям, где они уже подвергнуты профессиональной транскрипции и источниковедческой критике.

Аналитический инструментарий включает: 1) глубокий анализ источников — последовательную проверку фактуры, датировок и терминологии в сопоставлении между различными публикациями; 2) исторический анализ для реконструкции динамики жанра и его социально-политического контекста; 3) социально-культурный анализ, позволяющий проследить роль указов в жизни буддийских общин; 4) политico-правовой анализ, направленный на выявление механизмов королевского патронажа и нормативных функций текста; 5) критический дискурс-анализ формулярных и риторических формул как средства идеологической коммуникации.

В российском академическом контексте **научная новизна** статьи выражается в трех уточняющих положениях. Во-первых, предлагается целостная типология «Высших королевских постановлений» (прашасти, джаяпатта, сима-грамоты) и обосновывается их взаимодополняющая роль в регулировании земельных и религиозных отношений. Во-вторых, обоснована трёхступенчатая трансформация формуляра: от санкционно-апотропейской модели ранней Шривиджай через риторически развернутый центрально-яванский этап к юридически лаконичному синкетизму Маджапахита. Во-третьих, показана тесная корреляция указанных структурных сдвигов с изменением схем королевского патронажа сангхи и последовательной эволюцией буддийских практик архипелага.

Обзор источников

Исследования о «Высших королевских постановлениях» (ВКП) базируются на пяти взаимодополняющих блоках: теория сакральной власти, публикации эпиграфики, археологические отчеты, работы о трансрегиональных связях и новейшая история буддизма. При этом проект «DHARMA» (The Domestication of "Hindu" Asceticism and the Religious Making of South and Southeast Asia) создает открытый репозиторий надписей с едиными метаданными и ГИС-модулем; включение описаний ВКП в эту платформу стандартизирует терминологию, облегчает проверку датировок и сопоставление индонезийских данных с материалами других стран ЮВА, повышая воспроизводимость дальнейших исследований [\[3\]](#).

1. Теоретическая рамка космологии и института царской власти

Р. фон Хайне-Гельдерн сформулировал представление о юго-восточноазиатском государстве как «уменьшенной копии Вселенной», в которой монарх действует осью мироздания, а гора Меру воплощается в архитектуре дворцов и святыни [5, с. 3]. Прашасти (*prāśasti*, घर्षण, «хвала») и храмовые комплексы осознавались современниками как ритуальные механизмы поддержания космического порядка: текст фиксировал жертвенную заслугу, сооружение служило зримым образом мироустройства. Описанная модель объясняет сакрализацию власти и придает «Высшим королевским постановлениям» двойной статус — юридического документа и космологического акта.

2. Корпус источников Центральной Явы IX в.

А. Акри показал, как санскритские хвалебные формулы трансформировались в стихотворные старояванские указы, сопоставив каккавин «Рамаяна» с надписью Шивагрха 856 г. [1, с. 483]. Н. Сурпи в двух статьях проанализировал храм Шивагрха: первую — с точки зрения архитектурного воплощения индуистской теологии [16, с. 112], вторую — как свидетельство религиозной гармонии, отраженной и в эпиграфике, и в нынешнем шествии «Хармони-уок», которое соединяет Прамбанан и Чанди Севу, воспроизводит древнюю сакральную ось и иллюстрирует девиз «*Bhinneka Tunggal Ika*» [15, с. 29–30].

3. Тантрический поворот и трансрегиональные контакты XIII в.

Статья А. Акри и А. Венты раскрыла тантрическую программу царя Крытанагары и показала, что портретные статуи служили наглядными указами о сакральности правителя [2, с. 15]. Т. Харьюно проследил становление тантрического буддизма на Суматре, сопоставив эпиграфику Шривиджай и археологию Паданг-Лаваса [4, с. 4]. А. О. Захаров, переосмысливая династию Шайлендра, связал яванские указные формулы с дипломатическими браками и военными кампаниями VIII–IX вв., расширив хронологию и географию ВКП [20, с. 15].

4 Экономика, ландшафт и социальная ткань Шривиджай

П.-И. Манген доказал, что надпись «Бхакти» (*bhakti*) фиксировала сетевую, а не территориальную модель власти Шривиджай [7, с. 92]. Экологическое измерение царских указов раскрыто в анализе надписи Таланг-Туо С. Сирегара, показавшем ее как ранний «экологический указ» о создании парка *Srīkṣetra* [13, с. 82]. Исследования Р. А. Сапутро и Л. Р. Сусанти переносят внимание на материальное наследие в Палембанге и деревнях дельты Леманг; авторы вводят понятие «деревенской прашасти» для безнадписных пограничных меток, репрезентирующих микро-уровень ВКП [12, с. 10583; 17, с. 165].

5. Институционализация синкрезизма в эпоху Маджапахита

Р. Н. Марсоно и Н. Рахаю описали сеть «кадэвагуруан» (*kadewaguruan*, 'придворная школа наставников'), функционировавшую как образовательную инфраструктуру двора и обеспечивавшую практическую реализацию доктрины «Шива-Будда» (*Siva-Buddha*) [8, с. 8]. Д. Й. Вахьюди и А. А. Муандар, обобщив 37 прашасти XIV–XV вв., показали юридическое закрепление формулы «шива-будда стхана» (*Siva-Buddha sthāna*, 'святилище Шивы-Будды') и включение храмового налога «сапта пада» (*sapta pāda*, 'семичастный сбор') в финансовый механизм ВКП [18, с. 108].

6. Сопоставительные перспективы ЮВА

Дж. Н. Миксик представил макро-историческую картину конкуренции и кооперации буддизма и шиваизма, подчеркнув отсутствие религиозных войн и распространение параллельных мемориальных храмов [9, с. 4]. Н. Ревир предложил концепт «ритуальной экономики» в низовьях Меконга, где медальоны с формулой «рируя» функционировали так же, как яванские медные грамоты [11, с. 402].

7. Новейшая трансформация буддийской политики

Э. Р. Путра проанализировал вызовы буддизма в мусульманском обществе и показал, что современная стратегия «социально ангажированного буддизма» продолжает этическую линию древних постановлений [10, с. 14]. К. Стенбринк раскрыл механизмы государственного признания буддизма через институт WALUBI и реставрацию Боробудура [14, с. 14]. Ю. Юлианти проследила эволюцию буддийских организаций с 1900 по 1959 гг., указав на континуитет формулы лояльности государству, восходящей к бхакти-прашasti Шривиджай [19, с. 8].

Таким образом, анализ представленных работ показывает широкий тематический и методологический спектр современной науки о ВКП Индонезии. Теоретические конструкции о космологическом характере власти сочетаются с точечными археологическими наблюдениями; региональные исследования Явы и Суматры дополняются сравнительными изысканиями по материковой Юго-Восточной Азии; наконец, продолжение древних моделей прослеживается в колониальном и постколониальном праве. Совокупность источников демонстрирует поступательное движение от текстовых прашasti к многоформатным визуальным, архитектурным и организационным носителям королевских указов, что позволяет всесторонне осветить роль ВКП в истории буддизма архипелага.

Результаты и обсуждение

1. Определение «Высших королевских постановлений» в индонезийском эпиграфическом контексте

Под термином «Высшие королевские постановления» (далее — ВКП) понимается совокупность нормативно-ритуальных текстов, исходивших непосредственно от монарха и фиксированных на долговечных носителях. Ключевое назначение ВКП — юридическое удостоверение актов, затрагивающих владение землей, налогообложение, административное устройство, религиозные привилегии и протокол сакрализации власти. Стандартный формуляр состоит из шести структурных блоков: инвокация-благопожелание, регалии и титулatura правителя, датировочная формула, диспозитив с изложением решения, санкция-проклятие, заверительная часть с перечнем свидетелей.

2. Общее представление о эволюции жанра «Высшие королевские постановления»

Динамика формуляра позволяет выделить три длинных цикла. Паллаво-шривиджайский период (VII–VIII вв.) демонстрирует лапидарный диспозитив и гипертрофированные санкции. Проклятия, обращенные к потенциальным нарушителям, описывают небесные кары, болезни, потерю социального статуса и крушение кораблей, что отражает образ мышления торгово-морского центра Суматры. Центрально-яванский этап (IX–X вв.) приносит усложнение пролога: поэтические обращения к бодхисаттвам, развернутые

генеалогические списки и ссылки на мифическую топонимику. Диспозитив расширяется, включая детальное перечисление урожайных культур, технологических ресурсов и конкретные повинности, от которых освобождаются жители пожалованной земли. Восточнояванский цикл (XIII–XVI вв.) знаменует переход к синтезу шива-будда; религиозная санкция укорочена, однако инвокация насыщается тантрическими божествами, а диспозитив получает форму краткого правового резюме с отсылкой к ранее выданным грамотам. Через механизм переиздания древних документов фиксируется преемственность собственности и легитимность династии. Структурная эволюция отражает формирование более сложных механизмов фискального управления, изменение модели монаршей харизмы и рост юридической грамотности административных корпусов.

3. Природа и ранние проявления королевских указов в Индонезии Формирование жанра ВКП происходило в среде интенсивного культурного обмена между Южной и Юго-Восточной Азией, когда морские маршруты соединяли Бенгальский залив, Малаккский пролив и архипелаг. Индийская эпиграфическая традиция, где хвалебно-дарственные прашасти (*praśasti*, प्रशस्ति) уже обладали устоявшимся формуляром, послужила источником образцов и терминологии. На индонезийской почве заимствованный канон подвергался селективной переработке: сохранились принципы сакрализации власти, однако композиция текста подстраивалась под местное политическое устройство и поликонфессиональный ландшафт.

Материальные носители и их социокультурная роль

Первые индонезийские ВКП высекались на каменных стелах из андезита или гранита. Установка таких монументов на границах поселений и вдоль водных путей выполняла сразу две функции: юридическую (фиксировались полномочия правителя) и зримо-ритуальную (каменно-скulptурная форма маркировала священное пространство). Начало VIII в. знаменует расширение репертуара носителей: медные пластины (*tāmrapatra*, ताम्रपत्र) становятся переносным аналогом стелы. Хранение пластин у бенефициаров требовало соблюдения особых обрядов их «оживления» через рецитацию инвокаций и периодическое переосвящение, поэтому документ включался в ритуальный цикл общины. От этого момента текст перестает быть чисто визуальным артефактом и превращается в инструмент длительной административной памяти: каждое обновление власти сопровождалось предъявлением медной грамоты чиновникам дворца.

Типология функций и содержания

ВКП представляют собой семейство монарших документов, внутри которого формируются и устойчиво функционируют несколько взаимодополняющих разновидностей, отличающихся как формальными параметрами, так и институциональной ролью. В жанровом отношении корпус распадается на три ключевые категории. Во-первых, прашасти (*praśasti*, प्रशस्ति) — хвалебно-дарственные грамоты, утверждающие пожертвования земель, работников и налоговых доходов религиозным центрам; здесь юридическая диспозиция подчеркивается панегирической риторикой, сакрализующей волю правителя. Во-вторых, джаяпаттра (*jayapattra*, जयपत्र) — судебно-административные указы, фиксирующие решения арбитражей, освобождение общин от повинностей и разграничение компетенций между местными вождями (дата) и царской канцелярией; их содержание демонстрирует наличие разветвленной нормативной системы. В-третьих, грамоты о земельном наделении «сима» (*sīma*, सीमा) — регламентируют налоговый иммунитет и устанавливают охраняемые границы участков, предназначенных для храмов и монастырей, тем самым формируя экономические основы религиозных институтов.

С функционально-семантической точки зрения упомянутые жанры охватывают четыре доминирующих типа постановлений: 1) хвалебно-дарственные акты, 2) юридические решения категории джаяпаттра, 3) учредительные симы, 4) мемориальные грамоты, посвященные основаниям поселений, военным экспедициям и созданию общественных парков, заявленных как деяния «ради блага всех существ». Каждый тип выстраивает собственную конфигурацию формулярных блоков, однако инвариантным элементом всех ВКП остается санкция-проклятие, придающая тексту сакрально-карательное измерение.

Важно подчеркнуть, что функционирование указанных разновидностей основано на синтезе юриспруденции, ритуала и политической коммуникации. Юридический текст неизменно сопровождается публичным оглашением, коллективным принесением клятвы и помещением носителя (каменной стелы либо медной пластины) в сакральном пространстве. Тем самым нормативное решение интегрируется в космологическую модель государства, а акт монарха получает мистическую защиту, обеспечивающую долговременную легитимность как самого постановления, так и политической системы, его породившей.

Языковая и палеографическая адаптация

Древнемалайский язык выступал посредником между санскритской правовой лексикой и местной фонетической системой. Лексемы бодхичитта (*bodhicittā*, बोधिचित्त), триаратна (*triratna*, त्रिरत्न) и ваджрашарира (*vajraśarīra*, वज्रशरीर) подвергались графической нормализации под паллавский шрифт, в результате чего возникали формы *buddhicitta*, *triratna*, *vajraśarīra*. Двуязычные записи, где санскрит исполнял роль ритуального регистра, а древнемалайский — административного, демонстрируют раннюю модель функциональной билингвальности.

Письмо паллава сохраняло орнаментальные элементы, однако ряд диакритических знаков упрощался, что облегчало чтение неиндийскими писцами. Расширение внутреннего рынка грамотности привело к появлению смешанных графических комплексов, где паллавское начертание соседствовало с локальными курсивами — предшественниками кави.

Формуляр и астрономическая точность датировки

Формуляр ранних ВКП организован по шестичленной модели, заимствованной из индийской дипломатической традиции и детально адаптированной к условиям архипелага. Пролог открывает инвокация-благопожелание Шриватсалабха (*śrīvatsalābha*, श्रीवत्सलाभ), как правило начинаемая формулой «свasti шри» (*svasti śrī*, स्वस्ति श्री), задающей сакрально-благоприятный тон всему документу. За инвокацией следует развернутый раздел Раджа-прашasti (*rāja-praśasti*, राज-प्रशस्ति), где в поэтизованных эпитетах и регалиях конструируется божественный статус монарха, подчеркивающий его право издавать постановления, обязательные не только для подданных, но и для местных божеств-охранителей.

Третий блок — Кала-нирдеша (*kāla-nirdeśa*, काल-निर्देश) — фиксирует дату по эре Шака с предельной астрономической точностью: указываются лунный день (тити), месяц, созвездие (накшатра), йога и карана. Такая детализация одновременно подтверждает подлинность указа и позволяет современным исследователям безошибочно соотнести индийскую и местную системы летоисчисления. Четвертый раздел, Вьявастха-вакья (*vyavasthā-vākyā*, व्यवस्था-वाक्या), содержит собственно диспозитив: формулируется решение, очерчиваются границы земли или определяются размеры повинностей, перечисляются льготы и иммунитеты.

Санкционная часть Данда-шапа (*daṇḍa-sāpa*, දංජ-්සප) описывает кару, ожидающую нарушителей. Формула обычно соединяет угрозы земного наказания административными органами с перспективой загробного возмездия, тем самым интегрируя юридическую норму в космологическую картину мира. Завершается документ разделом Сакшинам-нивеша (*sākṣinām-niveśa*, සාක්ෂී-නිවේෂ): перечисление свидетелей отображает иерархию двора, а их подписи (часто сопровождаемые символическими знаками) придают постановлению неотменимую силу.

Необходимо отметить, что столь строгая дипломатическая архитектура в сочетании с астрономически выверенной датировкой практически исключает возможность позднейших фальсификаций и служит надежной опорой при реконструкции синхронных календарных сеток Юго-Восточной Азии.

Сакрализация власти и интеграция буддийского дискурса

Инвокации ранних ВКП обращались к Будде, Бодхисаттвам и локальным натам. Формула «да пребудет счастье всех существ» интегрировала буддийский идеал сострадания (*karuṇā*) в политическую риторику, тем самым приравнивая заботу о подданных к дхаммической обязанности монарха. В случаях земельных даров храмам текст сопровождал публичный ритуал распыления святой воды и коллективного произнесения клятв. Медный донаторий становился материальным носителем заслуги (*riṇya*), а значит обретал статус реликвии, оберегаемой потомками.

Социальная функция медных грамот

Переход от камня к меди трансформировал юридический круговорот. Пластина не требовала стационарного размещения; при конфликтах о правах на рисовые террасы бенефициар мог представить грамоту в королевском суде. Подобная мобильность способствовала стандартизации делопроизводства: формуляр выстраивался так, чтобы стать читаемым вне контекста сельской общины. Введение медных носителей стимулировало формирование слоя профессиональных писцов (*kāyastha*), владеющих как санскритом, так и местными языками, обеспечивая единство правовой практики на всей территории раннесредневекового архипелага.

4. Королевские указы и буддизм в морской империи Шrivиджая (VII–XIII вв.)

Шrivиджайская эпиграфика свидетельствует о многоуровневом взаимодействии религии иластной практики. Дарственные стелы сопровождают учреждение монастырских парков, описывают посадку плодовых и лекарственных деревьев, устройство водных террас и плотин. Содержание парка связывается с заслугой правителя, а его ботаническое разнообразие интерпретируется как метафора духовного роста подданных. Присяжные тексты, высеченные на камне, включают массовую клятву верности, которую приносят сословия от принцев до ремесленников. Ритуал завершается возлиянием крови в чашу, помещенную на янтуру, что переводит юридическую процедуру в сферу тантрической магии. ВКП упоминают морские экспедиции против «Земли Явы», фиксируя санкцию на применение мантр для паралича противника. Через подобные описания формируется образ царя-покровителя буддизма, который защищает Дхамму средствами материальной мощи и эзотерических практик.

5. Буддизм в камне и меди: Королевские указы центрально-яванских царств (Матарам, Шайлendra; VIII–X вв.)

Монументальное храмовое строительство Центральной Явы продиктовало необходимость

юридического закрепления имущественной базы культов. Санскритская прасти Каласана оговаривает передачу целой деревни в собственность монашеской общины, освобождение крестьян от повинностей и назначение ответственных чиновников за контроль поставок кокосового масла, сахара и риса для ежедневных лампадных подношений. Данные формулы типологически сближаются с индийскими данными, однако вводят местные реалии, такие как упоминание специфических ирригационных каналов под названием каланг. Надпись Манджуширгха фиксирует возвведение костяка огромного ритуального комплекса: перечислены категории ремесленников, задействованных в строительстве, расписан их налоговый статус и порядок мобилизации труда. ВКП Караптенгах описывает храм Венувана как хранительницу реликвий предков-царей, превращая архитектурный объект в медиатор между живущим правителем и обожествленными предками. Языковая мозаика указов — смесь санскрита, древнемалайского и древнеяванского — отражает стратегию многоязыковой адресации: двор обращается к региональной элите, межостровному купеческому сословию и ученой монашеской среде одновременно.

6. Преемственность и трансформация: Буддийские темы в королевских указах восточнояванских царств (Сингхасари, Маджапахит; XIII–XVI вв.)

Тантристическая доктрина приобретает государственный масштаб при дворе Сингхасари. Грамоты фиксируют возведение статуй, в которых правитель визуализируется как божество Хеваджра: актуальные имена царя и божества соединяются через кавья-метафоры, провозглашая онтологическую тождественность царя и божества. Экономическая поддержка монастырей оформляется через мелкие кути-обители, закрепленные за отдельными наставниками, что указывает на дифференциацию религиозных ролей и появление сети частных духовных центров под покровительством короны. Эпоха Маджапахита приносит юридическое закрепление формулы шива-будда стхана. Постановления подтверждают права храмов, где в едином святилище устанавливаются лингам Шивы и статуя Будды Вайрочаны, а налог «семичастный сбор» распределяется между брахманами и монахами. Переизданные медные грамоты содержат ремарки о восстановлении утраченных пластин, что демонстрирует развитую архивную культуру. Через устойчивую практику копирования ранних ВКП новые династии связывают себя с героическим прошлым, легитимируя территориальные претензии и идеологическую программу религиозного синтеза.

7. Тематическая эволюция буддийского содержания в индонезийских королевских указах

Текстуальный анализ показывает постепенную усложненность буддийского дискурса. В начальной фазе на первый план выходит идеал щедрости, сформулированный через пожелание пунья. Позднее к нему добавляются доктрины шуньяты и, собственно, праджняпарамиты: центрально-яванские тексты цитируют строки о пустотности феноменов, интегрируя философские формулы в пролог. В тантристический период терминология смещается к ритуальным техникам. Фиксируются названия мантр, дхарани, описания янтар, а также специфические термины винаи, регулирующие имущественный статус монастырей. Санкционная часть переживает трансформацию: первоначальное перечисление кар за нарушение указа уступает место параболам о забвении Дхаммы и утрате заслуги. Подобная смена регистров демонстрирует эволюцию идеологической стратегии: апелляция к страху уступает место нравственному увещеванию и подчёркнутой ответственности элит перед сакральным порядком.

Эволюцию отражает и материальная сторона: ранние надписи предпочитают массивные

каменные стелы, размещенные в центрах поселений; поздние грамоты, выполненные на тонких медных листах, предназначаются для архивов храмовых управляющих. Информация становится мобильной, а юридическая сила текста связывается не с визуальной монументальностью, а с признанием его копии в бюрократических процедурах.

8. Непреходящее наследие королевских постановлений в понимании индонезийского буддизма

Историческое значение ВКП определяется двумя взаимодополняющими измерениями. Социально-экономическое измерение заключено в институтизации системы сима: освобожденные от царских налогов земли сформировали устойчивую ресурсную базу для храмов, монастырей и образовательных центров. После падения индуистско-буддийских королевств земельные привилегии трансформировались, однако память о них сохранилась в правовом сознании сельских общин, выражаясь в локальных ритуалах подтверждения границ и традиции чтения старых медных листов на новолуние. Идеологическое измерение проявляется в архете «царя-защитника Дхаммы». Эта модель, сформированная через ВКП, пережила исламизацию архипелага и была реинтерпретирована в колониальный период, когда буддийские братства ссылались на древний прецедент, аргументируя право на автономное управление святынями. Современные буддийские организации, обращаясь к наследию ВКП, воспроизводят дискурс социальной ответственности: уставы обществ повторяют формулу «благо всех существ», а стратегии культурного наследия апеллируют к идее сакральной земли. Исследование ВКП таким образом позволяет выявить долгосрочные континуума, соединяющие средневековую эпиграфику с актуальными практиками религиозной и культурной политики Индонезии.

Заключение

Проведенное исследование показало, что «Высшие королевские постановления» (ВКП) Индонезии периода VII–XVI вв. представляют собой комплекс юридико-ритуальных документов, в которых сакрализация власти соотнесена с практическим регулированием земельных отношений, налоговой политики и институционального статуса буддийских общин. Детальный анализ формуляра выявил шесть инвариантных блоков, а периодизация жанра — три фазовых цикла, отражающих эволюцию идеологического дискурса от устрашения к синкретическому моральному авторитету. Систематизация корпуса постановлений позволила уточнить датировки ключевых текстов, проследить географию буддийского патронажа и реконструировать механизмы юридической преемственности через практику переиздания медных грамот.

Рассмотрение функциональной типологии ВКП продемонстрировало, что прашасти, джаяпаттра и сима-грамоты образуют взаимодополняющую систему, обеспечивавшую стабильность государственной, экономической и религиозной инфраструктуры. Сопоставление материала разных регионов подтвердило, что буддийская терминология адаптировалась к местным языкам без утраты доктринальной точности, а включение мантр, дхарани и санкционных формул превращало каждый документ в элемент космологической защиты царской власти. Выявленные модели патронажа — от дарения целых деревень до установления «семичастного сбора» — описывают формирование устойчивой ресурсной базы храмов и монастырей, оказывавшей долговременное влияние на культурный ландшафт архипелага.

Методологически исследование демонстрирует продуктивность объединения

классической эпиграфической критики с цифровой разметкой корпуса, при строгой опоре на издания, прошедшие полноценную текстологическую экспертизу. Системная проверка датировок, топонимов и терминологии, дополненная историческим, социокультурным, политико-правовым и критико-дискурсивным анализами, позволила встроить ВКП в междисциплинарные исследования социальной экологии, истории права и сравнительного религиоведения. Полученные результаты показывают, что императорские указы служили медиатором между хозяйственными практиками и буддийской этикой, фиксируя конкретные механизмы трансляции дхаммических ценностей в нормативно-правовое пространство.

Перспективы дальнейших исследований связаны с построением широкой компаративной модели. Планируется включить в анализ корпуса « phra borom ratcha ongkan » Таиланда, а также параллельные комплексы Камбоджи, Бутана, Шри-Ланки, Мьянмы, Лаоса, Вьетнама, Китая, Тибета, Монголии, Кореи, Индии, Тайваня и России. Сравнительное изучение позволит выявить конвергентные и дивергентные траектории сакрализации власти, уточнить универсальные параметры буддийского правового дискурса и заложить основу для диссертационного проекта автора, посвященного тайским ВКП как источнику по истории буддизма данного региона.

Библиография

1. Acri A. On birds, ascetics, and kings in Central Java Rāmāyana Kakawin, 24.95-126 and 25 // Bijdragen tot de taal-, land-en volkenkunde. – 2010. – Vol. 166, № 4. – P. 475-506. – DOI: 10.1163/22134379-90003611.
2. Acri A., Wenta A. A Buddhist Bhairava? Kṛtanagara's Tantric Buddhism in Transregional Perspective // Entangled Religions. – 2022. – Vol. 13, № 7. – P. 1-46. – DOI: 10.46586/er.13.2022.9653. EDN: JAKTHW.
3. DHARMA : ERC-проект "The Domestication of "Hindu" Asceticism and the Religious Making of South and Southeast Asia" [Электрон. ресурс]. – URL: <https://erc-dharma.github.io/> (дата обращения: 30.05.2025).
4. Haryono T. Traces of Buddhism in Sumatra: An Archaeological Perspective // UNESCO Silk Road Paper. – 2016. – 7 p. – URL: https://en.unesco.org/silkroad/sites/default/files/knowledge-bank-article/traces_of_buddhism_in_sumatra_an_archaeological_perspective.pdf (дата обращения: 29.05.2025).
5. Heine-Geldern R. Conceptions of State and Kingship in Southeast Asia. – Ithaca (NY) : Southeast Asia Program, Cornell University, 1956. – 17 p.
6. Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Republik Indonesia. Praśāsti [Электронный ресурс] : dokumen resmi yang dikeluarkan oleh seorang raja / Direktorat Pelindungan Kebudayaan. – Jakarta : Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan, 2015. – Режим доступа: <https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/dpk/prasasti/> (дата обращения: 04.06.2025). – Загл. с экрана. – Текст : электронный. (на индон. яз.).
7. Manguin P.-Y. Srivijaya: Trade and Connectivity in the Pre-modern Malay World // Journal of Urban Archaeology. – 2021. – Vol. 3. – P. 87-100. – DOI: 10.1484/J.JUA.5.123677. EDN: UHBDXK.
8. Marsono, Rahayu N. Movement of Hindu Religious Education in The Era of The Kingdom of Majapahit // Dharmakirti: International Journal of Religion, Mind and Science. – 2023. – Vol. 1. – P. 1-11. – DOI: 10.61511/ijroms.v1i1.2023.266.
9. Miksic J. N. The Buddhist-Hindu Divide in Premodern Southeast Asia // NSC Working Paper. – 2010. – № 1 (Sep). – P. 1-37.
10. Putra E. R. Buddhism in Indonesia: the current issues of development of Buddhism and modern Muslim // Teaching Dhamma in New Lands: conference volume. – Myanmar (Burma)

- : ATBU Meetings, 2009. – P. 11-20.
11. Revire N. Dvaravati and Zhenla in the seventh to eighth centuries: A transregional ritual complex // Journal of Southeast Asian Studies. – 2016. – Vol. 47, № 3. – P. 393-417. – DOI: 10.1017/S0022463416000254.
12. Saputro R. A. et al. Relics of the Kingdom of Srivijaya in Palembang as a Source of Local Historical Learning // BIRCI Journal. – 2022. – Vol. 5, № 2. – P. 10580-10588.
13. Siregar S. Talang Tuo inscription: The management of environmental in Sriwijaya period // Indonesian Journal of Environmental Management and Sustainability. – 2021. – Vol. 2. – P. 80-83. – DOI: 10.26554/ijems.2018.3.3.80-83.
14. Steenbrink K. Buddhism in Muslim Indonesia // Studia Islamika. – 2013. – Vol. 20. – P. 1-34. – DOI: 10.15408/sdi.v20i1.346.
15. Surpi N. K., Widiana I. G. P. G., Marselinawati P. S. Sivagrha: religious harmonization and the concept of unity in diversity // Life and Death: Journal of Eschatology. – 2023. – Vol. 1, № 1. – P. 25-35.
16. Surpi N. Šivagrha (Prambanan Temple) as an Archetype of Hindu Theology in Nusantara (An Endeavor to Discover Hindu Theological Knowledge through Ancient Temple Heritage) // Analisa: Journal of Social Science and Religion. – 2020. – Vol. 5. – P. 107-122. – DOI: 10.18784/analisa.v5i1.1024. EDN: PXIUD.
17. Susanti L. R., Fathiah H., Mariyani, Hidayanti M., Oktarina T. Analisis Peninggalan Keagamaan Hindu-Buddha di Kedatuan Sriwijaya: Perspektif Sosio-Kultural // Fajar Historia: Jurnal Ilmu Sejarah dan Pendidikan. – 2024. – Vol. 8. – P. 160-172. – DOI: 10.29408/fhs.v8i1.23821. EDN: NZHHAS.
18. Wahyudi D. Y., Munandar A. A. Majapahit: Reflection of the Religious Life (14th-15th AD) // AHS-APRISH Proceedings. – 2023. – Vol. 753. – P. 104-115.
19. Yulianti Y. The Birth of Buddhist Organizations in Modern Indonesia, 1900-1959 // Religions. – 2022. – Vol. 13, № 3, Art. 217. – P. 1-15. – DOI: 10.3390/rel13030217. EDN: UXMJII.
20. Zakharov A. O. The Šailendras reconsidered // Nalanda-Sriwijaya Centre Working Paper Series. – 2012. – № 12 (Aug). – P. 1-38.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему ««Высшие королевские постановления» Индонезии VII-XVI вв. как источник по истории буддийских практик архипелага» для опубликования в журнале «Исторический журнал: научные исследования». Статья посвящена анализу «Высших королевских постановлений» (ВКП) Индонезии VII-XVI вв. как ключевого источника для изучения истории буддизма в регионе. Автор рассматривает эти документы в контексте их юридической, ритуальной и социально-политической роли, уделяя особое внимание их влиянию на формирование буддийских практик и институтов. Исследование основано на комплексном подходе, сочетающем эпиграфический анализ, историческую реконструкцию и социокультурный анализ. Автор использует методы источниковедческой критики, сравнительного религиоведения и политico-правового анализа. Важным аспектом является применение цифровых инструментов, таких как ГИС-модуль проекта DHARMA, что повышает точность и воспроизводимость результатов. Тема статьи является актуальной в свете растущего интереса к истории буддизма в Юго-Восточной Азии и его взаимодействию с государственными институтами. Исследование вносит вклад в дискуссии о роли

сакрализации власти и религиозного синкретизма в ранних государствах региона. Кроме того, работа соответствует современным тенденциям цифровой гуманитаристики, используя открытые репозитории для анализа эпиграфических данных. Научная новизна статьи проявляется в нескольких аспектах: 1) предложена типология ВКП, включающая прашасти, джаяпаттры и сима-грамоты, что позволяет систематизировать их функции и содержание; 2) выделены три этапа эволюции формуляра ВКП, отражающие изменения в идеологии и административной практике; 3) показана корреляция между структурой ВКП и моделями королевского патронажа буддийских общин.

Стиль, структура, содержание соответствуют предъявляемым требованиям. Статья отличается четкой структурой, логичным изложением и академическим стилем. Автор последовательно раскрывает тему, начиная с обзора источников и заканчивая выводами. Содержание работы хорошо аргументировано, а анализ подкреплен ссылками на авторитетные научные публикации. Библиография статьи обширна и включает актуальные работы за последние годы, такие как исследования Acri (2022), Meksic (2010), Revire (2016) и другие. Однако можно было бы добавить несколько новейших публикаций (2023-2024 гг.), например, работы по цифровым методам в эпиграфике или сравнительным исследованиям буддизма в Юго-Восточной Азии. Автор учитывает критические точки зрения, например, дискуссии о природе термина «командо кераджан» и его неприменимости к доколониальному периоду. Однако было бы полезно более подробно обсудить альтернативные интерпретации некоторых эпиграфических данных, например, в работах современных индонезийских исследователей.

Статья представляет значительный интерес для историков, религиоведов и специалистов по Юго-Восточной Азии. Выводы работы подчеркивают важность ВКП как источника для понимания взаимодействия буддизма и власти в Индонезии. Перспективным направлением дальнейших исследований могло бы стать сравнительное изучение ВКП с аналогичными документами из других регионов Юго-Восточной Азии. Статья является значимым вкладом в изучение истории буддизма и государственности Индонезии. Она сочетает глубокий анализ источников с междисциплинарным подходом, что делает ее ценной для научного сообщества. Представленная на рецензирование статья может быть рекомендована для опубликования в избранном журнале.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Петров Д.М. Погребальные комплексы могильника Истээх Быраан в Центральной Якутии: материалы современного этапа исследований // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.72679 EDN: ELEHLY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72679

Погребальные комплексы могильника Истээх Быраан в Центральной Якутии: материалы современного этапа исследований

Петров Денис Михайлович

младший научный сотрудник; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

677000, Россия, республика Саха (якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1

✉ dmpetrov-92@mail.ru

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.72679

EDN:

ELEHLY

Дата направления статьи в редакцию:

11-12-2024

Аннотация: Статья посвящена современному этапу изучения могильника Истээх Быраан в Хангаласском улусе Республики Саха (Якутия). Исследование данного памятника началось в 1933 г. с раскопок захоронения знаменитого якутского князца (тойона) Мазары Бозекова, внука Тыгын Дархана, и продолжается по настоящее время. Целью данной статьи является введение в научный оборот результатов полевых работ. Основным материалом стали находки археологической экспедиции ИГИиПМНС СО РАН за период 2015-2023 гг. Всего было исследовано 7 грунтовых погребений: 4 мужских, 2 женских и 1 – лошади. Обнаруженные погребальные памятники однозначно являются языческими; схожие могильные конструкции, обряд, предметный и костюмный комплексы свидетельствуют о принадлежности захороненных к одной культурной общности. Настоящее исследование базируется на основных и специальных методах исторической науки – историко-сравнительном, антропологическом, типологическом, реконструкции и др. В статье были использованы ранее не введенные в научный оборот данные погребальных памятников. Главные результаты исследования заключаются в получении

комплекса материалов, значительно расширяющих информационную базу по культурному облику и социальной структуре могильника Истээх Быраан. В качестве выводов служат несколько предположений. Исходя из того, что обнаруженные погребальные памятники относятся к разным историческим периодам, следует, что могильник формировался на протяжении протяженного временного промежутка. Это может свидетельствовать о функциональной устойчивости сопки Истээх Быраан как места захоронения. Несмотря на относительную бедность костюмного и предметного комплексов, погребенные, возможно, имели связи с элитой якутского общества через родство с тыгынидами, что подчеркивает их важное социальное положение в данной культуре.

Ключевые слова:

Якутия, позднее средневековье, новое время, погребальная археология, могильники, захоронение коня, сопроводительный инвентарь, погребальный обряд, якуты, народы Сибири

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20359 «Историко-культурное наследие народов Якутии: могильный комплекс Истээх Быраан на Средней Лене».

Введение. В 1933 г. в ходе работ археологической экспедиции Якутского областного музея (руководители – М.И. Ковинин и Г.В. Ксенофонтов) на сопке Тюекэй Быраана, приуроченной к среднеленской долине Эркээни в Западно-Кангалацком улусе Якутской АССР, было исследовано захоронение князца Мазары Бозекова [1], внука Тыгын Дархана – легендарного якутского «царя», вождя кангаласского клана до присоединения Якутии к Русскому государству [2, с. 242-245]. Князец (як. тойон) Мазары Бозеков прежде всего известен поездками в Москву на аудиенции к царю Федору Алексеевичу в 1676 и 1680 гг. [3; 4]. Рядом с захоронением Мазары, М.И. Ковынином и Г.В. Ксенофонтовым было исследовано другое погребение, которое было интерпретировано как «еще более древнее» [1].

Именно с этих раскопок начинается почти вековое изучение могильника Истээх Быраан (по современному названию сопки Тюекэй Быраана), в котором, вероятно, были погребены лица, имеющие близкое родство с легендарным Тыгыном. В 1996 г., примерно в 250 м к северо-востоку от исследованных экспедицией Якутского областного музея захоронений, археологическим отрядом Якутского государственного университета во главе с Н.К. Прокопьевым и С.К. Колодезниковым был открыт элитный могильный комплекс Ат Дабаан (другое наименование – Ат Быраан III), позднее датированный радиоуглеродным методом 1280-1490 гг. [5; 2, с. 181]. Комплекс состоял из захоронения подростка с сопроводительным конем и следами человеческого жертвоприношения. Эта находка подтвердила высокий статус погребенных в этой местности.

С 2000-х гг. на памятнике проводила работы Саха-французская археологическая экспедиция (MAFSO), в результате которых было открыто и исследовано около 10 новых погребений [6]. Экспедиция отличалась от предыдущих применением междисциплинарного подхода и основной упор делала на изучение проблем генетической истории народов Якутии и истории заболеваний. По итогам работ был введен в оборот новый пласт источников [7; 8; 9; 10].

Основываясь на этих данных, изыскания на сопке Истээх Быраан были продолжены археологической экспедицией Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот результатов полевых исследований в период с 2015 по 2023 гг.

Материалы и методы. Местность, на которой располагается могильник, в административном плане относится к Октемскому наслегу Хангаласского улуса. Представляет собой рассеченный небольшими распадками участок коренного берега р. Лены в средней части долины Эркээнни, вытянутый с юго-запада на северо-восток. Сопка высотой 30-40 м покрыта сосновыми лесами, у подножья протекает ручей Улаах. Все захоронения, обнаруженные в 2015-2016 гг., располагались на вершине, ближе к краю террасы (рис. 1).

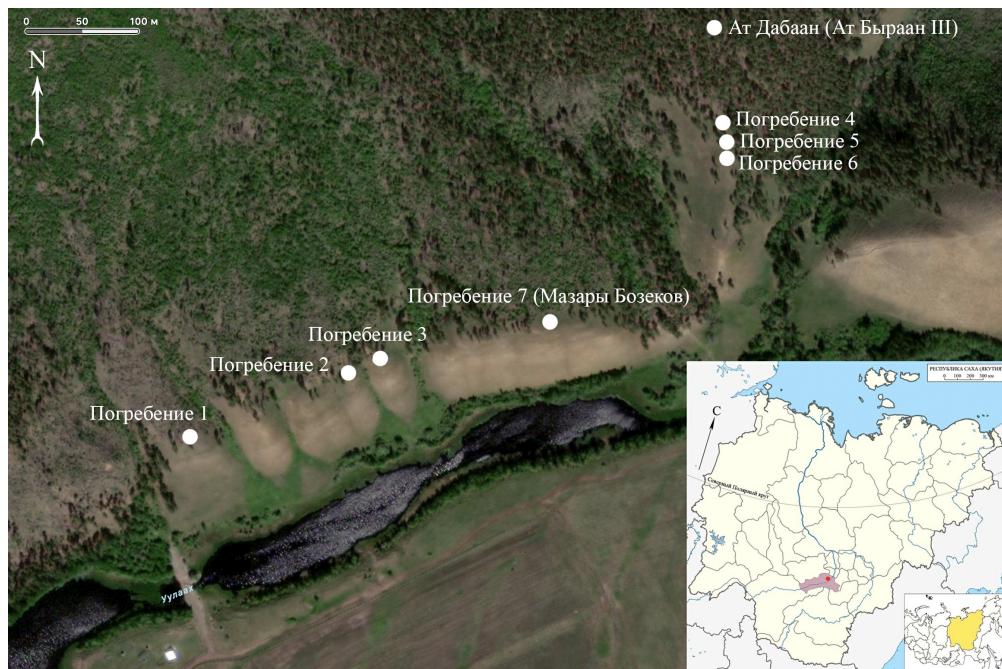

Рис. 1. Местоположение исследованных захоронений на сопке Истээх Быраан. На миникарте – могильник Истээх Быраан на административной карте Якутии; Хангаласский улус отмечен фиолетовым цветом.

Fig. 1. The location of the investigated burials on the Isteekh Byraan hill. On the minimap there is the Isteekh Byraan burial ground on the administrative map of Yakutia; Khangalassky district is marked in purple.

Погребение 1. Примерно в 360 м к юго-западу от захоронения Мазары в ходе археологической разведки было найдено захоронение с интересной могильной конструкцией. В могильной яме глубиной 60-70 см покоился примитивный гроб из расколотого надвое и выдолбленного почти целиком ствола дерева (лиственницы). К обоим концам этой «трубы» были прислонены грубо вытесанные лиственничные плахи. Крышка гроба была покрыта берестяными полотнами от урасы, между пластами которых у изножья обнаружились кости крупного скота; у северной стенки также были найдены части костей животного и фрагмент венечной части керамического сосуда. Гроб был полностью заполнен землей; внутри покоились скелетированные останки мужчины (рис. 2: 1). Погребенный лежал вытянуто, на спине, ориентированный головой на запад, лицом обращенный на север; руки слегка согнулись в локтях, кисти лежали на тазовых костях. Анатомический порядок скелета был незначительно нарушен. Из сопроводительного инвентаря зафиксирован лишь сильно окислившийся клинок пальмы

у правой берцовой кости с внешней стороны.

Погребение 2. На отдалении 153 м к северо-востоку от предыдущего памятника было обнаружено захоронение лошади (рис. 2: 2). В яме неправильно-округлой формы глубиной 30-60 см были помещены череп, нижняя челюсть, позвоночник, ребра и лопатка; вместе с костями лежали развалившийся берестяной сосуд, детали седла, «овечьи» ножницы из железа, костяной гребень. Над костяком разводили небольшой огонь, о чем свидетельствуют угли и следы гари на бересте и некоторых костях.

Погребение 3. Дальше по террасе, в 22 м к северо-востоку от захоронения лошади, было обнаружено мужское погребение. В могильной яме глубиной 120 см был найден гроб из массивных неочищенных лиственничных горбылей. На крышке гроба в изножье были зафиксированы богато орнаментированный берестяной сосуд с костями крупного скота и крупная бусина-одекуй. Внутри гроба покоились головой на северо-запад частично мумифицированные костные останки (рис 2: 3). Костяк покоился на спине с незначительным завалом на правую сторону корпуса, прижатый левым боком к северной стенке гроба; лицо обращено на юг. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте; правая нога слегка согнута в колене, левая вытянута. Из украшений были обнаружены проволочные серьги в виде знака вопроса с белыми бусинами и металлическими пронизками. Костюм погребенного сохранился плохо, представлен остатками меховой шапки, кафтана, натазника, ноговиц и торбазов. У левой ноги была зафиксирована курительная трубка-хамса.

Рис. 2. Общий вид захоронений: 1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3 – погребение 3.

Fig. 2. General view of burials: 1 – burial 1; 2 – burial 2; 3 – burial 3.

Другая группа захоронений располагалась примерно в 90 м к югу (ниже по склону террасы) от памятника Ат Дабаан (Ат Быраан III), исследованного Н.К. Прокопьевым и С.К. Колодезниковым в 1996 г.

Погребение 4. В могильной яме глубиной порядка 75 см была обнаружена сильно истлевшая колода в гробовине из плах. Поверх разрушенной крышки гробовины были хаотично уложены фрагментированные берестяные полотна от урасы; крышка колоды

также была разрушена. В колоде покоились скелетированные останки мужчины (предположительно) с нарушением анатомического порядка костей, ориентированный головой на запад (рис. 3: 1). Череп был опрокинут, нижняя челюсть смещена, реберные кости лежали хаотично, позвоночный столб и тазовые кости расположены на анатомическом месте. Правая рука была согнута в локте, кисть в паховой области; от левой руки имелась только локтевая кость, перекинутая поперек корпуса в районе живота. Правая нога уложена головкой бедренной кости к левой тазовой кости задом наперед; кости левой ноги отсутствовали. По всему пространству гроба беспорядочно лежали мелкие кости. От одежды погребенного сохранились отдельные невыразительные лоскуты выделанной кожи. Справа от ноги зафиксированы сильно коррозированные фрагменты железного изделия, вероятно, клинка пальмы; в нижней части гроба найден разрушенный деревянный сосуд.

Погребение 5. Обнаружено в 7 м к югу. Под дерном фиксировались остатки бревенчатого надмогильного сооружения. В яме глубиной 70 см был обнаружен гроб из массивных горбылей с неснятой корой. Костяк женщины покоился на спине, ориентированный головой на запад (рис. 3: 2). Голова наклонена влево, лицом на север. Руки были согнуты в локте, кисти покоились на паху; ноги вытянуты. У погребенной наблюдалась прижизненная утрата всех зубов верхней челюсти с полной облитерацией корневых каналов. Костюм полностью истлел. На правой стороне головы были зафиксированы три проволочные серьги в виде знака вопроса, под головой – серьга с левого уха. В области груди, справа, лежал перстень с растительным орнаментом. Под правым локтем, между тазовой костью и стенкой гроба, лежала бусина голубого цвета; между ног обнаружена бусина тёмно-синего цвета. У правой берцовой кости, с внешней стороны, были положены реберные кости крупного скота. Слева от головы лежала птичья кость, помещенная, вероятно, по ритуальным соображениям.

Погребение 6. Располагалось в 9 м к югу. В могильной яме глубиной 90 см был обнаружен гроб-колода в гробовине из плах. Крышка гробовины была полностью устлана берестяными полотнами от урасы. Внутри гроба покоились скелетированные останки женщины. Погребенная лежала на спине, головой на запад; руки были вдоль тела, с кистями на тазовых костях; ноги вытянуты. Костюм сохранился относительно хорошо [11]. Шапка из беличьего меха с оторочкой из меха росомахи, с декорированными бисером белого и голубого цвета меховыми рожками, внутри которых были скрутки бересты. Из верхней одежды имелись шуба из шкуры лошади с оторочкой из темного меха на бортах, суконный кафтан темно-серого цвета. Нательная одежда представлена короткойшелковой рубахой желто-коричневого цвета, с жаккардовым орнаментом. На покойной также были натазники, ноговицы и торбаза из выделанной кожи. По обе стороны головы зафиксированы по две проволочные серьги с бусинами белого и черного цвета.

Погребение 7. В полевой сезон 2024 г. были произведены повторные раскопки захоронения Мазары Бозекова [12]. В результате работ были обнаружены предметы, которые не отражены в протоколах М.И. Ковинина и Г.В. Ксенофонтова, произведены фотофиксация и замеры внутримогильных конструкций (рис. 3: 3), а также собран антропологический материал (зубы, ребра, позвонки, мелкие кости).

Рис. 3. Общий вид захоронений: 1 – погребение 4; 2 – погребение 5; 3 – погребение 7 (Мазары Бозеков).

Fig. 3. General view of burials: 1 – burial 4; 2 – burial 5; 3 – burial 7 (Mazary Bozekov).

Результаты. Плохая сохранность и особенности обряда позволяют датировать погребения 1 и 4 XVII в. или более ранним периодом. Погребения 2 и 5 типологически датируются XVII-XVIII вв., а погребения 3 и 6 (ввиду удовлетворительной сохранности одежды и могильных конструкций) – XVIII в. Касаемо захоронения Мазары Бозекова (погребение 7), из документальных источников известно, что князец умер в самом начале XVIII в., с чем согласуются археологические данные.

Обнаруженные захоронения, исходя из трупоположения, наличия сопроводительного инвентаря и погребальной пищи, отсутствия нательных крестов или иных атрибутов христианской веры, однозначно являются языческими. Все захоронения располагались по направлению террасы; погребенные ориентированы головой в сторону запада (с отклонением на юг или север). Подобная ориентировка является основной в погребальной обрядности якутов и связана с их верой в существование на западе мира мертвых [13, с. 96, с. 169]. Традиционной является и положение тела на спине с вытянутыми или незначительно согнутыми верхними и нижними конечностями [13, с. 88-89; 14].

Выделяются погребения 1 и 4. Примитивность исполнения могильной конструкции в погребении 1 говорит в пользу того, что данный памятник может быть древнейшим в черте всего могильника Истээх Быраан. Погребение 4 является, по всей видимости, вторичным. Существует мнение, что до прихода русских в Якутию основным способом погребения у якутов вместо ингумации являлось захоронение воздушным способом – в гробу, установленном на специальных столбах (як. арангас). В традиционное время данный способ захоронения применялся, в основном, к родоначальникам и служителям шаманского культа [15, с. 307]. После обрушения конструкции, гроб погребался в могильной яме. Сокращению данной практики способствовали особые указы русской администрации. Вероятней всего, погребение 4 является перезахоронением с арангаса,

что объясняет полное нарушение анатомического порядка костяка и разрушения могильной конструкции. Похожее захоронение было обнаружено Саха-французской археологической экспедицией (MAFSO) в местности Сытыган Сисэ в Хангаласском улусе [16, с. 76].

Погребальные конструкции обнаруженных захоронений людей представлены вариациями гроба-колоды (як. куорчах), выдолбленного из ствола лиственницы, и ящик-гроба (як. холбо) [13, с. 63-64]. Такие гробы бытовали у якутов с эпохи средневековья и вплоть до начала XX в. В *погребении 1* отмечено расщепление цельного ствола дерева на две равные половины, в *погребениях 4* и *6* крышка была изготовлена из плах. Ящик-гроб, сложенный из горбылей, зафиксирован в *погребениях 3* и *5*. Подобный тип гробов также был широко распространен у якутов [13, с. 60]. Во всех исследованных захоронениях XVII-XVIII вв. зафиксированы типичные для этого времени гробовины из плах (як. тэбиэх); в более раннем *погребении 1* гробовина отсутствует. Широкое использование бересты в погребальных практиках якутов фиксируется с эпохи средневековья и вплоть до конца XIX в. [17].

Костюм погребенных в относительной целости сохранился только в *погребениях 3* и *6*. Обнаруженные одежды по фасону и материалам представляют собой характерные для рядового населения XVIII в. мужской и женский костюмы. Обнаруженные украшения также довольно просты и немногочисленны. Интерес вызывает наличие серег в мужском *погребении 3*, что встречается довольно редко в погребальных памятниках якутов. Серьги также были обнаружены в захоронении мальчика-подростка Ат Дабаан (Ат Быраан III) [18; 2, с. 181-182]. В этнографическое время якутские мужчины серег уже практически не носили. Во всех захоронениях (за исключением *погребения 7*) отмечается довольно бедный сопроводительный инвентарь. Так, во всех захоронениях отсутствуют характерные для той эпохи статусные вещи – элементы нарядной конской сбруи, наборные пояса, медные котлы, качественное оружие и т.д. Из оружия обнаружены только клинки охотничьих пальм в *погребениях 1* и *4*.

Лошадь в *погребении 2* была расчленена, что встречается довольно редко. Вполне возможно, что мясо животного было употреблено в пищу в ходе погребальной трапезы. Захоронения лошадей характерны для могильных комплексов представителей якутской элиты XVIII в. Обычно лошади погребались целиком, нередко взнужденные и/или оседланные [19]. Встречается и захоронение только головы и конечностей лошади. Интересно, что в захоронении Ат Дабаан (Ат Быраан III) лошадь также была расчленена, а кости обуглены [13, с. 33]. Использование огня в захоронениях лошадей фиксировалось археологами и ранее. Так, кремированный костяк лошади был найден в захоронении Кюеллэрики в Мегино-Кангалацком районе [20, с. 198].

Выводы. Приведенные материалы дополняют комплекс знаний по могильнику Истээх Быраан. Исходя из исследованных захоронений можно предположить, что могильник формировался на протяжении довольно растянутого хронологического промежутка. Единый погребальный обряд и типологически схожий предметный состав говорят в пользу того, что все захороненные являлись представителями одной культурной общности. Небольшое количество захороненных на достаточно большой площади могильника вероятно связано с тем, что в данной местности хоронили только лиц, обладающих высоким социальным статусом. Вместе с тем, нужно отметить довольно бедный предметный и костюмный комплексы исследованных погребений – возможно, что высокий социальный статус захороненных был обусловлен главным образом кровным

родством с представителями правящей элиты, к которой, несомненно, относились Мазары Бозеков и подросток из погребения Ат Быраан (Ат Быраан III).

В дальнейшем необходимо проведение датирования этих захоронений естественнонаучными методами и антропологическое изучение костных останков. Кроме этого, благодаря обнаружению костных останков Мазары появились перспективы для обширного междисциплинарного исследования генеалогии тыгынидов – самой знаменитой тойонской династии якутов.

Библиография

1. Винокуров П. Тринадцать погребений одной экспедиции // Илин. 1999. № 3-4.
2. История Якутии: в 3 т. / Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2020. Т. I. 536 с.
3. Иванов В. Н. Представители якутского народа на приеме у русского царя (1676 год) // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 6-30.
4. Борисов А.А. Мазары Бозеков: диалог с властью на державном пространстве. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2023. 224 с.
5. Бравина Р.И., Прокопьева А.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В. Погребения по обряду кремации Ат Быран III и Куудук III в долине Эркээни на Средней Лене (XIV – XVIII вв.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 10. С.109-123. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.10.31033 URL: https://e-notabene.ru/hr/article_31033.html
6. Кирьянов Н.С., Crubézy E., Duchesne S., Gérard P., Mougin V., Géraut A., Petit C., Колодезников С.К., Попов В.В., Романова Л.Г., Алексеев А.Н., Бравина Р.И. Раскопки могильного комплекса позднего средневековья «Ат-Дабан» («Ат-Быран») в долине Эркээни Центральной Якутии (по результатам работ Саха-Французской археологической экспедиции в 2016 году) // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй доклады III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Владивосток: Издательство Дальнаука, 2017. С. 148-154.
7. Keyser C., Hollard C., Gonzalez A., Fausser J. L., Rivals E., Alexeev A. N., Ribéron A., Crubézy E., Ludes B. The ancient Yakuts: a population genetic enigma // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences. 2015. No. 370(1660), 20130385.
8. Zvénigorosky V, Crubézy E., Gibert M., Thèves C, Hollard C., Gonzalez A, Fedorova S.A., Alexeev A.N., Bravina R.I., Ludes B., Keyser C. The genetics of kinship in remote human groups // Forensic Science International: Genetics. 2016. No. 25. Pp. 52-62.
9. Hochstrasser-Petit Ch., Romanova L., Duchesne S. [et al.] Yakut clothes of the 17th AND 18th centuries, archaeology and restitution // Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii. 2020. No. 4(51). Pp. 131-147.
10. Duchesne, S. Pratiques funéraires, biologie humaine et diffusion culturelle en Iakoutie (16e-19e siècles). Anthropologie biologique. Université Paul Sabatier - Toulouse III, 2020. 432 p.
11. Парфенова А.Р., Петров Д.М. Графическая реконструкция традиционной одежды якутов XVIII в. (по материалам захоронения Ат-Быраан-2) // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. 2016. С. 194-195.
12. Прокопьева А.Н., Петров Д.М., Иванова Л.Ф. Могильный комплекс Истээх Быраан: повторное вскрытие погребения Мазары Бозекова // Интеллектуалы на окраине Российского государства: персональные истории, стратегии, дискурсы о будущем (кросс-временные исследования): Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 135-летию выдающегося ученого, общественного деятеля, мыслителя-евразийца Гавриила

- Васильевича Ксенофонтова 2-3 ноября 2023 г. / редакционная коллегия: Е. Н. Романова, С. А. Алексеева, Г. Н. Варавина и др. Якутск: ИЦ НБ РС (Я), 2024. С. 179-184.
13. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XV вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
14. Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 27-32.
15. Якуты-Саха / Отв. редакторы: Н. А. Алексеев и др. Москва: Наука, 2012. 598 с.
16. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под редакцией Э. Крюбези и А.Н. Алексеева. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. 226 с.
17. Бравина Р.И., Соловьева Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В. Береста в погребальном обряде якутов: по материалам погребения Учугей Юрях (XV–XVII вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 95-106.
18. Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Украшения из могильника Ат-Дабаан // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Братск: Братский государственный университете. 2018. № 4 (34). С. 163-167.
19. Константинов И.В. Захоронение с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов). // По следам древних культур Якутии. Якутск: Якутское книжное издательство, 1970. С. 183-197.
20. Константинов И.В. Новые материалы о захоронениях якутов XVIII в. // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 197-200.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рассматриваемый текст «Погребальные комплексы могильника Истээх Быраан в Центральной Якутии: материалы современного этапа исследований» представляет собой обобщение результатов полевых археологических работ, а именно – проводившихся с 2015 по 2023 гг. изысканий на сопке Истээх Быраан в рамках работ археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Рецензируемая работа обладает четкой структурой, текст поделен на четыре части: введение, материалы и методы, результаты, выводы. Во Введении дается характеристика исследования и предыстория района раскопок, в материалах и методах дается подробное описание семи захоронений, излучавшихся в ходе проведений археологических работ, в т.ч. захоронение Мазары Бозекова, якутского князька (тойона), известного своими поездками к московскому царю Федору Алексеевичу в конце XVII века. Охарактеризованы четыре мужские могилы, две женские и захоронения коня. Описание дополнено картами и фотографическими материалами. В разделе Результаты дается примерная датировка изучаемых захоронений (разные периоды XVII-XVIII веков), делаются предположения относительно способов погребения, одежды и прочих атрибутов погребенных, выявленных в ходе археологических раскопок. Проводятся сравнительные сопоставления с захоронениями в других районах Якутии. В разделе Выводы автор делает предположение, что могильник формировался на протяжении довольно растянутого хронологического промежутка, а все захороненные являлись представителями одной культурной общности. Также вероятно что захороненные мужчины и женщины обладали высоким социальным статусом. Вместе с тем отмечается довольно бедный предметный и костюмный комплексы

погребений. Автор указывает на перспективы дальнейшего использования результатов данных конкретных полевых исследований как в антропологическом дискурсе, так и в генеалогическом междисциплинарном исследовании по изучению династии Тыгинидов. Тексты присуща четкая логическая последовательность изложения материала, опора на конкретные результаты исследований, обоснованность выводов. Содержательно текст носит конкретно-прикладной характер, основное внимание автор уделяет именно конкретным результатам данной серии археологических экспедиций, собственно так и заявлена цель работы - введение в научный оборот результатов проводившихся археологических изысканий. Вероятно по этой причине интерпретация полученных данных довольно ограничена, равно как отсутствует в тексте суммарный результат проводившихся ранее исследований в этом районе, указано лишь что они проводятся уже достаточно долгое время, что в последнее время при работах применялся междисциплинарный подход, а основной упор делался на изучение проблем генетической истории народов Якутии и истории заболеваний, был введен в оборот новый пласт источников. Что именно дали более ранние исследования в упомянутых сферах, насколько полученные в 2015-2023 гг. данные совпадают/противоречат с результатами предыдущей научной деятельности - автором не сообщается, вероятно это будет сделано уже в других текстах. В целом работа написана на должном научно-методическом уровне и может быть рекомендована к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бусаров И.В. Строительство школ М.С. в 1935 году по материалам издания «Вечерняя Москва на стройке школ» // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74216 EDN: DNLDQQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74216

Строительство школ М.С. в 1935 году по материалам издания «Вечерняя Москва на стройке школ»

Бусаров Иван Владимирович

ORCID: 0000-0001-8692-8931

аспирант; департамент истории; ГАОУ ВО МГПУ
методист; отдел методологии и перспективной дидактики; ИСМИТО ГАОУ ВО МГПУ

129226, Россия, г. Москва, р-н Ростокино, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 к. 3

✉ Busarovivan@yandex.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74216

EDN:

DNLDQQ

Дата направления статьи в редакцию:

25-04-2025

Аннотация: В 2025 году исполняется 90 лет со дня принятия Генерального плана реконструкции города Москвы. Эта дата знаменательна не только для самой столицы, но и для нескольких десятков московских школ, построенных в 1935 году. Объектом исследования является освещение Генерального плана реконструкции города Москвы в московской прессе. Предметом исследования является освещение школьных строек в специализированном издании (приложении к газете Московского городского комитета ВКП(б) и Моссовета «Вечерняя Москва») «На стройке школ». Основная цель работы заключалась в анализе упоминаемого издания, выявлении в нём ранее неизвестных фактов школьного строительства Москвы 1935 года, хронологической систематизации его номеров, и их сопоставления с адресами школьных строек столицы. В качестве основных методов исследования автором использованы методы контекстуализации, историко-генетический и контент-анализ, что позволило выявить основные тенденции и особенности, характерные для становления массового строительства столичных школ в середине 1930-х гг. Вопрос массового строительства школ в довоенной Москве остается

недостаточно освещенным в научной литературе, что делает данное исследование актуальным. В этой связи автор представляет контекстуальный анализ ситуации, предшествующей началу масштабного проекта. Издание «На стройке школ», проанализированное в статье, впервые вводится в научный оборот и представляет уникальную возможность проследить процесс становления массового строительства в предвоенной столице. В статье раскрывается вопрос освещения выполнения работ Генплана в материалах столичной периодической печати. Материалы издания охватывают ранее неизвестные факты о процессе строительстве школы столицы в 1935 году (участие в строительстве ударников-метростроевцев и дальнейшее их направление на строительство городских набережных, установка во дворе одной из школ города статуи лучшего бригадира-каменщика стройки и др.). Составленная автором таблица может быть использована заинтересованными лицами для поиска соответствующей информации по строительству того или иного школьного здания Москвы.

Ключевые слова:

стахановское движение, Генеральный план, школьное строительство, Вечерняя Москва, история Москвы, сталинский ампир, история советской архитектуры, архитектурное наследие, Образование в Москве, Школьные реформы

Известно, что 1935 год стал во многом знаковым для истории Москвы. Это не только год принятия Генерального плана её реконструкции, год открытия первой очереди московского метрополитена, но и год первого массового строительства школьных зданий в столице. В этот год в Москве было возведено 72 школьных здания, что является рекордом за всю её историю. И хотя в 1936 году будет возведено уже 152 школы, 1935 год является первым годом, когда в Москве одновременно в строй было пущено рекордное количество школ, ведь до этого такого грандиозного строительства никогда не было.

К историографии вопроса школьного строительства в Москве можно отнести как современников представленных событий (М. И. Короунская [7], И. П. Машков [12]), так и исследователей сегодняшнего дня (А. В. Рогачёв [11], О. М. Бызова [2]). Значительной можно назвать работу московеда А. В. Рогачёва [11], однако она не изобилует тем количеством источников, которые есть в распоряжении современных историков. Нужно отметить, что интерес к истории школьного строительства 1930-х гг. имеется не только в Москве, но также и в Санкт-Петербурге, Казани [5] и Новосибирске [8].

Стоит отметить, что авторы вышеупомянутых исследований не сочли возможным рассмотреть специализированное издание – приложение к городской газете МГК ВКП(б) и Моссовета «Вечерняя Москва», которое является уникальным для изучения реализации Генерального плана Москвы. Стоит отметить, что в 1935 году газетой «Вечерняя Москва» в качестве приложения были выпущены специальные приложения – «На строительстве набережных», «На метро», «На стройке домов», «На стройке гостиницы Моссовета». Внимание автора данного исследования привлечено к приложению «Вечерняя Москва на стройке школ». Из выпущенных 54 выпусков автору удалось найти лишь 45. Вместе с тем анализ этого материала позволяет говорить о репрезентативности его содержания по проблеме исследования (см. таблицу №1).

Таблица №1. Газета «Вечерняя Москва на стройке школ».

Источник: составлено автором.**Table №1. The newspaper «Evening Moscow on the construction of schools».****Source: compiled by the author.**

№ п/п	Чему посвящен выпуск	Дата выпуска издания (1935 г.)	Современный адрес (г. Москва), где располагалась упомянутая в выпуске стройка
№ 1	Постройка школы в Петровском переулке	15 мая	ул. Петровка, д. 23/10 стр. 18
№ 2	Постройка школы № 71 (Участок ВАТО)	16 мая	2-я ул. Машиностроения, д. 3
№ 3	Постройка школы № 38 по 2-й Гражданской ул.	17 мая	2-я Гражданская ул., д. 8
№ 5	Постройка школы по Огородному переулку	20 мая	улица Советской Армии, д. 6
№ 6	Постройки школ по Старому шоссе и Песцовой улице	21 мая	ул. Вучетича, д. 6, Писцовая ул., д. 7А
№ 7	(Общий выпуск по всем стройкам – прим. авт.)	22 мая	
№ 9	Постройка школы по Стрелецкой улице	25 мая	3-й Стрелецкий пр- д., д. 3
№ 10	Завод крупных блоков и постройки школ по Мясо-Бульварной и Ново-Рогожской ул.	26 мая	ул. Талалихина, д. 20, стр. 1, Новорогожская улица, д. 9
№ 11	(Общий выпуск по всем стройкам – прим. авт.)	27 мая	
№ 12	(Общий выпуск по всем школам – прим. авт.)	28 мая	
№ 13	Постройки школ по Фрунзенскому району	29 мая	
№ 14	Постройки школ по Октябрьской ул., 77, и Стрелецкой	31 мая	Октябрьская ул., д. 81, 3-й Стрелецкий пр-д., д. 3
№ 15	(Общий выпуск по всем школам – прим. авт.)	1 июня	
№ 16	Постройки школ в Факельном пер., и на ул. Машиностроения	2 июня	Большой Факельный пер., д. 23, 1-я ул. Машиностроения, д. 16
№ 17	Постройки школ по 3-й Гражданской, и Игральной ул.	2 июня	3-я Гражданская ул. д. 64, Андреево- Забелинская ул.,

			пересечение с Игральной ул.
№ 18	(Общий выпуск по всем школам – прим. авт.)	3 июня	
№ 19	Специальный номер для шефов строек Октябрьского района	4 июня	
№ 20	Постройки школ Кировского района	4 июня	
№ 21	Постройка школы по Стрелецкой ул.	5 июня	3-й Стрелецкий пр- д, д. 3
№ 22	(Общий выпуск по всем школам – прим. авт.)	7 июня	
№ 23	Постройки школ Сокольнического района	9 июня	
№ 25	Постройка школы на Малых кочках	11 июня	ул. Доватора, д. 5/9
№ 26	Постройка школ по Котельнической набережной и Садовнической улице	13 июня	1-й Котельнический пер., д. 5, Садовническая ул., 37 стр. 1
№ 27	Постройка школы по Факельному пер., 23	14 июня	Большой Факельный пер., д. 23
№ 28	Постройка школы по Огородному проезду	16 июня	улица Советской Армии, д. 6
№ 29	(Общий выпуск по всем школам – прим. авт.)	17 июня	
№ 30	Постройка школы по Огородному проезду	19 июня	улица Советской Армии, д. 6
№ 31	Постройка школы по Котельнической наб. и Садовнической улице	19 июня	1-й Котельнический пер., д. 5, Садовническая ул., 37 стр. 1
№ 33	Постройка школы по Огородному пер.	26 июня	улица Советской Армии, д. 6
№ 34	Постройка школы по Котельнической набережной и Садовнической улице	27 июня	1-й Котельнический пер., д. 5, Садовническая ул., 37 стр. 1
№ 35	Постройки школ Октябрьского района	28 июня	
№ 36	Постройка школы на 2-й Дубровской ул.	29 июня	2-я Дубровская ул., д. 3
№ 37	Постройки школ в Пальчиковом пер., Огородном пер., и по Стрелецкой ул.	1 июля	ул. Щепкина, д. 38с1, улица Советской Армии, д. 6, 3-й

			Стрелецкий пр-д., д. 3
№ 41	(Общий выпуск по всем школам – прим. авт.)	8 июля	
№ 43	Постройки школ по Мясо-Бульварной и Ново-Рогожской ул.	14 июля	ул. Талалихина, д. 20, стр. 1, Новорогожская ул., д. 9
№ 44	Постройки школ по Октябрьской и Стрелецкой ул.	14 июля	Октябрьская ул., д. 81, 3-й Стрелецкий пр-д, д. 3
№ 45	Постройки школ по Нижней Пресне и 2-й Черногрязской ул.	16 июля	Краснопресненская наб., д. 2, 2-я Черногрязская ул., д. 7с1
№ 46	Постройки школ Октябрьского района	19 июля	
№ 47	Постройки школ по Нижней Пресне и 2-й Черногрязской	21 июля	Краснопресненская наб., д. 2, 2-я Черногрязская ул., д. 7с1
№ 48	Постройки школ Кировского района	21 июля	
№ 50	Постройки школ на Мясобульварной и Новорогожской ул.	25 июля	ул. Талалихина, д. 20, стр. 1, Новорогожская ул., д. 9
№ 51	(Общий выпуск по всем школам – прим. авт.)	27 июля	
№ 52	Постройка школы по Суконной улице	1 августа	Маломосковская ул., д. 7
№ 53	(Общий выпуск по всем школам – прим. авт.)	3 августа	
№ 54	Постройки школ Октябрьского района	4 августа	

Первый выпуск газеты датирован 15 мая, последний – 4 августа 1935 года. Газета приводит ранее неизвестные сведения о реализации задуманных планов по строительству и его организации.

Большая часть издания связана с конкретными городскими адресами. Из рассмотренных выпусков лишь 10 изданий охватывают все городское строительство, а не конкретные городские адреса строек. 6 изданий посвящены районам, из них больше всего – Октябрьскому, ввиду его систематического отставания от общегородских графиков.

Первый выпуск «на стройке школ» связан с отставанием в строительстве. «Вы позорно отстали» – гласит заглавие первого выпуска газеты. Речь идёт о постройке школы в Петровском переулке, где «коробка здания готова только наполовину». Почти в каждом выпуске публикуются статистические данные постройкам: готовность строительства, и его прирост за последние дни. В печать попадают адреса отстающих строек (№ 51), фотография доски показателей работы бригад Кировского района (№ 20), фотография доски показателей хода стройки школ напротив Моссовета на Советской площади (№ 11). Последний факт говорит о том, что значение школьного строительства для города было в

те годы огромным.

Опыт соревнования распространен не просто на объекты, но даже на бригады, и конкретных строителей. Так, в издании №26 отмечается, что на стройке введен «переходящий флагок», который «ежедневно в обеденный перерыв вручается бригаде, которая за прошедший день дала лучшие показатели выполнения задания». В некоторых районах города ударнымстройкам вручались знамёна. Так, красное переходящее знамя Сталинского района завоевала стройка школы в Дангуэровке (№ 41).

Работы, выполненные строителями, на передовой стройке принимаются общественными инспекторами. В выпуске № 35 упоминается о работе на школе по Каляевской ул., где имеется такой инспектор. Автор статьи призывает «перенять опыт передовых».

В целом, газета отражает дух эпохи – почти каждый заголовок связан с темпами строительства, либо какими-либо просчетами в реализации. Дух второй пятилетки явно отражается в заголовках: «Работать, как бригада Червякова!» (№3), «Последние из семидесяти двух» (№6), «Мастера очковтирательства и прорыва» (№9), «Самые отстающие в столице» (№10), и пр. Социалистическое соревнование пронизывает весь материал газеты (например: в выпуске №2 на первой полосе содержится заметка под заголовком «Буксир Орловцев»): «Мы, двадцать каменщиков бригады Орлова, приехав 7 мая на стройку школы № 71 Пролетарского района убедились, что она самая отсталая из всех школьных строек в Москве ... Мы взяли на себя обязательство к 25 мая подвести под крышу здание школы ... Мы вызываем на соревнование всех строителей школы № 71. Мы должны нагнать упущеные дни!». Однако, имеются и примеры более обыденных публикаций. Некто плотник в №17 утверждает о том, что на стройке «нет такой пустяковой вещи, как бачков с кипяченой водой».

Особую роль занимают открытые письма рабочих строек и ударников. Им отведено достаточно много места («Открытое письмо бригады штукатуров Шурикова В. Г. к штукатурам и всем рабочим школьных строек по Огородному переулку и Стрелецкой улице» в выпуске № 37, «Открытое письмо ударников Котельнической стройки коллективу рабочих строительства школы по Садовнической улице» в выпуске №42). Особенно стоит отметить выпуск №14 с заголовком на первой полосе «Совестно так работать, товарищи! Строить школы с «огоньком» по-метростроевски» под авторством плотников бригады Ивана Дмитриевича Телегина. Данное издание имеет лишь один печатный лист (в отличие от других выпусков, здесь оборот листа пуст), и адресовано бригадам Хорошулина и Лукьянова, трудящимся на стройке по Стрелецкой улице. В письме содержатся следующие заявления: «Ваша бригада плотников Лукьянова выполняет свое задание на 80 процентов. Глядеть тошно, как вы, товарищи лукьяновцы, работаете». «Мы работает не так, скажем, не хвастаясь. Ни разу не было по нашей вине задержки каменщиков. Мы со временем не считаемся, звонков не признаем, если не доделана работа. Вот скажем, кончали каменщики кладку в 12 часов ночи, а мы оставались работать до двух часов ночи, готовили им подмостки и на утро в 5 часов мы опять были на работе. Иначе нельзя. Плотников нехватка». Далее приведены примеры работников: «Разве вы не можете так же работать? Можете. Ведь у вас такие прекрасные работники, как бывшие метростроевцы Великошинский, Федотов, Тарасов, Никушин, Титков. Да и сам Хорошулин мог бы работать куда лучше». Данное письмо не просто подтверждает участие метростроителей в строительстве школ, а даже одним своим названием подчеркивает значение метростроя того времени для столицы: «работаем мы, как говорится, с душой, болеем за дело, одним словом – работаем по-метростроевски».

В выпуске № 41 содержится иллюстрация с подписью: «скоро тысячи лучших ударников школьных строек пойдут на строительство набережных. Одеть в гранит 18 километров набережных столицы к 1 ноября – вот задача, поставленная Московским комитетом партии и Моссоветом». Таким образом можно утверждать, что некоторые строители принимали участие не только в возведении метрополитена и потрудились стройке школ, но и внесли свою лепту в возведение столичных набережных.

Ответом на открытое письмо Телегина стал выпуск издания № 21, где на первой полосе опубликован встречный ответ. В основном перечислены встречные планы работ, за которые критикуемые выше бригады, поручились. Бригада Хорошуллина «объявляет себя ударной и вызывает на соцсоревнование бригаду слесарей Хейфеца». «Бригада плотников Тарасова принимает вызов бригады Великошинского и вызывает на соцсоревнование бригаду плотников Николаева». «Бригада хозяевников Гришина, принимая вызов фелюкинцев, обязуется ежедневно вместо пяти штук ступеней изготавливать по 10 и за ближайшую декаду изготовить не меньше 100 штук ступеней», и т. д. Здесь же публикуется и реакция: «письмо бригады Телегина к строителям Стрелецкой школы взбудоражило весь коллектив. Эти дни у всех на устах только и разговор о письме телегинцев, о том, как достойно ответить товарищам на их суровую большевистскую критику».

Упоминается о комсомольских призывах на стройки школы столицы. Так, заметка «Прекрасная бригада» (№35) повествует нам о револьверщице Балакиной, продавца Перевезенцева, работницы фабрики «Мосбелье-2» Сазонкиной и других. «Их и десять других комсомольцев объединила путевка Октябрьского райкома комсомола». В издании №16 рассказывается о создании ударной молодежной бригады комсомольцев и беспартийной молодёжи.

В строительстве принимали участие и пожилые люди. Заметка «Дед не уступит» (№15) рассказывает о работе плотника Маринина Н. Н., которому было 70 лет. «Несмотря на свой возраст, он бодро работает топором, нисколько не уступая молодым членам бригады. «На ударной стройке надо работать по-ударному», – говорит дед Маринин. – Я приглашаю любого на соревнование». Здесь же: «охотников соревноваться с дедом не мало. Они заранее знают – в единоборье дед не уступит».

Строительству зданий активно помогала вся общественность города. Отдельно можно выделить шефскую помощь предприятий, расположенных рядом со строительными площадками. №19 целиком посвящен шефам строек Октябрьского района Москвы. В упомянутом выпуске присутствуют замечания по такой работе к Тормозному заводу: «никакой конкретной помощи они не оказывают ... своих обещаний не выполняют ... Горячо выступали в прениях, голосовали за помощь, «разверстали», какому предприятию сколько рабочих послать на стройку, и ... на этом успокоились. Ни одного человека Тормозной завод на постройку не послал. ... Итак, открыт новый вид шефства – моральное!». Есть и положительные примеры. Так, положительно отзываются о работе шефов НАТИ. Здесь же присутствует интересное дополнение про буфеты на стройках Октябрьского района. Руководство райнарпита открыло их на каждом объекте. «На стройках под салфетками из марли появились различные закуски – рыба жареная, рыба маринованная, сыр, копченая колбаса, икра и прочие яства». Однако, буфеты не пользовались популярностью, поскольку они работали на коммерческой основе. «Гастроном №2 – шутливо называют рабочие свой буфет».

Если же говорить об истории архитектуры, то интересными являются издания, посвященные блочному строительству (№ 10, № 22, № 43, и др.). Можно утверждать, что

такое строительство школ 1935 года становится одним из первых примеров стандартизации архитектуры в нашей стране. Выпуск №10, несмотря на введение новых технологических решений в строительстве, нещадно критикует завод крупных блоков. «Завод срывает стройку», «Безобразно обращаются при погрузке на машины с блоками», «Не наблюдают за температурой», и пр. Стоит отметить, что блочные школы были возведены.

В издании приводится значительное число ранее неопубликованных фотографий школ в период строительства (как внешний вид зданий, так и их внутреннее устройство).

На стройках всегда имелось место закрепления трудовой славы. Выпуск №35 рассказывает о портретах ударников, висящих «в красном уголке постройки». Отдельно можно отметить ранее неизвестный факт об установке статуи лучшего бригадира-каменщика школьных строек 1935 г. Петра Семёновича Орлова перед школой на Кропоткинской ул., д. 12. (№51). В упомянутом издании приводится фотография бригадира напротив установленной статуи.

В результате исследования автору удалось установить, что особенностью школьного строительства 1935 года было то, что оно началось еще до принятия Генерального плана реконструкции города, утверждённого 10 июля 1935 года [1]. Напомним, что по Генплану планировалось: «построить в Москве за десятилетие 530 школьных зданий и в ближайшие три года 390 школьных зданий» [10, с. 545]. Любопытно и то, что по плану из перечня городских социальных объектов (больницы, кинотеатры, детские сады), никакие не предполагалось строить в таких объемах, как школы.

Такие объемы строительства были обусловлены, прежде всего, с их растущей потребностью. Трехсменное обучение и борьба с ним, а впоследствии и борьба за односменное, привычное нам, обучение, требовало увеличение школьных площадей. С 1920 года население города увеличилось почти в 2 раза [4, с. 34]. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22 февраля 1935 г. требовало «ликвидации к осени 1935 года в школах крупных городов» третьей смены. Очевидно, что для обеспечения образовательного процесса необходим был невиданный прежде строительный размах, что и планировалось: «построить в городах СССР в 1935 году 374 школы на 240.390 ученических мест», а в Москве: «72 школы на 62.000 ученических мест».

Нужно иметь в виду, что пресса того времени воспринималась в обществе как инструмент общественного надзора, способ поощрения (хвальба), выражаясь в общественном одобрении, или механизм публичного неодобрения (замечания, «постановка на вид»). Рассмотренное автором исследования издание не стало исключением. В этом заключена одна из социальных функций прессы того периода времени. Причем, выраженное мнение в основном не есть позиция редакции, а выражение идей партийной линии, трактуемой руководством страны [6].

Стоит отметить, что на следующий, 1936 год, город взял более высокую планку. Планировалось построить около 150 школ (было построено 152), что стало новым рекордом за всю историю города. В отличие от предыдущего года, здесь все проекты и места для строительства утверждались заранее (о чём свидетельствуют протоколы заседаний Наркомпроса совместно с Отделом проектирования Моссовета, датированные ноябрем 1935 г. [3]).

Но, первой ступенью стал именно 1935 год. Реализованные проекты школ 1935 года уже осенью будут подвержены массовому критиканству со стороны директоров и руководства

городской системы народного образования [13], а 1 апреля следующего года выйдет постановление СНК и ЦК ВКП(б), заявляющее об основных недостатках: «превышение плановой стоимости школьного строительства в большинстве городов и слабое руководство строительством школ со стороны органов народного образования».

Вместе с тем источники позволяют утверждать, что строительство 1935 года велось не только в рамках сжатых сроков, но и под большим надзором общественности. Это, в свою очередь, отражает контекст и значимость процесса в рамках социально-экономических изменений, происходивших в Советском Союзе в этот период (эпоха второй пятилетки, борьба за реализацию односменной школы по всей стране). Осенью 1935 года все 72 школы вступили в строй, что стало значительным достижением для Москвы, и первым опытом массового строительства такого масштаба.

[11] Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР №1435 (10.07.1935 г.) «О генеральном плане реконструкции города Москвы».

Библиография

1. Блинова Е. К. Ордерные композиции в архитектуре школьных зданий Ленинграда 1930-х годов // Известия ВГПУ. 2010. № 3.
2. Бызова О. М. Строительство общеобразовательных учреждений в Москве в годы первой пятилетки // Вестник МГСУ. 2013. № 6. EDN: QGRZJB.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А2306. Оп. 70. Д. 6799.
4. Жиромская В. Б., Киселёв И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом секретно. Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.
5. Журавлев Д. С. К истории школьного строительства и школьных реформ в Казани в конце 1920-х 1930-е гг. (по материалам периодической печати) // Современная научная мысль. 2024. № 1. DOI: 10.24412/2308-264X-2024-1-174-179. EDN: KRMFCY.
6. Засурский Я. Н. СМИ и становление в России гражданского общества // Журналист. 2023. № 1.
7. Короунская М. И. О новых городских школах строительства 1935 года // Гигиена и санитария. 1936. № 2.
8. Крутухина А. Я., Павлюк А. А. История развития школьного строительства в городе Новосибирске в 1920-1980-е гг. // Магистерские слушанья. 2024. № 1. DOI: 10.24412/cl-37280-2024-1-104-108. EDN: BHECSP.
9. Пономарев А. В. Школьные здания в Ленинграде. От индивидуального проектирования к типовому строительству // Системные технологии. 2022. № 4 (45).
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 2. 1929-1940 гг. М.: Политиздат, 1967.
11. Рогачев А. В. Москва. Великие стройки социализма. М.: "Центрполиграф", 2014. 480 с.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1981. Оп. 1. Ед. хр. 262.
13. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 528. Оп. 1. Д. 242.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Последние годы в российской столице наблюдается настоящий строительный бум: чего

стоит только застройка Новой Москвы, но и внутри МКАД строительство идет нарастающими темпами. При этом строительство школ не отстает от жилищного, в связи с чего представляется важным обратиться к изучению различных аспектов истории строительства школ в Москве в советский период.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является строительство школ Москвы в 1935 году. Автор ставит своими задачами проанализировать историографию школьного строительства в Москве, рассмотреть материалы издания «Вечерняя Москва на стройке школ».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать школьное строительство в Москве в 1935 г. на основе специализированного издания «Вечерняя Москва на стройке школ». Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 13 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного архива города Москвы. Из используемых исследований отметим труды О.М. Бызовой и А.В. Рогачева, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения школьного строительства в Москве. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как гражданским строительством, в целом, так и школьным строительством, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что 1935 год в истории Москвы - это "не только год принятия Генерального плана её реконструкции, год открытия первой очереди московского метрополитена, но и год первого массового строительства школьных зданий в столице". В работе отмечается, что "пресса того времени воспринималась в обществе как инструмент общественного надзора, способ поощрения (хвальба), выражаясь в общественном одобрении, или механизм публичного неодобрения (замечания, «постановка на вид»)". На основе материалов

издания «Вечерняя Москва на стройке школ» автор характеризует школьное строительство в советской столице в 1935 г. Примечательно, что как отмечается в рецензируемой статье,

"каждом выпуске публикуются статистические данные по стройкам: готовность строительства, и его прирост за последние дни". Большое внимание, как отмечает автор рецензируемой статьи, уделялось на страницах издания критике строительства школ, отставание от сроков и т.д.

Главным выводом статьи является то, что

"строительство 1935 года велось не только в рамках сжатых сроков, но и под большим

надзором общественности".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена таблицей, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Соловьев К.А. Подготовка управленческой элиты: программа В.Н. Татищева // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74661 EDN: DKGQHW URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74661

Подготовка управленческой элиты: программа В.Н. Татищева

Соловьев Константин Анатольевич

доктор исторических наук

профессор, кафедра истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, оф. 2

✉ ksоловiov@spa.msu.ru

[Статья из рубрики "Эволюции, реформы, революции"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74661

EDN:

DKGQHW

Дата направления статьи в редакцию:

01-06-2025

Аннотация: Предметом статьи является управленческая мысль России XVIII в. в части подготовки управленческих кадров. В. Н. Татищев, крупный администратор, политики и дипломат второй четверти XVIII века, в своем концептуальном сочинении «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» сформулировал программу формирования в стране системы подготовки управленческой элиты. Выявление концептуальных элементов в представлениях В.Н. Татищева о целях, принципах и механизмах образовательной деятельности государства составляет задачу данной статьи. В статье выделяются структурные элементы его программы по формированию в России системы подготовки управленческой элиты. Эти элементы обозначены как ценностная структура, ресурсная структура и инструментальная структура; обозначается соотношение между тремя семантическими структурами и указывается на роль исторического анализа в формировании предложений Татищева. Базовый метод проведенной работы – структурный анализ текста В. Н. Татищева, с выявлением его структурных элементов. Методы анализа материала и его концептуализации ориентированы на структурный

подход и систематизацию тех положений, которые были изложены Татищевым в логике риторического диалога. Результатом проведенного анализа стало выявление трех структур, разного уровня, позволяющих Татищеву представить его взгляды на подготовку управленческой элиты страны в единой системе и предложить программу создания учебных заведений. Первая структура – ценностная. Она включает в себя цель и принципы, на которые должна опираться работа по созданию системы образования. Вторая структура – ресурсная. В ней автор обозначил те возможности, которые необходимо задействовать для создания такой системы. Переходом от первой ко второй структуре служили исторический обзор тех мер, которые предпринимал император Петр I и анализ современного Татищеву состояния дел в этой сфере. Третья структура – инструментальная. Это набор конкретных действий, которые необходимо предпринять для решения задачи. Новизна исследования состоит в выявлении концептуальных элементов взглядов В.Н. Татищева в сфере подготовки управленческих кадров. Его выводы могут применяться при изучении управленческой мысли и деятельности по государственному управлению в России.

Ключевые слова:

история России, история государственного управления, Управленческая мысль, Россия восемнадцатого века, Петр Великий, Василий Татищев, История образования, Методика подготовки элиты, История просветительской мысли, Программа Татищева

Подготовка управленческих кадров в России, начиная со времени первых преобразований Петра Первого, воспринималась как одно из специфических направлений в деятельности государства. Это была задача (одновременно моральная и управленческая), от решения которой зависела возможность модернизационных преобразований в стране и последующая за этим деятельность по совершенствованию всех сторон жизни общества. Одним из тех кто в XVIII в. предлагал свои варианты решения этой задачи, был В.Н. Татищев, одновременно интеллектуал, обладавший энциклопедическими знаниями; «талантливый и инициативный администратор» [18, с. 4]; яркий политический деятель времен утверждения во власти императрицы Анны Иоановны и государственный служащий высокого ранга, «положивший начало становлению теории и практики школьного дела в России» [12, с. 7].

В отечественной литературе совокупность взглядов Татищева на обучение в воспитание рассматривается, исходя из разных подходов их содержанию и как «философия воспитания» [5, с. 93] (в другой формулировке – «моральная философия» [13, с. 121]), и как совокупность «педагогических идей» [15, с. 101; 17, с. 1-2; 4, с. 78], и (что ближе всего к теме данной статьи), как изложение «образовательной политики государства» [10, с. 44]. Следует отметить, что работа Татищева над программой создания системы подготовки управленческих кадров пришлась на период своеобразной «паузы», между энергичной, но слабо структурированной в этой сфере деятельностью Петра Первого и началом системной работы по совершенствованию образования, начатой по инициативе М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова. Эта «пауза» отмечена своеобразными «пробелами» в современной литературе посвященной истории высшего образования в России XVIII в. [3; 6; 7].

Для проблематики настоящей статьи важно, что взгляды Татищева, изложенные в трактате, именуемом «Разговор дву приятелей о пользе науки и училища» (далее –

«Разговор») уже были обозначены в предшествующей литературе, как «проект построения широкой системы образования» [15, с108], но сделано это было лишь на основе анализа его педагогических воззрений, без попыток структурировать его предложения, в контексте становления российской системы подготовки управленческих кадров и обозначить их как набор системных управленческих решений. Именно такая задача ставится в данной статье. Для ее решения необходим структурный подход, в рамках которого опорный текст Татищева – «Разговор» – должен быть подвергнут анализу на предмет выявления в нем *нескольких семантических структур, иерархически связанных между собой*. В основе своеобразной пирамиды тем, волновавших Татищева, находится *ценностная структура*, выявляющая целеполагание в работе системы обучения, которую предстояло создать и содержащая те принципы, на которые она должна опираться. Следом за ценостной следует *ресурсная структура*, обозначающая возможности достижения заявленных целей. И на вершине этой «пирамиды структур» находится *инструментальная структура*, то есть последовательность управленческих решений, предлагаемых Татищевым для реализации его программы. Выявление этих структур позволит оценить как масштабность программы Татищева, так и ее применимость к тем условиям, в которых находилась российская управленская элита второй четверти XVIII в.

Содержание документа, озаглавленного Татищевым «Разговор дву приятелей о пользе науки и училища», значительно шире заявленной темы. С.Н. Валк, в статье предваряющей научную публикацию этого текста, назвал его «энциклопедическим трактатом по истории русской общественно-политической мысли» [1, с. 8]. Но это определение не охватывает всю полноту тем, представленных в трактате. Необходимость примирить научное познание мира с традиционными религиозными представлениями православного христианина, вызывала потребность в многочисленных отступлениях, главное содержание которых состоит в доказательстве не только и не столько «пользы» науки, сколько ее совместимости с религиозным мировоззрением. Выбранная Татищевым литературная форма – диалог – допускает возможность многочисленных поворотов темы и большое количество отступлений, что превращает этот текст в подобие лабиринта. Структурно «Разговор» противоположен таким понятиям, как «концепция» или «программа». Тем не менее в нем содержатся, пусть и в разрозненном виде, все основные элементы программы подготовки управленческой элиты (именуемой Татищевым «шляхетством»). К тому же одна из частей этого трактата представляет собой план мероприятий по созданию в России системы образовательных учреждений, что усиливает концептуальное содержание «Разговора» в целом.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы вычленить ключевые элементы текста Татищева, относящиеся к проблематике обучения управленческой элиты страны (включая цели обучения и меры по ее достижению) и придать им вид единой структуры – программы. Методы анализа материала и его концептуализации ориентированы на структурный подход и систематизацию тех положений, которые были изложены Татищевым в логике риторического диалога, для которого «побуждение мыслить самостоятельно» [8, р. 151] важнее систематизации уже имеющегося знания. В рамках данной методологии структура воззрений Татищева по проблеме подготовки управленской элиты выражена подзаголовками данной статьи.

Обоснование программы. Цель и принципы обучения.

Сам по себе тезис о необходимости образования в жизни каждого человека для Татищева бесспорен и выражен в осознанно безличной форме: «Сие о единственном

человеке, довольно видится, доказует, что человек от начала жизни даже до престарения учиться нужду и пользу имеет, и что человеку учение свет, а неучение тьма есть, и напоследок человек мудрый и в крайнем убожестве довольнее, нежели буйство в величайшем богатстве и изобилии» [\[16, с. 69\]](#). Но тезис о том, что образованная элита необходима государству, не может быть принят «per se». Он требует обоснования, поскольку является элементом не личных воззрений, а публично выраженной позиции государственного деятеля, каким был В.Н. Татищев в годы написания «Разговора». И он обосновывает потребность в образованной элите обращаясь к опыту управления XVI – XVII вв. :

«Что же число людей в Сенате, или по тогдашнему званию в Палате, в разных приказах, губерниях и городех гражданских, яко же и воинских правителей было немало, оное правда, токмо сколько между оными иногда достойных того звания было, то тебе руские гистории обстоятельнее покажут, нежели я сказать хочу, а особливо, почитай, походы казанскии действия от вельмож руских от времени царя Феодора Ивановича до воцарения Алексея Михайловича, которое, чаю, не без ужаса и слез прочитаешь и познаешь, сколько от недостатка наук и скудости в разуждении от их порядков беды и раззорения государству учинилось, большая же всему тому притчина была фамылная спесь, которое хотя от царя Иоанна 1-го все государи пресечь прилежали, но ни един возможе. Даже Петр Великий оное совершенно и все оные древние беспорядки искоренил ... как чрез познание состояния и порядков других государств, для которого так многое число шляхетства в разные государства для обучения посыпано, в России многие школы заведены и знатные иноземцы в службу приняты были» [\[16, с. 101\]](#).

«Фамильная спесь» в этой цитате – понятие, выражающее крайнюю степень невежества правящей элиты. Устранение невежества, как главного фактора неэффективной, а порой катастрофической политики, становится одной из самых важных задач разумного и просвещенного правителя. Это положение вытекает из логики правления Петра Первого: учреждение школ и инкорпорация в элиту носителей современного научного знания – вот два способа избежать «беды и разорения». Соответственно подготовка управляемской элиты, компетентность которой определяется а) пониманием законов природы («науки»), б) знаниями о других народах («языки») и в) представлением о справедливой организации общества («закона гражданского») – должно стать целью образовательной политики государства.

Реализация же этой цели должна привести к формированию элиты, обладающей, говоря современным языком, необходимыми компетенциями в работе с информацией: умением получать новую информацию и знанием способов ее анализа. Быстро научится этому невозможно. В юности можно лишь получить навык такой работы, а совершенствовать этот навык нужно всю жизнь: «Но паче помысли о себе, когда ты каждодневно с людьми обходишься и разговоры имеешь, то мню, что каждой день услышишь, чего не слыхал, или слыхал, да не в том обстоятельстве и разсуждении, а особливо между людьми учеными; естьли же пойдешь к разным ремесленникам, то всегда у них увидишь новые обстоятельства. И тако все оное есть невидимое учение и с пользою продолжается даже до смерти» [\[16, с. 69\]](#).

Базовый принцип обучения, предлагаемый Татищевым состоит в том, что оно должно быть сословным. Он утверждает, что образование полезно всем, пишет даже «Я же рад и крестьян иметь умных и ученых» [\[16, с. 86\]](#). Но в ответ на вопрос № 47 о том, для кого полезно обучение: для «знатности» или для «подлости», отвечает так: «Мой государь, прошу мне онную вину, что я невнятно выразумел, отпустить, ибо подлинно то разумел о

шляхетстве» [\[16, с. 85\]](#). Следуя принципу сословности в обучении Татищев, выделял в качестве тех «наук» которые нужны именно «шляхетству» (то есть тем, кто должен заниматься управлением): а) знание языков, как иностранных, так и тех, на которых говорят жители страны и б) знание законов «понеже шляхтич всякой по природе судия над своими холопи, рабами и крестьяны, а потом может по заслуге чин судии нести яко в войске, тако и в гражданстве» [\[16, с. 128\]](#). Помимо того, к общему набору компетенций, необходимых обучающимся любой сословной категории, он добавлял «шляхетские науки»: «на шпагах биться, на лошадях ездить, танцовать, знаменования и пр. т. подобное...» [\[16, с. 85\]](#)

Исторический обзор: план Петра Первого и его реализация

В ответе на вопрос № 75 (о необходимости «училищ») Татищев использует прием, который сейчас именуется «жанровая вставка» или «вставной эпизод» [\[11, с. 38\]](#). Он рассказывает о поручении, полученном от Л.Л. Блюментроста, перед отъездом в Швецию – «подыскать ученых людей» для формирующейся академии. Иронический ответ Татищева («Ты хочешь зделать архимедову машину очень сильную, да поднимать нечево и где поставить места нет» [\[16, с. 105\]](#)) услышал присутствующий при разговоре император и ответил Татищеву притчей следующего содержания:

«Я имею жит скирды великие, токмо мельницы нет, да и построить водяную, и воды довольства в близости нет, а есть воды довольно во отдалении. Только канал делать мне уже не успеть, для того что долгота жизни нашея ненадежна, и для того зачал перво мельницу строить, а канал велел только зачать, которое наследников моих лучше понудит к построенной мельнице воду привести. Зачало же того я довольно учинил, что многие школы математические устроены, а для языков велел по епархиям и губерниям школы учинить, и надеюсь, хотя плода я не увижу, но оные в том моем отечеству полезном намерении не ослабеют» [\[16, с. 105\]](#).

Жито в этой притче – это народ, образования не имеющий, мельница – система образовательных учреждений, которая еще не «построена», канал же (смысл короткого в том, чтобы привести «жернова» в движение) – Академия, то учреждение, которое, одновременно испытывало потребность в образованных кадрах и должна была решать задачу подготовки этих кадров. Замысел же Петра Первого (в изложении Татищева) состоял в том, чтобы сформировать контур будущей системы, формируя учреждения «внизу» («мельницу строить») и «наверху» («канал зачать»).

Воплощение этого плана Татищева разочаровало: «окончаю тем, что все доднесь устроенные школы государственные к научению всех тех, которых и тому, чему нуждно учиться, научить еще не в состоянии» [\[16, с. 106\]](#).

Анализ существующих элементов обучения

Анализ текущего положения в сфере образования, привел Татищева к следующем выводам: а) система образования, которая могла бы удовлетворить потребность дворянства в качественной подготовке порастающего поколения в России отсутствует; б) Академия, созданная Петром Первым оторвана от «нижних частей» образования; в) потребность в обучении реализуется дворянством самостоятельно, в виде одной из трех индивидуальных стратегий. Каждой из этих стратегий Татищев уделил внимание в «Разговоре», обращая внимание прежде всего, на недостатки.

Стратегия 1. Домашнее обучение, самое распространенное в России того времени. В

этом способе подготовке «шляхетства» Татищев видит большее количество недостатков, сводя их к пяти пунктам:

- 1) По-настоящему хороших педагогов могут себе позволить «выписать» из-за границы только «богатые и могущие».
- 2) Но и богатые «за недостатком искусства принимают учителей к обучению весьма неспособных», часто - поваров и лакеев, «и каких-либо непотребных волочаг для обучения благонравия и политики принимают и потом за положенные деньги вред вместо пользы покупают».
- 3) Даже самые лучшие иностранные учителя ничего не знают о России. А это значит, что «знание исповедания веры, законов гражданских и состояния собственная отечества назад и в забвении остается».
- 4) Сама обстановка дворянского дома, в которой «дети призрением матерей и холопей воспитываются» не способствует успеху обучения. Этот пункт получает продолжение в следующем.
- 5) Домашнее образование принципиально противоположно задачам подготовки гражданина: «Обхождение детей в доме з бабами, девками и рабскими детьми есть весьма вредное, потому что научится токмо неге, спеси, лености и свирепству, а учтивости и почтениям к равным и меньшим себе, как то между всем шляхетством нужно, до возраста и знать не будет» [\[16, с. 104-105\]](#).

Стратегия 2. Обучение в специализированных военных учебных заведениях: кадетском училище, адмиралтейской, артиллерийской, инженерной школах. Ориентация этих школ на потребности в подготовке армейских кадров сужает их возможности, как образовательных заведений для элиты. К этому же ведет отсутствие необходимых уличителей и методик обучения, ориентированных на юный возраст воспитанников. Результат действия всех этих негативных факторов, по Татищеву, следующий: «Многих учившихся через 5 лет и более видеть случилось, что, кроме тех, кои в домех обучались, мало кто научился, зане начальники их наиболее прилежат их ружьем обучать» [\[16, с. 107\]](#).

Стратегия 3. Обучение в других странах. Это самый эффективный способ, поскольку позволяет использовать образовательные ресурсы тех стран, откуда современное знание пришло в Россию, выбирая при этом траекторию образования: «Англия, а в феологии и гистории Франция первенствует, потом ... Италия во врачестве, Германия в размножении и лучшем произведении горных и конских заводов, Голандия в купечестве, Швеция в гистории древностей, языке латинском» [\[16, с. 112\]](#). Но этот способ доступен немногим, «тем, которые впредь чают или надежду имеют быть в знатных услугах и правлениях, яко в Сенате, Иностранной Коллегии и в посольствах во иностранные государства» [\[16, с. 110\]](#). Кроме того, «в чужие краи посыпать младенцев без надежного признания, а наипаче в малолетстве от вреда небезопасно» [\[16, с. 104\]](#). Возможный результат такой образовательной поездки «которые спились, смотались или, быв, ничего полезного не научились». Впрочем, по мнению Татищева, все то же самое могло случиться с этими учениками и «дома будучи» [\[16, с. 211\]](#).

Татищев не поместил в «Разговоре» общих выводов о недостатках существующего на тот момент положения дел в подготовке управленской элиты. Но наглядность обозначенных

им недостатков в каждой из стратегий такова, что общие выводы легко может сделать читатель. На наш взгляд они таковы:

- общей стратегии подготовки элиты нет; государство крайне слабо участвует в этом процессе;
- сам процесс обучения (применительно к каждой из индивидуальных стратегий) несбалансирован; в нем доминирует либо изучение языков, либо военная подготовка;
- самое слабое направление подготовки – «законы гражданские», то есть то, что более всего нужно тем, кто будет задействован в сфере управления;
- учителя рекрутируются, главным образом из иностранцев, без должной оценки их компетенций.

Тщательный анализ всех имеющихся стратегий в образовании, с выделением как сильных сторон (главным образом для стратегии зарубежного образования), так и имеющихся недостатков, дал Татищеву возможность обозначить собственные подходы к формированию отечественной системы подготовки управленческих кадров.

Программа Татищева

Предлагаемые Татищевым меры, по созданию системы государственного обучения российского дворянства он обосновывал предсмертной волей великого государя (см. выше «притчу о мельнице»), издавшего указы о создании училищ «что по всем губерниям, правинциям и городам учредить надлежит» [\[16, с. 129\]](#) и представлял их как способ реализации намерений Петра Первого.

Прежде всего он, сформулировал принципы организации единой системы образования. Этих принципов пять и первый из них, уже описанный выше принцип сословности: «особливо что шляхетству нужно, особно от подлости отделено было» [\[16, с. 129\]](#). Это универсальный принцип распространяющий на сферу образования то правило, которое действовало во всех сферах российского социума. Далее следовало изложение четырех инструментальных принципов, выполнение которых должно создать необходимые условия для создания эффективной системы обучения:

- принцип преимущества нравственного начала у преподавателей («чтоб учители к показанию и наставлению нуждного и полезного способны и достаточны, а паче от подания соблазна безопасны были»);
- принцип опережающего обеспечения процесса обучения («чтоб все шляхетству нужное всюду без недостатка к научению могло быть показано, и для того книги инструментов надобно иметь з довольством»);
- принцип участия дворянского сословия в формировании системы обучения («чего казенное или определенное от государей не вынесет, то нужно шляхетству самим на то доходы сложить и учредить»);
- принцип компетентного контроля («что над всеми надзирание таким поручено было, которые довольно искусство в науках, а наиличе ревностное радение о пользе отечества изъявить») [\[16, с. 129\]](#).

Следующей частью его программы стал расчет средств, которые можно было бы направить на создание системы училищ. Как человек с огромным опытом управления,

Татищев хорошо понимал, что задача получить дополнительное финансирование если и решаема, то не сразу. На это потребуется много времени и усилий. Поэтому он ориентировался на те 700 тысяч рублей, которые выделялись в год на обучение 360 дворян в «кадетском корпусе». Сократив число обучающихся на средства государства до 200 человек, с тем чтобы еще триста учились за свой счет (принцип соучастия дворянства в обучении) и приняв ряд мер для экономии средств, Татищев предполагал получить возможности для финансирования еще нескольких училищ: «яко в Москве 200 и в Малороссийской, Белогородской или для обоих в Севске и в Казании по 100, в Воронежской, Нижегородской, Смоленской и Вологде по 50 человек», - всего 500 человек, обучающихся вне столицы, но в тех городах, «где довольно токмо учителей, офицеров, книги, инструменты и училище казенным содержать, а ученики могут сами поблизости и дешевизни мест и от малых доходов сами содержаться, разве токмо для убозших по неколику покоев при училищах построить» [\[16, с. 129-130\]](#).

Общее количество обучающихся в системе кадетских корпусов по всей стране Татищев предполагал довести до одной тысячи, что отвечало потребности дворянских семей в качественном обучении молодых дворян (эта потребность выявляется тем, что в 1762 г. количество обучающихся было увеличено до 600 человек) [\[14, с. 224\]](#). В 1736 г. Сухопутный (кадетский) шляхетский корпус выпустил 83 человека – четвертую часть общего количества обучающихся [\[9, с. 127\]](#). Я.Е Водарский, в своем труде по изучению населения России в конце XVII – начале XVIII вв., определил общее число дворян – офицеров и чиновников – по состоянию на 1837 г. в 5 тыс. человек [\[2, с. 65\]](#). При выполнении программы Татищева, ежегодный выпуск по всей системе корпусов должен был составляться около 250 человек – одну двадцатую от общего числа служащих, что должно было в значительной степени восполнить недостаток в офицерских и чиновничих кадрах, вызванный, как потерями в боях, так и отставкой по причиной болезней и старости.

Особый пункт программы Татищева – обучение тех, кто будет определен не в военную, а в гражданскую службу. В то время, когда Татищев писал свой «Разговор», такая практика уже существовала в Сухопутном шляхетском (кадетском) корпусе. Особый порядок обучения был введен для тех, кто показал способности к иностранным языкам и мог, по окончании корпуса, быть направлен в Коллегию иностранных дел, на должность переводчика. Татищев, судя про тексту его «Разговора», хорошо знакомый с тем, как организован процесс обучения в кадетском корпусе, предложил эту практику использовать в качестве модели для обучения гражданских государственных служащих. При этом, в своих предложениях он пошел значительно дальше простой вариативности в обучении, поскольку главное содержание этих предложений – в соединении обучения с практикой. Выглядело это следующим образом:

«...чтоб они гражданским делам, могли обучаться, можно ис тех же корпусов к приказным делам в каждую коллегию, канцелярию или кантору, смотря помножеству и потребности дел, по несколько человек, смотря по способности их, определить и по три дни в седмице до полудня им в канцеляриях обучаться, чего должны офицеры, а паче тех мест судьи прилежна надзирать, чтоб они прилежали, и секретари им все, что к наставлению и известию потребно, нескрытно показывали и в письме употребляли; а вместо того всем обучение ружьем оставить тамо 1 день в седмице, и то для тех токмо, которые не меньше 13 лет и не слабого состояния, чтоб их оным не изнурять и от нужднейших книжных наук времяни не уменьшать. Сим образом немалая часть шляхетства повсюду без труда обучаться могут» [\[16, с. 130\]](#).

Важной частью программы Татищева стало указание на те ресурсы, которые необходимо задействовать для начала работы тех кадетских корпусов, которые он предлагал открыть. Первый и важнейший ресурс – человеческий (интеллектуальный). Военно-учебным заведениям необходимы были преподаватели, в качестве которых Татищев предлагал использовать: а) офицеров, желательно не молодых, имеющих семьи, российских подданных, «таких, хотя склонность к наукам имеют»; б) учителей-иностранцев, продемонстрировавших свои навыки, «ибо не всякий ученый к научению других есть способен»; в) русские ученики «гимназий подлых», взятые в качестве помощников иностранных учителей, с тем, чтобы со временем они сами стали учителями, заменив иностранцев [16, с. 130].

Еще один ресурс обучения – пособия, недостаток которых не позволяет выстроить учебный процесс. По оценке Татищева, в России того времени использовались только те учебники «что вечно достойны памяти Петр Великий, как сам до артиллерии, фортофикации, архитектуры и пр. охоту и нужду имея, несколько лучших перевести велел, и напечатаны, но и тех уже купить достать трудно, а более почитай, не видим» [16, с. 130-131]. Мера, предложенная Татищевым, для решения проблемы учебников – организация коммерческих типографий («вольные друкарни з безопасным учреждением» [16, с. 131]).

Выходы

Обращаясь тем задачам, которые были поставлены для этой статьи, мы можем сделать вывод о том, что в рамках ценностной структуры трактата «Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах», ключевым понятием является *польза, проносимая обучением государству и его населению*, что безусловно определяется раннепросветительским концептом «общего блага». Вместе с тем, *принцип сословного образования*, не только не отвергается Татищевым, но и закладывается в основу предлагаемой им программы. Две другие структуры – *ресурсная и инструментальная* составляют тесным образом связанные части его программы формирования в России системы общеобразовательных учреждений, ориентированных, в первую очередь, на потребности государства в служащих и потребности дворянства в качественней подготовке молодого поколения к государственной службе. Связующим элементом между ценностной и остальными двумя структурами служит описание усилий Петра Первого по созданию условий для создания системы образования в России, с оценкой ее результатов и характеристикой тех форм обучения которые существовали то время, когда Татищев писал свой текст.

Библиография

1. Валк С. Н. О составе издания // Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. VIII. М.: Ладомир, 1996. С. 5-35.
2. Водарский Я. В. Население России в конце XVIII – начале XVIII века (численность, сословно-кассовый состав, размещение). М.: "Наука", 1977. 263 с.
3. Гончаров М. А. Становление и развитие высшего образования в России в XVIII веке // Преподаватель XXI век. 2010. № 3. С. 133-140.
4. Жаровина О. А. Аксиологический потенциал педагогических идей В. Н. Татищева в контексте формирования ценностных основ российского образования XXI века // Вестник ЮУрГПУ. 2010. № 6. С. 76-85. EDN: MTAQGV
5. Замалеев А. Ф. "Новая порода людей", или философия воспитания эпохи русского просвещения // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2013. № 2. С. 90-97.
6. Змеев В. А. Проблемы управления Российской высшей школой в XVIII в // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2011. № 2. С. 64-74.

DOI: 10.51314/2073-2635-2011-2-64-74 EDN: OKBTYL

7. Киселев И. В. Государственное управление высшими учебными заведениями России в XVII – XVIII вв. // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. № 12-2 (99). С. 12-15.

DOI: 10.32743/UniLaw.2022.99.12.14524 EDN: NHDWOY

8. Корниенко А. Н. Диалог как жанр философского текста // SWorlJournal. 2018. Issue 5. Part 1. P. 148-152.

9. Лузанов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус) при графе Минихе. Исторический очерк, составленный по архивным материалам. СПб., 1907. 138 с.

10. Моряков В. И. Проблема воспитания "Истинного сына Отечества" в России XVIII в // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. № 2. С. 42-57. EDN: KYLMLB

11. Пилюгина С. В. Жанровая вставка как литературоведческая категория // Вестник ТГУ. 2009. № 2. С. 37-41.

12. Смирнов В. И. В. Н. Татищев у истоков отечественной модели педагогического образования // Историко-педагогический журнал. 2013. № 1. С. 7-11. EDN: QAEIEH

13. Согомонов А. Ю. Моральная философия и ранняя образовательная практика в России. В. Н. Татищев – просветитель и основоположник отечественной инженерной дидактики // Ведомости прикладной этики. 2023. № 2 (62). С. 119-137.

14. Стародубцев М. П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус как универсальное учебное заведение XVIII века // Ученые записки университета Лесгафта. 2016. № 1 (131). С. 223-228. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.01.131.p223-228 EDN: VJFVTT

15. Сутырина Т. А. Аксиологический потенциал педагогических идей В. Н. Татищева // Образование и наука. 2005. № 1. С. 100-108. EDN: JHKJXV

16. Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Ладомир, 1996. Т. VIII. С. 51-132.

17. Шубина Н. А. Педагогические идеи В. Н. Татищева, одного из основателей г. Екатеринбурга // Научные исследования в образовании. 2007. № 4. С. 1-7. EDN: MBHXBF

18. Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М.: "Наука", 1985. 367 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня в условиях становления суверенного курса перед Россией встают различные вызовы, среди которых и подготовка квалифицированных управленческих кадров. Всем памятна крылатая фраза Иосифа Сталина «Кадры решают все», однако разумеется вопрос подготовки профессионалов своего дела, в том числе в сфере управления, стоял достаточно остро в различные исторические периоды. В этой связи вызывает интерес изучение исторического опыта подготовки управленческих кадров в России.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является программа В.Н. Татищева по подготовке управленческих кадров в России. Автор ставит своими задачами проанализировать «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ», а также раскрыть предложенную В.Н. Татищевым программу по созданию системы государственного обучения российского дворянства.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать работу В.Н. Татищева над программой создания системы подготовки управленческих кадров в России.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 18 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем прежде всего на собственно труд В.Н. Татищева «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ». Из используемых исследований отметим работы В.И. Смирнова и Н.А. Шубиной, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения педагогических идей В.Н. Татищева, а также монографию А.И. Юхта, посвященную государственной деятельности Татищева в 1720-1730-е гг. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как подготовкой управленческих кадров, в целом, так и историей проектов по государственному обучению управленцев, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «подготовка управленческих кадров в России, начиная со времени первых преобразований Петра Первого, воспринималась как одно из специфических направлений в деятельности государства». В.Н. Татищев, анализируя существующее положение в сфере образования, приходит к следующим выводам: «а) система образования, которая могла бы удовлетворить потребность дворянства в качественной подготовке порастающего поколения в России отсутствует; б) Академия, созданная Петром Первым оторвана от «нижних частей» образования; в) потребность в обучении реализуется дворянством самостоятельно, в виде одной из трех индивидуальных стратегий». Автор отмечает следующие сформулированные Татищевым принципы подготовки управленческих кадров: принцип преимущества нравственного начала у преподавателей, принцип опережающего обеспечения процесса обучения, принцип участия дворянского сословия в формировании системы обучения, принцип компетентного контроля, принцип сословности.

Главным выводом статьи является то, что "в рамках ценностной структуры трактата «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», ключевым понятием является польза, проносимая обучением государству и его населению, что безусловно определяется раннепросветительским концептом «общего блага».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, в тексте имеются опечатки («Разговор дву приятелей»).

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Албогачиев М.М. О связи термина “мосхи” с названием галгайского средневекового поселения Мецхал // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.70847 EDN: DREPEA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70847

О связи термина “мосхи” с названием галгайского средневекового поселения Мецхал

Албогачиев Магомед Михаилович

ORCID: 0009-0006-3925-1554

магистр; кафедра «История»; Ингушский государственный университет

386001, Россия, республика Ингушетия, г. Магас, пр-т Зязикова, 7, каб. 302

 magomed_albogachiyev77@mail.ru

[Статья из рубрики "История этносов, народов, наций"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.70847

EDN:

DREPEA

Дата направления статьи в редакцию:

26-05-2024

Аннотация: В статье исследуется вопрос о происхождении названия средневекового галгайского поселения «Мецхал» в Джейрахском ущелье Ингушетии, его связи с именем народа мосхи, упоминаемого в античных и раннесредневековых источниках, локализуемого в Мосхийских горах, а также в других районах Закавказья. В XIX в. Мецхал был центром Мецхальского общества - этнотERRиториальной группы в составе ингушей. Согласно собранным Н. Г. Волковой сведениям, поселение с таким названием (Мецхал) находилось на территории Мцхета-Мтианети в Грузии, в том районе, где грузинский географ первой половины XVIII в. Вахушти Багратиони локализует Дзурдзукети. Цель статьи – на основе этимологического анализа терминов «Мецхал» и «мосхи», а также анализа некоторых исторических, историографических источников, показать, что данные термины являются однокоренными. Для получения объективного результата в процессе исследования были использованы разные источники, из которых основными являются работы известных ученых Г. Дж. Гумба, В. В. Латышева, Н. Г. Волковой, Дьяконова, Г. А. Меликишвили, Б. Б. Пиотровский, Б. К. Далгата, исследователя-краеведа А. С. Сулейманова и др. При изучении данного вопроса в

работе использовались нарративный, историко-генетический, историко-хронологический, историко-сравнительный и др. методы. В ходе исследования автор приходит к выводу, что термины «Мецхал» и «мосхи» одного происхождения, связаны с дзурдзуками, в том числе с обществом орцхоецев-мецхальцев, переселившихся из Мцхета-Мтианети на северные склоны Центрального Кавказа и потеснив местных кистов-феппинцев, поселилось в Джейрахском ущелье. При этом некоторые рода этих дзурдзуков, мигрировали далее на восток и обосновались в Гула, Цори и Мержа, где позднее стали известны «Гулой», «Цорой» и «Мержой». На взгляд автора, дзурдзуки, мигрировавшие в Мцхета-Мтианети из местности своего древнего проживания на территории Юго-Восточного Причерноморья, могли объединяться под общим наименованием «месх(ой) // мецхал(ой)». Область применения результатов работы включает изучение истории нахских и закавказских народов. Новизна исследования заключается в том, что в статье более конкретизировано показывается связь термина «мосхи» с нахскими народами. Автор наметил перспективные направления дальнейших исследований данного вопроса.

Ключевые слова:

Мосхи, Мецхал, Месси, мушки, орцхоецы, дзурдзуки, Цори, Квирилам, Квирила, миграция

Введение. Одним из спорных вопросов в истории, связанных с проблемой этнического происхождения народов Восточного Причерноморья и Закавказья, является вопрос о происхождении мосхов (др.-греч. *Móschoi*). Народ этот античными авторами упоминается в горных районах Южного Кавказа, начиная с V в. до н. э., с именем которого сопоставляются названия нескольких объектов: Мосхийских гор – горного хребта к северу от долины реки Чороха, области Самцхе (Са-месхети) и поселения Мцхета (Месхета), расположенного у впадения реки Арагви в Куру» [\[1, с. 188\]](#). «Мосхийскими горами» (греч. τὸ Μοσχίκων ὄρη) греческих источниках называется часть гор Малого Кавказа и от них, якобы, народ мосхи получил свое имя [\[2, с. 882\]](#). О Мосхийских горах упоминает также Клавдий Птолемей [\[3, с. 244\]](#).

Вопросом о происхождении мосхов и их названия занимались такие видные ученые как Н. Я. Марр, Г. А. Меликишвили, Б. Б. Пиотровский, О. Д. Лордkipанидзе, И. М. Дьяконов, О. Л. Габелко, Дж. Г. Маккуйн, А. Хачатрян С. Т. Еремян, Ю. Н. Воронов, К. М. Туманов и др.

О связи мосхов с нахскими народами писали Л. П. Семенов, Е. И. Крупнов, Т. М. Айтберов и др.

Довольно подробно этот вопрос разбирал абхазский историк Г. Дж. Гумба, на исследования которого мы часто будем ссылаться в свое статье.

Мосхи. Ряд исследователей считает, что мосхи в античных источниках, являются предками грузинского племени месхи, жившего в юго-западной Грузии, в Месхети [\[4, с. 96, 150; 5, с. 48; 6, с. 35; 7, с. 17-30\]](#). Впрочем, гипотеза о грузинской принадлежности мосхов в научной литературе была подвергнута вполне обоснованной критике [\[1, с. 190\]](#).

Древнегреческий историк и географ Гекатей Милетский (ок. 550-476 гг. до н. э.) в своем «Землеописании», пишет о мосхах как о колхском племени и локализует рядом с

матиенами [3, с. 3; 8, с.55, прим. № 9]. Геродот упоминает мосхов, вместе с тибаренами, макронами, моссиниками и марами, в состав 19-й сатрапии империи Ахеменидов, располагавшейся в Юго-Восточном Причерноморье, ограничиваясь на юге Армянским нагорьем. При этом матиены и алароды (алародии) жили рядом в составе 18-й сатрапии [3, с. 9]. По мнению Геродота, вооружение мосхов было схоже с вооружением тибаренов, макронов, моссиников и маров, а на голове, как и колхи, носили деревянные головные уборы, имели небольшие сыромятные щиты и короткие копья с длинными наконечниками [3. с. 57; 8, с.55, прим № 9].

Палефат в седьмой книге сочинения Трояка сообщает: «к керкетам примыкают мосхи, и хариматы владеют Парфением до Эвксинского Понта» [3, с. 270]. Гелланик также локализует мосхов на восточном побережье Черного моря рядом с керкетами: «Выше керкетов (Κερκετέων) живут (οι'κέουσι) мосхи и хариматы, ниже генохи, а выше кораксы (κάτω δ' Ἕνιοχοι, α' υω δε` Κοραξοι)» [3, с. 270]. Страбон в 10-й книге своей «Географии» называет сперва ахейцев, затем зигов, потом генохов, далее керкетов, мосхов, колхов...» [9, с. 468]. Марк Анней Лукан указывает мосхов между сарматами и колхами [10, с. 148].

Судя по вышеприведенным данным, античными авторами мосхи локализуются среди колхских племен, начиная от халибов и до границ с керкетами и сарматами, т.е. по всей территории Колхиды.

Согласно Страбону «р. Фасис (Квирила) берет начало на северо-западной окраине Лихского хребта, за которым далее уже тянутся отроги Главного Кавказского хребта. Реки Главк (верхнее течение Риона) и Гипп (груз. Цхенисцкали) берут начало с южных отрогов Главного Кавказа. Выше верховьев названных рек, по Страбону, находится страна мосхов» [9, с. 468; 1, с. 203]. Выше Колхиды и Иберии (также как Страбон в верховьях Фасиса) локализует мосхов и Плиний Старший [1, с. 204]. Плиний, как и Страбон, называет Фасисом р. Квирила – левый приток Фасиса (соврем. р. Риони). Главком называется верхнее течение Риона, а Гипп – р. Цхенисцхали. Иными словами, Плиний и Страбон, локализуют мосхов на территории соврем. Рача-Лечхуми и Южной Осетии [11, с. 156; 1, с. 204].

Свое наименование Лихский хребет, возможно, получил от названия р. Б. Лиахви, протекающая к востоку от этого хребта. Река берет начало в ледниках склонов горы Лазг-Цити (сравн. *Ляжги* – название н. п. в Джейрахском ущелье Ингушетии). В основе гидронима *Лиахви* (осет. *Леуахи*), возможно, лежит нахск. лоа // луо (< лав) и происходит от *лай хий // лоай хий* – «снежная река, река снегов».

Нахские топонимы с основой *лам // лом* встречаются к северу и северо-востоку по обеим сторонам Лихского хребта и в предгорьях Центрального Кавказа (Леманаури, Лемсиа, Лемзагори, Лами в Раче и Лечхуме, Лемисканы, Ломиси, Ломисхеви, Лами и др.), в Южной Осетии, Горийском и Душетском районах Восточной Грузии, в горах Чечни и Ингушетии. Все эти горные местности скалистые [1, с. 197]. Также названия с этим корнем встречаются в верховьях Евфрата, в Месхети (юго-запад современной Грузии) [12, с. 34–37].

Согласно Г. Дж. Гумба, словолам // лоам в нахских языках употребляется для обозначения оголенных скалистых гор, в отличие от названия лесистых гор – *арц* (*օարց*) // *арс* [1, с. 196]. На наш взгляд, изначально этим словом обозначались не просто

скалистые горы, а горы, верхушки которых покрыты снегом. Поэтому слово *лам* // *лоам* (< *лавма*) мы этимологизируем как состоящее из *лав* – «снег» и *ма* – архаизм от *матт* // *мотт* – «место» (сравн. *ца* > *царг* – «зуб»), т.е. «место снегов». Поэтому, вполне возможно, что р. Лиахви получила свое название в связи с тем, что берет свое начало со снежных склонов горы Лазг-Цити.

Особое внимание привлекает название р. *Квирила*, в верховьях которой, согласно Плинию и Страбону, обитали мосхи. Мы сопоставляем данный гидроним с названием горного хребта *Квирилам* // *Куорилам* на границе Ингушетии и Чечни, где в источниках XVII-XIX вв. локализуется общество мержоевцев [13, с. 162–163]. А также с *Кюрелам* (чеч. *Къьра-лам*) – горная вершина в Итум-Калинском р-не Чечни, на границе с Ингушетией [14, с. 98]. К западу от нее находится Гула – родовое поселение тейпа Гулой, находящегося в родстве с мержоевцами [15, с. 116]. Главным культом гулоевцев в период язычества, видимо, был *ЦIу* // *ЦIов* [16, с. 73]. К северо-востоку от Гула находится Цори – родовое поселение цоринцев, предок которых, согласно преданию, переселился из района Квирилам в Даттыхском ущелье [17, с. 65, 67], где локализуются мержоевцы. Названия *Квирилам* и *Кюрелам* мы этимологизируем с нахск. как *куйрий лам* // *куорий лам* // *каврий лам* – «гора ястребов» (соврем. инг. *киер* – «ястреб» [18, с. 38]).

Возможно, горный массив, со склонов которого вытекает Квирила, в древности носил название *Квирилам* – «гора ястребов», и он дал свое название реке. Или же *Квирила* происходит от нахск. *Куйрий ал* – «река ястребов», где *ал(е)* – архаизм со значением «река» (сравн. дериват *аьли* – «овраг» [18, с. 38]). Интересно, что Марк Аврели Лукан, при локализации мосхов, упоминает р. Алий: «сармат, сосед свирепых мосхов, живущих там, где Фасис рассекает богатейшие нивы колхов, где течет роковой для Креза Алий» [10, с. 148]. Возможно, Алий переводится как «река». Причем *ал(е)* в нахск. яз. называется река в лесистых горах или в предгорной зоне, что соответствует ландшафту, где течет Квирила. А в горных районах река обозначается словом *ахк* // *эрк*. Например, р. Хачарой-эрк в высокогорном Хачарое в Чечне [19, с. 109]. От этого архаизма сегодня сохраняется слово *ахк* – «пропасть» (по сути русло горной реки) [18, с. 36].

Также отметим, что к северо-востоку от истоков Квирилы, на северных склонах Бокового хребта между реками Ардон и Фиагдон, находится гора *Кариухох*, где конечное *хох* – осет. «гора». К западу от Кариухох в Санибанском ущелье со склонов Чачхоха-Кайджаны вытекает р. Кауридон. Здесь же находится ледник *Колка*, чье название, по нашему мнению, происходит от эндоэтнонима ингушей – «гIалгIа». Например, сравните с осет. *хъулгъа* – «ингуши» [20, с. 195; 21, с. 667, 800], и с *калки* // *колканы* – обозначение ингушей в статейных списках XVI-XVII вв. [22, с. 62, 66]. Еще в 1930-х гг. одна из вершин Казбекского массива в этом районе носила имя *Колхай-Хох* (осет. *Хъолхъай-хох*) [23, с. 38], что с осетинского языка переводится как «гора галгаев». К юго-востоку от Чачхоха находятся хребет Барт-Корт и массив *Куро-Шино*, названия которых явно нахские (*барт* – «согласие», *корта* – «вершина, шан – «ледяной» [18, с. 45, 229, 497]). Примечательно, что все эти места в ингушском нартовском эпосе считаются родиной нарт-орхустойцев [24, с. 31–40], как и самих ингушей [15, с. 22–27]. В этом же районе в преданиях осетин указываются *царцы* (*царциата*), как коренной доосетинский народ [25, с. 234–250], которого исследователи связывают с дзурдзуками (или с вайнахами в общем) [1, с. 118].

Мы склонны считать, что в основе названий *Квирила*, *Кариухох*, *Кауридон*, *Куро-Шино*,

Корилам (Квирилам), Кюрелам лежит один и тот же корень куйра // куйра, куор // киер – «ястреб» [26, 225; 18, с. 219]. Возможно, название р. Кура также происходит от нахск. куора // куйра - «ястреб». При этом в осетинских названиях нахск. хий – «река» и лам // лом – «гора» заменены на осетинские слова с соответствующим значением. Например, уже упомянутая выше гора Чачхох и гора в Дарьяльском ущелье Чач-корт; Амалидон – осетинское название р. Амелишхи (Титов. Казбек // Клуб 7 вершин. 6 ноября 2010 г. Retrieved from https://7vershin.ru/articles/all/item_1934/) и т.д.

Возможно, ястреб имел какое-то символическое или культовое значение для дзурдзуков-мосхов. Интересно, что Александрийский грамматик Гесихий, живший примерно в V в., сообщает в «Лексиконе»: «фасианы: какие-то птицы; а некоторые называют так понтийцев. Фасис: река у колхов» [3, с. 855]. Возможно, фасианами называли ястребов и в районе р. Фасис (Квирила) сосредотачивалась большая масса этих птиц.

Также представляет интерес грузинское название р. Гипп – Цхенисцхали, которое, возможно, этимологизируется как «река цанов», т.е. цолов. Здесь уместно вспомнить дагестанское (аварско-андийское) название, проживающих в Тушетии (в Восточной Грузии) цова-тушин – мосок // мосох [4, с. 72; 1, с. 190]. Этот термин «являлся аварским названием именно нахоязычного населения Тушетии (Цова-Тушети), в то время как грузиноязычных тушин аварцы-андийцы называют туш. Это говорит о том, что дагестанцы четко различают нахоязычных мосохов-тушин и грузиноязычных тушин [27, с. 56]. Примечательно, что часть цова-тушин переселилась обратно в Грузию из Мецхальского (Феппинского) общества [13, 169; 28, с. 153]. Возможно, ранее термин *масох* дагестанцами употреблялся для обозначения всего дзурдзукского (цова-арцухского) населения горной части современной Восточной Грузии [27, с. 57].

На основе сопоставления названия урартской области *Цупа(н)* с этнонимом *цова* (которых аварцы называют мосохами), Г. А. Меликишивили приходит к выводу о связи цупанцев с цова-тушинцам и другими нахскими народами [29, с. 175]. Здесь отметим, что в основе этнонаима *цова* лежит имя культа *Цлов* [30, с. 12–13], который, по всей видимости, был главных у цовцев и арцухов (орцхоецев). Случайно ли, что именно те из тушин, которые в язычестве поклонялись культу *Цу*, называются у аварцев *масохами*?

При этом в основе этнонаима *тушины*, по всей видимости, лежит имя другого древнего нахского культа *Тушоли*, который учеными связывается с урартским культом *Тейшуба* (хуррит. *Тешуб*) и с названием столицы Ванского царства *Тушпа* [31, с. 37; 30, с. 12–13; 32, с. 140; 1, с. 190–191].

В свете вышесказанного не удивительно, что в местах, где, по данным письменных источников, локализованы мосхи (мосохи, месхи), выявляются повторяющиеся топонимы, объясняемые на нахских языках [1, с. 196–197]. Вместе с тем на территории Ингушетии и Чечни, где в XVI–XX вв. проживали мецхальцы, цоринцы, мержоевцы и т.д. в древних и средневековых захоронениях находят курхасы – средневековый головной убором вайнахских (незамужних) девушек, напоминающий т.н. «фригийский колпак» [28, с. 147–148; 33, с. 52–53]. Курхасы найдены в могильниках VI–IV вв. до н. э. (Нестеревское, Исти-Су, Луговые, Урус-Мартановские и др.), в том числе в древних горных солнечных могильниках *мъялхара каш* и в средневековых захоронениях XIV–XVIII вв. [34, с. 73–74]. Обнаруженное недавно средневековое захоронение в Цори, где, помимо прочего, нашли курхасы (Дзаурова Танзила. Пять удивительных находок из склепа в Цори // Это Кавказ.

9 ноября, 2022. Retrieved from <https://etokavkaz.ru/istoriya/pyat-udivitelnykh-nakhodok-iz-sklepa-v-tcori>), только подтверждает наше мнение, согласно которой этот вид головного убора связывается с той группой нахских родов и обществ, которую мы условно назвали «мецхальской». Л. П. Семенов отмечал культурную преемственную взаимосвязь фригийского колпака с курхарсом (чугалом) [35, с. 197–219]. Автор связывает это с тем, что предки ингушей непосредственно контактировали с фригийцами-мушками [35, с. 197–219].

Следует отметить, что «подобные головные уборы были известны в Малой Азии за тысячу лет до появления там фрако-фригийских племен. Высокие колпаки были популярны у хурритов еще в первой половине II тыс. до н. э. (например, материалы из Арапхи), а у ингушек курхарс был широко распространен вплоть до недавнего времени» [36. 251–254]. Кстати, скифы также носили схожие шапки и на древних изображениях их легко узнают по этому головному убору.

Также отметим, что такие шапки носили амазонки, часто упоминаемые вместе с халибами и гаргареями. При этом последних ряд исследователей признают предками галгаев [33, с. 25, 29; 37, с. 361; 38, с. 222, прим. 4].

Современные грузиноязычные тушины частью исследователей относятся к вайнахскому этническому миру [1, с. 190], которые, согласно Н. Я. Марру, в начале XX в. были на стадии перехода с нахского языка на грузинский [39, с. 1383, 1388]. По мнению Ю. Д. Дешериева, этот процесс еще не был завершен в 1960-х гг. [31, с. 35]. Как отмечалось выше, этноним тушины, возможно, связан с название столицы Ванского царства *Тушпа*, которое этимологизируется с нахск. как *Tus-p̄ha* – «поселение тушей». В настоящее время в вайнахских языках слово *пхъа* – «поселение, село» вытеснено заимствованием из тюркского языка *юрт*, хотя и сохраняется в топонимических названиях. Например, села *Мот-пхъа* и *Пхъакоча* в Хачарое, *Пхъетла* в Чеберлое и т.д. [19, с. 109–110, 220]. Но в бацбийском языке это слово функционирует до сих пор. Например, бацб. *r̄he* – «село, деревня, аул», *r̄he-reŋ* – «сельчанин» [40, 600–601].

Таким образом, обнаруживается довольно отчетливая связь между цова-арцухами (дзурдзуками) и мосхами.

Мушки, мокцы и маннейская область Месси. Возможно, масох // мосхи был экзоэтнонимом той части дзурдзуков, которая в какой-то исторический период обитала в стране под названием *Mos* или *Mes*. При этом зная свое название у соседних народов (или как указание выхода из этой страны), дзурдзукские племена могли себя обозначать в собирательном значении этим внешним их названием (напр., как сегодня нохчи и Галгай называют себя чеченцами и ингушами, представляясь внешнему миру).

В этой связи отметим, что в научной литературе указывается на возможную связь кавказских мосхов (месхов) с племенами мушков – древнего народа Малой Азии, известного с конца 2 тыс. до н.э. На рубеже бронзового и железного веков восточные мушки вторглись на территорию Анатолии и расселялись от реки Галис до верховий Тигра и Евфрата. В 1170-х гг. до н. э. они разгромили хеттов и далее вторглись в Ханигальбат (Митанни) и в район Верхнего Тигра, а в правление ассирийского царя Нинурта-апал-Экура (около 1180-1175 гг. до н. э.) подошли к Евфрату [41, с. 702]. Впервые упоминаются в надписях Тиглатпаласара I (XII в. до н. э.), откуда мы узнаем, что за 50 лет до него они на время овладели областями Алзи и Пурукуци,

расположенными между Арсанисом и западным Евфратом [\[42, с. 111\]](#). В IX-VII вв. до н. э. в центре Малой Азии, к западу от Киликийского Тавра, существовало Фригийское царство, именуемое в ассирийских и урартских текстах *Мушку* (*Muški*), а в древнееврейских – *Мосох*, *Мошок* [\[1, с. 188; 43, с. 77\]](#). Интересно, что в Троянской войне фригийцы вместе с фракийцами выступали на стороне Трои [\[44, с. 66\]](#).

«Проблема происхождения мушков и их этнической идентификации в исторической науке до сих пор считается неразрешенной. По мнению ряда исследователей, исходным местом проживания мушков, из которого они, после падения Хеттского царства примерно в конце XII в. до н. э., в составе фрако-фригийских племен пришли в Малую Азию, являются Балканы (область *Мoesia*)» [\[1, с. 188-189\]](#).

После разгромного похода урартского царя Русы II на «Мушки, Хате и Халиту», предпринятого им в 676–675 гг. до н.э., фригийское царство прекратило свое существование. Вследствие этого, мушки были оттеснены на север, в Колхиду, где с V в. до н. э. в источниках – сначала античных, а затем и средневековых зафиксированы под названием *мосохи* // *мосхи* // *месхи* [\[42, с. 11-12; 1, с. 196\]](#).

Таким образом, прослеживается связь кавказских мосхов с восточными мушками.

По мнению М. И. Дьяконова, термин *мушки* // *мошок* // *мосох* // *мосхи*, возможно, являлся собирательным обозначением племен, входивших в состав Фригийского царства [\[43, с. 77\]](#). Мы склонны считать, что это был собирательный термин для обозначения некоторых урартских и колхских племен. Как отмечает Г. Дж. Гумба, «отсутствие в вайнахской этнической номенклатуре термина *мушк* (*мосох*), скорее всего, свидетельствует о том, что он не являлся самоназванием каких-либо нахских племен» [\[1, с. 200\]](#). Об этом свидетельствует география распространения термина и народа *мосхи* на Кавказе. Согласно античным источникам, «на западе *мосхи* граничили с древнеадыгскими племенами – керкетами, на востоке – с албанами, на севере – с сарматами, на юге – с колхами и иберами. Таким образом, согласно данным античных источников, во второй половине I тыс. до н. э. *мосхи* проживали по обеим сторонам центральной части Главного Кавказского хребта. На юге *мосхи* граничили с Колхидой и Ибирией по линии: верховье реки Ингур – Эгриссский и Рачинский хребты – северные склоны Лихского хребта – Жинвали – Квел-Даба – междуречье Алазани и Иори. Из-за недостаточности материалов весьма сложно говорить о северных пределах проживания *мосхов* – можно лишь утверждать, что с сарматскими племенами *мосхи* граничили в северокавказских степях» [\[1, с. 205\]](#).

Также интересно отметить, что историк VI в. Менандр Византиец в верховьях реки Кумы упоминает кавказский народ *оромусхи* и сообщает, что римляне в Алании их особо опасались [\[45, с. 382\]](#).

Вопрос о путях миграции, происхождения мушков, из каких мест они переселились на территорию Восточной Анатолии, до сих пор является дискуссионным. О. Л. Габелко видит в *мосхах* слившихся с аборигенами Понта восточных мушков [\[46, с. 57-58, прим. 31\]](#).

Если исходить из версии, согласно которой мушки и фригийцы имели изначально индоевропейское происхождение, то мы больше склоняемся к версии Л. П. Семенова, т.е. что, наоборот, живя рядом с мушками-фригийцами или в их стране, часть дзурдзуков приняла элементы культуры и языка мушков и их самоназвание. Они и стали известны на Кавказе под названием *мосхи* // *месхи*.

Однако не все здесь так однозначно. Дело в том, что ряд ученых предполагает, что мушки мигрировали с востока на запад, а не в обратном направлении. При этом исследователи (Дж. Г. Маккуйн, Еремян С. Т., А. Хачатрян и др.) связывают имя мушков с названием страны *Мокк*, упоминаемая в древнеармянских источниках (у греко-римских авторов – *Моксоэна*) между Гордиенскими горами и оз. Ван, и с проживавшими в этой стране племенами, переселившиеся позднее в долину Верхнего Евфрата и во Фригию [1, с. 194]. Также высказывается мнение о связи названия страны и ее столицы с нахск. *мохк* – «страна» [12, с. 30-31]. Г. Дж. Гумба пишет по этому поводу: «Принимая во внимание существующее в научной литературе мнение о том, что страна Мокк являлась исходной точкой миграции мушков на север и северо-запад, такое сопоставление представляется вполне оправданным» [1, с. 194].

Согласно древнеармянским источникам, горцы-мокцы пользовались среди армянского населения репутацией храбрых воинов [1, с. 194]. Интересно сопоставить эти сведения с тем, как описывал цовцев Р. О. Эристов в 1855 г.: «Соединение цовцев с тушиными весьма было полезно для последних. Цовцы, кроме того, что значительно усилили собою тушины, вскоре сделались еще первейшими защитниками страны, избранной ими для своего поселения. Многократно пролитая их предками и ими кровь для защиты Тушетии» [47, с. 80-81]. Здесь также вспомним сообщение Менандра Византийца о том, что римляне в Алании особо опасались оромусхов [45, с. 382].

Возможно, название *Мокк* является результатом регressiveвой ассимиляции в комплексе **-сқ** (*Моск* > *Мокк*), а сами мокцы в районе оз. Ван были потомками хурритских переселенцев из области под названием *Месси* // *Мисси*, которая встречается в ассирийских источниках и указывается к северо-востоку от Ассирии, на юге Маннейской страны (к юго-востоку от оз. Урмия), в верховьях реки Джегету [48, с. 322]. То есть *Месси* была областью Манны, название которой мы связываем с этнонимом *бацби* – «бацбийцы» [49, с. 7-11].

Возможно, в основе термина *Месси* // *Мисси* лежит корень *ме* // *ма*, связанный с шумерскими *ме* – часто упоминающиеся во многих шумерских текстах и весьма значимые в шумерской мифологии. Их считали помощниками Энки, который, в свою очередь, получил *мэ* от Энлиля. Об этом, в частности, упоминается в мифе «Энки и мировой порядок» [50, с. 137]. Сравните с *Ма-Ердие* (инг. *Mia-Erdie*) – храм на западной окраине высокогорного ингушского с. Гули. А. С. Сулейманов этимологизирует название как «Верховный крест» [16, с. 56]. На наш взгляд, такая этимология ошибочна, а сам храм посвящен языческому культу *Mia*. Вторая часть (ерда) означает «святилище, храм» [18, с. 185]. В названиях языческих или христианских храмов в Ингушетии, в которых присутствует вторая часть *ерда*, первая часть, обычно, служит обозначением какого-нибудь языческого культа (напр. *Тхаба-ерды* – святилище Тха-ба, *Маго-ерды* – святилище Маго и т.д.). Поэтому мы считаем, что *Ма-Ердие* означает «святилище // храм Ма».

Конечное **-си**, в названии *Месси*, возможно, означает «страна». Данная частица с таким значением присутствует в нахских языках [30, с. 7]. То есть *Маси* // *Меши* переводится как «страна Ма // Ме». Сравните с *Маиста* (чеч. *Mайста*, *Mайист*) – название исторической области на юго-западе Чечни, в современном Итум-Калинском районе. В народных преданиях чеченцев *Маиста* упоминается как культурный и общественно-политический

центр, где жили уважаемые почитатели адатов, к которым обращались за решением спорных вопросов не только из всей Чечни, но и из соседних регионов. Считается местом первоначального поселения одного из предков чеченцев по имени Молх (сравн. *Мокк*) [51, с. 64]. По мнению А. С. Сулейманова, сложилось из двух компонентов: *MIa* – в значении «верхний», *Йист* – «край», то есть «Верхний край» [16, с. 81]. Мы же этимологизируем *MIайста* как *MIa йиста* – «край // страна культа *MIa* // *Махъ*» (сравн. с *Мокк*). По видимому, название это возникло еще до переселения майстинцев в верховья Аргуна и связано с терминами *Мокк* и *Месси*. Разница между *Майста* (нахск. *MIa-йиста*) и *Месси* (нахск. *MIa(й)са*), на наш взгляд, заключается в том, что в первом случае используется слово *йист* – «край» (край культа *MIa* // *Махъ*), а во втором случае употребляется частица *са* – «страна» (страна *MIa* // *Махъ*).

Фарингальный фрикатив **хь** [h] в нахских языках является глухим вариантом звонкого фарингального фрикатива **I** [ç]. В позиции после звонкого согласного происходит озвончение фрикатива **хь**.

Если наши выводы верны, то термин *Мокк* происходит от *Махъ* – одного из вариантов названия культа *MIa*, а название *Месси* происходит от *MIa(й)са* – «страна *Ма*». Вместе с тем, мы допускаем, что форма *Мокк* является результатом прогрессивной ассимиляции в комплексе **-хъс-** (*Махъса* > *Махъха*), а *Месси* – регressiveной ассимиляции (*Махъса* > *Масса*).

С прибавлением к *MIаса* (или *Масса*) словообразовательного суффикса **-х**, возможно, родственного урартскому **-hi** (сравн. с нахск. **-хуо** // **-хав**, более древний вариант **-х(a)** [30, с. 7]), появляется племенное название *масах*// *месх*, означающее «принадлежащие стране» (или «выходцы из страны») *Мас* // *Мес*, то есть «месийцы».

По мнению И. М. Дьяконов, суффикс **hi** является урартским формативом, образующим притяжательное прилагательное, который также может легко заменяться детерминирующим показателем **-ni** [8, с. 513–514]. Возможно, они родственны нахским суффиксам принадлежности к местности, стране или поселению **-но** (сравн. с чеч. *Эрсано*, *Энгано*, *Гуно* и т.д.) и **-хо** (*Эгахо*, *TIаргамхо*, *МацIархо* и т.д.), и их более древним вариантам **-н(a)**, **-х(a)**.

Иными словами, в основе термина *мосхи* // *месхи* // *масах*, может лежать тот же корень *маса* // *моса* // *меса*, что и в названии страны *Мисси* // *Месси*.

Вместе с тем мы допускаем, что название самой страны может происходить от этнонима *месхи* – в результате прогрессивной ассимиляции в комплексе **-сх-** могла появиться форма *Месси*.

К востоку от *Месси* (смежно с ней), между оз. Урмия и средним течением Аракса, достигая на востоке берегов Каспийского моря, в древних источниках локализуется область *Андиа* [48, с. 317], чье название связывается с современной *Андией* – обозначение области расселения и политического образования андийцев, принятое в старой русской геополитической номенклатуре с начала XIX в. [1, с. 198]. Вряд ли совпадение, что именно андийцы сегодня называют цовцев масохами [27, с. 56]. «Судя по тому, что термин *мосох* // *мосх* как наименование нахов сохранился лишь у дагестанцев, остается предположить, что этноним *мосх* (*мосох*), применявшийся античными авторами для обозначения населения Центрального Кавказа, является отражением именно дагестанского, точнее – албано-дагестанского, общего названия древних вайнахов» [1,

[c. 206\].](#)

Мы склонны считать, что андийцы и другие дагестанские народы (древние леки) начали называть часть дзурдзуков масохами еще в глубокой древности, в районе очага формирования Урартской страны. Как мы отмечали выше, Манна, областью которой являлась Месси, была страной матиенов, которых мы связываем с бацбциами и феппинцами. В Закавказье мосхи также указываются рядом с матиенами. К северо-западу от Месси, у оз. Урмия локализуется область Суби // Суги [52. с. 45], которую мы связываем с цобами (цовами). Суги, возможно, происходит от нахск. ЦIухе или ЦIуге (где **-хе** и **-ге** аффиксы нахск. локатива) – «Страна ЦIу». Возможно, здесь находился центр нахо-дагестанского культа Цу // Цоб. Видимо, неслучайно, вместе с Суги в ассирийских источниках упоминается страна Луха, чье название мы сопоставляем с грузинским наименованием дагестанских народов – леки, и именем их этнарха в средневековых грузинских источниках – Лекас // Лекан [53, с. 22]. То есть и на территории древнейшего очага урартской цивилизации в верховьях Заба [8, с. 43-51; 54, с. 24-28], цовы и леки (в том числе и андийцы), возможно, жили рядом и между ними происходил процесс взаимодействия и взаимопроникновения элементов их культуры и языка.

Там где цовы, обычно рядом мы встречаем признаки присутствия арцуходов.

Мы вполне допускаем, что Месси и Манна были основана субареями (субартами), при своей миграции с территории Месопотамии. Позднее часть их переселилась на запад, где возникли области Арзани (Алзи) и Цупани (Цупа).

В древних анналах рассказывается о походе ассирийских войск в третий год правления Тиглатпаласара I в область страны Хабхи // Кильху, в том числе и Суги [8, с. 44-45; 54, с. 24-28; 48, 263]. Два варианта названия страны Хабхи // Кильху мы связываем с именем этнарха предков нахских народов в средневековых грузинских источниках – Кавкас [53, с. 22] и грузинским обозначением ингушей – гилго. В свою очередь, это указывает на связь этнонима галга(й) // кулха(й) с эпонимом Кавка(с).

Иными словами в верховьях Заба, вокруг оз. Урмия, возможно, находились области древнего обитания кавкасов и леканов (Кавкасия // Кавкания и Лекия), до их переселения на Кавказ. Также это объясняет, почему все три нахских народа, существующие на сегодняшний день (ингуши, чеченцы и бацбийцы), называют своими предками галгаев или этнарха Галга(ш) [55, 138-139; 56, с. 12 (прим.); 57, с. 49; 58, с. 112, 116; 24, с. 30; 59, с. 244; 17, с. 64; 60, с. 20]. Вместе с тем все они также называются потомками Га (сравн. имя этнарха Гаоса, старшего брата Кавкаса у Мровели), предка Галгая [55, с. 134-135; 61, с. 42-43; 62, с. 314-315]. Согласно одному из народных преданий, чеченцы происходят от «бацоев» (т.е. бацбийцев) [59, 241-242]. При этом сами бацбийцы связывают свое происхождение с галгаями (такого же мнения и окружающие их народы) [28, с. 153-156; 63, с. 84; 47, с. 80-81]. Ингуши Джейрахского и Дарьяльского ущелий считали себя «чистейшими галгаями», согласно сведениям из ингушского илли (героико-эпические песни ингушей и чеченцев), записанного во второй половине XIX в. [64, с. 2].

Миграция на Кавказ. В какой-то исторический период мессийцы, вместе с манейцами, мигрируют на запад и основывают Митанни, Арзани, Цупани, Мокк и др. страны и области. Часть их, возможно, продвинулась далее на запад, и участвовала в этногенезе

мисийцев, фригийцев и фракийцев.

После гибели Ванского государства, часть мисийцев (мокцев) и маннейцев переселилась в Закавказье, где стали известны как мосхи (месхи) и матиены [\[42, с. 42\]](#). Далее, вместе с иберами, они мигрировали в Центральный Кавказ. Интересно отметить, что Леонти Мровели сообщает о том, что во времена Александра Македонского, произошла очередная миграция халдов (урартов) в Картли: «Возжелал он (Александр – прим М.А.) изринуть их из городов тех, но в ту пору не осилил, ибо нашел их крепости сильными и города мощными. [Вслед за этим] вновь пришли племена халдейские (урартские прим. М.А.), и они также обстроились в Картли» [\[53, с. 28\]](#). Здесь в центральной части Картли месхи основывают свои поселения. Одно из таких поселений получило название *Мцхета*, что буквально переводится как «земля / город мецхов» [\[65, с. 12\]](#).

Раннеантичная историческая традиция, согласно которой мосхи населяли горные и предгорные зоны Центрального Кавказа, прослеживается и в позднеантичных источниках. Помпоний Мела помещает мосхов между албанцами и гирканами (иберами) [\[1, 204–205\]](#).

С термином *месхи* // *мосхи* мы связываем название *Мецхал* – средневековое поселение в горах Ингушетии. По народной этимологии, оно состоит из двух частей: *меца* – «голодный» и *хала* – «трудный». При этом Даихильгов допускает связь топонима с названием древней столицы Грузии – *Мцхета* [\[66, с. 38\]](#). Вместе с селами Таргим, Эгикал, Хамхи и Фалхан, *Мецхал* считается одной из исторических колыбелей ингушского народа [\[33, с. 49\]](#). Ингушские предания относят возникновение этих сел к XII в. [\[33, с. 49\]](#).

Как отмечалось выше, топоним *Мецхал* среди вайнахов мы связываем с орцхоевцами, мецхальцами, мержоевцами и др. (см. Мержоевцы: связь с каракалканцами и пути их миграции в верховья Фортанги 2024 (находится в процессе публикации)). Подтверждением этому служит и тот факт, что населенный пункт *Мецхал* ранее находился в районе ущелья Охкархи, где проживали орцхоевцы до своей миграции в Джейрахское ущелье [\[28, с. 149–150\]](#).

Все вышесказанное приводит к выводу, что *Мцхета* – это грузинский вариант инг. *Мецхал*, возможно, появившийся в результате элизии корневого гласного и перехода конечного согласного **-л** в **-т(а)** (сравн. чеч. инг. *мълхий* и бацб., груз. *митхο* – представители чеченского общества мелхистинцев).

Впрочем, мы склоняемся к тому, что грузинское окончание **-та** является аффиксом род. п. в древнегрузинском языке. В этом случае *Мцхета* означает «[поселение] принадлежащее мецхам».

В том же Джейрахском ущелье недалеко от *Мецхала* находится другое поселение под названием *Тарш*, откуда вышел тейп Торшхой, входящий в Феппинское (Мецхальское) общество. По нашему мнению, исторически они связаны с мецхал-орцхоевцами, которые переселились в Джейрахское ущелье из *Мцхета-Мтианети*.

Согласно преданию, *Торшхой* пришли откуда-то в страну, где обитали феппинцы и захватили ее. То есть торшхоевцы здесь выступают в роли агрессора. Позже они влились в состав феппинцев, и Феппинское общество, согласно преданию, стало называться Мецхальским (Предание о Бейни. (Записано в 1961 году Мурзабековым Макшарипом Усмановичем в присутствии 98-летнего Мурзабекова Лабзана Хуниевича,

90-летнего Торшхоева Мурцала Тосолтовича) // Бейни.ру 23.06.2016
<https://beini.ru/category/предания/>).

В этой связи для нас интерес представляет название ущелья *Трусо* (осет. *Тырсыгом*), которое находится к югу от Казбекского массива, в горах Мцхета-Мтианети. По нашему мнению, здесь и проживали торшхоевцы до своей миграции на северные склоны Кавказского хребта.

Заключение. Таким образом, мы приходим к выводу, что в основе терминов *мосхи* // *месхи*, *Мцхета* и *Мецхал* лежит один и тот же корень *мес /мос* – название древней маннейской области *Месси*, располагавшаяся в районе оз. Урмия. Также выявляется связь между *мосхами*, с одной стороны, *цовцами*, *мецхальцами*, *орцхоевцами*, *мержоевцами*, *цоринцами* и некоторыми другими вайнахскими обществами – с другой стороны.

На сегодняшний день нет возможности точно сказать, кем исторически были мушки – индоевропейским народом, образовавшийся на территории балканского п-ова, или же фракийцы, фригийцы (бриги) и мисы заимствовали свои названия от доиндоевропейского населения п-ова, мигрировавшего в глубокой древности с территории Армянского нагорья и Северной Месопотамии (или от более поздних миграций). В данный момент мы склоняемся ко второй версии, но это тема отдельного исследования. Вместе с тем мы отметим отчетливую связь между древними мушками и дзурдзукам, а также присутствие фригийских элементов в культуре нахских народов.

Библиография

1. Гумба Г. Дж. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). 2-е доп. изд. М.: Литера, 2017. 552 с.
2. Любкер Фридрих. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. Ред. Ф. Гельбке, Л. Георгиевского [и др.]. СПб.: О-во классич. филологии и педагогики, 1885. IV. 1552 с.
3. Латышев, В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В. В. Латышев. Т. 1-2. Греческие писатели. СПб.: Тип. ИАН, 1893-1900. VIII, [2], 296, [2], 297-600, [2], 601-946 с.
4. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии / Акад. наук Груз. ССР. Ин-т истории им. И. А. Джавахишвили. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1959. 507 с.
5. Лордkipанидзе О. Д. Наследие древней Грузии. Тб.: Мецниереба, 1989. – 435 с.
6. Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхида и Юго-Восточного Причерноморья (на груз. яз.) Тбилиси: [б. н.], 1974. – 531 с.
7. Мухелишвили Д. Л. К вопросу о связях центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантическую эпоху // Вопросы археологии Грузии. Т. 1. Тбилиси: [б. н.], 1978. С. 17-30.
8. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту) / отв. ред. И. А. Орбели. М.: Изд-во ВЛ, 1959. 286 с.
9. Страбон. География. В 17 кн. / Пер., статья и коммент. Г. А. Стратановского ; Под общ. ред. проф. С. Л. Утченко. Л.: Наука, 1964. 943 с. Strabo (1964). Geography. Translated from Ancient Greek by G. A. Stratianovsky, Utchenko, S. L. (Ed.). Leningrad: Nauka.
10. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1893-1906. Т. 2. Вып. 1: Латинские писатели. 1904. [4], 270 с.
11. Воронов Ю. Н. Научные труды. Сухум: Абхазский институт гуманитарных

- исследований АНА, 2006. Т. I. 456 с.
12. Туманов К. М. О доисторическом языке Закавказья: Из материалов по истории и языкоznанию Кавказа / К.М.Т. Тифлис: Типография Канцелярия Наместника Е.И.В. на Кавказе (изд. авт.), 1913. [2], 117 с.
13. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1973. 208 с.
14. Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. 2-е переиздание (измененное, включает 4 части) / Ред. Т. И. Бураева. Грозный: ГУП Книжное издательство, 2006. С. 712.
15. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925 – 1932 годах. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1963. 160 с.
16. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии: в 4-х частях (1976-1985 гг.) / Ред. А. Х. Шайхиев. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1978. Т. 2. 289 с.
17. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), 2008. 380 с.
18. Ингушско-русский словарь / Сост. А. С. Куркиев Магас: Сердало, 2005. 544 с.
19. Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии: в IV частях. Ч. I: Горная Чечня. (1976-1985 гг.) / Ред. А. Х. Шайхиев. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1976. 239 с.
20. Русско-осетинский словарь: ок. 25000 сл. / Сост. В. И. Абаев, Ред. М. И. Исаев. 2-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1970. 584 с.
21. Диоргско-русский словарь. Русско-диоргский словарь. Таказов Ф. М. Владикавказ: Респект, 2015. 872 с.
22. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией : вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. / АН СССР. Ин-т истории. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.
23. Варданянц Л. А. Геотектоника и геосейсмика Дарьяла как основная причина катастрофических обвалов Девдоракского и Геналдонского ледников Казбекского массива // Вестник Владикавказского научного центра. 2003. Т. 3. № 1. С. 38-46.
24. Ахриев Ч. Э. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1875. С. 1-40 с. 453 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/363882>
25. Пчелина Е. Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия) // Труды Закавказской научной ассоциации: Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис: Закавк. ассоц. востоковедения, 1924 (1925). Серия I. Вып. 1. С. 233-251.
26. Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 629 с.
27. Айтберов Т. М. Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (Локализация и политические связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный: Издательство Чеченский государственный университет, 1984. 144 с. С. 56-60.
28. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века / Ответ. ред. В. К. Гарданов. АН СССР. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1974. 276 с.
29. Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Ч. I. Наири-Урарту. Тб. Изд-во АН ГССР, 1954. 446 с.
30. Чокаев К. З. Нахские Языки. Грозный: Книга, 1992. 192 с.
31. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов : моногр. – АН СССР. Ин-т яз-ния. ЧИНИИЯЛ. Гр.: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963. 556 с.

32. Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. Гр.: Книга, 1990. 364 с.
33. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия / Ред. В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. М.: Наука, 1971. 211 с.
34. Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // CA № 1. 1964. – С. 26-43. URL: Retrieved from <http://kronk.spb.ru/library/sa.htm>
35. Семенов Л. П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. – Грозный: [б. н.], 1959. Т. 1. 197-219.
36. Базоркин М. М. История происхождения ингушей. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 289 с. URL: https://vk.com/wall-182056495_11675 Bazorkin M. M. (2002). The history of the Ingush origin. Nalchik: El Fa.
37. Mayor A. The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton: Princeton University Press, 2016. 544 p. Mayor, A. (2016). The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton: Princeton University Press.
38. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ (Вестник древней истории). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947. № 4. 169-290.
39. Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия АН. №15. Петроград: тип. Имп. Акад. наук, 1916. С. 1379-1408.
40. Цова-тушинско-грузинско-русский словарь / Давид Кадагидзе, Нико Кадагидзе; Подгот. к изд. Р. Р. Гагуа. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 935 с. (на груз. яз.).
41. Немировский А. А., Сафонов А. В. Кто погубил Хаттусу // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.: ИЛИ РАН, 2015. № 19. С. 699-713.
42. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Вестник древней истории. 1947. № 1-4; 1948. № 1-4; 1949. № 1-4. 1053 с.
43. Дьяконов, И. М. Предыстория армянского народа: История Арм. нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы,protoармяне / АН Арм. ССР. Ин-т истории. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1968. 264 с.
44. Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978. 300 с.
45. Византиец Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки (пер. с греч. Спиридон Дестунис) СПб.: Тип. Леонида Демиса, 1860. 495 [31] с. С. 320-470. https://vk.com/wall268390757_6378
46. Габелко О. Л. История Вифинского царства. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. 576 с.
47. Эристов Р. Д. О Тушино-Пшаво-Хевсурском округ // ЗКОИРГО. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника кавказского, 1855. Кн. III. С. 75-146.
48. Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (АВИИУ) // ВДИ. 1951. №2 (36). С. 255-356. URL: <http://vdi.igh.ru/issues/128/articles/2850?locale=ru>
49. Албогачиев М. М. О происхождении названия государства "Митанни" и нахских этнонимов "бацби", "ваппий" // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки 2024. №1. С. 7-11 DOI: 10.37882/2223-2982.2024.01.01 Retrieved from <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/2/2024/№01/e37d568d-a53a-4274-927c-f549ef064883>
50. Самюэль Крамер. Шумеры. Первая цивилизация на Земле / пер. с англ. Милосердовой А. В. Москва: Центрполиграф, 2010. 383 с.
51. Ган К.Ф. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей летом 1897 г. (окончание) // Кавказский вестник. 1900. № 6. С. 63-77.
52. Манандян Я. А. О некоторых спорных вопросах истории и географии древней Армении. Ереван: Айпетрат, 1956. 159 с.

53. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей: Извлеч. сведений об абхазах, народах Сев. Кавказа и Дагестана (Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая). Москва: Наука. 1979. 103 с.
54. Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем очаге урартских племен // Вестник древней истории. 1947. № 4. С. 21-29.
55. Берже А. П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис: Типография Управления Наместника кавказского, 1859. Отд. IV. С. 1-141.
56. Попов И. Ичкерия. Историко-топографический очерк // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография Гл. упр. наместника Кавказского, 1870. Вып. 4. С. 209-231.
57. Галгай. О Галгаях. // Кавказский горец / Ред. Цалыккаты Ахмед. – Прага: Издание Союза Горцев Кавказа в ЧСР, 1924. № 1. С. 49-50.
58. Максидов А. А. Мифы, легенды и реальность о происхождении северокавказцев-ингушей рода Гатагажевых-Гетигежевых // Генеалогия Северного Кавказа: Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. Нальчик Эль-Фа 2002. № 2. С. 104-124.
59. Головинский П. И. Чеченцы / Из записок П. И. Головинского // Сборник сведений о Терской области. / Терск. обл. Стат. ком. / Под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ: Тип. Терского областного управления, 1878. Вып. 1. Отд. II. С. 241-261.
60. Труды Ф. И. Горепекина / Материалы ПФА РАН. / Сост. Албогачиева М. С-Г. Санкт-Петербург – Магас: Ладога, 2006. 212 с.
61. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты / Ред. И. А. Даихильгов. Москва: Наука, 1972. 469 с.
62. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / Сост. А.О. Мальсагов, И.А. Даихильгов. Грозный: Чеч. – Инг. кн. изд-во. 1986. 528 с.
63. Волкова Н. Г. Бацбийцы Грузии. Советская этнография. № 2. С. 84-89.
64. Козьмин В. Махкинан (Фея гор) // Кавказ. 1895. № 98. С. 2-3.
65. Rayfield, Donald. Edge of Empires: A History of Georgia. London: Reaktion Books, 2012. 479 р.
66. Даихильгов И. А. Народная этимология некоторых топонимов Чечено-Ингушетии (по легендам и преданиям) // Вопросы отраслевой лексики: Сборник научных трудов / Отв. ред. И. Ю. Алироев. Гр.: ЧИГУ, 1978. С. 35-42. <https://dzurdzuki.com/download/voprosy-otraslevoj-leksiki-1978-g/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования- термина “мосхи” и его связь с названием галгайского средневекового поселения Мецхал.

Методология исследования. Автор статьи, к сожалению, не раскрывает методологию и методы, которые он применил при подготовке статьи. При чтении статьи выясняется, что в работе применены научные методы (анализ и синтез), системность и использованы специальные исторические методы: историко-хронологический, историко-сравнительный и историко-генетический, а также др. методы.

Актуальность. Автор отмечает, что «одним из спорных вопросов в истории, связанных с проблемой этнического происхождения народов Восточного Причерноморья и Закавказья, является вопрос о происхождении мосхов (др.-греч. Móschoi)», который античными авторами упоминается в источниках в горных районах Южного Кавказа и

некоторые топонимы исследователи связывают с этим народом. Автор статьи делает попытку выяснить связан ли термин «мосхи» с названием галгайского средневекового поселения Мецхал.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный с элементами описательности, что делает текст статьи понятным не только для специалистов, но и широкого круга читателей. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования и состоит из следующих разделов: Введение; Мосхи; Мушки, мокцы и маннейская область Месси; Миграция на Кавказ; Заключение. Во введение автор раскрывает актуальность темы, отмечает работы исследователей, занимавшихся вопросами происхождения и названия мосхов, в их числе были известные ученые (Н. Я. Марр, Г. А. Меликишвили, Б. Б. Пиотровский, О. Д. Лордkipанидзе, И. М. Дьяконов и др.). Автор подчеркивает, что изучали связи мосхов в той или иной степени с нахскими народами Л. П. Семенов, Е. И. Крупнов, Т. М. Айтберов и др. Особо выделяется работа абхазского исследователя Г. Дж. Гумба и автор рецензируемой статьи активно на эту работу ссылается.

Название разделов соответствует тексту разделов. В разделе Мосхи отмечается, что гипотеза о том, что мосхи относятся к предкам грузинского племени месхи не подтверждена. Приведены данные античных историков о месте расселения мосхов, далее, ссылаясь на работу Г.ДЖ. Гумба и другие данных выдвигается гипотеза о связи мосхов с дурзуками и автор приводит доводы, подтверждающие эту гипотезу (топонимы, гидронимы, оронимы и т.д.). В разделе Мушки, мокцы и маннейская область Месси автор приводит различные факты и свои доводы, которые, по его мнению, свидетельствуют о связях кавказских мосхов с восточными мушками. В следующем разделе речь идет о миграции части миссийцев (мокцев) и маннейцев в Закавказье, где они стали известны как мосхи (месхи) и матиены и вместе с иберами они мигрировали на Центральный Кавказ. Автор рассматривает топонимические названия и некоторые другие факторы, в пользу этой точки зрения. В заключении автор делает выводы по исследуемой теме, отмечает, что «в основе терминов мосхи // месхи,

Мцхета и Мецхал лежит один и тот же корень мес /мос – название древней маннейской области Месси, располагавшаяся в районе оз. Урмия.... выявляется связь между мосхами, с одной стороны, цовцами, мецхальцами, орцхоецами, мержоевцами, цоринцами и некоторыми другими вайнахскими обществами – с другой стороны». Автор отмечает, что нет данных, чтобы точно сказать, кем исторически были мушки – индоевропейским народом, образовавшийся на территории балканского п-ова, или же фракийцы, фригийцы (бриги) и мисы заимствовали свои названия от доиндоевропейского населения полуострова, мигрировавшего в глубокой древности с территории Армянского нагорья и Северной Месопотамии (или от более поздних миграций)». Главный вывод автора заключается в том, что есть отчетливая связь между древними мушками и дзурдзукам, а также есть присутствие фригийских элементов в культуре нахских народов.

Библиография. Библиография статьи состоит из широкого круга источников общим количеством 66, в их числе работы известных российских исследователей по широкому кругу вопросов, касающихся истории и культуры народов Кавказа, а также о скифах, сарматах, государстве Урарту, данных археологии, языкоznания и т.д., а также работы по исследуемой теме и смежным темам на англ. Языке (две работы). Библиография показывает, что автор статьи провел огромную работу по изучению литературы и других источников по исследуемой теме. Библиография грамотно оформлена.

Апелляция к оппонентам представлена собранной в ходе работы над статьей информации и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на интересную тему, будет интересна специалистам и широкому кругу читателей. Представляется, что статья может вызвать дискуссию среди историков, археологов, лингвистов, занимающихся древней историей Кавказа.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Базаров А.В. Взяточничество афинских стратегов в V - IV вв. до н.э // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74189 EDN: DRJMOB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74189

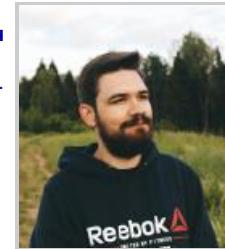
Взяточничество афинских стратегов в V - IV вв. до н.э.

Базаров Андрей Вадимович

аспирант; кафедра истории Древнего мира; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119633, Россия, г. Москва, Ломоносовский просп. 27, корп. 4

 andrej.bazarov.2000@mail.ru

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74189

EDN:

DRJMOB

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2025

Аннотация: Классический период в истории Древних Афин – время наивысшего расцвета полисной демократии и максимального внешнеполитического влияния данного полиса на остальной греческий мир. В данный период Афины создают морские союзы, воюют с Персией, Спарой и Македонией. Международный авторитет Афин обеспечивался в том числе военными победами афинских стратегов. Тем не менее, стратеги далеко не всегда оказывались победителями в военном противостоянии с соперниками. В центре внимания данной статьи – случаи взяточничества со стороны афинских стратегов в V – IV вв. до н.э. Автор на материале письменных источников рассматривает случаи судебных преследований стратегов по обвинению во взяточничестве, а также упоминания о принятии стратегами взяток. Исследовательская часть работы выстроена по хронологическому принципу: рассматриваются случаи от более ранних к более поздним. В статье кроме общенаучных методов анализа и синтеза широко применяется метод систематизации, так как упоминания о взяточничестве афинских стратегов находились в разных исторических источниках. Новизна исследования заключается в том, что автор впервые рассматривает взяточничество как одну из сторон жизни афинского стратега классического времени. Предшествующие

исследователи изучали либо судебные процессы над стратегами вообще, либо взяточничество как отдельное социально-экономическое явление в жизни афинского полиса. В результате исследования автором сделан вывод о том, что большинство обвинений в получении взяток не выглядят хорошо обоснованными, а желание народа найти виновных в поражении могло быть сильнее, чем симпатии к стратегу, который ранее принес полису множество военных побед. Также скорректированы выводы исследователей об учете личных заслуг при вынесении приговора афинским судом присяжных и распространенности взяточничества в Афинах в классический период

Ключевые слова:

полис, судебные процессы, стратег, внешняя политика Афин, демократия, взяточничество, подкуп, афинский суд, военные действия, поражение

Введение

В классический период своей истории афинский полис ведет весьма активную внешнюю политику. Афины одерживают победу над персами в греко-персидских войнах, формируют Первый Афинский морской союз, терпят поражение от Спарты в Пелопоннесской войне и, наконец, пытаются оказать сопротивление Македонии. Большой вклад в успехе или провале афинского войска, без сомнения, играли военный талант и преданность стратегов. Однако нахождение вдали от своего государства, жажда наживы, материальные затруднения или другие мотивы могли толкнуть стратега на получение взятки.

Тема взяточничества со стороны военных не теряет своей актуальности никогда. Так, например, летом и осенью 2024 года российское общество было потрясено чередой громких судебных процессов среди высших военных чиновников Министерства обороны России [1]. Общая сумма взяток, принятых подсудимыми, по версии следствия, превышает 1,5 млрд рублей. Помимо взяточничества российские военные, согласно обвинениям, занимались хищением бюджетных средств и другими формами коррупции. Знаменательно, что данные судебные процессы проходят на фоне продолжающейся Специальной военной операции (СВО).

История Афин классического времени также насчитывает несколько случаев обвинения стратегов в получении взяток. Фукидид намекает своим читателям на то, что зачастую эти обвинения были необоснованными и объяснялись слишком высокими амбициями афинян, которые ожидали, что «они способны совершить все, и возможное, и непосильное» (Thuc. IV. 65. 3-4; здесь и далее пер. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева). Иной раз стратеги предпочитали умереть в битве, нежели быть обвиненными в подкупе со стороны собственных сограждан: «Многие, даже большинство находящихся здесь воинов, указывал Никий, все те, которые теперь кричат об опасности положения, по прибытии в Афины будут, напротив, кричать, что стратеги, подкупленные деньгами, оказались изменниками и ушли. Зная характер афинян, он поэтому предпочитает отважиться на свой страх на битву и погибнуть, если уже необходимо, от неприятеля, нежели погибнуть от афинян жертвою позорного и несправедливого обвинения» (Thuc. VII. 48. 4-5).

В связи с таким свидетельством, мы сталкиваемся с вопросом о том, насколько совершенным был механизм контроля за деятельностью стратегов, а если смотреть на

это явление шире – насколько эффективным был афинский народный суд, который принято считать одним из важнейших элементов полисной демократии Афин. Главные вопросы, на которые хотелось бы дать конкретный ответ и осветить в данной статье, можно сформулировать так:

- 1) В какой момент афинский стратег мог получить взятку и за что?
- 2) Действительно ли все обвинения во взяточничестве, выдвинутые против стратегов, обоснованы их реальными преступлениями?
- 3) Есть ли связь между военными успехами стратега и его обвинениями в получении взятки?

Историография

В отечественной науке на данную проблему обращают внимание нечасто. Так, например, И. В. Востриков и Э. В. Рунг^[2] в своей статье о воинских преступлениях в классических Афинах вовсе не касаются такого преступления как взяточничество, видимо, не посчитав его сугубо военным преступлением. Исследователь греческой демократии и права Т. В. Кудрявцева в одной из своих статей разобрала судебные процессы против афинских стратегов, которые были инициированы с помощью процедуры исангелии. Она пришла к выводу о том, что зачастую афинские стратеги становились своеобразными «козлами отпущения». Именно на них ложилась ответственность после неудачных военных действий [\[3, с. 180\]](#).

Гораздо чаще этот вопрос затрагивается в работах зарубежных исследователей. Прежде всего стоит упомянуть работу датского исследователя М. Хансена [\[4\]](#), посвященную судебной процедуре исангелии в Афинах. Исследователь сравнил исангелию с Дамокловым мечом, который мог поразить стратега в случае его поражения. Ценность работы М. Хансена помимо непосредственного исследования процедуры исангелии состоит в том, что он создал каталог процессов по обвинению различных афинских государственных деятелей (в том числе стратегов) через эту процедуру [\[4, р. 66 - 120\]](#). По итогам работы М. Хансен пришел к следующим выводам: 1) исангелия по делам о коррупции со стороны стратегов применялась чаще, чем эвтины, так как она позволяла инициировать судебный процесс незамедлительно; 2) Демосфен был не так далек от правды, когда жаловался на частое привлечение стратегов к судебным процессам [\[4, р. 63\]](#).

В то время, как М. Хансен уже опубликовал свою работу по исангелии, американский ученый Уильям Кендрик Притчетт^[5] находился в процессе написания своей пятитомной работы «The Greek State at War» (1971 - 1991). В ней он всесторонне исследовал военный аспект в жизни греческих полисов. Для исследуемого нами вопроса важное значение имеет второй том данной работы, один из разделов которого посвящен судебным процессам против стратегов в различных полисах Древней Греции [\[5, р. 4 - 33\]](#). Исследователь поднимает проблему справедливости приговоров в отношении стратегов, обращая наше внимание на малое количество оправданий подсудимых [\[5, р. 18\]](#). Также У. К. Притчетт проводит различие между современным пониманием судебного вердикта как решения судей-экспертов и народного суда у греков. До тех пор, пока эта разница сохранялась, именно военный успех был ключевым фактором вынесения благоприятного судебного решения [\[5, р. 32\]](#).

Вопрос о судах над стратегами по обвинению в коррупции был затронут в монографии польского историка Рышарда Кулеши «Феномен коррупции в Афинах V – IV вв. до н.э.» [6]. Изначально книга вышла на польском языке и была написана на основе диссертации исследователя, а через год Кулеша выпустил монографию на немецком языке, изменив при этом название и значительно переработав [7]. Работа долгое время не привлекала внимание как российских антиковедов, так и их зарубежных коллег. Между тем, другой полноценной монографии, посвященной проблеме взяточничества в Афинах, на сегодняшний день не существует, если не брать во внимание отдельные сборники статей, посвященные коррупции и взяточничеству в Античности [8, 9, 10, 11]. В отдельной главе, посвященной значению политических процессов по обвинению в коррупции, Р. Кулеша выделяет две категории людей, против которых были главным образом направлены данные процессы – это стратеги и простаты [6, с. 98].

Клэр Тэйлор [12, р. 61] составила – подобно М. Хансену и У. К. Притчетту – каталог упоминаний о взяточничестве, но ограничила его афинской историей классического периода и указала, что стратеги имели законную возможность обогащаться за счет военной добычи, приводя в пример Ификрата.

Результаты и их обсуждение

После битвы при Евримедонте (469/466 г. до н.э.) от Делосского союза решил отложить остров Фасос, жители которого поссорились с афинянами «из-за мест торговли и приисков, которыми они владели на противолежащем берегу Фракии» (Thuc. I. 101). Потеря острова чрезвычайно сильно ударила бы по общей казне союза, так как уровень фороса, который вносил Фасос был самым высоким (до 30 талантов в год) [13, с. 235]. На усмирение островитян был послан Кимон с флотом. Он одержал победу на третьем году осады, фасияне срыли свои укрепления и выдали флот (*Ibid.*). В то же время он освободил от персов Херсонес Фракийский, в котором родился и провёл детство. Как пишет Плутарх, «он подчинил весь Херсонес власти афинского государства, а затем, сразившись на море с фасосцами, отправившими от афинян, захватил тридцать три корабля, осадил и взял город, а сверх того, приобрел для афинян находившиеся по другую сторону пролива золотые рудники и овладел всеми бывшими под управлением фасосцев землями» (Plut. Cim. 14; пер. В. В. Петуховой).

Несмотря на этот крупный в военном и политическом отношении успех, по возвращении в Афины Кимон был подвергнут обвинению в подкупе. Суть обвинения состояла в том, что он якобы мог продолжить своё наступление и захватить часть Македонии, однако не стал этого делать, так как он «вошел в соглашение с царем Александром и принял от него подарки» (*Ibid.*). И. Е. Суриков называет эти обвинения голословными, а сам процесс – результатом того, что Кимон слишком усилил свое влияние в политической жизни полиса [13, с. 236-237]. На суде Кимон говорил в свою защиту, что он связан узами гостеприимства со Спарой, от которых перенимает простоту и пренебрежение к богатству. Историк и логограф Стесимброт сообщает, что помочь Кимону захотела его сестра Эльпиника. Важно, что для этого она пошла к Периклу как к «самому влиятельному из обвинителей» (*Ibid.*). Это приводит нас к выводу о том, что после остракизма Фемистокла соперничество Алкмеонидов и Филаидов возобновилось. Плутарх сообщает, что против Кимона «объединились враги» (*Ibid.*). Также Аристотель упоминает, что «Перикл получил известность, будучи молодым, когда обвинил Кимона при сдаче им отчёта по должности стратега» (Ath. pol. 27. 1; пер. С. И. Радцига). Вполне возможно, что именно этот процесс и имеется в виду. И тем не менее, просьба

Эльпиники имела успех: Перикл выступил лишь один раз и был очень снисходителен к Кимону, который добился своего оправдания (Plut. Cim. 15). Таким образом, обвинение против Кимона носило, по всей видимости, политический характер.

Следующий эпизод подкупа сразу нескольких стратегов относится ко времени первой Сицилийской экспедиции (427 – 424 гг. до н.э.). Из-за усиления афинского натиска жители сицилийских полисов организовали конгресс в Геле, где заключили соглашение о перемирии между собой, предложив афинским стратегам участие в этом соглашении. Стратеги Пифодор, Софокл и Евримедонт согласились, а затем вернулись в Афины. Фукидид сообщает нам весьма короткие сведения по этому поводу: «С согласия афинян союзники заключили соглашение, после чего афинские корабли удалились из Сицилии. По возвращении стратегов в Афины афиняне приговорили к изгнанию Пифодора и Софокла, а на третьего, Евримедонта, наложили штраф. Стратегов обвиняли в том, что, имея возможность покорить Сицилию, они ушли оттуда вследствие подкупа» (Thuc. IV. 65. 3-4). Д. Кэган указывает, что никаких свидетельств о взяточничестве в этом случае нет, а также нет оснований полагать, что заключение мира было навязано афинским стратегам [\[14, р. 268-269\]](#). Той же точки зрения придерживается Г. Уэстлэйк [\[15, р. 120-121\]](#). И все же, стратеги, вероятно, могли принимать некоторые подарки от сикелиотов при заключении мира [\[14, р. 269; 15, р. 120-121; 16, S. 1133\]](#), но реальных свидетельств этих подарков в источниках нет. Единственное, в чем можно было бы упрекнуть стратегов, так это в их бездействии и промедлении [\[14, р. 270; 17, S. 8\]](#). Однако бездействие не означало, что стратегов подкупили.

Слова Фукидида, приведенные во введении, зачастую дают исследователям повод посочувствовать стратегам и их нелегкой судьбе. Однако у нас есть и другие свидетельства, которые показывают, что обвинения отнюдь не всегда были безосновательными. Так, например, Исократ сообщает следующее: «Мы установили многочисленные законы, но очень мало считаемся с ними. Я приведу один пример, из которого вам станет ясно и остальное: у нас положена смертная казнь тому, кто уличен в подкупе; однако мы явно повинных в этом людей избираем стратегами и поручаем руководство важнейшими государственными делами человеку, который сумел развратить наибольшее число граждан» (Isocr. VIII. 50; пер. Л. М. Глускиной). Комментатор русскоязычного издания указывает, что здесь оратор имеет в виду стратега Харета, которого обвиняли в подкупе ораторов [\[18, с. 894\]](#).

Для того, чтобы лучше разобраться в этом противоречии, рассмотрим обвинение против Адиманта, афинского флотоводца, одного из участников битвы при Эгоспотамах в 405 г. до н.э. Это морское сражение стало финальной битвой флотов Афин и Спарты, которое окончательно обозначило перевес спартанцев в Пелопонесской войне. Хотя в литературе стала преобладать точка зрения К. Эрхарда, который ставит рассказ Диодора Сицилийского об этой битве гораздо выше, чем свидетельство Ксенофonta [\[19\]](#), автору статьи более близка позиция Б. Страусса, согласно которой мы можем дополнять рассказ Диодора некоторыми заслуживающими доверия сведениями из свидетельства Ксенофonta [\[20, р. 27\]](#). Лисандр захватил афинские корабли, добычу и пленников, среди которых были Филокл, Адимант и другие (Xen. Hell. II. 1. 30). После этого Лисандр и его союзники стали решать судьбу пленников. Спартанцы устроили им что-то вроде военного суда, на котором стратегам предъявили обвинение в том, что афиняне уничтожили экипаж захваченных ими коринфской и андронской триер, а также хотели отрубить правые руки у всех пленников в случае своей победы. В итоге они пришли к решению казнить всех пленников, кроме Адиманта. Ксенофонт приводит две различные версии

относительно того, почему его оправдали: «он был помилован потому, что он один возражал в Народном собрании против постановления об отсечении рук; но некоторые считали действительной причиной этого помилования то, что он именно предал афинские корабли лакедемонянам» (Xen. Hell. II. 1. 32; пер. С. Я. Лурье). Демосфен сообщает, что против Адиманта впоследствии было выдвинуто обвинение: «в старину известный Конон обвинял Адиманта, хотя с ним вместе был стратегом» (Dem. XIX. 191; пер. С. И. Радцига).

Имел ли здесь место подкуп или Адимант лично решил перейти на сторону Спарты в войне? Павсаний полагает, что обвинения были справедливыми, причём подкуплен был не только Адимант: «Известно, что и позднее, когда лакедемоняне при Эгоспотамах (Козьих реках) вступили в бой с афинскими кораблями, они подкупили Адиманта и других афинских стратегов» (Paus. IV. 17. 2; пер. С. П. Кондратьева). В другой книге он вновь останавливается на этом вопросе и называет среди подкупленных ещё и Тимарха: «Афиняне утверждают, что поражение при Эгоспотамах им было нанесено не честным путём, что они были преданы подкупленными военачальниками и что именно Тидей и Адимант взяли «подарки» от Лисандра» (Paus. X. 9. 11). Свидетельство Павсания представляет интерес, однако его скорее лучше поставить под сомнение, так как нигде более мы не встречаем упоминаний об обвинениях адрес Тидея или вообще кого-то кроме Адиманта во взяточничестве.

Причиной поражения афинян в этой битве был в том числе неправильный выбор стоянки, на что стратегам указал Алкивиад (Plut. Alc. 37; Xen. Hell. II. 1. 25-26). Однако стратеги не прислушались, а ответ Тидея был и вовсе дерзок: «Тидей прямо велел ему убираться прочь, прибавив насмешливо: “Теперь не ты стратег, а другое”» (Plut. Alc. 37; пер. С. П. Маркиша). Плутарх сообщает, что именно поэтому Алкивиад заподозрил здесь измену (*Ibid.*). Тем не менее, не все исследователи готовы однозначно обвинить стратегов во взяточничестве. Так, например, И. Е. Суриков полагает, что Тидей и Адимант просто опасались усиления влияния Алкивиада или боялись подвоха с его стороны [\[21, с. 205\]](#). Б. Страусс подчеркивает, что разумный стратег действительно мог бы отклонить совет Алкивиада занять Сест, так как в таком случае афинский флот стал бы находиться дальше от спартанского и быстрое сражение оказалось бы невозможным [\[20, р. 28\]](#). Конечно же нельзя не принять во внимание объяснение Диодора, согласно которому Алкивиад предлагал стратегам военную помощь в обмен на участие в командовании, однако стратеги поняли, что в случае победы слава достанется Алкивиаду, а в случае поражения, ответственность будет возложена на них (Diod. XIII. 105. 4). Поэтому нельзя обвинить стратегов во взяточничестве и измене, только основываясь на данном диалоге с Алкивиадом. Есть ли другие основания винить Адиманта во взяточничестве и предательстве афинских интересов? А. Капеллос последовательно отстаивает невиновность Адиманта, указывая, что причиной поражения афинян в этом сражении было не предательство, а неудачная диспозиция: афинские корабли были рассеяны по побережью и не ожидали начала битвы, большинство покинули свои посты, так как презрительно относились к Лисандру, полагая что он из трусости опасается вступить в бой с афинским флотом. Ответственность за это нес не только Адимант, но и все остальные стратеги [\[22, р. 258\]](#). Если Адимант действительно был бы дезертиром или предателем, то Лисандр с самого начала постарался бы оставить его в живых, однако судьбу пленников он полностью передает в руки своему войску. По всей видимости, судьба Адиманта не сильно его беспокоила [\[22, р. 259\]](#).

Еще один стратег, обвиненный в получении взятки, это Филокл. Он был одним из пятерых подсудимых, которые проходили по знаменитому «процессу Гарпала», казначея

Александра Македонского. Официальное обвинение состояло в том, что Филокл, будучи стратегом и начальником корабельных верфей за взятку впустил Гарпала в город, хотя прежде обещал, что не допустит этого (Din. III. 1 - 5). Причем в самый разгар судебного разбирательства стратег делает достаточно своеобразный шаг, который на первый взгляд мог бы показаться нам странным: «Он сам внес против себя постановление и предложил приговорить его к смертной казни, если он взял хоть что-нибудь из денег, привезенных в нашу страну Гарпалом» (Din. III. 2; пер. Э. Д. Фролова). Однако такой поступок только на первый взгляд кажется «выстрелом в ногу». Объяснений здесь может быть всего два:

а) Филокл был невиновен и был уверен в своей невиновности настолько, что готов был сам внести постановление о расследовании Совета Ареопага. Вопрос о виновности Филокла вряд ли можно решить однозначно. Одни исследователи не решаются однозначно обвинить его [23, р. 452], другие говорят, что проникнуть в город за взятку Гарпала помогали разные люди [24, р. 58]. Й. Уортингтон полагает, что афиняне сами приняли его добровольно, так как Гарпал прибыл в Афины как проситель на одном или двух судах [25, р. 223].

б) Филокл надеялся на сочувственное отношение к себе и снисхождение.

Динарх сообщает, что Филокл выбирался стратегом более десяти раз и три или четыре раза был гиппархом (Din. III. 12). Подобное расследование в отношении себя же просил осуществить Демосфен, который даже не отрицал факт того, что брал деньги от Гарпала и тратил их. Общеизвестно, что в афинском суде значительным преимуществом были личные заслуги подсудимого перед городом. В некоторых случаях такие достижения могли помочь склонить на свою сторону большинство присяжных. Демосфен и Филокл вполне могли на это рассчитывать. Э. Бадиан даже не ставит под сомнение намерение Демосфена: оратор помогал укрепить власть Ареопага и поддерживал с ним прекрасные отношения, потому и надеялся на быстрое решение в свою пользу, не желая делать свой процесс публичным [26, р. 33]. Однако расчёт обоих не оправдался. Совет Ареопага вынес обвинительное заключение, а затем и суд присяжных приговорил всех, кроме Аристогитона, к выплатам различных сумм.

Таким образом, случай с Филоклом интересен для нас в двух отношениях. Во-первых, мы видим, что он получил взятку не во время боевых действий. Во-вторых, его приговор показывает, что личные заслуги далеко не всегда могли склонить чашу весов в пользу обвиняемого.

Последний эпизод, который будет рассмотрен в данной статье касается сражения у Эмбаты, одного из эпизодов Союзнической войны 357 – 355 гг. Главной причиной войны был выход из Второго Афинского морского союза Родоса, Коса, Хиоса и Византия. Чтобы привести союзников к повиновению, Афины снарядили большой флот, который возглавили известнейшие стратеги IV вв. до н.э. – Харес, Ификрат и Тимофей, сын Конона.

Харес, который обладал правом верховного командования, принял решение о начале сражения у Эмбаты, однако его коллеги высказались против из-за шторма. В конечном итоге все силы афинян не были задействованы в сражении, и Харес проиграл битву причем с большими потерями. Понимая опасность своего положения, он отправил в Афины письмо, обвиняя остальных стратегов в продосии, то есть предательстве. Официальные обвинения против трех стратегов выдвинул оратор Аристофонт. Он

обвинил Тимофея в измене и в том, что его подкупили хиосцы и родосцы, Ификрата — в измене, Менесфея — в распоряжении деньгами, выплаченными флоту (Isocr. XV. 129; Din. I. 14; Diod. XVI. 21; Nep. Tim. III; Iphicr. 3. 3). Строго говоря, лишь Тимофея был обвинен во взяточничестве, однако общая суть обвинений вращается вокруг предательства и денег. В конечном счете наказание постигло лишь Тимофея, который присужден к штрафу в 100 талантов, что было гигантской суммой для того времени (Isocr. XV. 129). В данном случае обвинение является результатом скорее личной вражды между Харесом и остальными стратегами. После поражения Харесу, разумеется, хотелось перенести бремя ответственности на своих подчиненных, которые не выполнили его приказ.

Для оратора Динарха этот случай чрезвычайно важен. В речи «Против Филокла» он просит судей вспомнить о судебном процессе этого стратега, так как в его случае заслуги перед городом не помогли избежать наказания за взяточничество: «Тимофею вы не сделали никаких скидок и не пренебрегли в угоду таким благодеяниям ни происходившим тогда судом, ни клятвами, в соответствии с которыми вы подавали свой голос. Нет, вы присудили его к штрафу в сто талантов, потому что он, как об этом заявил Аристофонт, принял деньги от хиосцев и родосцев» (Din. I. 14). Далее Динарх вполне прямо заявляет о том, что заслуги гражданина могли бы дать возможность Тимофею избежать наказания: «Таков был этот гражданин (Тимофея), Демосфен, который с полным правом мог бы получить от тогдашних своих сограждан и снисхождение и милость (курсив мой – А. Б.). Ведь он не на словах, а на деле оказал городу большие услуги, и он всегда оставался верен одному и тому же государственному строю, а не метался, как ты, из одной стороны в другую» (Din. I. 17).

Все перечисленные случаи касаются пассивного взяточничества, то есть стратеги принимают взятку. Есть ли у нас примеры обратных ситуаций, когда подкупающей стороной является сам стратег? Источники свидетельствуют, что таких случаев мы можем найти как минимум два. Так, например, Аристотель рассказывает, что афинский стратег Анит был привлечен к суду за потерю Пилоса, однако сумел подкупить суд и добился оправдания (δεκάσας τῷ δικαιοτέρῳ οὐ πέφυγε) (Arist. Ath. pol. 27. 5; Diod. XIII. 64. 6 Plut. Coriol. 14.4). Оратор Лисий сообщает, как во время процесса против стратега Эргокла его казначей Филократ вместе с сообщниками якобы подкупил 500 человек из Пирея и 1600 из города (Lys. XXVIII, XXIX). Также выше было упомянуто стратег Харет, на которого намекает нам Исократ. Однако единственное упоминание о том, что Харет подкупал ораторов мы встречаем у Афинея, который цитирует историка Феопомпа: «Был Харет ленив и медлителен, хотя тоже тянулся к роскоши: в походы он возил и флейтисток, и арфисток, и простых девок; а из военных денег часть тратил на эту свою спесь и часть оставлял в Афинах – для ораторов и законодателей в народном собрании и простых людей, которым грозил суд. Поэтому народ афинский на него не роптал, и граждане его даже любили – и понятно, потому что они и сами так жили: в юности с гетерами и флейтистками, взрослыми за пьянством, за игрой и прочими беспутствами, а народ тратил больше денег на общественные угождения и мясные раздачи, нежели на управление городом» (Athen. XII. 532 = FHG. I. 318).

Выводы и заключение

В завершение статьи необходимо дать ответы на те вопросы, которые были поставлены в самом начале:

(а) Чаще всего стратеги имели возможность получить взятку во время военных действий, то есть при исполнении своих непосредственных обязанностей. Однако есть случай,

когда стратег Филокл обвинялся в получении взятки, находясь в Афинах;

(б) Большинство обвинений в сторону стратегов не выглядят обоснованно. В некоторых случаях афинские стратеги совершали военные ошибки и просчеты, однако судимы были именно за предательство посредством взятки. Вполне возможно, что подобное обвинение было лишь удобным способом наказать стратега, не оправдавшего ожиданий. В связи с этим необходимо пересмотреть утверждение исследователя К. Коновера о широкой распространенности взяточничества в Афинах [\[27, р. 324\]](#). Скорее следует говорить о высокой распространенности обвинений во взяточничестве, чем о реальных случаях. Однако стоит оговориться, что данное утверждение автор статьи распространяет только на стратегов.

(в) Если по вине стратега афинские силы потерпели поражение, то стратег мог быть обвинен во взяточничестве с гораздо большей вероятностью, чем если бы он одержал победу. Однако привлечение к суду Конона показывает, что даже победная компания не была гарантией для стратега. Б. Страусс даже сравнил судьбы Конона и Людендорфа, отметив, что «в послевоенных Афинах, как и в послевоенной Германии, был политик, чья судьба требовала отчета о поражении, в котором он был невиновен» [\[20, р. 27\]](#).

Также необходимо скорректировать наши представления о роли личных заслуг и того, насколько часто они учитываются судом. Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, наличие многочисленных личных заслуг не всегда является основанием для оправдания для афинского суда присяжных. Учитывая частоту обвинений в измене или подкупе в сторону стратегов, стоит согласиться с мнением о том, что должность стратега была одной из самых опасных в Афинах классического времени [\[28, р. 264\]](#).

Библиография

1. Уголовные дела против генералов и чиновников Минобороны. Инфографика // РБК (электронный ресурс). URL:
<https://www.rbc.ru/politics/30/08/2024/66d0b0689a7947d54fce35a3> (дата обращения: 24.03.2025).
2. Востриков И.В., Рунг Э.В. Воинские преступления в классических Афинах по данным речей аттических ораторов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 3. С. 671-685. DOI: 10.21638/spbu02.2023.307 EDN: HUULEG.
3. Курдяяцева Т.В. Процессы стратегов по исангелии IV в. до н.э. и афинская демократия // История. Мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб., 2008. С. 166-182. EDN: RSOUZN.
4. Hansen M.H. Eisangelia. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. // OUCS. 1975. Vol. 5.
5. Pritchett W.K. The Greek State at War, Part II. 1st ed. Berkeley: University of California Press, 1974.
6. Kulesza R. Zjawisko korupcji w Atenach V-IV wieku p.n.e. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1994.
7. Kulesza R. Die Bestechung im politischen Leben Athens im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr. Konstanz: Universitätsverlag, 1995.
8. Anticorruption in History. From Antiquity to the Modern Era. N.Y.: Oxford University Press, 2018.
9. Gier, Korruption und Machtmissbrauch in der Antike // Antike Kultur und Geschichte. Band 20. Münster: LIT Verlag, 2019.
10. Korruption im Altertum: Konstanzer Symposium, Oktober 1979 / Wolfgang Schuller

- (Hrsg.). München; Wien: Oldenbourg, 1982.
11. Corruption and Integrity in Ancient Greece and Rome // Acta classica: Supplementum IV. Pretoria: V&R Printing Works (Pty) Ltd, 2012.
12. Taylor Cl. Bribery in Athenian Politics Part I: Accusations, Allegations, and Slander // Greece & Rome. 2001. Vol. 48, No. 1. P. 53-66.
13. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи: время расцвета демократии. М.: Наука, 2008.
14. Kagan D. The Archidamian War. Ithaca: Cornell University Press, 2019.
15. Westlake H.D. Essays on the Greek Historians and Greek History. Manchester: University Press (N.Y.: Barnes & Noble), 1969.
16. Busolt G. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd. III. Teil II.: Der Peloponnesische Krieg. Gotha: F.A. Perthes, 1904.
17. Holm A. Geschichte Siciliens im Alterthum. Bd. II. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1874.
18. Глускина Л.М. Исократ. О мире. Примечания // Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. Под ред. Э.Д. Фролова. М., 2013. С. 850-968.
19. Ehrhardt C. Xenophon and Diodorus on Aegospotami // Phoenix. 1970. Vol. 24. No. 3. P. 225-228.
20. Strauss B.S. Aegospotami Reexamined // The American Journal of Philology. 1983. Vol. 104. No. 1. P. 24-35.
21. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междуусобиц. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. EDN: REHDRL.
22. Kapellos A. Adeimantos at Aegospotami: Innocent or Guilty? // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2009. Bd. 58. H. 3. P. 257-275.
23. Pickard-Cambridge A.W. Demosthenes and the last days of Greek freedom, 384-322 B.C. N.Y.; L.: G.P. Putnam's Sons: The Knickerbocker Press, 1914.
24. Ashton N.G. The Lamian War - A False Start? // Antichthon. 1983. Vol. 17. P. 47-63.
25. Worthington I. I.G. II² 1631, 1632 and Harpalus' Ships // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1986. Bd. 65. P. 222-224.
26. Badian E. Harpalus // The Journal of Hellenic Studies. 1961. Vol. 81. P. 16-43.
27. Conover K. Bribery in classical Athens. [Doctoral dissertation, Princeton University]. 2010.
28. Harris E.M. Iphicrates at the Court of Cotys // The American Journal of Philology. 1989. Vol. 110, No. 2. P. 264-271.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Взяточничество афинских стратегов в V-IV вв. до н.э.»

Предмет исследования посвящен проблеме взяточничества афинских стратегов в V - IV вв. до н.э.

Методология исследования. В ходе исследования автор не касается вопросов методологии, но из текста статьи можно сделать вывод, что при написании статьи автор опирался на системный, исторический и другие методы исследования. Автором использовались основные приемы исторической и источниковедческой критики, а также историко-сравнительные и другие методы.

Актуальность. Автор справедливо отмечает, что тема «взяточничества со стороны военных не теряет своей актуальности никогда» и пишет, что в условиях

продолжающейся Специальной военной операции России в Украине стало известно, что среди высших военных чиновников Министерства Обороны РФ оказались лица, против которых выдвинули обвинения за взяточничество и коррупцию. Такие случаи не являются исключением и в истории можно найти много таких эпизодов. В античные времена афинские стратеги были обвинены во взяточничестве и это было одним из наиболее серьезных обвинений того периода, автор отмечает, что порой эти обвинения предъявлялись из-за того, что жители Афин были недовольны тем, что то или иное сражение было проиграно и обвинения были надуманными. Насколько были объективны обвинения во взяточничестве и какие факторы учитывал суд присяжных в Афинах при судебном процессе представляется актуальным и дает ответы на ряд вопросов истории Афин, судебной системы и должности стратега.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна определяется также тем, что в статье на основе критического анализа речей ораторов и других источников, литературы по теме исследования всесторонне рассматривается проблема взяточничества среди стратегов Афин в V - IV вв. до н.э.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный, язык ясный и четкий легкий для чтения и восприятия. Структура работы традиционна для работ такого уровня и состоит из следующих разделов: Введение; Историография; Результаты и их обсуждение; Выводы и заключение. Во введении автор раскрывает актуальность исследования, цель и задачи. В разделе историография дан качественный анализ работ по теме исследования. Автор отмечает, что в отечественной историографии тема обвинений стратегов во взяточничестве не стала предметом специальных исследований и эта тема нашла отражение в одной из статей известного антиковеда, доктора исторических наук, профессора Т.В. Кудрявцевой. Среди зарубежных исследователей автор выделяет работы датского антиковеда М. Хансена, американского исследователя Уильяма Кендрика Притчетт, польского историка Рышарда Кулеси и британской исследовательницы Клэр Тейлор. В разделе «Результаты и обсуждение» автор подробно разбирает обвинения против стратегов и после каких событий и сражений эти обвинения были выдвинуты, анализирует источники по каждому обвинению стратега (в том числе речи ораторов), критически анализирует источники и работы и аргументирует свое мнение относительно обвинений и их объективности. Текст статьи читается с интересом, и автор хорошо аргументирует свое мнение, а критика другой точки зрения у него корректна. Текст статьи последовательно изложен. Выводы автора представляются объективными и в заключении автор подчеркивает необходимость корректировки представлений о роли личных заслуг стратега и их учета судом и пишет, что «судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, наличие многочисленных личных заслуг не всегда является основанием для оправдания для афинского суда присяжных».

Библиография работы состоит из 28 работ по теме исследования и смежным темам на русском и английском языках. Все работы актуальны и в достаточной степени отражают современное состояние рассматриваемой в работе проблемы.

Апелляция к оппонентам Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над темой статьи информации.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на интересную тему и представляется, что она будет востребована специалистами и вызовет интерес у широкого круга читателей.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сидорчук И.В., Ульянова С.Б. Кампания по борьбе за отечественные приоритеты в науке и технике в 1947–1948-е гг. (на материалах высшей школы Ленинграда) // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74745 EDN: EEDGGU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74745

Кампания по борьбе за отечественные приоритеты в науке и технике в 1947–1948-е гг. (на материалах высшей школы Ленинграда)

Сидорчук Илья Викторович

ORCID: 0000-0001-9760-2443

доктор исторических наук

профессор; Гуманитарный институт; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29 литер Б

✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru

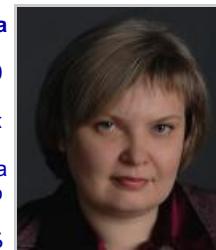
Ульянова Светлана Борисовна

ORCID: 0000-0003-2059-6430

доктор исторических наук

профессор; институт Гуманитарный; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Калининский р-н, ул. Политехническая, д. 29 литер Б

✉ oulianova@mail.spbstu.ru

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.3.74745

EDN:

EEDGGU

Дата направления статьи в редакцию:

08-06-2025

Аннотация: Настоящее исследование посвящено изучению такого сюжета истории отечественной науки, как кампания позднесталинского периода по борьбе за национальные приоритеты. Вопрос рассмотрен на примере высшей школы Ленинграда.

При подготовке работы широко использовались неопубликованные материалы о работе организаций ВКП(б) вузов Ленинграда, хранящиеся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга. Именно партийные структуры выступали инициаторами и организаторами большинства политико-идеологических кампаний в советский период, что объясняет важность обращения к этому источнику. Помимо этого, активно привлекались данные специализированной периодики («Бюллетень Министерства высшего образования СССР» и «Вестник высшей школы»), в которой печатались законодательные и нормативные документы, а также публицистические статьи партийных руководителей и представителей вузов. Среди методов, использовавшихся в исследовании, можно выделить интерпретативный анализ, позволивший реконструировать дискурсивные стратегии, с помощью которых создавался и транслировался желательный образ науки прошлого, и типологический метод, который позволил определить общие особенности проведения и последствия кампании для различных вузов Ленинграда. В результате был сделан вывод, что кампания по борьбе за национальные приоритеты фактически заключалась в грубом научном ревизионизме, имевшим целью утвердить первенство отечественных ученых и добиться автономизации советской науки, разрыва связей с Западом. Из-за этого критиковались и наказывались те, кто публиковался за рубежом, рекомендовал студентам иностранную литературу или еще каким-либо образом проявлял «низкопоклонство» и «пресмыкателичество», переписывались учебники и образовательные программы. Одновременно, при всех негативных последствиях бесцеремонного и во многом деструктивного вмешательства идеологии в науку, стоит отметить, что борьба за отечественные приоритеты способствовала росту внимания к изучению истории науки и техники и концентрации значительных ресурсов на развитии этой дисциплины.

Ключевые слова:

история образования, история университетов, борьба с космополитизмом, Ленинградский Политехнический институт, Ленинградской государственный университет, история науки, В. В. Данилевский, история техники, холодная война, научный ревизионизм

Период конца 1940-х гг. для отечественной истории науки и техники стал одним из ключевых и во многом определил векторы и специфику ее последующего развития как научной дисциплины и области знания. Начало холодной войны повлекло за собой усиление тенденции к изоляции отечественной науки и образования, а также стимулировало глорификацию достижений национальной науки и ее представителей. Борьба с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом» непосредственно коснулась и различных аспектов работы высшей школы. В настоящей статье внимание сконцентрировано на одной из составляющих этого процесса, известного как кампания по борьбе за отечественные приоритеты в науке и технике. Территориальные рамки ограничены Ленинградом – одним из ведущих научно-образовательных центров страны, городом с большим числом высших учебных заведений, что способствует получению достаточно репрезентативной картины.

История поздне сталинской науки является весьма востребованной среди специалистов тематикой. В частности, их интересуют причины торжества различных научных и псевдонаучных школ (лысенкоизм, марризм и пр.), гонений на отдельные области знания (кибернетику, генетику и др.), особенности репрессивной политики против ученого

сообщества, процессы утверждения новых установок в национальных республиках и пр. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. При этом сравнительно меньше внимания уделяется ходу и последствиям политico-идеологических кампаний в различных центрах высшего образования [8; 9].

При подготовке настоящего исследования широко использовались материалы организаций ВКП(б) вузов Ленинграда, хранящиеся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга. Именно партийные структуры выступали инициаторами и организаторами большинства политico-идеологических кампаний в советский период [10; 11]. Помимо этого, важным источником стали данные специализированной периодики («Бюллетень Министерства высшего образования СССР» и «Вестник высшей школы»), в которой приводились законодательные и нормативные документы, а также публицистические статьи.

Среди методов исследования можно выделить интерпретативный анализ, позволивший реконструировать дискурсивные стратегии, с помощью которых создавался и транслировался желательный образ науки прошлого. Также использовался структуралистский подход, рассматривающий в единстве все элементы корпоративной культуры в историческом развитии. Типологический метод позволил определить общие особенности проведения и последствия кампании для различных вузов Ленинграда.

Начало кампании относится к весне 1947 г., когда обострился конфликт между бывшими союзниками по Второй мировой войне и симпатии к Западу стали клеймиться и преследоваться. 18 апреля Агитпроп ЦК ВКП(б) разработал секретный План мероприятий по пропаганде идей советского патриотизма. В нем, в частности, говорилось, что исторически достижения русских ученых присваивались иностранцами, к которым переходил приоритет открытий: «Ломоносов – Лавуазье, Ползунов – Уатт, Попов – Маркони и др.» [12, с. 112]. Заместитель Министра высшего образования СССР В. И. Светлов в статье «Против формализма и догматизма в преподавании общественных наук» указал на недопустимость принижения на занятиях роли русских мыслителей, так как у студентов может создаться впечатление, «что вся культура идет с Запада, что русский народ неспособен к самостоятельному творчеству и может только подражать западным образцам» [13, с. 12].

Полномасштабно кампания началась после так называемого «Дела КР» – преследования профессоров Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина за публикацию своих работ за рубежом и рассказ о результатах своих исследований в области изучения рака во время посещения США [подробнее см.: 14, с. 42–74]. По меркам того времени наказание было мягким: «суд чести» и публичное покаяние. По его итогам ЦК ВКП(б) подготовило закрытое письмо, в середине апреля разосланное партийным организациям вместе с другими материалами. В нем утверждалось, что «наука в России всегда страдала от этого преклонения перед иностранницей», отчего открытиям русских ученых не придавалось значения [12, с. 125]. ЦК потребовал от местных организаций обсудить письмо и выработать план дальнейших действий.

В ленинградских вузах обсуждения начались после летних каникул. Разумеется, участники собраний резко осудили Клюеву и Роскина как проявивших «свою мелкую холуйскую душу» [15, л. 36], а их действия – как «пресмыкательство» [16, л. 49]. Проработка письма подразумевала также и самокритику, то есть руководство вузов должно было выявить недостатки в своей собственной работе. Под огонь попали и отдельные ученые. Например, в Ленинградском государственном университете (ЛГУ)

жертвой стал профессор биологии П. О. Макаров, которого обвинили в том, что он «явно злоупотребляет в своем курсе иностранной терминологией» [\[17, л. 24\]](#). У востоковеда А. А. Холодовича также нашли признаки низкопоклонства из-за того, что он не рекомендовал студентам отечественную литературу, а у его коллеги В. М. Алексеева – за «превознесение» английского языка [\[18, л. 134\]](#). В Ленинградском политехническом институте (ЛПИ) досталось ассистенту Маркову. Говоря на занятии о мерах по сохранению приборов и их смазке, он якобы достал баночку с американским вазелином, открыл ее «с благоговением» и заявил, что «такого вазелина в СССР не было, нет и не будет. Только в Америке могут делать подобный вазелин» [\[15, л. 37\]](#). Согласно протоколу закрытого собрания парторганизации института, «студенты вовремя одернули этого почитателя американской техники и прекратили извержение хулы на советскую технику» [\[15, л. 37\]](#). Некоторым преподавателям припоминали и публикацию статей в иностранных изданиях [\[16, л. 49\]](#).

С учетом новых идеологических установок осуждались «неправильные» учебники, программы и курсы как по гуманитарным, так и техническим дисциплинам. Заместитель министра высшего образования СССР А. М. Самарин писал, что в них нужно отразить приоритет русских ученых, продемонстрировать «преимущества советского общественного строя» и борьбу «против буржуазной лженауки» [\[19, с. 5\]](#). На вузовских заседаниях начались взаимные обвинения. Например, доцент ЛПИ Я. М. Павлов указывал на то, что учебник его коллеги В. И. Каменева по машиностроительному черчению совершенно игнорирует отечественные машины в угоду иностранным [\[20\]](#). По этой же причине на партийном собрании ЛПИ был осужден учебник Г. С. Жирицкого по паровым турбинам («советских машин совершенно нет или недостаточно») [\[21, л. 53\]](#).

Начался пересмотр программ и перестройка учебных курсов. Так, в ЛГУ в курсы по истории физики и общей астрономии добавили разделы по истории этих наук в России и СССР. В соответствии со сложившимся пантеоном особое внимание уделялось признанным светочам русской науки. В частности, философский факультет ЛГУ принял решение «включить в программу раздел о роли русских биологов-материалистов в развитии отечественной философии и естествознания, а также выдающейся роли таких русских ученых, как Сеченов, Тимирязев, Мечников, Павлов, Мичурин в развитии мирового естествознания» [\[17, л. 25\]](#). В ЛПИ всего было пересмотрено или переработано 328 программ и принято решение «в целях популяризации роли русских ученых в мировой науке организовать чтение курса истории техники по всем факультетам» [\[22, л. 41\]](#). От студентов – авторов дипломных работ – требовали сокращать число ссылок на зарубежные издания. Особенно активно вопросы преподавания обсуждались в педагогических вузах – центрах подготовки будущих учителей. Как заявил зоолог Е. М. Хейсин из Ленинградского государственного педагогического института (ЛГПИ) (вскоре вынужденный покинуть Ленинград после печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г.), «научные работники нашего института связаны со студенчеством, поэтому перед нами встает неизбежно вопрос, достаточно ли критично освещаем мы в лекциях материалы буржуазной науки и достаточно ли останавливаемся на открытиях советской науки» [\[23, л. 42 об.\]](#).

14 ноября 1947 г. Министерство высшего образования СССР выпустило приказ «О чтении лекций по истории русской науки и техники преподавателям высших учебных заведений», в котором сообщалось о необходимости верного освещения «в учебном процессе вопросов приоритета русских ученых в развитии мировой науки и техники».

Для этого организовывались лекции по истории русской техники для вузовских преподавателей. Приказ Министра высшего образования СССР «О преподавании истории науки и техники в высших учебных заведениях» от 14 января 1948 г. предписывал в ряде вузов ввести ее преподавание «в целях воспитания всесторонне развитых советских специалистов, знающих историю отечественной науки и техники, беззаветно преданных Родине и способных вести борьбу против раболепия и низкопоклонства перед иностранной наукой и техникой». В вопросе организации систематического чтения лекций о роли отечественных ученых предлагалось учесть опыт ЛПИ, где была создана кафедра истории техники под руководством В. В. Данилевского. Он доказывал, что «создание истории техники, как научной дисциплины, – дело К. Маркса и Ф. Энгельса», поэтому «священный долг всех работников советской высшей школы – вооружить своих слушателей знанием правды о мировом значении творчества отечественных новаторов, <...> о приоритете СССР в важнейших открытиях и изобретениях» [24, с. 28, 29]. Он также активно включился в критику преподавателей, опиравшихся на зарубежную, а не отечественную литературу. Особенно его возмущала сложившаяся практика перевода аннотаций статей. Так, на закрытом партийном собрании института 10 сентября 1947 г. Данилевский заявил: «Каждая наша статья заканчивается резюме на английском или на немецком языке. А едва ли мы в американских и прочих иностранных журналах найдем резюме на русском языке. С какой же стати, публикуя наши труды, мы должны приложить такой хвост на иностранном языке. Не пора ли покончить с этим холуйством перед иностранцами. Если хотят знать нашу советскую, русскую науку, пусть изучают наш русский язык» [21, л. 67].

Соответствующей перестройке подверглась агитационно-пропагандистская работа в вузах. В частности, проводились тематические научные конференции, организовывались кабинеты по истории науки и техники, рекомендовалось активно использовать иллюстративный материал, кино, устраивать спектакли [17, л. 36]. Речь шла и о корректировке тематики научных работ. Уже в 1949 году, в соответствии с решениями юбилейной сессии Академии наук СССР, посвященной истории отечественной науки, от ученых потребовали «восстановить историческую правду, показать истинное высокое место отечественной науки в мировой культуре» [25, с. 911]. Современная исследовательница М. А. Мамонтова, изучив историческую библиографию первого послевоенного десятилетия, пришла к выводу о том, что главным героем исторических исследований вместо правителей и военных деятелей постепенно стал русский ученый [26].

Представители вузовских корпораций демонстрировали свою лояльность и стремление к победе над «дурной опасной болезнью низкопоклонства перед заграницей». При этом, как показывал весь прошлый советский опыт проведения многочисленных кампаний, на местах зачастую к ним могли относиться формально. Было бы наивно ожидать от научно-образовательного сообщества ревностного следования спущенным сверху директивам и лозунгам. В материалах политического контроля есть упоминания о том, что некоторые преподаватели роли отечественной науки в курсе отводили только вступительную лекцию, а в остальном он оставался без изменений. Другой вариант тихого саботирования постановлений заключался в удалении из курса иностранных фамилий без изменения его по существу [27, л. 45].

Реализация программы борьбы за отечественные приоритеты в науке и технике привела к тому, что идея отстаивания национальных достижений в этой области и сохранения памяти о великих представителях отечественной научной мысли зачастую заменялась

грубым научным ревизионизмом. Примечательно, что активная фаза кампании достаточно быстро сошла на нет, но кардинальной ревизии ее установок не произошло. Одновременно, при всех негативных последствиях бесцеремонного и во многом деструктивного вмешательства идеологии в науку, стоит отметить, что борьба за отечественные приоритеты способствовала росту внимания к изучению истории науки и техники и концентрации значительных ресурсов на развитии этой дисциплины. Пример ленинградских вузов, как показало исследование, является прекрасной иллюстрацией этих противоречивых последствий.

Библиография

1. Резник С., Фет В. Деструктивная роль Трофима Лысенко в российской науке // European Journal of Human Genetics. 2019. Т. 27. № 9. С. 1324-1325.
2. Боринская С.А., Ермолаев А.И., Колчинский Е.И. Лысенковщина против генетики: заседание Ленинской Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук августа 1948 года, его предыстория, причины и последствия // Genetics. 2019. Т. 212. № 1. С. 1-12. DOI: 10.1534/genetics.118.301413. EDN: DZNHKP.
3. Сидорчук И.В. Утверждение поздне сталинской науки в Литовской ССР // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 214-228. DOI: 10.21267/aquilo.2021.74.74.014. EDN: XBHXUZ.
4. Герович С. От Нюспика к Киберспику: История советской кибернетики. Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 2002. 370 с.
5. Кутузов В.А. "Суды чести" в СССР во второй половине 1940-х гг. // Клио. 2012. № 12(72). С. 60-62. EDN: PJUKJB.
6. Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М.: ИРИ РАН, 2001. 454 с.
7. Колчинский Э.И. Советские юбилеи Ч. Дарвина и лысенкоизм // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. № 2. С. 10-52. EDN: UBEYEB.
8. Сушков А.В., Яркова Е.И., Баранов Е.Ю. "Порядок в научной работе должен быть наведен...". Документы об обсуждении в медицинских НИИ и вузе г. Свердловска закрытого письма ЦК ВКП(б) "О деле профессоров Клюевой и Роскина" // Уральский исторический вестник. 2008. № 3(20). С. 70-83. EDN: MLJNSV.
9. Морозов Д.С., Разгон В.Н. Проведение политico-идеологической кампании по борьбе с "низкопоклонством перед Западом" (1947-1948 гг.) в вузах Томска // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 5(133). С. 18-24. DOI: 10.14258/izvasu(2023)5-02. EDN: AQNXXB.
10. Ульянова С.Б. Предпосылки формирования кампанейских принципов советской политики в послеоктябрьский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия "История России". 2007. № 1. С. 71-82. EDN: IJLCJZ.
11. Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 211 с.
12. Сталин и космополитизм. 1945-1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковleva; Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД: Материк, 2005. 765 с.
13. Светлов В.И. Против формализма и догматизма в преподавании общественных наук // Вестник высшей школы. 1947. № 4. С. 8-13.
14. Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М.: Наука, 2011. 663 с. EDN: QVMQVD.
15. Протокол № 6 закрытого партийного собрания парторганизации Ленинградского Политехнического института им. М.И. Калинина от 10 сентября 1947 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 40. Оп. 2 Д. 62. Л. 36-40.
16. Постановление Партийного собрания партийной организации ЛГПИ им. А.И. Герцена от 10

- сентября 1947 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 2. д. 29. л. 49-49 об.
17. Отчет партийного комитета Ленинградского ордена Ленина Университета о реализации указаний ЦК ВКП(б), данных в закрытом письме по делу Клюевой и Роскина // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. д. 7. л. 20-39.
18. Доклад секретаря парткома А. Андреева на общем партийном собрании Ленинградского государственного университета 19 ноября 1948 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 3. д. 1 Стенографические отчеты собраний парторганизации Университета. Апрель-ноябрь 1948 г. л. 127-146.
19. Самарин А.М. За высокую партийность и научную принципиальность учебников для высшей школы // Вестник высшей школы. 1948. № 8. С. 1-7.
20. Павлов Я.М. Каталог иностранных машин вместо учебного пособия // Вестник высшей школы. 1948. № 2. С. 55-56.
21. Закрытое партийное собрание 10 сентября 1947 г. парторганизации Ленинградского Политехнического института им. М.И. Калинина // ЦГАИПД СПб. Ф. 40. Оп. 2 д. 62. л. 44-77.
22. План мероприятий по реализации указаний ЦК ВКП(б), изложенных в письме по делу профессоров Клюевой и Роскина от 18 июня 1947 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 40. Оп. 2 д. 62. л. 41-42.
23. Протокол № 10 закрытого партийного собрания ГПИ им. А.И. Герцена от 10 сентября 1947 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1158. Оп. 2. д. 29. л. 42-48.
24. Данилевский В.В. Вооружить будущих специалистов знанием истории техники // Вестник высшей школы. 1948. № 3. С. 28-33.
25. Вопросы истории отечественной науки: Общее собрание Акад. наук СССР, посвященное истории отечественной науки 5-11 янв. 1949 г.: Доклады / [Ред. коллегия: акад. С.И. Вавилов (отв. ред.) и др.]. М.; Л.: [Б. и.], 1949. 912 с.
26. Мамонтова М.А. Как "русский ученый" вытеснил "русского полководца": изменение тематики исторических исследований в СССР в первое послевоенное десятилетие (по материалам "Ежегодника книги СССР") // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. (№ 3-1). С. 195-203.
27. Протокол № 18 заседания партийного комитета ЛПИ им. М.И. Калинина от 28 июля 1948 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 40. Оп. 2. д. 89. л. 39-49.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня в нашей стране пристальное внимание уделяется тем технологиям, которые обеспечат прорыв в экономической сфере: это, в первую очередь, искусственный интеллект, роботизация и т.д. В этой связи вызывает интерес изучение исторического опыта становления науки и развития технологий в нашей стране. Одной из таких переломных временных периодов была середина XX в., когда на фоне глубокого патриотического подъема, вызванного разгромом гитлеризма, произошло активное развитие советской науки: чего стоит только атомный проект, обеспечивший национальную безопасность нашей родины.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является кампания по борьбе за отечественные приоритеты в науке и технике в 1947–1948-е гг. Автор ставит своими задачами проанализировать ход и последствия политico-идеологических кампаний в различных центрах высшего образования.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать кампанию по борьбе за отечественные приоритеты в науке и технике в 1947–1948-е гг. на материалах высшей школы Ленинграда. Научная новизна статьи определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 27 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, а также работами второй половины 1940-х гг. (В.В. Данилевский, А.М. Самарин, В.И. Светлов и др.). Из привлекаемых автором трудов отметим работы М.А. Мамонтовой, С.Б. Ульяновой, А.С. Сонина, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории науки в позднесталинский период. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей науки и техники, в целом, так и позднесталинской эпохой, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «история позднесталинской науки является весьма востребованной среди специалистов тематикой». В конце 1940-х гг. начался пересмотр программ и перестройка учебных курсов: так, например, «в ЛГУ в курсы по истории физики и общей астрономии добавили разделы по истории этих наук в России и СССР». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «представители вузовских корпораций демонстрировали свою лояльность и стремление к победе над «дурной опасной болезнью низкопоклонства перед заграницей». При этом, «как показывал весь прошлый советский опыт проведения многочисленных кампаний, на местах зачастую к ним могли относиться формально».

Главным выводом статьи является то, что «при всех негативных последствиях бесцеремонного и во многом деструктивного вмешательства идеологии в науку, стоит отметить, что борьба за отечественные приоритеты способствовала росту внимания к изучению истории науки и техники и концентрации значительных ресурсов на развитии этой дисциплины».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Англоязычные метаданные

Projects of automatic weapons designed by B.E. Sosinsky in Russia in the early 20th century.

Timofeeva Rimma Aleksandrovna

PhD in Art History

Associate Professor; Department of History and Theory of Art; St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

29 Politehnicheskaya str., building 2, sq. 32, Saint Petersburg, 194064, Russia

✉ rimma.a.timofeeva@gmail.com

Chumak Ruslan Nikolaevich

PhD in Technical Science

Head of the Funds Department; Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops

7 Alexandrovsky Park str., Saint Petersburg, 197046, Russia

✉ rimmaa@gmail.com

Abstract. Annotation

The subject of study in this article is the period at the beginning of the development of manual automatic weapons in Russia (the turn of the 19th–20th centuries). The overall supervision of such works on new weapons was carried out by the Main Artillery Administration (GAU), albeit in a rather general manner, which meant that the level of sophistication of the created models depended on the talent of the inventor.

This article analyzes a project that demonstrates a high degree of originality and expressiveness of engineering thought, as well as a considerable potential of domestic inventor-weapons designers. The focus is on the projects of a modified automatic rifle and a machine rifle developed by engineer B.E. Sosinski. This project was considered by the Russian military authorities in the 1900s. It is an undeniable fact that B.E. Sosinski was a skilled and talented engineer who had a deep understanding of and passion for weaponry and possessed significant potential as a weapon designer. However, these traits of his personality were not adequately utilized due to the peculiarities of the weaponry era in Russia. The following research methods were used in this material: historical-scientific analysis of specialized research literature, comparative-historical method, and processing of archival data. In conclusion, it is necessary to characterize Sosinski's machine gun project from the perspective of contemporary knowledge about automatic small arms. Despite the existing shortcomings, as of the date of submission (1906), it was one of the most thought-out and adequately looking proposals. In terms of the quality of technical solutions incorporated into the project, it surpassed by two orders of magnitude the primitive automatic weapon projects being developed at the same time by other Russian inventor-weapons designers. This consideration allows us to put forward the thesis that at the beginning of the 20th century, there were talented inventors in Russia with significant creative potential who, with proper organization of the design process and refinement of weaponry, were capable of creating modern samples.

Keywords: light machine gun, machine gun, GAU, Main Artillery Directorate, experimental weapons, weapons design, automatic weapons, automatic rifle, three-line rifle, Bronislav Sosinsky

References (transliterated)

1. Timofeeva R.A., Chumak R.N. Nachal'nyi period formirovaniya otechestvennoi shkoly proektirovaniya avtomaticheskogo oruzhiya na primere razrabotki avtomaticheskikh vintovok (1904–1926 gg.) // Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2024. № 6. S. 377-387. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.71679 EDN: VCCWYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71679
2. Timofeeva R.A., Chumak R.N. Opytnye avtomaticheskie vintovki konstruktsii V. P. Konovalova 1907–1926 godov [Elektronnyi resurs] // Kalashnikov. Oruzhie, boepripas, snaryazhenie. 2025. URL: <https://www.kalashnikov.ru/opytnye-avtomaticheskie-vintovki-konovalova/> (data obrashcheniya: 06.01.2025).
3. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 39/3. D. 510.
4. RGVA. F. 4. Op. 19. D. 7a.
5. Nauchnyi arkhiv VIMAIViVS. F. 6R. Op. 1. D. 849.
6. RGVA. F. 20. Op. 24. D. 41.
7. Fedorov V.G. Oruzheinoe delo na grani dvukh epokh: (Raboty oruzheinika 1900–1935 gg.). V 3-kh t. Ch. 3. Oruzheinoe delo posle Oktyabr'skoi revolyutsii. L.: Artil. ordena Lenina akad. RKKA im. Dzerzhinskogo, 1939.
8. RGIA. F. 1101. Op. 1. D. 1135.
9. Sosinskii V. Konurka // Voprosy literatury. 1991. Iyun'.
10. Sosinskii A.B. Moi otets - legenda. M.: Izd-vo MTsNMO, 2023.

All-Russian Congresses of Old Believers of the Belokrinitskaya Hierarchy and the Resettlement of Lipovans to the Russian Far East in the Early 20th Century

Kuldo Maksim

PhD Candidate, Section of Church History, History Department, Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, g. Moscow, ul. Lomonosovskii Prospekt, 27, korp. 4, kab. E-421

 mkuldo@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a little-studied problem – the resettlement of Austrian and Romanian Old Believers-Lipovans to the Russian Far East at the beginning of the 20th century. The work evaluates the significance of the All-Russian Congresses of Old Believers of the Belokrinitskaya Hierarchy and their Council in this process. The role of the immediate leaders of this structure, D. V. Siroткин and P. P. Ryabushinsky, as active supporters of the idea of returning "foreigners" to the homeland of their ancestors is analyzed. Particular attention is paid to the study of the arguments of both supporters and opponents of the repatriation of Lipovans and their "settlement" in the Amur region. The idea of an organized resettlement of Old Believers to the Far East – to Chinese Manchuria – to the line of the Chinese Eastern Railway (CER) that was then under construction was first put forward by Finance Minister S. Yu. Witte. In 1900, the dignitary reported this to the delegation of the First Old Believer Congress that arrived in Yalta. After some time, the Yalta proposal became known to the Austrian Lipovans. The local Old Believers, who were experiencing land shortages and other difficulties, had high hopes for the Russian minister's project and expressed a desire to definitely go to Northern China as colonists, but the Russo-Japanese War of 1904–1905 prevented the implementation of this plan. The implementation of another resettlement

project (this time to the Russian Amur region) became possible after the revolutionary upheavals of 1905-1907, when the Old Believers received certain civil rights. The liberalization of religious policy in Russia against the backdrop of the deteriorating socio-economic situation in the countries of residence contributed to the return of foreign Old Believers to their historical homeland. Lipovans and Nekrasovites living in Austria, Bulgaria, Romania and Turkey began to submit petitions for Russian citizenship, petitioning for resettlement in the Amur region. The tsarist government, interested in the rapid settlement and economic development of its Far Eastern outskirts, appreciated this desire. The role of the link between the Lipovan communities and the Russian authorities belonged to the Council of Congresses, whose members cared about satisfying not only the spiritual but also the material needs of their co-religionists. By and large, it was thanks to the mediating aspirations of the Council that the resettlement of the "foreigners" became possible, while the "Austrians" and "Romanians" received some benefits.

Keywords: D. M. Smirnov, P. P. Ryabushinsky, D. V. Sirotkin, Amur region, Russian Far East, Bukovina, resettlement, All-Russian Congresses of Old Believers, Lipovans, Foreign Old Believers

References (transliterated)

1. Kul'do M. E. S Dunaya na Amur: pereselenie zagrlichnykh staroobryadtsev na rossiiskii Dal'nii Vostok v nachale XX-go stoletiya // Kul'tura russkikh-lipovan v natsional'nom i mezhdunarodnom kontekste: sbornik dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma. Vypusk 7. Bukharest, 2019. S. 183-196.
2. Kabuzan V. M. Dal'nevostochnyi krai v XVII - nachale XX vv. (1640-1917): Istoriko-demograficheskii ocherk. M.: Nauka, 1985. 260 s.
3. Trudy IX Vserossiiskogo s"ezda staroobryadtsev, priemlyushchikh svyashchenstvo Belokrinitskoi ierarkhii, v Nizhnem Novgorode 2-4 avgusta 1908 goda. M.: Tovarishchestvo Tipo-Litografii I. M. Mashistova, 1909.
4. Seleznev F. A. D. V. Sirotkin i Vserossiiskie s"ezdy staroobryadtsev v nachale KhKh veka // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 5. S. 78-90.
5. Trudy VII Vserossiiskogo s"ezda staroobryadtsev v Nizhnem Novgorode 2-5 avgusta 1906 g. i 2-go Chrezvychainogo s"ezda staroobryadtsev v Moskve 2-3 yanvarya 1906 g. N. Novgorod: Tipo-Litografiya T-va I. M. Mashistova, 1906.
6. Materialy po voprosam zemel'nomu i krest'yanskому. Vserossiiskii s"ezd krest'yansko-staroobryadtsev v Moskve, 22-25 fevralya 1906 goda. M.: Tipo-litografiya T-va I. N. Kushnerev i Ko, 1906.
7. S"ezd krest'yan-staroobryadtsev // Staroobryadets. 1906. № 3. S. 360.
8. Mel'gunov S. P. Agrarnyi vopros na staroobryadcheskom s"ezde // Staroobryadchestvo i osvoboditel'noe dvizhenie. M.: Tipografiya Vil'de, 1906. S. 26-32.
9. Seleznev F. A. D. V. Sirotkin i staroobryadcheskaya kolonizatsiya Dal'nego Vostoka v nachale KhKh v. // Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Vypusk 13. M., 2009. S. 90-92.
10. K voprosu o pereselenii na Dal'nii Vostok staroobryadtsev // [Smirnov D. M.] / Izdanie Soveta Vserossiiskogo s"ezda staroobryadtsev. M.: T-vo Tipo-Litografii I. M. Mashistova, 1908. 27 s.
11. Trudy VIII Vserossiiskogo s"ezda staroobryadtsev v Nizhnem Novgorode 2-4 avgusta 1907 goda. - M.: Tovarishchestvo Tipo-Litografii I. M. Mashistova, 1908.
12. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV). F. 702. Op.

5. D. 91.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 102. Op. 65, 1908 g. D. 14 ch. 14.
14. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV). F. 810. Op. 1. D. 118.
15. Trudy X Vserossiiskogo s"ezda staroobryadtsev, priemlyushchikh svyashchenstvo Belokrinitskoi ierarkhii, v Nizhnem Novgorode 18-19 avgusta 1909 goda. M.: Tipografiya P. P. Ryabushinskogo, 1910.
16. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 391. Op. 3. D. 1140.
17. Poselenets. "Radeteli" // Staroobryadtsy. 1908. № 4-6. S. 483-489.
18. Obzor Amurskoi oblasti za 1911 god. Blagoveshchensk, 1912.
19. Biryukov T. O pereselenii // Staroobryadtsy. 1909. № 3-4. S. 242-243.
20. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 391. Op. 3. D. 1141.
21. Arkhiv vnesheini politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI). F. 145. Op. 498. D. 1009.
22. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 1284. Op. 106 - 1908 g. D. 215.
23. Ofitsial'nyi otdel // Tserkov'. 1909. № 50.
24. Trudy XI Vserossiiskogo s"ezda staroobryadtsev, priemlyushchikh svyashchenstvo Belokrinitskoi ierarkhii, v Moskve. 19-20 avgusta 1910 goda. M.: Tipografiya P. P. Ryabushinskogo, 1911.

Labor productivity and material incentives in the Soviet metallurgy industry during the NEP years (based on materials from the "Serp i Molot" factory and the Moscow Machine Trust)

Chudinov Aleksandr Aleksandrovich

Postgraduate student; Department of Social and Economic History of Russia; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

119571, Russia, Moscow, Dekabristov str., 2

✉ achudinov2023@mail.ru

Abstract. The disclosure of the human potential of the Soviet worker was one of the most important tasks of the government in the 1920s, the solution to which was seen in increasing labor productivity. The main goal of our research is a comprehensive analysis of the relationship between the dynamics of labor productivity and wages during the period of the New Economic Policy, examined through the example of the "Sickle and Hammer" factory and other industrial enterprises that were part of the Machine Trust. Throughout the work, monthly data on these indicators for the years 1924–1926 were collected and systematized, which allowed for a thorough analysis of the differences in their growth rates and the identification of factors that had a significant impact on these differences. This period was chosen as it allows for the characterization of the trends existing during the peak of the New Economic Policy. In this work, a microanalysis method was used, which allowed for the examination of the interaction between labor productivity and wages based on specific enterprises. Additionally, methods of systematic analysis, as well as problem-chronological and dialectical methods, were employed in the article. The conducted research demonstrated that the management of the "Sickle and Hammer" factory failed during this historical period to align

the growth of nominal wages with the indicators of labor productivity of industrial workers. It should be emphasized that the rates of growth in real wages and labor productivity had only slight discrepancies. A significant result of this research was not only the introduction of new statistical data and materials into scientific circulation but also the systematization of the factors influencing the dynamics of labor productivity and wages in the context of the New Economic Policy. The following factors were identified as influencing labor productivity at a specific enterprise: the size of the industrial enterprise, the nomenclature and assortment of produced goods, the strategic position of the enterprise in the production chain, time loss, and the reasons determining those losses. At the same time, a number of other factors complicated the solution of the crucial task of halting the pace of wage growth. The management of the enterprise had to make managerial decisions under extremely difficult conditions of acute shortages of skilled labor, the presence of influential trade unions, and the necessity of meeting production targets.

Keywords: microanalysis, real wages, Hammer and Sickle, labor relations, metallurgy industry, wages, labor productivity, new economic policy, Machine Trust, labor motivation

References (transliterated)

1. Il'yukhov A. A. Kak platili bol'sheviki: Politika sovetskoi vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg. M.: ROSSPEN, 2010. – 415 s.
2. Suvorova L. N. Nepovskaya mnogoukladnaya ekonomika: mezhdu gosudarstvom i rynkom. M.: AIRO-XXI, 2013. – 303 s.
3. Zhuravlev S. V., Mukhin M. Yu. "Krepost' sotsializma": Povsednevnost' i motivatsiya truda na sovetskem predpriyatiu, 1928–1938 gg. M.: ROSSPEN, 2004. – 240 s.
4. Sokolov A. K. Sovetskaya politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniya truda (1917 – seredina 1930-kh godov) // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie. Vyp. 4. M.: Izd-vo MGU, 2000. S. 39-80.
5. Ul'yanova S. B. "To na skaku, to na boku": Massovye khozyaistvenno-politicheskie kampanii v petrogradskoi/leningradskoi promyshlennosti v 1921–1928 gg. SPb.: Izd-vo Politehnicheskogo un-ta, 2006. – 529 s.
6. Chistyakova K. A. Dvizhenie za nauchnyu organizatsiyu truda 1920-kh – 1930-kh godov v Sovetskoi Rossii: K istorii formirovaniya rossiiskoi shkoly "chelovecheskikh otnoshenii": dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.02 / Chistyakova Kseniya Anatol'evna. – Moskva, 2004. – 280 s.
7. Postnikov S. P., Fel'dman M. A. Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg. M.: ROSSPEN, 2009. – 367 s.
8. Shil'nikova I.V. «Kak zhali rabochikh, tak i budut zhat'»: prichiny konfliktov na sovetskikh predpriyatiyakh v gody nepa // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2015. № 6. S. 737-743. DOI: 10.7256/2454-0609.2015.6.17428
9. Borisova L. V. Trudovye konfliktы v Sovetskoi Rossii (1918–1924 gg.). M.: Sobranie, 2006. – 288 s.
10. Borodkin L. I., Safonova E. I. Motivatsiya truda na fabrike "Trekhgornaya manufaktura" v pervye gody sovetskoi vlasti // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2002. № 1. S. 55-87.
11. Markevich A. M., Sokolov A. K. "Magnitka bliz Sadovogo kol'tsa": Stimuly k rabote na Moskovskom zavode "Serp i molot", 1883–2001 gg. M.: ROSSPEN, 2005. – 368 s.
12. Kornakovskii I. L. Ot "Guzhona" k "Serpu i molotu" (istoriya Moskovskogo metallurgicheskogo zavoda "Serp i molot" v dokumentakh, 1883–1932 gg.). M.: [b. i.],

2009. – 367 s.
13. Ekonomicheskoe nasledie. NEP i khozraschet / Tsentr. ekon.-mat. in-t AN SSSR, In-t ekonomiki AN SSSR; redkol.: N. Ya. Petrakov (pred.) i dr.; sost., predisl., komment. N. Ya. Petrakov i dr. – M.: Ekonomika, 1991. – 364 s.
 14. Vainshtein Al'b. L. Izbrannye trudy: v 2 kn. Kn. 2. / Al'b. L. Vainshtein. – M.: Nauka, 2000. – 560 s.

The experience of using artificial neural networks in solving problems of virtual reconstruction of historical manor interiors

Malandina Tatiana Vladimirovna

Postgraduate student, Historical Information Science Department, History Faculty, Lomonosov Moscow State University

27 Lomonosovsky ave., building 4, Moscow, 119192, Russia

 malandinatanya@gmail.com

Abstract. The article discusses the experience of using artificial neural networks for virtual 3D reconstruction of historical interiors, using the example of the Kuzminki estate from the XVIII to early XX centuries. The Kuzminki manor complex, located in the southeastern part of Moscow, is a unique architectural monument and cultural heritage, with a history dating back more than 300 years.

This estate was originally a summer residence of the Stroganov family and later passed into the hands of the Golitsyn family. Famous architects such as M.F. Kazakov, I.V. Egotov, A.N. Voronikhin, and representatives of the Gilardi family contributed to its construction. Bykovsky also participated in its development since the 1840s. In this paper, we demonstrate a hybrid approach that combines classical 3D modeling with neural network tools using the example of the reconstruction of the Kuzminki Manor ballroom. The approach involves the use of 3ds Max and Corona Renderer for 3D modeling, as well as Tripo AI, Prome AI, and Midjourney for neural network tools. Special attention is given to the reconstruction of an Empire-style ceremonial chair. This includes the generation of a 3D model based on 2D references, the creation of authentic textures, and the integration of the object into a virtual space. The relevance of this research lies in the need to develop effective methods for recreating lost cultural heritage sites using modern artificial intelligence (AI) technologies. The author of this study has been the first to explore the possibilities of utilizing artificial neural networks (ANNs) in solving the problem of virtual reconstruction of historical manor interiors, using the example of the Kuzminki estate.

A comparison between classical and ANN methods has shown that ANNs offer new opportunities for creating virtual 3D interior reconstructions. They allow for a different approach to visualizing specific interior furnishings, which is not inferior to traditional modeling techniques. At the same time, ANNs act as a tool or virtual assistant, and the results can be controlled. The study confirmed the effectiveness of neural network technologies as a tool for the reconstruction of historic interiors. This is especially evident when using classical modeling and visualization techniques in conjunction with neural networks.

Keywords: digitization of cultural heritage, 3D-modeling, cultural heritage, Golitsyns, Kuzminki manor, virtual 3D-reconstruction, historical interiors, artificial neural networks, methods, technologies

References (transliterated)

1. LeCun, Y., Bengio, Y., Hinton, G. Deep learning // Nature. 2015. No. 521(7553). Pp. 436-444.
2. Karras, T. Analyzing and Improving the Image Quality of StyleGAN // CVPR, 2020. Pp. 8110-8119.
3. Qi, C. R. PointNet: Deep Learning on Point Sets for 3D Classification and Segmentation // CVPR, 2016. Pp. 1-9.
4. Sharp, N. DiffusionNet: Discretization-Agnostic Learning on Surfaces // ACM TOG. 2022. Vol. 1, No. 1. Article 1. Pp. 1-16.
5. Gatys, L. A. Image Style Transfer Using Convolutional Neural Networks // CVPR, 2016. Pp. 2414-2423.
6. Münster, S. Digital Heritage and Virtual Archaeology: An Approach Through the Frame of Education / Mixed Reality and Gamification for Cultural Heritage. 2018. Pp. 3-26.
7. Poretskii, N. A. Selo Vlakhernskoe, imenie Knyazya S. M. Golitsyna. M.: T-vo Tipo-Litografii I. M. Mashistova, 1913.
8. Makovskii, S. K. Dve Podmoskovnye knyazya S. M. Golitsyna // Starye gody. 1910. № 1. S. 24-37.
9. Grech, A. N. Venok usad'bam // Pamyatniki Otechestva. Al'manakh. 1994. № 3-4. S. 5-191.

Tyndaris between Pompey and Octavian: Political, Strategic, and Cultural Transformations in the Life of the City

Lenchuk Vladislav YUr'evich □

Postgraduate student; Department of Ancient World History, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Universitetskaya pl., 1

✉ lenchukvy@my.msu.ru

Abstract. This article explores the political, strategic, and cultural changes experienced by the city of Tyndaris, a major urban settlement on the northeastern coast of Sicily, during its transition from a Hellenistic foundation to a Roman colony. The study focuses on the period from its establishment in the 4th century BCE to the reign of Augustus, analyzing its evolving political institutions, strategic function, and socio-economic structures. Particular emphasis is placed on the city's significance during the Roman civil wars, especially under Sextus Pompey, who utilized Tyndaris as a crucial naval stronghold. After the defeat of Pompey, the city suffered serious destruction but later played a central role in the reorganization of Sicily under Octavian. The article investigates how Roman policy affected the urban landscape, including the construction of elite residences, development of agricultural estates, and reinforcement of fortifications. Based on archaeological findings and literary sources such as Cicero and Strabo, the study also discusses the mechanisms of Romanization, such as the integration of local elites into Roman social structures, the spread of Latin culture, and the transformation of civic identity. The conversion of Tyndaris into a Roman colony accelerated these processes and symbolized the city's full incorporation into the imperial framework. Additionally, the article examines Tyndaris' changing demographic landscape, its religious practices, and its role in regional trade and communications. As a case study, Tyndaris reflects broader patterns of Roman provincial control, adaptation, and resilience, providing valuable insight into the

dynamics between central imperial authority and local Mediterranean communities.

Keywords: provincial administration, Mediterranean history, archaeology, Romanization, civil wars, Sextus Pompey, ancient economy, Roman Empire, Sicily, Tyndaris

References (transliterated)

1. Calciati, R. *Corpus Nummorum Siculorum. Vol. 3. La monetazione di bronzo.* Roma, 1987. – 356 s.
2. Carroccio, B. *Dal basileus Agatocle a Roma: le monetazioni siciliane d'età ellenistica: cronologia, iconografia, metrologia.* Messina, 2004. – 234 s.
3. Crisà, A. *La monetazione di Tindari romana con segni di valore e legende in lingua latina.* 2008. – 72 s.
4. Fasolo, M. *Tyndaris e il suo territorio. Volume I. Introduzione alla carta archeologica del territorio di Tindari.* MediaGEO, 2013. – 192 s.
5. Ficocelli, G.L. *Sextus Pompeius and Sicily: Aretē, Virtus, and Leadership // In Ageless Arete: Selected Essays from the 6th Interdisciplinary Symposium on the Hellenic Heritage of Sicily and Southern Italy / eds. H.L. Reid, J. Serrati. Parnassos Press Fonte Aretusa,* 2022. P. 85-104.
6. Hadas, M. *Sextus Pompey.* New York: Columbia University Press, 1930. – 180 s.
7. Holmes, T. *Rice. The Architect of the Roman Empire.* Oxford: Clarendon Press, 1928. – 413 s.
8. La Torre, G.F. *Il processo di romanizzazione della Sicilia: il caso di Tindari // Il processo di romanizzazione della Sicilia,* 2004. P. 1000-1036.
9. Manganaro, A.G. *La Sicilia da Sesto Pompeo a Diocleziano // ANRW II, 11.1.* Berlin-New York, 1988. P. 239-298.
10. Ormerod, H.A. *Piracy in the Ancient World.* Liverpool: University Press of Liverpool, 1924. – 330 s.
11. Pfuntner, L. *Urbanism and Empire in Roman Sicily.* Austin: University of Texas Press, 2019. – 248 s.
12. Powell, A. *'An Island Amid the Flame': The Strategy and Imagery of Sextus Pompeius, 43-36 BC // In Sextus Pompeius / eds. A. Powell, K. Welch.* Swansea: The Classical Press of Wales, 2002. P. 103-135.
13. Pritchard, R.T. *"Perpaucae Siciliae civitates": Notes on "Verr." 2,3,6,13 // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte.* 1975. Bd. 24, H. 1. P. 1-13.
14. Roussel, D. *Les Siciliens entre les Romains et les Carthaginois à l'époque de la première guerre punique.* Besançon, 1970. – 147 s.
15. Rubincam, C.R. *The Chronology of the Punishment and Reconstruction of Sicily by Octavian Augustus // American Journal of Archaeology.* 1985. Vol. 89, No. 3. P. 521-522.
16. Scott, W.H. *On a Rare Coin of Tyndaris, in Sicily // The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society.* 1854. Vol. 17. P. 218-219.
17. Smith, C., Serrati, J. (eds.). *Sicily from Aeneas to Augustus: New Approaches in Archaeology and History.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. – 336 s.
18. Spigo, U. *La "Basilica" // Tindari: area archeologica e l'antiquarium / a cura di U. Spigo.* Milazzo: Rebus, 2005. P. 55-58.
19. Stone, S.C. III. *Sextus Pompey, Octavian and Sicily // American Journal of Archaeology.* 1983. Vol. 87, No. 1. P. 11-22.

20. Syme, R. The Roman Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1939. – 596 s.
21. Uggeri, G. Itinerari e strade, rotte, porti e scali della Sicilia tardoantica // Kokalos. Vol. XLIII-XLIV (1997-1998). P. 651-720.
22. Watson, L. Horace and the Pirates // In Sextus Pompeius / eds. A. Powell, K. Welch. Swansea: The Classical Press of Wales, 2002. P. 213-229.
23. Weigel, R.D. Lepidus: The Tarnished Triumvir. London: Routledge, 1994. – 168 s.
24. Mashkin, N.A. Printsiyat Avgusta. M., 1949. – 608 s.

The activities of the International Control Commission of the Communist International after the VII Congress.

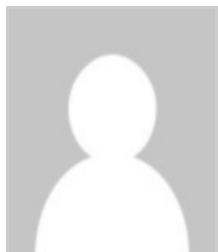
Latushko Nikita Nikolaevich

Assistant Professor; Institute of General Engineering Training; Moscow Aviation Institute (National Research University)

Postgraduate student; Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Ramenki district, ter. Leninskie Gory, 1B

✉ nikita.latushko@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of the activities of the main control body of the Communist International – the International Control Commission (ICC). The object of study is the ICC, established in 1921. The paper examines the main aspects of the ICC's activities after the VII Congress of the Comintern in 1936, including the influence of the campaign for the verification and exchange of party documents in the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the work of the ICC; the activities of the joint commission of the Personnel Department of the Executive Committee of the Comintern and the ICC (or the Anvelt-Kraevsky Commission) to review the recommendations of members of foreign sections in the All-Union Communist Party (Bolsheviks); the introduction of a new procedure for investigating violations of party norms and the change in the role of the ICC for foreign sections. The analysis of various aspects of the Comintern's activities allows the identification of general trends that defined the directions of the organization's work as a whole and the International Control Commission in particular. The influence of the events of the Moscow Trials on the Commission's activities is examined separately, leading to a tightening of the policy of Comintern control bodies towards foreign communists. The methodological basis of the article is grounded in the principles of historicism, objectivity, and scientific rigor, as well as the structuralist approach, and the historical-comparative and historical-genetic methods. The scientific novelty of the article is primarily determined by the object of study itself: until now, the activities of the International Control Commission had not been the subject of separate works. A deeper study of this issue allows for the filling of existing gaps in the history of the Communist International. Archival documents from the RGAEPF funds were used in writing the article, including statistical data on violations of party discipline by members of national sections of the Comintern. Based on this information, the categorization and sequence of the consideration of relevant cases by the ICC leadership were reconstructed, and the correlation between events in the internal politics of the USSR, the activities of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the ICC, and the work of the International Control Commission in the first year after the VII Congress of the Communist International was revealed. In light of the circumstances presented, it is hypothesized that the activities of the ICC were driven by the growing suspicions of the leadership of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) towards foreign communists and, to some extent, became a prologue to the repressions against Comintern workers in a later period.

Keywords: Violations of Party Rules., Anvelt-Kraevsky Commission, Political Repressions, Communist Party, National section of ECCI, Collegium of the ECCI, International Control Commission, Executive Committee of the Comintern, VII Congress of the Comintern, Communist International

References (transliterated)

1. Latushko N. N. Kadrovaya politika Kominterna cherez prizmu kampanii po proverke i obmenu partiinykh dokumentov v VKP(b) v 1934–1936 gg. // KLIO. 2024. № 6 (210). S. 133-139.
2. Adibekov G. M., Shakhnazarova E. N., Shirinya K. K. Organizatsionnaya struktura Kominterna. 1919–1943. M.: "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 1997. 287 s.
3. Surguladze V. Sh. K istorii ideologicheskogo protivoborstva mezhvoennogo perioda. Komintern i Antikomintern v kontekste bor'by mirovogo kommunizma i politicheskikh rezhimov fashistskogo tipa. // Voprosy natsionalizma. 2021. № 1 (33). S. 176-209.
4. Firsov F. I. Sekrety Kommunisticheskogo Internatsionala. Shifrogramma. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond "Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina", 2011. 496 s.
5. Dallin A., Firsov F. Dimitrov and Stalin. 1934–1943. Letters from Soviet Archives. London: Yale University Press, 2000. 278 p.
6. Firsov F. I., Klehr H., Haynes J. E. Secret cables of the Comintern. 1933–1943. Yale University Press, 2014. 321 p.
7. Vatlin A. Yu. Komintern: Idei, resheniya, sud'by. M.: ROSSPEN, 2009. 374 s.
8. Vatlin A. Kaderpolitik und Säuberungen in der Komintern/Terror: Stalinistische Partei säuberungen 1936–1953. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2001. S. 33-119.
9. Vatlin A. Yu. Utopiya na marshe istorii. Istorya Kominterna v litsakh. M.: ROSSPEN, 2023. 896 s.
10. Panteleev M. M. Agenty Kominterna. M.: EKSMO, 2005. 350 s.
11. Chase W. J. Enemies Within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934–1939. Yale University Press, 2001. 514 p.
12. Istorya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. / otv. red. A. B. Bezborodov; nauch. red. N. V. Eliseeva. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2013. 671 s.
13. Anfert'ev I. A. RKP(b)-VKP(b) i modernizatsiya RSFSR/SSSR v 1920–1930-e gg.: programmy preobrazovani i bor'ba za vlast'. Dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk 07.00.02. – Moskva, 2019. 789 s.
14. Nikonorova T. N. Dokumenty komissii partiinogo kontrolya pri TsK VKP(b) (1934–1952 gg.) kak istochnik izucheniya ekonomicheskoi prestupnosti v srede partiinoi nomenklatury. Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk 07.00.09. – Moskva, 2018. 224 s.
15. Khlevnyuk O. V. Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 1930-e gody. M.: ROSSPEN, 1996. 304 s.
16. Yudin K. A. Komissiya partiinogo kontrolya (KPK) pri TsK VKP(b) i ee rol' v politicheskoi sisteme SSSR 1930-kh gg. // Na puti k grazhdanskому obshchestvu. Ivanovo, 2014. № 2(14). S. 74-83.
17. Khlevnyuk O. V. Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury. M.: ROSSPEN,

2012. 478 s.

18. Petrov N., Yansen M. "Stalinskii pitomets" – Nikolai Ezhov. M.: ROSSPEN, 2009. 447 s.
19. Simbirtsev I. Spetssluzhby pervykh let SSSR. 1923–1939: Na puti k Bol'shomu Terroru. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2008. 381 s.

Hydrotechnical structures of Tanais II-III centuries A.D.

Prokofev Ivan

Postgraduate student; Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Ramenki district, Lomonosovsky prospekt, 27 K. 4

 i.prokofev1998@gmail.com

Abstract. As a result of archaeological research in Tanais, hydraulic structures from the 2nd to 3rd centuries AD have been identified in all parts of the main quadrangle of the settlement, either fragmentarily or completely. These include drainage systems, water collection cisterns, and a captured spring, which are the subjects of this study. Water collection cisterns, with rare exceptions, were located in the courtyards of urban estates and served to collect rainwater. Drainage systems could be located both on the estates, adjacent to the cisterns and directing water into them, and on the streets, diverting water beyond the city walls. One captured spring has been identified – it is structure 6 in the southern part of the settlement, which supplied most of the city with water until the mid-2nd century AD. The article provides a description of their construction and location within the city, and for the first time attempts to represent the separate structures as a unified system of drainage and water supply that functioned in the city during the analyzed period. Both systems were interconnected, as a significant volume of rainwater was directed into the water collection cisterns via the first system, providing the city with technical water necessary for economic activities, fire extinguishing, and various domestic needs. Water drainage was ensured through the construction of drainage systems both in public areas – within the streets leading to the discharge of water outside the city, and on the territory of urban estates – from the streets to the water collection cisterns. Residents drew drinking water from sources located within the city walls: until the mid-2nd century AD, this was structure 6 in the southern part of the main quadrangle of the settlement. After its burial and until the destruction of the city in the mid-3rd century AD, this role was to be fulfilled by some other source that remains unexplored to this day.

Keywords: architectural archaeology, sewage system, water supply system., Northern Black Sea region, urban manors of Tanais, water collecting cistern, street drains, captured spring, hydraulic engineering structure, ancient urban planning

References (transliterated)

1. Arsen'eva, T. M., Naumenko, S. A. Usad'by Tanaisa. M., 1992. 231 s.
2. Shelov, D. B. Novye dannye o Tanaise // Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 1. 1957, Taganrog. S. 115-120.
3. Kazakova, L. M. Stroitel'nye resursy Tanaisa // Istoricheskaya geografiya Dona i Severnogo Kavkaza. Rostov-na-Donu, 1992. S. 37-45.
4. Prokof'ev, I. A. Tipologiya postroek gorodskikh usadeb Tanaisa II-III vv. n.e. // Chelovecheskii kapital. № 5 (185). M., 2024. S. 11-22.

5. Arsen'eva, T. M., Shelov, D. B. Issledovaniya Tanaisa v 1966-1969 gg. // KSIA AN SSSR. Vyp. 130. M., 1972. S. 89-96.
6. Matera, M. Ob osobennostyakh zhizni v zapadnom Tanaise posle polemonovskogo razgroma // Bosporskii fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ch. 1. SPb., 2018. S. 300-306.
7. Arsen'eva, T. M., Naumenko, S. A. Raskopki Tanaisa v 1985-1989 gg. // KSIA RAN. Vyp. 207. M., 1993. S. 93-101.
8. Arsen'eva, T. M., Bettger, B., Naumenko, S. A. K istorii ellinisticheskogo Tanaisa // PIFK. Vyp. XI. M.-Magnitogorsk. S. 84-120.
9. Arsen'eva, T. M. Raskopki Tanaisa v 1977-1980 gg. // KSIA AN SSSR. Vyp. 174. M., 1983. S. 100-108. 10.
10. Arsen'eva, T. M., Naumenko, S. A. Raskopki Tanaisa v tsentre vostochnoi chasti gorodishcha // Drevnosti Bospora. T. 4. M., 2001. S. 56-124.
11. Arsen'eva, T. M., Böttger, B. (mit Beiträgen Breß, R., Ullrich, M.) Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1995. Eurasia Antiqua. 1996. B. 2. S. 405-453.
12. Arsen'eva, T. M. Otchet o rabotakh Nizhne-Donskoi ekspeditsii v Rostovskoi oblasti v 1985 g. // Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 11173.
13. Arsen'eva, T. M., Naumenko, S. A. Raskopki Tanaisa v 1981-1984 gg. // KSIA AN SSSR. Vyp. 191. M., 1987. S. 75-82.
14. Tolochko, I. V., Il'yashenko, S. M., Arsen'eva, T. M., Naumenko, S. A. Tom II k otchetu № 23232 (raskop XIX). Otchet ob issledovaniyakh Nizhne-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IA RAN v 2002 g. // Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 23233.
15. Korovina, A. K., Shelov, D. B. Raskopki yugo-zapadnogo uchastka Tanaisa (1956-1957 gg.) // MIA SSSR. № 127. Drevnosti Nizhnego Dona. M., 1965. S. 18-55.
16. Tolochko, I. V., Arsen'eva, T. M., Naumenko, S. A. Tom II k otchetu № 23224 (raskop XIX). Otchet Nizhne-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 2001 g. // Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 23225.
17. Leont'ev, P. M. Vedomost' o raskopkakh na Nedvigovskom gorodishche. Arkhiv IIMK RAN. F. 9, op. 1, d. 25, l. 68-88.
18. Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1870 i 1871 gody. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1874. 303 s.
19. Il'yashenko, S. M. Yuzhnye vorota Tanaisa // Arkheologicheskie zapiski. Vyp. 8. Rostov-na-Donu, 2013. S. 159-177.
20. Kozlovskaya, V., Ilyashenko, S. M. The Lower city of Tanais // Exploring the Hospitable Sea. Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21-23 September 2012. Oxford, 2013. P. 83-94.
21. Arsen'eva, T. M. Raskopki Tanaisa v 1973-1976 gg. // KSIA AN SSSR. Vyp. 156. M., 1978. S. 93-100.
22. Il'yashenko, S. M., Egorova, T. V. Predvaritel'nye itogi issledovanii v yugo-vostochnoi chasti tsitadeli Tanaisa v 2015-2018 gg. // Drevnosti Bospora. T. 25. M., 2020. S. 185-207.
23. Kutaisov, V. A., Yurochkin, V. Yu. Bassein rimsogo vremeni v Yugo-Zapadnom raione Khersonesa // Mezhdunarodnaya konferentsiya "Vizantiya i Krym". Tezisy dokladov. Simferopol', 1997. S. 51-57.
24. Kovalevskaya, L. A., Sedakova, L. V. K voprosu o vodosnabzhenii Khersonesa v pozdneantichnuyu epokhu // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Vyp. XI.

- Simferopol', 2005. S. 71-91.
25. Karasev, A. N. K voprosu o vodosnabzhenii Ol'vii // SA. 1941, № 7. S. 129-139.
 26. Karasev, A. N. K voprosu o vodosnabzhenii Ol'viiskogo gimnaziya // KSIA. 1975, № 143. S. 3-10.
 27. Kudrenko, A. I. O vodosnabzhenii Ol'vii v IV-II vv. do n. e. // Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya. Kiev, 1984. S. 178-189.

Application of L. N. Gumilyov's Ethnogenesis Theory to the Study of Sino-Xiongnu Relations

Fan Tszyalin'

PhD in Cultural Studies

Postgraduate student, Department of Russian Literature, Heilongjiang University

150006, China, Jilin, Tuanjie Street, Lijing Park

✉ fangjialinsofia@163.com

Abstract. The relationship between China and the nomadic peoples of Central Asia, particularly the Xiongnu, has long captivated historians. These ties, fraught with contradictions and tensions, remain a key topic for understanding Eurasian history. However, conventional approaches to their study often overlook the complexity and multilayered nature of this interaction. Here, Lev Nikolaevich Gumilyov's theory of ethnogenesis comes to the rescue—an approach that integrates historical geography, anthropology, and ecology, offering a fresh perspective on the past. Objects of Study: The Han Empire and the Xiongnu Confederation as two historical entities whose destinies became intertwined during the early antiquity period. Subject of Study: Their interactions in the 2nd–1st centuries BCE, viewed through the lens of Gumilyov's ethnogenesis theory. Key methods include: Applying the concepts of passionarity, encompassing landscape, and phases of ethnogenesis to interpret historical events; Comparative analysis of ecological and social factors driving conflict dynamics; Verification of theoretical propositions using historical data. The source base comprises primary historical texts such as Ban Gu's Book of Han (Hanshu) and archaeological materials. Research Hypothesis: Gumilyov's theory, grounded in the notions of passionarity, ethnogenesis stages, and environmental influence, can explain why Sino-Xiongnu relations developed so unpredictably and demonstrate how ecological and energy factors shaped their dynamics. Scientific Novelty: This work marks the first systematic application of Gumilyov's ethnogenesis theory to the study of Sino-Xiongnu relations. This approach expands its geographical applicability and tests its potential in the context of Eastern societies, which had previously been overlooked in most research. Analysis Findings: Gumilyov's model explains the nonlinear nature of their interactions, the ecological determinism of conflicts, and the cyclical character of ethnic processes. Practical Significance: The study broadens the geographical scope of Gumilyov's theory and verifies its applicability to Eastern societies.

Keywords: Huns, Sino-Hun confrontation, ethnogenesis, landscape, ethnic group, China, interdisciplinary research, passionarity, theory of ethnogenesis, L. N. Gumilev

References (transliterated)

1. Lin' Gan'. Vseobshchaya istoriya khunnu. Pekin: Izdatel'stvo Narod, 1986. S. 4.
2. Lavrov S. B. Lev Gumilev: Sud'ba i idei. M.: Svarog i K, 2000. S. 163.
3. Khan' Yatszin. Issledovanie evraziiskikh idei L.N. Gumileva // Sibirskie issledovaniya.

2018. T. 45, № 1. S. 57.
4. Ban' Gu. Khan'shu (Istoriya Khan'): punktirovannoe izdanie (T. 94, ch. 1 "Traktat o syunnu"). Pekin: Izd-vo Chzhunkhua, 1962. S. 3743.
 5. Vladimirtsov B.Ya. Obshchestvennyi stroi mongolov: mongol'skii kachevoi feodalizm. L.: Izd-vo AN SSSR, 1934. S. 56.
 6. Ma Gotsin. Proryvaya pochvu: polevoe otobrazhenie mobil'nogo obshchestva. Pekin: Izd-vo Pekinskogo ped. un-ta, 2020. S. 10.
 7. Barfield T. Opasnye granitsy: kochevye imperii i Kitai / per. Yuan' Tszyan'. Tszyansu: Izd-vo Tszyansu, 2023. S. 49.
 8. Grousset R. L'Empire des Steppes. Paris: Payot, 1965. P. 402.
 9. Gumilev L.N. Etnogenet i biosfera Zemli. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1989. S. 176.
 10. Yatsunskii V.K. Predmet i zadachi istoricheskoi geografii // Istorik-marksist. 1941. № 5. S. 21.
 11. Gumilev L.N. Po povodu predmeta istoricheskoi geografii: (Landshaft i etnos): III // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1965. № 18, vyp. 3. S. 112-120.
 12. Gumilev L.N. Struna istorii. Lektsii po etnologii. M.: Airis-press, 2008. S. 73.
 13. Gumilev L.N. Po povodu predmeta istoricheskoi geografii: (Landshaft i etnos): III. 1965. № 18, vyp. 3. S. 112-120.
 14. Gumilev L.N. Po povodu predmeta istoricheskoi geografii: (Landshaft i etnos): III // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1965. № 18, vyp. 3. S. 112-120.
 15. Gumilev L.N. Tri kitaiskikh tsarstva. M.: Algoritm, 2012. S. 116. EDN: QPWLZF
 16. Gumilev L.N. Struna istorii. Lektsii po etnologii. M.: Airis-press, 2008. S. 543.
 17. Ge Tszyan'syun. Istoriya naseleniya Kitaya. T. 1: Vvedenie, period ot drevnosti do Yuzhnykh i Severnykh dinastii. Shanghai: Izd-vo Fudan'skogo un-ta, 2002. S. 197.
 18. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York: American Geographical Society, 1940. P. 58.
 19. Yan Tszyan'khua, Shao Khueitsyu, Pan' Lin. Metallicheskie puti Vostochnoi Evraziiskoi stepi: Shelkovyi put' i formirovanie soyuza syunnu. Shanghai: Izd-vo Shankhaiskikh drevnikh tekstov, 2016. S. 500.
 20. Ban' Gu. Khan'shu (Istoriya Khan'): punktirovannoe izdanie (T. 94, ch. 1 "Traktat o syunnu"). Pekin: Izd-vo Chzhunkhua, 1962. S. 3751.
 21. Lubo-Lesnichenko E.I. Drevnie kitaiskie shelkovye tkani i vyshivki V v. do n.e. - III v. n.e.. L.: Gos. Ermitazh, 1974. S. 144.
 22. Gumilev L.N. Struna istorii. Lektsii po etnologii. M.: Airis-press, 2008. S. 412.
 23. Gumilev L.N. Etnogenet i biosfera Zemli. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1989. S. 263.

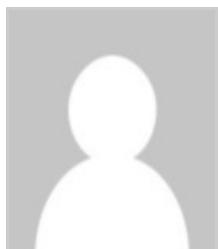
Features of the Greek colonization process in the Bosporus in the 7th-6th centuries BC

Kamyshanov Anton

Postgraduate student; Department of Archeology, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Ramenki district, Lomonosovsky prospekt, 27 K. 4

✉ akamysh010198@mail.ru

Abstract. The subject of study is the apoikiae of the Greeks on the Bosporus, which emerged

during the archaic period. The article examines the process of resettlement of the Hellenes, predominantly Ionians, to the Bosporus in the context of their settlement in the Northern Black Sea region and, more broadly, the phenomenon of great Greek colonization as such. The author thoroughly analyzes the general and regional reasons for the colonization process, the influence of the trade and craft sector of the polis economy on it, as well as the forms of relationships between the metropolises and apoikiai in different parts of the Greek oikoumenē. Particular attention is paid to the model of adaptation of the settlers to local conditions — the choice of safe locations with access to agricultural and mineral resources and interaction with the indigenous population. The functional purpose of the first settlements in the Northern Black Sea region is discussed separately, as is the relationship between apoikiai and emporia on the Bosporus. The methodology of the study is based on the analysis of archaeological data regarding the time of settlement emergence and interpretations of their nature, as well as a comparison with colonization processes in different areas of the Mediterranean, thoroughly studied by foreign historians. The novelty of the research lies in identifying the features of the Bosporus colonization process in light of archaeological discoveries in recent years. The author presented a cohesive picture of the settlement of Greeks in the northern part of the Black Sea during the archaic period, which allowed for the identification of a fundamental distinction between the model and intensity of Bosporus development compared to other areas of the Northern Black Sea. The key factors for the greatest attractiveness of the Bosporus for Ionian settlers in the first half of the 6th century BC were the presence of a large area of fertile lands, convenient harbors, fishery resources, and the insignificance of the indigenous population. A significant contribution of the author to the study of the topic is the determination of the sequence of settlement in the Bosporus lands, explained by the varying attractiveness of individual plots for settlers, as well as the identification of a group of fortified apoikiai, the analogues of which exist in the central and western parts of the Mediterranean.

Keywords: Miletus, stenochoria, trade, Olbia, emporium, Pantikapaion, Cimmerian Bosporus, apoikia, Northern Black Sea region, Greek colonization

References (transliterated)

1. Aleksandrova O. I. Afinskaya kolonizatsionnaya praktika VI-IV vv. do n. e. : Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.03. SPB., 2017. 25 s. EDN: YQAVPV
2. Aleksandrovskii A. L. Pochvy Fanagorii // Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovanii / Pod obshchey redaktsiei V. D. Kuznetsova. Tom 1. M.: IA RAN, 2013. S. 108-135.
3. Andreev Yu. V. Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI-VIII vv. do n. e. SPb.: Nestor-Istoriya: SPbII RAN, 2004. 492 s.
4. Brashinskii I. B. Pontiiskoe piratstvo // Vestnik drevnej istorii. 1973. № 3. S. 124-133.
5. Buiskikh A. V. O grecheskoi kolonizatsii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Novaya model')? // Vestnik drevnej istorii. 2013. № 1(284). S. 21-39. EDN: PXZQHD
6. Vinogradov Yu. G. Politicheskaya istoriya Ol'iwiiskogo polisa VII-I vv. do n. e.: Istoriko-epigraficheskoe issledovanie. M.: Nauka, 1989. 288 s.
7. Zavoikin A. A. Bosporskie greki i "aziatskie varvary" v period arkhaiki - rannego ellinizma // Scripta antiqua. Vol. III. M., 2014. S. 164-196.
8. Zin'ko A. V. Rybnyi promysel na Bospore Kimmeriiskom // Bosporskie issledovaniya. 2023. Vyp. № 46. S. 92-115. EDN: JDHUHA

9. Kopylov V. P. Miletorskaya apoikiya Kremny i kolonizatsiya Bospora // Bosporskii fenomen: obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 28-30 noyabrya 2018 goda. Tom 1. SPb.: SpBGUTD, 2018. S. 65-69. EDN: YSVOJF
10. Koshelenko G. A., Kuznetsov V. D. Grecheskaya kolonizatsiya Aziatskogo Bospora // Antichnoe nasledie Kubani. Pod red. G. M. Bongard-Levina, V. D. Kuznetsova. T. I. M., 2010. S. 406-427. EDN: SQTLKZ
11. Koshelenko G. A., Kuznetsov V. D. Grecheskaya kolonizatsiya Bospora (v svyazi s nekotorymi obshchimi problemami kolonizatsii) // Ocherki arkheologii i istorii Bospora. M., 1992. S. 6-28. EDN: VVODNR
12. Kuznetsov V. D. Metropoliya Fanagorii // Drevnosti Bospora. 2001. Vyp. 4. S. 227-236. EDN: VRLEPL
13. Kulikov A. V., Beilin D. V., Ermolin A. L., Stolyarenko P. G. Arkheologicheskie razvedki na yuzhnym sklonem Mitridatskoi gryady v 2007-2008 gg. (eshche raz k voprosu o dogrecheskom poselenii na meste Pantikapeya) // Drevnosti Bospora. T. 16. M., 2012. S. 247-270. EDN: RHXYZP
14. Kutaisov V. A., Smekalova T. N. Drevnie greki v severo-zapadnoi Tavrike. Simferopol': Biznes-Inform, 2019. – 176 s. EDN: RHPLWM
15. Malyshev A. A. Yugo-vostochnaya periferiya Bosporskogo tsarstva // ABRAU ANTIQUA: Rezul'taty kompleksnykh issledovanii drevnostei poluostrova Abrau / pod red. A. A. Malysheva. M.: Grif i K, 2009. S. 74-107. EDN: DPOZFE
16. Maslennikov A. A. Iznutri ili snaruzhi? (o "statuse" poseleniya na myse Zyuk, malykh gorodakh i "vnutrennei" kolonizatsii Bospora) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2023. № 3 (81). S. 163-196. DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-163-196 EDN: OKMSBQ
17. Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., Tolstikov V. P., Churekova N. B. Amfory VI-I vv. do n. e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina. Saratov: Obshchestvo s ogranicennoi otvetstvennost'yu "Amirit", 2020. - 218 s. EDN: CGCLEU
18. Novichikhin A. M. Grecheskaya kolonizatsiya Sindiki // Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. 2017. № 9. S. 67-96. DOI: 10.24411/2219-8857-2017-00003 EDN: XNJZNR
19. Odrin A. V. Morskie torgovye puti v Prichernomor'e v VII-IV vv. do n. e. // Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremya. Kiev, 2002. S. 99-103.
20. Onaiko N. A. Arkhaicheskii Torik. Antichnyi gorod na severo-vostoke Ponta. M.: Nauka, 1980. 179 s.
21. Onaiko N. A. Yugo-vostochnaya okraina Bospora // Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya / Seriya: Arkheologiya SSSR. T. 9. M.: Nauka, 1984. S. 91-93.
22. Povalyaev N. L. Eshche raz k voprosu o modelyakh grecheskoi kolonizatsii: apoikiya ili emporii. Arkheologicheskoe srovnenie // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2008. № 21. S. 193-213. EDN: NYPSIV
23. Saprykin S. Yu. "Emporii - polis" v drevнем Prichernomor'e // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2023 god: Chernomorskii region v Antichnosti i rannem Srednevekov'e: problemy istoricheskoi geografii. / Pod red. Podosanova A. V. M.: GAUGN-Press, 2023. S. 74-135.
24. Solomatina E. I. Iz istorii politicheskoi bor'by v arkhaicheskem Miletie: problemy datirovki sobytii i interpretatsii istochnikov // Antichnyi mir i arkheologiya. 2011. № 15. S. 15-25. EDN: VBHSHP

25. Sudarev N. I., Ivanov A. V. Eshche raz k voprosu ob emporial'nom periode na Bospore // Bosporskii fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 21-24 noyabrya 2023 goda. Sankt-Peterburg: "Chistyi list", 2023. S. 83-92. EDN: OUJTDY
26. Suprenkov A. A. Emporion: greko-varvarskii simbioz na krainem zapade ellinskogo mira // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2011. № 4 (34). S. 337-358. EDN: ONWOHJ
27. Tolstikov V. P., Tugusheva O. V., Astashova N. S. O vremeni osnovaniya Pantikapeya // Tavricheskie studii. 2017. № 12. S. 12-26. EDN: XNZCBV
28. Frolov E. D. Rozhdenie grecheskogo polisa. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004. 266 s. EDN: QOXRKT
29. Chistov D. E. Grecheskaya urbanizatsiya Severnogo Prichernomor'ya arkhaicheskoi epokhi: diss. ... dok. ist. nauk: 5.6.3. SPb., 2022. 576 s. (v 2-kh tomakh). EDN: SEROBT
30. Shelov-Kovedyaev F. V. Istorya Bospora v VI-V vv. do n. e. // Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. 1984. M.: Nauka. S. 5-187.
31. Yailenko V. P. Grecheskaya kolonizatsiya VII-III vv. do n. e. M.: Nauka, 1982. 311 s.
32. Yailenko V. P. Toponomika i etnonimiya antichnogo Bospora // Drevnosti Bospora. 2015. T. 19. S. 386-458. EDN: XWZMXT
33. Avram A., Hind J., Tsetskhladze G. The Black Sea Area // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 924-973.
34. Baralis A., Panayotova K. The territory of Apollonia Pontica (Sozopol, Bulgaria) // Ionians in the southern Black Sea littoral // Ionians in the West and East / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven: Peeters, 2022. Pp. 773-810.
35. Bintliff J. Issues in the Economic and Ecological Understanding of the Chalkidiki, Northern Greece, in the Neolithic and Bronze Age // Aphrodite's Kephali: An Early Minoan I Defensive Site in Eastern Crete. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1997. Pp. 9-14.
36. Domínguez A. J. Spain and France // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 157-171.
37. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien (2. veränd. Aufl.). Frankfurt/Main, 1983. 420 S.
38. Fischer-Hansen T., Nielsen T. H., Ampolo C. Italia and Kampania // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 249-320.
39. Hansen M. H. Introduction // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 1-154.
40. Manoledakis M. Ionians in the southern Black Sea littoral // Ionians in the West and East / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven: Peeters, 2022. Pp. 895-914.
41. Tsetskhladze G. R. Introduction: Ionians overseas // Ionians in the West and East / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven: Peeters, 2022. Pp. 1-74.
42. Tsetskhladze G. R. Ionians in the eastern Black Sea littoral (Colchis) // Ionians in the southern Black Sea littoral // Ionians in the West and East / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven: Peeters, 2022. Pp. 915-976.

Italian communes and Russian city-states: features of political structure and patterns of republicanism evolution.

Berkutov Stepan Maksimovich

Postgraduate student; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

63 Admiral Lazarev str., room 3, sq. 62, Moscow, 117041, Russia

✉ berkstep@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to identifying the common patterns of political system development in the city-states of medieval Italy and the urban republics of the Russian Northwest - Novgorod and Pskov. Alongside the Novgorod Republic, which existed from the 12th to the 15th centuries, trading city-states flourished in Northern Italy during nearly the same chronological period (from the late 11th century to approximately the mid-15th century). These included not only the well-known Venice or Genoa but also hundreds of larger and smaller republics, the history of which demonstrates similar processes to those occurring in the Russian popular governments, hundreds of kilometers away from them. Based on specific historical material, the evolution of these republics is examined, and comparisons are made with the well-known republic of Great Novgorod. The method of comparative historical analysis, utilizing a broad historical material, allows for conclusions to be drawn about the common laws of evolution in the political entities being examined. For the first time in the historiography of this problem, the method of comparative analysis is applied to a wide range of material, meaning that Great Novgorod is compared not exclusively with Venice or any other single Italian republic, but simultaneously with many of them, which allows for a broader view of the picture and helps to identify regularities in political development and understand the current place of the Novgorod Republic in European and world history. By examining the political evolution of the Novgorod Republic and a significant number of city-states in northern medieval Italy, a conclusion is made about the identical nature of changes in the power structures of Italian and Russian republics, based on which the commonality of the evolutionary path of medieval republicanism is asserted. Numerous differences in the political systems of Italian city-states and Great Novgorod do not allow for judgments about the backwardness or any other "defects" of the Novgorod polity.

Keywords: city-states, medieval city, veche, Italy, republic, communes, Middle Ages, political regime, Novgorod, democracy

References (transliterated)

1. Tikhomirov M.N. Drevnerusskie goroda. M.: Gos. izd-vo pol. lit., 1956. – 480 s.
2. Yanin V.L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. – 400 s.
3. Yanin V.L. Novgorodskie posadniki. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2003. – 512 s.
4. Martyshin O.V. Vol'nyi Novgorod. Obshchestvenno-politicheskii stroi i pravo feodal'noi respubliki. M.: Rossiiskoe pravo, 1992. – 384 s.
5. Shtaindorf L. Pravil'no schitat' Novgorod kommunoi? // Spory o novgorodskom veche: mezhdisciplinarnyi dialog: Materialy kruglogo stola. SPb., 2012. – 302 s.
6. Vovin A.A. Gorodskaya kommunna srednevekovogo Pskova. SPb.: EUSPb, 2019. – 398 s.
7. Lukin P.V. Novgorod i Venetsiya. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniya respublikanskogo stroya. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta, 2022. – 302 s.
8. Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall'Istituto storico italiano. Roma, 1887-1993.

Vol. 11. – P. 17-157.

9. Occhipinti E. L'Italia dei comuni. Secoli XI-XIII. Roma: Carocci editore, 2008. – 160 p.
10. "Publici in parlamentum electi". Codice diplomatico della Repubblica di Genova dal 958 al 1163 / a cura di C. Imperiale di Sant' Angelo. Roma, 1936. Vol. I. – P. 351.
11. Cronica di Venexia, detta di Enrico Dandolo / a cura di R. Pesce. Venezia, 2010. – P. 4-44.
12. Historia ducum venetorum // Testi storici veneziani (XI-XIII secolo) ed. e trad. a cura di L.A. Berto. Padova, 1999. – P. 2-62.
13. Annales venetici breves XIII c. // Testi storici veneziani (XI-XII secolo) / ed. e trad. a cura di L.A. Berto. Padova, 1999. – P. 90.
14. Milani G. I comuni italiani. Secoli XII – XIV. Roma: Laterza, 2008. – 210 p.
15. Waley D. The Italian City-Republics. London: McGraw-Hill, 1969. – 256 p.
16. Rerum italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinquecento ordinata da L. Muratori. T. VI-Parte II. Gli annales Pisani di Bernardo Maragone. Bologna: Nicola Zanichelli, 1904. – P. 61-187.
17. Tanzini L. A consiglio. La vita politica nell'Italia dei comuni. Roma: Laterza, 2014. – 248 p.
18. Dovanver F. Storia di Genova. Genova: Talozzi editore, 1967. – 222 p.
19. Clarke M. The medieval city-state. New York: Barnes & Noble, 1966. – 220 p.
20. Rerum italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani dal cinquecento al millecinquecento ordinata da L. Muratori. Tomo ventotessimo. Cronicon Faventinum. Bologna: Nicola Zanichelli, 1924. – P. 32-33.
21. Istorya Italii. T. 1. M.: Nauka, 1970. – S. 296-301.
22. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. M.-L.: Akademiya Nauk SSSR, 1950. – 640 s.
23. Petrov A.V. K izucheniyu otnoshenii s knyaz'yami i vnutrennei bor'by v Novgorode vtoroi poloviny XIII v. // Problemy istorii Severo-Zapada Rusi. Nomer 3. SPb., 1995. – S. 52-128. EDN: VNJBTV
24. Frolov A.A. "Bezhetskii ryad" i "Obonezhskii ryad" v sisteme otnoshenii knyazei i Novgoroda XIII v. // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXVII. M., 2015. – S. 293-298.
25. Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. M.-L.: 1949. – 408 s.
26. Pravda Russkaya. Tom I. M.-L.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1940. – S. 113.
27. Drevnyaya Rus' v Srednevekovom mire: entsiklopediya. M.: Ladamir, 2014. – 992 s.
28. Gorskiy A.A. Knyaz'ya i knyagini russkogo Russkogo Srednevekov'ya. M.: Nauka, 2024. – 199 s.
29. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 16. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. – 240 s.
30. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 3. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. – 692 s.
31. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 25. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2004. – 463 s.
32. Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 5. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2003. – 146 s.
33. Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII – XIII vv. M.: Nauka, 1982. – 590 s.
34. Pashuto V.T., Florya B.N., Khoroshkevich A.L. Drevnerusskoe nasledie i sud'by vostochnogo slavyanstva. M.: Nauka, 1982. – 264 s.
35. Karamzin N.M. Istorya gosudarstva Rossiiskogo. Kniga II. Toma V-VIII. M.: Kniga, 1989. – 572 s.

36. Kostomarov N.I. Sobranie sochinenii. Kniga V. Tom XII. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1905. – 828 s.
37. Nikitskii A.I. Ocherk vnutrennei istorii Pskova. SPb.: Tipografiya K. Zamyslovskogo, 1873. – 344 s.
38. Rozhkov N.A. Obzor russkoi istorii s sotsiologicheskoi tochki zreniya. Chast' II. Udel'naya Rus'. M.: Izdanie I.K. Shamova, 1905. – 173 s.
39. Kareev N.I. Gosudarstvo-gorod antichnogo mira. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1910. – 362 s.
40. Lukin P.V. Novgorodskoe veche: starye kontseptsii i novye dannye. // Istoricheskii vestnik. Nachalo russkoi gosudarstvennosti. Tom I. Pod obshchei redaktsiei A.A. Gorskogo. M., 2012. – 184 s.

The Supreme Royal Decrees of Vietnam as a Source on the History of Buddhism (11th-20th Centuries)

Phunthasane Phra Paron

Postgraduate student; Oriental Institute; Buryat State University named after Dorji Banzarova

670000, Russia, Rep. 24a Smolina Street, Sovetsky district, Ulan-Ude, Buryatia

✉ peter.ppj.cloud.01@gmail.com

Abstract. The article analyzes the corpus of "High Royal Decrees" of Vietnam (11th – 20th centuries) – imperial edicts of the genres chiếu, sắc, dụ, lệnh, and the accompanying resolutions of Châu bản. These documents record the monarchs' positions regarding the Buddhist Sangha, temple-monastery economy, and religious rhetoric, making them a key source for reconstructing state-buddhist relations. Special attention is paid to how the Buddhist categories of karuṇā (compassion), dāna (giving), and the ideal of the "harmony of the three teachings" (Tam giáo đồng nguyên) are transformed into legal imperatives and means of legitimizing supreme authority. The study covers the Li, Trần, Later Lê, and Nguyễn dynasties and traces the evolution of the decree formularies, their legal power, circle of recipients, and administrative context up to 1945. An interdisciplinary approach is applied: textual analysis and diplomatic criticism of sources, historical-legal and socio-anthropological analysis, as well as critical discourse analysis of preambles and formal clichés. This work introduces a comprehensive typology of "High Decrees" for the first time in Russian historiography based on diplomatic, legal, and religious studies criteria; clarifies the hierarchy of genres and identifies their signaling significance in the monarchic governance system. Based on 182 decrees of Minh Mạng, a three-tiered model of control over the Sangha is reconstructed: a rank grid, examinations based on the Vinaya, and quarterly reports from abbotts. It shows that the transition from Buddhist to Neo-Confucian ideology was accompanied by a transformation of decrees from tools of patronage into mechanisms of oversight; however, the Buddhist thesaurus of karuṇā and merit remained a constant marker of legitimacy. The work forms a source research basis for a digital database of decrees and opens up prospects for comparative studies of Buddhist law in East and Southeast Asia.

Keywords: historiography, ideological transformation, Buddhism studies, religious studies, source studies, Sangha, Buddhism, Vietnam, edicts, Supreme royal decrees

References (transliterated)

1. Buddhist Approaches to Human Rights: Dissonances and Resonances / ed. by C. Meinert, H.-B. Zöllner. – Bielefeld : Transcript Verlag, 2010. – 248 p. – (Being Human: Caught in the Web of Cultures – Humanism in the Age of Globalization). – ISBN 978-3-8376-1263-9.
2. Bui N. S. Governing Buddhism in Vietnam // Buddhism and Comparative Constitutional Law / ed. by T. Ginsburg, B. Schonthal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – (Comparative Constitutional Law and Policy). – P. 272-284.
3. Cultural Orientation. Vietnamese / Defense Language Institute Foreign Language Center. – Monterey, CA : DLIFLC, 2019. – 157 p. – ISBN 978-1-950671-05-8.
4. Gillespie J. Human Rights as a Larger Loyalty: The Evolution of Religious Freedom in Vietnam // Harvard Human Rights Journal. – 2014. – Vol. 27. – P. 107-149.
5. Le Chi Luc. Vietnamese Buddhism: Influence of Buddhist Culture in Vietnam during Lý-Trần Dynasty (1009-1400 AD) // International Journal of Current Research. – 2019. – Vol. 11, № 8. – P. 6742-6746.
6. National Archives of Vietnam / UNESCO. Imperial Archives of the Nguyen Dynasty (1802-1945) : Memory of the World nomination file. – [B. m.], 2017. – 10 p. – URL: https://media.unesco.org/sites/default/files/webform/mow001/vietnam_nguyen_en.pdf (data obrashcheniya: 28.05.2025).
7. National Archives of Vietnam / UNESCO. Imperial Records of the Nguyen Dynasty (1802-1945) : Memory of the World nomination file. – [B. m.], 2014. – 17 p. – URL: <https://www.mowcapunesco.org/wp-content/uploads/Imperial-Records-of-Nguyen-Dynasty-1802---1945-Vietnam2014.doc.pdf> (data obrashcheniya: 28.05.2025).
8. Nguyen Duy Phuong. Contribution of Buddhism in Minh Mang Period to the National Artistic Culture // UED Journal of Social Sciences, Humanities and Education. – 2017. – Vol. 7, № 2. – P. 63-67. – DOI: 10.47393/jshe.v7i2.769. (na v'etn. yaz.)
9. Nguyen L. T. New Buddhist Movements and the Construction of Mythos: The Trúc Lâm Thiền Sect in Late 20th Century Vietnam : PhD thesis in Religious Studies. – Rosemead, CA : University of the West, 2019. – 201 p.
10. Nguyen Quang Hung, Nguyen Dinh Lam. Cultural-Religious Dimensions of the 'Ritual Issue' in Pre-Colonial Vietnamese and Western Interactions // Manusya: Journal of Humanities. – 2024. – Vol. 27, № 1. – P. 1-23.
11. Nguyen T. N., Nguyen P. T. Philosophical Transmission and Contestation: The Impact of Qing Confucianism in Southern Vietnam // Asian Studies. – Ljubljana : Department of Asian Studies, University of Ljubljana, 2020. – Vol. 8, № 2. – P. 79-112. – DOI: 10.4312/as.2020.8.2.
12. Nguyen Tai Thu, ed. The History of Buddhism in Vietnam. – Washington, DC : Council for Research in Values and Philosophy, 2008. – 363 p. – (Series IID-5).
13. Roszko E. Fishers, Monks and Cadres: Navigating State, Religion and the South China Sea in Central Vietnam. – Honolulu : University of Hawai'i Press ; Copenhagen : NIAS Press, 2020. – 260 p. – ISBN 978-0-82489-118-3.
14. Ta Van Tai. Buddhism and Human Rights in Traditional Vietnam // Review of Vietnamese Studies. – 2004-2005. – P. 1-21.
15. Taylor K. W. What Lies Behind the Earliest Story of Buddhism in Ancient Vietnam // The Journal of Asian Studies. – 2018. – Vol. 77, № 1. – P. 107-122.
16. Thich Nhat Tu, ed. Buddhism in Vietnam: History, Traditions and Society. – Ho Chi Minh City : Vietnam Buddhist University ; Religion Publisher, 2019. – 326 p. – ISBN 9786046162704.

17. Truong T. T. An Analytical Study of the Role and Influence of the Great King Zen Master Trần Nhân Tông in Propagating Zen Buddhism in Vietnam : MA thesis in Buddhist Studies. – Bangkok : Mahachulalongkornrajavidyalaya University, 2021. – 125 p.
18. Truong Thuy Trinh. Nguyen Lords' Policies on Buddhism in Cochinchina, 1558-1777 // Religious Studies Review (Vietnam). – 2019. – № 1-2. – P. 53-71.

The Higher Royal Decrees of Indonesia from the 7th to the 16th Centuries as a Source for the History of Buddhist Practices in the Archipelago

Phunthasane Phra Paron

Postgraduate student; Oriental Institute; Buryat State University named after Dorji Banzarova
670000, Russia, Rep. 24a Smolina Street, Sovetsky district, Ulan-Ude, Buryatia

✉ peter.ppj.cloud.01@gmail.com

Abstract. The "Corpus of Higher Royal Decrees" (VKR) of Indonesia from the 7th to the 16th centuries is considered a primary source for the socio-economic and religious history of the archipelago. The texts analyzed document the granting of land, tax exemptions, judicial decisions, and rituals of power sanctification. The study encompasses multilingual monuments in Sanskrit, Old Malay, Old Javanese, and Old Balinese, inscribed on stone and metal, allowing for the tracing of the transformation of the diplomatic canon, the evolution of Buddhist discourse, and regional features of state-legal practice. Special attention is given to the relationship between legal content and the cosmological concepts of monarchy and the role of VKR in establishing a sustainable resource base for temples, monasteries, and educational centers. This approach reveals the mechanisms of integrating Buddhist ethics into the legal space and demonstrates how epigraphy served as a tool for legitimizing power, managing land resources, and regulating the religious environment. The analysis relies exclusively on peer-reviewed academic editions of VKR; formulaic-diplomatic and historical-philological methods were applied, along with critical discourse analysis of ritual formulas, legal hermeneutics, and inter-publisher cross-verification of dating, toponyms, and terminology. This work presents for the first time a comprehensive typology of VKR, including prasasti, jayapatra, and sima-grants, and shows their functional complementarity in managing land and religious institutions. A three-phase evolution of the formula has been established: from the early sanctioning style of Srivijaya through the rhetorically rich phase of Central Java to the legally condensed syncretism of the Majapahit era. It was found that as curses were reduced, the tantric block of invocations intensified, and fiscal prescriptions were systematically ordered, indicating an increase in the legal competence of the administrative apparatus. The role of copper grants as a mobile carrier of collective memory has been demonstrated, ensuring the continuity of legal norms during dynastic changes. It has been shown that VKR established a stable ideological archetype of the "king-defender of Dhamma," relevant to contemporary Buddhist organizations in Indonesia.

Keywords: religious studies, source studies, Sangha, Buddhism, prasasti, Indonesia, epigraphy, High royal decrees, buddhology, rituals

References (transliterated)

1. Acri A. On birds, ascetics, and kings in Central Java Rāmāyana Kakawin, 24.95-126 and 25 // Bijdragen tot de taal-, land-en volkenkunde. – 2010. – Vol. 166, № 4. – P. 475-506. – DOI: 10.1163/22134379-90003611.
2. Acri A., Wenta A. A Buddhist Bhairava? Kṛtanagara's Tantric Buddhism in Transregional Perspective // Entangled Religions. – 2022. – Vol. 13, № 7. – P. 1-46. – DOI: 10.46586/er.13.2022.9653. EDN: JAKTHW.
3. DHARMA : ERC-proekt "The Domestication of "Hindu" Asceticism and the Religious Making of South and Southeast Asia" [Elektron. resurs]. – URL: <https://erc-dharma.github.io/> (data obrashcheniya: 30.05.2025).
4. Haryono T. Traces of Buddhism in Sumatra: An Archaeological Perspective // UNESCO Silk Road Paper. – 2016. – 7 p. – URL: https://en.unesco.org/silkroad/sites/default/files/knowledge-bank-article/traces_of_buddhism_in_sumatra_an_archaeological_perspective.pdf (data obrashcheniya: 29.05.2025).
5. Heine-Geldern R. Conceptions of State and Kingship in Southeast Asia. – Ithaca (NY) : Southeast Asia Program, Cornell University, 1956. – 17 p.
6. Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan Republik Indonesia. Praśāsti [Elektronnyi resurs] : dokumen resmi yang dikeluarkan oleh seorang raja / Direktorat Pelindungan Kebudayaan. – Jakarta : Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan, 2015. – Rezhim dostupa: <https://kebudaayaan.kemdikbud.go.id/dpk/prasasti/> (data obrashcheniya: 04.06.2025). – Zagl. s ekranu. – Tekst : elektronnyi. (na indon. yaz.).
7. Manguin P.-Y. Srivijaya: Trade and Connectivity in the Pre-modern Malay World // Journal of Urban Archaeology. – 2021. – Vol. 3. – P. 87-100. – DOI: 10.1484/J.JUA.5.123677. EDN: UHBDXK.
8. Marsono, Rahayu N. Movement of Hindu Religious Education in The Era of The Kingdom of Majapahit // Dharmakirti: International Journal of Religion, Mind and Science. – 2023. – Vol. 1. – P. 1-11. – DOI: 10.61511/ijroms.v1i1.2023.266.
9. Meksic J. N. The Buddhist-Hindu Divide in Premodern Southeast Asia // NSC Working Paper. – 2010. – № 1 (Sep). – P. 1-37.
10. Putra E. R. Buddhism in Indonesia: the current issues of development of Buddhism and modern Muslim // Teaching Dhamma in New Lands: conference volume. – Myanmar (Burma) : ATBU Meetings, 2009. – P. 11-20.
11. Revire N. Dvaravati and Zhenla in the seventh to eighth centuries: A transregional ritual complex // Journal of Southeast Asian Studies. – 2016. – Vol. 47, № 3. – P. 393-417. – DOI: 10.1017/S0022463416000254.
12. Saputro R. A. et al. Relics of the Kingdom of Srivijaya in Palembang as a Source of Local Historical Learning // BIRCI Journal. – 2022. – Vol. 5, № 2. – P. 10580-10588.
13. Siregar S. Talang Tuo inscription: The management of environmental in Sriwijaya period // Indonesian Journal of Environmental Management and Sustainability. – 2021. – Vol. 2. – P. 80-83. – DOI: 10.26554/ijems.2018.3.3.80-83.
14. Steenbrink K. Buddhism in Muslim Indonesia // Studia Islamika. – 2013. – Vol. 20. – P. 1-34. – DOI: 10.15408/sdi.v20i1.346.
15. Surpi N. K., Widiana I. G. P. G., Marselinawati P. S. Sivagrha: religious harmonization and the concept of unity in diversity // Life and Death: Journal of Eschatology. – 2023. – Vol. 1, № 1. – P. 25-35.
16. Surpi N. Śivagrha (Prambanan Temple) as an Archetype of Hindu Theology in Nusantara (An Endeavor to Discover Hindu Theological Knowledge through Ancient Temple Heritage) // Analisa: Journal of Social Science and Religion. – 2020. – Vol. 5. – P. 107-

122. – DOI: 10.18784/analisa.v5i1.1024. EDN: PXIUD.

17. Susanti L. R., Fathiah H., Mariyani, Hidayanti M., Oktarina T. Analisis Peninggalan Keagamaan Hindu-Buddha di Kedatuan Sriwijaya: Perspektif Sosio-Kultural // Fajar Historia: Jurnal Ilmu Sejarah dan Pendidikan. – 2024. – Vol. 8. – P. 160-172. – DOI: 10.29408/fhs.v8i1.23821. EDN: NZHHAS.
18. Wahyudi D. Y., Munandar A. A. Majapahit: Reflection of the Religious Life (14th-15th AD) // AHS-APRISH Proceedings. – 2023. – Vol. 753. – P. 104-115.
19. Yulianti Y. The Birth of Buddhist Organizations in Modern Indonesia, 1900-1959 // Religions. – 2022. – Vol. 13, № 3, Art. 217. – P. 1-15. – DOI: 10.3390/rel13030217. EDN: UXMJIJ.
20. Zakharov A. O. The Šailendras reconsidered // Nalanda-Sriwijaya Centre Working Paper Series. – 2012. – № 12 (Aug). – P. 1-38.

Funeral complexes of the Isteekh Byraan burial ground in Central Yakutia: materials from the current stage of research

Petrov Denis Mikhailovich

Junior Researcher; Institute for Humanitarian Studies and Problems of Small Indigenous Peoples of the North
SB RAS

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovskystr., 1

✉ dmpetrov-92@mail.ru

Abstract. This article is dedicated to the current stage of research on the Isteekh Byraan burial ground in the Khangalassky district of the Republic of Sakha (Yakutia). The burial ground is located in the Erkeeni valley (Middle Lena) on a hill 50 meters high. Research on the burial ground began in 1933 with the excavation of the burial of the famous Yakut leader Mazary Bozekov, grandson of Tygyn Darkhan, and continues to this day. The purpose of this article is to introduce the results of archaeological work conducted by employees of the Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems (Siberian Branch, RAS), in the territory of the cemetery. The main material consists of finds from the archaeological expedition between 2015 and 2023. A total of seven burials were investigated: four male, two female, and one horse burial. The discovered burials are pagan. The buried individuals were oriented with their heads to the west. Two male burials are earlier, while the others date back to the 18th century. Similar burial structures, rituals, and artifact and costume complexes indicate the affiliation of the buried individuals to a single cultural community. A complex of scientific data has been obtained, expanding the information base on the cultural identity and social structure of the Isteekh Byraan burial ground. The small number of burials within a relatively large area of the cemetery is likely related to the fact that only individuals of high social status were buried in this region. At the same time, it is worth noting the rather sparse artifact and costume complexes of the investigated burials – possibly indicating that the high social status of the buried individuals was primarily due to their blood ties with representatives of the ruling elite, the Tygynids.

Keywords: accompanying grave goods, horse burial, burial grounds, funerary archeology, modern era, late Middle Ages, Yakutia, funeral rites, Yakuts, Peoples of Siberia

References (transliterated)

1. Vinokurov P. Trinadtsat' pogrebenii odnoi ekspeditsii // Ilin. 1999. № 3-4.
2. Istorya Yakutii: v 3 t. / Pod obshch. red. A.N. Alekseeva; otv. red. R.I. Bravina, E.N. Romanova. Novosibirsk: Nauka, 2020. T. I. 536 s.
3. Ivanov V. N. Predstaviteli yakutskogo naroda na prieme u russkogo tsarya (1676 god) // Novyi istoricheskii vestnik. 2017. № 1 (51). S. 6-30.
4. Borisov A.A. Mazary Bozekov: dialog s vlast'yu na derzhavnem prostranstve. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk», 2023. 224 s.
5. Bravina R.I., Prokop'eva A.N., Petrov D.M., Syrovatskii V.V. Pogrebeniya po obryadu krematsii At Byran III i Kuuduk III v doline Erkeeni na Srednei Lene (XIV – XVIII vv.) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2019. № 10. S.109-123. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.10.31033 URL: https://e-notabene.ru/hr/article_31033.html
6. Kir'yanov N.S., Crubézy E., Duchesne S., Gérard P., Mougin V., Géraut A., Petit C., Kolodeznikov S.K., Popov V.V., Romanova L.G., Alekseev A.N., Bravina R.I. Raskopki mogil'nogo kompleksa pozdnego srednevekov'y «At-Daban» («At-Byran») v doline Erkeeni Tsentral'noi Yakutii (po rezul'tatam rabot Sakha-Frantsuzskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 2016 godu) // Mezhdunarodnye vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii doklady III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evraziiskikh steppei. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nauka, 2017. S. 148-154.
7. Keyser C., Hollard C., Gonzalez A., Fausser J. L., Rivals E., Alexeev A. N., Riberon A., Crubézy E., Ludes B. The ancient Yakuts: a population genetic enigma // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences. 2015. No. 370(1660), 20130385.
8. Zvénigorosky V, Crubézy E., Gibert M., Thèves C, Hollard C., Gonzalez A, Fedorova S.A., Alexeev A.N., Bravina R.I., Ludes B., Keyser C. The genetics of kinship in remote human groups // Forensic Science International: Genetics. 2016. No. 25. Pp. 52-62.
9. Hochstrasser-Petit Ch., Romanova L., Duchesne S. [et al.] Yakut clothes of the 17th AND 18th centuries, archaeology and restitution // Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii. 2020. No. 4(51). Pp. 131-147.
10. Duchesne, S. Pratiques funéraires, biologie humaine et diffusion culturelle en Iakoutie (16e-19e siècles). Anthropologie biologique. Université Paul Sabatier - Toulouse III, 2020. 432 p.
11. Parfenova A.R., Petrov D.M. Graficheskaya rekonstruktsiya traditsionnoi odezhdy yakutov XVIII v. (po materialam zakhoroneniya At-Byraan-2) // Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledovatelei. Materialy LVI Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh. 2016. S. 194-195.
12. Prokop'eva A.N., Petrov D.M., Ivanova L.F. Mogil'nyi kompleks Isteekh Byraan: povtornoе vskrytie pogrebeniya Mazary Bozekova // Intellektualnye okraine Rossiiskogo gosudarstva: personal'nye istorii, strategii, diskursy o budushchem (kross-temporal'nye issledovaniya): Sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 135-letiyu vydayushchesya uchenogo, obshchestvennogo deyatelya, myslitelya-evraziitsa Gavrila Vasil'evicha Ksenofontova 2-3 noyabrya 2023 g. / redaktsionnaya kollegiya: E. N. Romanova, S. A. Alekseeva, G. N. Varavina i dr. Yakutsk: ITs NB RS (Ya), 2024. S. 179-184.
13. Bravina R.I., Popov V.V. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' yakutov: pamiatniki i traditsii (XV-XV vv.). Novosibirsk: Nauka, 2008. 296 s.
14. Bravina R.I., D'yakonov V.M. Ranneyakutskie srednevekovye pogrebeniya XIV–XVII vv.: sovokupnost' otlichitel'nykh priznakov // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2015.

- № 3 (12). S. 27-32.
15. Yakuty-Sakha / Otv. redaktory: N. A. Alekseev i dr. Moskva: Nauka, 2012. 598 s.
 16. Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovanii (po materialam Sakha-frantsuzskoi arkheologicheskoi ekspeditsii) / pod redaktsiei E. Kryubezi i A.N. Alekseeva. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2012. 226 s.
 17. Bravina R.I., Solov'eva E.N., Petrov D.M., Syrovatskii V.V. Beresta v pogrebal'nom obryade yakutov: po materialam pogrebeniya Uchugei Yuryakh (XV–XVII vv.) // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2021. № 3 (54). S. 95-106.
 18. Yakovleva K.M., Prokop'eva A.N. Ukrasheniya iz mogil'nika At-Dabaan // Problemy sotsial'no-ekonomiceskogo razvitiya Sibiri. Bratsk: Bratskii gosudarstvennyi universitet. 2018. № 4 (34). S. 163-167.
 19. Konstantinov I.V. Zakhоронение с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов). // По следам древних культур Якутии. Якутск: Якутское книжное издательство, 1970. S. 183-197.
 20. Konstantinov I.V. Novye materialy o zakhоронениях якутов XVIII v. // Yakutiya i ee sosedи v drevnosti. Yakutsk, 1975. S. 197-200.

Construction of schools in Moscow in 1935 based on materials from the publication "Evening Moscow on the Construction of Schools."

Busarov Ivan Vladimirovich

postgraduate student; Department of History, GAOU IN MGPU
methodologist; department of Methodology and Advanced Didactics; ISMTO GAOU IN MGPU

129226, Russia, Moscow, Rostokino district, 2nd Agricultural passage, 4 K. 3

✉ Busarovivan@yandex.ru

Abstract. In 2025, it will be 90 years since the adoption of the General Plan for the Reconstruction of Moscow. This date is significant not only for the capital itself, but also for several dozen Moscow schools built in 1935. The object of this study is the coverage of the General Plan for the Reconstruction of Moscow in the Moscow press. The subject of the research is the coverage of school constructions in the specialized publication (a supplement to the newspaper of the Moscow City Committee of the VKP(b) and the Moscow Soviet "Evening Moscow") "At the Construction of Schools." The main goal of the work was to analyze the mentioned publication, to identify previously unknown facts about school construction in Moscow in 1935, to chronologically systematize its issues, and to compare them with the addresses of school constructions in the capital. The author used contextualization methods, historical-genetic analysis, and content analysis, which allowed for the identification of key trends and characteristics typical of the establishment of mass school construction in the mid-1930s. The issue of mass school construction in pre-war Moscow remains insufficiently covered in academic literature, making this research relevant. In this regard, the author presents a contextual analysis of the situation preceding the start of the large-scale project. The publication "At the Construction of Schools," analyzed in the article, is introduced into scientific circulation for the first time and provides a unique opportunity to trace the process of establishing mass construction in the pre-war capital.

The article reveals the issue of coverage of the implementation of the General Plan in materials from the capital's periodicals. The materials of the publication cover previously

unknown facts about the process of school construction in the capital in 1935 (the participation of shock workers from the Metro Construction and their subsequent direction to the construction of city embankments, the installation of a statue of the best bricklayer in the courtyard of one of the city's schools, etc.).

The table compiled by the author can be used by interested parties to find relevant information regarding the construction of a particular school building in Moscow.

Keywords: the history of Soviet architecture, the Stalinist Empire, the history of Moscow, Evening Moscow, school construction, the general plan, the Stakhanov movement, architectural heritage, Education in Moscow, School reforms

References (transliterated)

1. Blinova E. K. Ordernye kompozitsii v arkitekture shkol'nykh zdaniy Leningrada 1930-kh godov // Izvestiya VGPU. 2010. № 3.
2. Byzova O. M. Stroitel'stvo obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii v Moskve v gody pervoi pyatiletki // Vestnik MGSU. 2013. № 6. EDN: QGRZJB.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. A2306. Op. 70. D. 6799.
4. Zhiromskaya V. B., Kiselev I. N., Polyakov Yu. A. Polveka pod grifom sekretno. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda. M.: Nauka, 1996.
5. Zhuravlev D. S. K istorii shkol'nogo stroitel'stva i shkol'nykh reform v Kazani v kontse 1920-kh 1930-e gg. (po materialam periodicheskoi pechati) // Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2024. № 1. DOI: 10.24412/2308-264X-2024-1-174-179. EDN: KRMFCY.
6. Zasurskii Ya. N. SMI i stanovlenie v Rossii grazhdanskogo obshchestva // Zhurnalist. 2023. № 1.
7. Korounskaya M. I. O novykh gorodskikh shkolakh stroitel'stva 1935 goda // Gigiena i sanitariya. 1936. № 2.
8. Krutukhina A. Ya., Pavlyuk A. A. Iстория развития shkol'nogo stroitel'stva v gorode Novosibirске v 1920-1980-e gg. // Magisterskie slushan'ya. 2024. № 1. DOI: 10.24412/cl-37280-2024-1-104-108. EDN: BHECSP.
9. Ponomarev A. V. Shkol'nye zdaniya v Leningrade. Ot individual'nogo proektirovaniya k tipovomu stroitel'stu // Sistemnye tekhnologii. 2022. № 4 (45).
10. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam. V 5 t.: Sb. dok. za 50 let. T. 2. 1929-1940 gg. M.: Politizdat, 1967.
11. Rogachev A. V. Moskva. Velikie stroiki sotsializma. M.: "Tsentrpoligraf", 2014. 480 s.
12. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 1981. Op. 1. Ed. khr. 262.
13. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy (TsGAM). F. 528. Op. 1. D. 242.

Tatishchev's program for educating the state elite

Solovev Konstantin Anatol'evich

Doctor of History

Professor, Department of History of State and Municipal Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article deals with the management thought of Russia in the 18th century and the training of management personnel. V. N. Tatishchev was a prominent administrator, politician and diplomat of the second quarter of the 18th century. In his conceptual work "A Conversation between Two Friends about the Benefits of Science and Schools," he formulated a program for the formation of a system for training the management elite in the country. The objective of this article is to identify conceptual elements in V. N. Tatishchev's ideas about the goals, principles and mechanisms of the state's educational activities. The basic method of the work performed is a structural analysis of V. N. Tatishchev's text and the identification of its structural elements. The result of the analysis was the identification of three structures that allow Tatishchev to present his views on the training of the country's management elite in a single system and to propose a program for the creation of educational institutions. The first structure is value-based. It includes the goal and principles that should underlie the work on creating an education system. The second structure is resource-based. In it, the author outlined the opportunities that need to be used to create such a system. The transition from the first to the second structure was a historical review of the measures taken by Emperor Peter I, as well as an analysis of the state of affairs in this area contemporary to Tatishchev. The third structure is instrumental. This is a set of specific actions that must be taken to solve the problem. The novelty of the study consists in identifying the conceptual elements of V.N. Tatishchev's views in the field of training management personnel. His findings can be used in studying management thought and public administration activities in Russia.

Keywords: Methodology of training the elite, History of education, Vasily Tatishchev, Peter the Great, Russia of the eighteenth century, Managerial thought, history of public administration, Russian history, History of educational thought, Tatishchev's program

References (transliterated)

1. Valk S. N. O sostave izdaniya // Tatishchev V. N. Sobranie sochinenii. T. VIII. M.: Ladomir, 1996. S. 5-35.
2. Vodarskii Ya. V. Naselenie Rossii v kontse XVIII – nachale XVIII veka (chislenost', soslovno-kassovyi sostav, razmeshchenie). M.: "Nauka", 1977. 263 s.
3. Goncharov M. A. Stanovlenie i razvitiye vysshego obrazovaniya v Rossii v XVIII veke // Prepodavatel' KhKhI vek. 2010. № 3. S. 133-140.
4. Zharovina O. A. Aksiologicheskii potentsial pedagogicheskikh idei V. N. Tatishcheva v kontekste formirovaniya tsennostnykh osnov rossiiskogo obrazovaniya KhKhI veka // Vestnik YuUrGPU. 2010. № 6. S. 76-85. EDN: MTAQGV
5. Zamaleev A. F. "Novaya poroda lyudei", ili filosofiya vospitaniya epokhi russkogo prosveshcheniya // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2013. № 2. S. 90-97.
6. Zmeev V. A. Problemy upravleniya Rossiiskoi vysshei shkoloi v XVIII v // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. 2011. № 2. S. 64-74. DOI: 10.51314/2073-2635-2011-2-64-74 EDN: OKBTYL
7. Kiselev I. V. Gosudarstvennoe upravlenie vysshimi uchebnymi zavedeniyami Rossii v XVII – XVIII vv. // Universum: ekonomika i yurisprudentsiya. 2022. № 12-2 (99). S. 12-

15. DOI: 10.32743/UniLaw.2022.99.12.14524 EDN: NHDWOY
8. Kornienko A. N. Dialog kak zhanr filosofskogo teksta // SWorldJournal. 2018. Issue 5. Part 1. P. 148-152.
9. Luzanov P. F. Sukhoputnyi shlyakhetnyi kadetskii korpus (nyne 1-i kadetskii korpus) pri grafe Minikhe. Istoricheskii ocherk, sostavленnyi po arkhivnym materialam. SPb., 1907. 138 s.
10. Moryakov V. I. Problema vospitaniya "Istinnogo syna Otechestva" v Rossii XVIII v // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istorya. 2009. № 2. S. 42-57. EDN: KYLMLB
11. Pilyugina S. V. Zhanrovaya vstavka kak literaturovedcheskaya kategoriya // Vestnik TGU. 2009. № 2. S. 37-41.
12. Smirnov V. I. V. N. Tatishchev u istokov otechestvennoi modeli pedagogicheskogo obrazovaniya // Istoriko-pedagogicheskii zhurnal. 2013. № 1. S. 7-11. EDN: QAEIEH
13. Sogomonov A. Yu. Moral'naya filosofiya i rannaya obrazovatel'naya praktika v Rossii. V. N. Tatishchev – prosvetitel' i osnovopolozhnik otechestvennoi inzhenernoi didaktiki // Vedomosti prikladnoi etiki. 2023. № 2 (62). S. 119-137.
14. Starodubtsev M. P. Sukhoputnyi shlyakhetnyi kadetskii korpus kak universal'noe uchebnoe zavedenie XVIII veka // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2016. № 1 (131). S. 223-228. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.01.131.p223-228 EDN: VJFVTT
15. Sutyrina T. A. Aksiologicheskii potentsial pedagogicheskikh idei V. N. Tatishcheva // Obrazovanie i nauka. 2005. № 1. S. 100-108. EDN: JHKJXV
16. Tatishchev V. N. Razgovor dvukh priyatelei o pol'ze nauk i uchilishch // Tatishchev V. N. Sobranie soчинений: v 8-mi t. M.: Ladamir, 1996. T. VIII. S. 51-132.
17. Shubina N. A. Pedagogicheskie idei V. N. Tatishcheva, odnogo iz osnovatelei g. Ekaterinburga // Nauchnye issledovaniya v obrazovanii. 2007. № 4. S. 1-7. EDN: MBHXBF
18. Yukht A. I. Gosudarstvennaya deyatel'nost' V. N. Tatishcheva v 20-kh – nachale 30-kh godov XVIII v. M.: "Nauka", 1985. 367 s.

About the connection of the term "moskhi" with the name of the Galgai medieval settlement of Metskhal

Albogachiev Magomed Mikhailovich

Graduate student; Department of History, Ingush State University

Office 302, 7 Zyazikova Ave., Magas, Republic of Ingushetia, 386001, Russia

✉ magomed_albogachihev77@mail.ru

Abstract. The article examines the question of the origin of the name of the medieval Galgai settlement "Metskhal" in the Dzheyrah gorge of Ingushetia, its connection with the name of the Moskhi people mentioned in ancient and early medieval sources, localized in the Moskhi Mountains, as well as in other areas of Transcaucasia. In the XIX century Metskhal was the center of the Metskhal Society, an ethnoterritorial group of Ingush. According to the information collected by N. G. Volkova, the settlement with this name (Metskhal) was located on the territory of Mtskheta-Mtianeti in Georgia, in the area where the Georgian geographer of the first half of the XVIII century Vakhushti Bagrationi localizes Dzurdzuketi. The purpose of the article is to show, based on the etymological analysis of the terms "Metskhal" and

"moskhi", as well as the analysis of some historical, historiographical sources, that these terms are of the same root. To obtain an objective result, various sources were used in the research process, of which the main ones are the works of famous scientists G. J. Gumb, V. V. Latyshev, N. G. Volkova, Dyakonov, G. A. Melikishvili, B. B. Piotrovsky, B. K. Dalbat, local historian A. S. Suleymanov, etc. When studying this issue, the work used narrative, historical-genetic, historical-chronological, historical-comparative, etc. methods. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the terms "Metskhali" and "Moskhi" are of the same origin, associated with the Dzurdzuk, including the society of Ortskhoev-Metskhalians who migrated from Mtskheta-Mtianeti to the northern slopes of the Central Caucasus and displaced the local Feppin kists who settled in the Jeyrakh gorge. At the same time, some of the families of these Dzurdzuk migrated further east and settled in Gula, Tsori and Merzha, where they later became known as "Gula", "Tsora" and "Merzha". In the author's opinion, the Dzurdzuki, who migrated to Mtskheta-Mtianeti from the area of their ancient residence on the territory of the Southeastern Black Sea region, could unite under the common name "meskh(oi) // metskhali(oi)". The scope of application of the results of the work includes the study of the history of the Nakh and Transcaucasian peoples. The novelty of the research lies in the fact that the article shows in a more specific way the connection of the term "Moshi" with the Nakh peoples. The author outlined promising directions for further research on this issue.

Keywords: Quirilam, Tsori, Durdzuks, The Ortskoevites, mushki, Messi, Quirila, Metskhali, Moshi, migration

References (transliterated)

1. Gumba G. Dzh. Nakhi: voprosy etnokul'turnoi istorii (I tysyacheletie do n.e.). 2-e dop. izd. M.: Litera, 2017. 552 s.
2. Lyubker Fridrikh. Real'nyi slovar' klassicheskikh drevnostei po Lyubkeru. Red. F. Gel'bke, L. Georgievskogo [i dr.]. SPb.: O-vo klassich. filologii i pedagogiki, 1885. IV. 1552 s.
3. Latyshev, V. V. Izvestiya drevnikh pisatelei, grecheskikh i latinskikh, o Skifii i Kavkaze / Sobr. i izd. s rus. per. V. V. Latyshev. T. 1-2. Grecheskie pisateli. SPb.: Tip. IAN, 1893-1900. VIII, [2], 296, [2], 297-600, [2], 601-946 s.
4. Melikishvili G. A. K istorii drevnei Gruzii / Akad. nauk Gruz. SSSR. In-t istorii im. I. A. Dzhavakhishvili. Tbilisi: Izd-vo Akad. nauk Gruz. SSR, 1959. 507 s.
5. Lordkipanidze O. D. Nasledie drevnei Gruzii. Tb.: Metsniereba, 1989. – 435 s.
6. Mikeladze T. K. Issledovaniya po istorii drevneishego naseleniya Kolkhid i Yugo-Vostochnogo Prichernomor'ya (na gruz. yaz.) Tbilisi: [b. n.], 1974. – 531 s.
7. Muskhelishvili D. L. K voprosu o svyazyakh tsentral'nogo Zakavkaz'ya s Perednim Vostokom v ranneantichnuyu epokhu // Voprosy arkheologii Gruzii. T. 1. Tbilisi: [b. n.], 1978. S. 17-30.
8. Piotrovskii B. B. Vanskoe tsarstvo (Urartu) / otv. red. I. A. Orbeli. M.: Izd-vo VL, 1959. 286 s.
9. Strabon. Geografiya. V 17 kn. / Per., stat'ya i komment. G. A. Stratanovskogo ; Pod obshch. red. prof. S. L. Utchenko. L.: Nauka, 1964. 943 s. Strabo (1964). Geography. Translated from Ancient Greek by G. A. Stratanovsky, Utchenko, S. L. (Ed.). Leningrad: Nauka.
10. Latyshev V. V. Izvestiya drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1893-1906. T. 2. Vyp. 1: Latinskie pisateli. 1904. [4], 270 s.

11. Voronov Yu. N. Nauchnye trudy. Sukhum: Abkhazskii institut gumanitarnykh issledovanii ANA, 2006. T. I. 456 s.
12. Tumanov K. M. O doistoricheskem yazyke Zakavkaz'ya: Iz materialov po istorii i yazykoznaniiyu Kavkaza / K.M.T. Tiflis: Tipografiya Kantselyariya Namestnika E.I.V. na Kavkaze (izd. avt.), 1913. [2], 117 s.
13. Volkova N. G. Etnonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza / AN SSSR. In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. – Moskva: Nauka, 1973. 208 s.
14. Suleimanov A. S. Toponimiya Chechni. 2-e pereizdanie (izmenennoe, vkluchayet 4 chasti) / Red. T. I. Buraeva. Groznyi: GUP Knizhnoe izdatel'stvo, 2006. S. 712.
15. Semenov L. P. Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniya v Ingushetii v 1925 – 1932 godakh. Groznyi: Checheno-Ingush. kn. izd-vo, 1963. 160 s.
16. Suleimanov A. S. Toponimiya Checheno-Ingushetii: v 4-kh chastyakh (1976-1985 gg.) / Red. A. Kh. Shaikhiev. Groznyi: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1978. T. 2. 289 s.
17. Dalgat B.K. Rodovoi byt i obychnoe pravo chechentsev i ingushei. Issledovanie i materialy 1892–1894 gg. Moskva: Institut mirovoi literatury imeni A.M. Gor'kogo RAN (IMLI RAN), 2008. 380 s.
18. Ingushsko-russkii slovar' / Sost. A. S. Kurkiev Magas: Serdalo, 2005. 544 s.
19. Suleimanov A. S. Toponimiya Checheno-Ingushetii: v IV chastyakh. Ch. I: Gornaya Chechnya. (1976-1985 gg.) / Red. A. Kh. Shaikhiev. Groznyi: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1976. 239 s.
20. Russko-osetinskii slovar': ok. 25000 sl. / Sost. V. I. Abaev, Red. M. I. Isaev. 2-e izd. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1970. 584 s.
21. Digorsko-russkii slovar'. Russko-digorskii slovar'. Takazov F. M. Vladikavkaz: Respekt, 2015. 872 s.
22. Kusheva E. N. Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei : vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII v. / AN SSSR. In-t istorii. M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. 371 s.
23. Vardanyants L. A. Geotektonika i geoseismika Dar'yala kak osnovnaya prichina katastroficheskikh obvalov Devdoranskogo i Genaldonskogo lednikov Kazbekskogo massiva // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. 2003. T. 3. № 1. S. 38-46.
24. Akhriev Ch. E. Ingushi (ikh predaniya, verovaniya i pover'ya) // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1875. S. 1-40 s. 453 s. URL: <https://www.prilib.ru/item/363882>
25. Pchelina E. G. Kratkii istoriko-arkheologicheskii ocherk strany Iron-Khusar (Yugo-Osetiya) // Trudy Zakavkazskoi nauchnoi assotsiatsii: Materialy po izucheniyu Gruzii. Yugo-Osetiya. Tiflis: Zakavk. assots. vostokovedeniya, 1924 (1925). Seriya I. Vyp. 1. S. 233-251.
26. Matsiev A. G. Chechensko-russkii slovar'. M.: Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1961. 629 s.
27. Aitberov T. M. Nakhoyazychnyi raion Mosok v XVI – nachale XIX v. (Lokalizatsiya i politicheskie svyazi) // Voprosy istoricheskoi geografii Checheno-Ingushetii v dorevolyutsionnom proshlom. Groznyi: Izdatel'stvo Chechenskii gosudarstvennyi universitet, 1984. 144 s. S. 56-60.
28. Volkova N. G. Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka / Otvet. red. V. K. Gardanov. AN SSSR. In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya. M.: Nauka, 1974. 276 s.
29. Melikishvili G. A. Drevnevostochnye materialy po istorii narodov Zakavkaz'ya. Ch. I.

- Nairi-Urartu. Tb. Izd-vo AN GSSR, 1954. 446 s.
30. Chokaev K. Z. Nakhskie Yazyki. Groznyi: Kniga, 1992. 192 s.
31. Desheriev Yu. D. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika nakhskikh yazykov i problemy proiskhozhdeniya i istoricheskogo razvitiya gorskikh kavkazskikh narodov : monogr. – AN SSSR. In-t yaz-niya. ChINIIYaL. Gr.: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1963. 556 s.
32. Aliroev I. Yu. Yazyk, istoriya i kul'tura vainakhov. Gr.: Kniga, 1990. 364 s.
33. Krupnov E. I. Srednevekovaya Ingushetiya / Red. V. I. Markovin, R. M. Munchaev. M.: Nauka, 1971. 211 s.
34. Krupnov E. I. Drevneishaya kul'tura Kavkaza i kavkazskaya etnicheskaya obshchnost'. (K probleme proiskhozhdeniya korennyykh narodov Kavkaza) // SA № 1. 1964. – S. 26-43. URL: Retrieved from <http://kronk.spb.ru/library/sa.htm>
35. Semenov L. P. Frigiiskie motivy v drevnej ingushskoi kul'ture // Izvestiya Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury. – Groznyi: [b. n.], 1959. T. 1. 197-219.
36. Bazorkin M. M. Istorya proiskhozhdeniya ingushei. Nal'chik: El'-Fa, 2002. 289 s. URL: https://vk.com/wall-182056495_11675 Bazorkin M. M. (2002). The history of the Ingush origin. Nalchik: El Fa.
37. Mayor A. The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton: Princeton University Press, 2016. 544 p. Mayor, A. (2016). The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World. Princeton: Princeton University Press.
38. Latyshev V. V. Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze // VDI (Vestnik drevnei istorii). M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1947. № 4. 169-290.
39. Marr N. Ya. K istorii peredvizheniya yafeticheskikh narodov s yuga na sever Kavkaza // Izvestiya AN. №15. Petrograd: tip. Imp. Akad. nauk, 1916. S. 1379-1408.
40. Tsova-tushinsko-gruzinsko-russkii slovar' / David Kadagidze, Niko Kadagidze; Podgot. k izd. R. R. Gagua. Tbilisi: Metsniereba, 1984. 935 s. (na gruz. yaz.).
41. Nemirovskii A. A., Safronov A. V. Kto pogubil Khattusu // Indoевропейское языкознание и классическая филология. SPb.: ILI RAN, 2015. № 19. S. 699-713.
42. Latyshev V. V. Izvestiya drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevnei istorii. 1947. № 1-4; 1948. № 1-4; 1949. № 1-4. 1053 s.
43. D'yakonov, I. M. Predistoriya armyanskogo naroda: Istorya Arm. nagor'ya s 1500 po 500 g. do n. e. Khurriti, luviitsy, protoarmyane / AN Arm. SSR. In-t istorii. – Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1968. 264 s.
44. Neroznak V. P. Paleobalkanskie yazyki. M.: Nauka, 1978. 300 s.
45. Vizantiets Menandr. Prodolzhenie istorii Agafievoi // Vizantiiskie istoriki (per. s grech. Spiridon Destunis) SPb.: Tip. Leonida Demisa, 1860. 495 [31] s. S. 320-470. https://vk.com/wall268390757_6378
46. Gabelko O. L. Istorya Vifinskogo tsarstva. SPb.: ITs «Gumanitarnaya Akademiya», 2005. 576 c.
47. Eristov R. D. O Tushino-Pshavo-Khevsurskom okrug // ZKOIRGO. Tiflis: Tip. Kantselyarii Namestnika kavkazskogo, 1855. Kn. III. S. 75-146.
48. D'yakonov I. M. Assiro-vavilonskie istochniki po istorii Urartu (AVIIU) // VDI. 1951. №2 (36). S. 255-356. URL: <http://vdi.igh.ru/issues/128/articles/2850?locale=ru>
49. Albogachiev M. M. O proiskhozhdenii nazvaniya gosudarstva "Mitanni" i nakhskikh etnonimov "batsbi", "vappii" // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i

- praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki 2024. №1. S. 7-11 DOI: 10.37882/2223-2982.2024.01.01 Retrieved from <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/2/2024/Nº01/e37d568d-a53a-4274-927c-f549ef064883>
50. Samyuel' Kramer. Shumery. Pervaya tsivilizatsiya na Zemle / per. s angl. Miloserdovo A. V. Moskva: Tsentrpoligraf, 2010. 383 s.
 51. Gan K.F. Puteshestvie v stranu pshavov, khevsur, kistin i ingushei letom 1897 g. (okonchanie) // Kavkazskii vestnik. 1900. № 6. S. 63-77.
 52. Manandyan Ya. A. O nekotorykh spornykh voprosakh istorii i geografii drevnei Armenii. Erevan: Aipetrat, 1956. 159 s.
 53. Mroveli Leonti. Zhizn' kartliiskikh tsarei: Izvlech. svedenii ob abkhazakh, narodakh Sev. Kavkaza i Dagestana (Perevod s drevnegruzinskogo, predislovie i kommentarii G. V. Tsulaya). Moskva: Nauka. 1979. 103 s.
 54. Melikishvili G. A. K voprosu o drevneishem ochage urartskikh plemen // Vestnik drevnei istorii. 1947. № 4. S. 21-29.
 55. Berzhe A. P. Chechnya i chechentsy // Kavkazskii kalendar' na 1860 g. Tiflis: Tipografiya Upravleniya Namestnika kavkazskogo, 1859. Otd. IV. S. 1-141.
 56. Popov I. Ichkeriya. Istoricheskoy-topograficheskii ocherk // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis: Tipografiya Gl. upr. namestnika Kavkazskogo, 1870. Vyp. 4. S. 209-231.
 57. Galgai. O Galgayakh. // Kavkazskii gorets / Red. Tsalykkaty Akhmed. – Praga: Izdanie Soyusa Gortsev Kavkaza v ChSR, 1924. № 1. S. 49-50.
 58. Maksidov A. A. Mify, legendy i real'nost' o proiskhozhdenii severokavkazev-ingushei roda Gatagazhevskh-Getigezhevskh // Genealogiya Severnogo Kavkaza: Istoriko-genealogicheskii nauchno-referativnyi nezavisimyi zhurnal. Nal'chik El'-Fa 2002. № 2. S. 104-124.
 59. Golovinskii P. I. Chechentsy / Iz zapisok P. I. Golovinskogo // Sbornik svedenii o Terskoi oblasti. / Tersk. obl. Stat. kom. / Pod red. N. Blagoveshchenskogo. Vladikavkaz: Tip. Terskogo oblastnogo upravleniya, 1878. Vyp. 1. Otd. II. S. 241-261.
 60. Trudy F. I. Gorepekin / Materialy PFA RAN. / Sost. Albogachieva M. S-G. Sankt-Peterburg – Magas: Ladoga, 2006. 212 s.
 61. Dalgat U. B. Geroicheskii epos chechentsev i ingushei. Issledovanie i teksty / Red. I. A. Dakhkil'gov. Moskva: Nauka, 1972. 469 s.
 62. Skazki, skazaniya i predaniya chechentsev i ingushei / Sost. A.O. Mal'sagov, I.A. Dakhkil'gov. Groznyi: Chech. – Ing. kn. izd-vo. 1986. 528 s.
 63. Volkova N. G. Batsbiitsy Gruzii. Sovetskaya etnografiya. № 2. S. 84-89.
 64. Koz'min V. Makhkinan (Feya gor) // Kavkaz. 1895. № 98. S. 2-3.
 65. Rayfield, Donald. Edge of Empires: A History of Georgia. London: Reaktion Books, 2012. 479 p.
 66. Dakhkil'gov I. A. Narodnaya etimologiya nekotorykh toponimov Checheno-Ingushetii (po legendam i predaniyam) // Voprosy otriaslevoi leksiki: Sbornik nauchnykh trudov / Otv. red. I. Yu. Aliroev. Gr.: ChIGU, 1978. S. 35-42.
<https://dzurdzuki.com/download/voprosy-otraslevoj-leksiki-1978-g/>

Bribery of Athenian generals in the 5th - 4th centuries BC.

Bazarov Andrei Vadimovich

Postgraduate Student; Department of Ancient World History, Lomonosov Moscow State University

Abstract. The classical period in the history of Ancient Athens is the time of the highest flourishing of polis democracy and maximum foreign policy influence of this polis on the rest of the Greek world. During this period, Athens establishes maritime alliances, fights against Persia, Sparta, and Macedonia. The international authority of Athens was ensured, among other things, by the military victories of Athenian strategists. However, the strategists did not always emerge victorious in military confrontations with their adversaries. The focus of this article is on cases of bribery involving Athenian generals in the 5th – 4th centuries BC. The author examines, based on written sources, instances of legal prosecution of generals accused of bribery, as well as mentions of generals accepting bribes. The research component of the work is structured chronologically, addressing cases from earlier to later dates. In addition to general scientific methods of analysis and synthesis, the method of systematization is widely used, as mentions of bribery by Athenian strategists are found in various historical sources. The novelty of the research lies in the fact that the author examines bribery as one aspect of the life of Athenian generals in classical times for the first time. Previous researchers studied either the judicial processes against generals in general or bribery as a separate socio-economic phenomenon in the life of the Athenian polis. As a result of the research, the author concludes that most accusations of receiving bribes do not appear well-founded, and the public's desire to find culprits for defeats may have been stronger than the sympathies for a strategist who had previously brought numerous military victories to the polis. The conclusions of researchers regarding the consideration of personal merits when pronouncing verdicts by the Athenian jury and the prevalence of bribery in Athens during the classical period have also been adjusted.

Keywords: bribe, bribery, democracy, foreign policy of Athens, general, trials in Athens, polis, Athenian court, hostilities, defeat

References (transliterated)

1. Ugolovnye dela protiv generalov i chinovnikov Minoborony. Infografika // RBK (elektronnyi resurs). URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/08/2024/66d0b0689a7947d54fce35a3> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
2. Vostrikov I.V., Rung E.V. Voinskie prestupleniya v klassicheskikh Afinakh po dannym rechei atticheskikh oratorov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorya. 2023. T. 68. Vyp. 3. S. 671-685. DOI: 10.21638/spbu02.2023.307 EDN: HUULEG.
3. Kudryavtseva T.V. Protsessy strategov po isangelii IV v. do n.e. i afinskaya demokratiya // Istorya. Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnykh statei k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora E. D. Frolova. SPb., 2008. S. 166-182. EDN: RSOUHM.
4. Hansen M.H. Eisangelia. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. // OUCS. 1975. Vol. 5.
5. Pritchett W.K. The Greek State at War, Part II. 1st ed. Berkeley: University of California Press, 1974.
6. Kulesza R. Zjawisko korupcji w Atenach V-IV wieku p.n.e. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1994.
7. Kulesza R. Die Bestechung im politischen Leben Athens im 5. und 4. Jahrhundert v.

- Chr. Konstanz: Universitätsverlag, 1995.
8. Anticorruption in History. From Antiquity to the Modern Era. N.Y.: Oxford University Press, 2018.
 9. Gier, Korruption und Machtmissbrauch in der Antike // Antike Kultur und Geschichte. Band 20. Münster: LIT Verlag, 2019.
 10. Korruption im Altertum: Konstanzer Symposium, Oktober 1979 / Wolfgang Schuller (Hrsg.). München; Wien: Oldenbourg, 1982.
 11. Corruption and Integrity in Ancient Greece and Rome // Acta classica: Supplementum IV. Pretoria: V&R Printing Works (Pty) Ltd, 2012.
 12. Taylor Cl. Bribery in Athenian Politics Part I: Accusations, Allegations, and Slander // Greece & Rome. 2001. Vol. 48, No. 1. P. 53-66.
 13. Surikov I.E. Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi: vremya rastsveta demokratii. M.: Nauka, 2008.
 14. Kagan D. The Archidamian War. Ithaca: Cornell University Press, 2019.
 15. Westlake H.D. Essays on the Greek Historians and Greek History. Manchester: University Press (N.Y.: Barnes & Noble), 1969.
 16. Busolt G. Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd. III. Teil II.: Der Peloponnesische Krieg. Gotha: F.A. Perthes, 1904.
 17. Holm A. Geschichte Siciliens im Alterthum. Bd. II. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1874.
 18. Gluskina L.M. Isokrat. O mire. Primechaniya // Isokrat. Rechi. Pis'ma; Malye atticheskie oratory. Rechi. Pod red. E.D. Frolova. M., 2013. S. 850-968.
 19. Ehrhardt C. Xenophon and Diodorus on Aegospotami // Phoenix. 1970. Vol. 24. No. 3. P. 225-228.
 20. Strauss B.S. Aegospotami Reexamined // The American Journal of Philology. 1983. Vol. 104. No. 1. P. 24-35.
 21. Surikov I.E. Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi. Godina mezhdousobits. M.: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2011. EDN: REHDRL.
 22. Kapellos A. Adeimantos at Aegospotami: Innocent or Guilty? // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2009. Bd. 58. H. 3. P. 257-275.
 23. Pickard-Cambridge A.W. Demosthenes and the last days of Greek freedom, 384-322 B.C. N.Y.; L.: G.P. Putnam's Sons: The Knickerbocker Press, 1914.
 24. Ashton N.G. The Lamian War - A False Start? // Antichthon. 1983. Vol. 17. P. 47-63.
 25. Worthington I. I.G. II² 1631, 1632 and Harpalus' Ships // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1986. Bd. 65. P. 222-224.
 26. Badian E. Harpalus // The Journal of Hellenic Studies. 1961. Vol. 81. P. 16-43.
 27. Conover K. Bribery in classical Athens. [Doctoral dissertation, Princeton University]. 2010.
 28. Harris E.M. Iphicrates at the Court of Cotys // The American Journal of Philology. 1989. Vol. 110, No. 2. P. 264-271.

The campaign for domestic priorities in science and technology in 1947-1948 (based on materials from higher education institutions in Leningrad)

Sidorchuk Ilya Viktorovich □

Doctor of History

Professor; Institute of Humanities; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, St. Petersburg, Kalininsky district, Politehnicheskaya str., 29 letter B

✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru

Ulyanova Svetlana Borisovna □

Doctor of History

Professor; Institute of Humanities; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, St. Petersburg, Kalininsky district, Politehnicheskaya str., 29 letter B

✉ oulianova@mail.spbstu.ru

Abstract. The present study is dedicated to the examination of the history of domestic science, specifically the late Stalin period campaign for national priorities. The issue is considered through the example of higher education in Leningrad. In preparing this work, unpublished materials on the activities of the organizations of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Leningrad's universities, held in the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg, were widely used. It was the party structures that acted as initiators and organizers of most political and ideological campaigns during the Soviet period, which explains the importance of referring to this source. In addition, data from specialized periodicals ("Bulletin of the Ministry of Higher Education of the USSR" and "Herald of Higher Education") were actively utilized, which published legislative and regulatory documents, as well as journalistic articles by party leaders and university representatives. Among the methods employed in the research, interpretive analysis can be highlighted, which allowed for the reconstruction of discursive strategies through which a desirable image of the science of the past was created and transmitted, and a typological method that helped identify common features of the conduct and consequences of the campaign for various universities in Leningrad. As a result, it was concluded that the campaign for national priorities essentially amounted to crude scientific revisionism aimed at asserting the primacy of domestic scholars and achieving the autonomy of Soviet science, severing ties with the West. As a result, those who published abroad, recommended foreign literature to students, or otherwise displayed "fawning" and "subservience" were criticized and punished, textbooks and educational programs were rewritten. At the same time, despite all the negative consequences of the rude and largely destructive interference of ideology in science, it should be noted that the struggle for national priorities contributed to an increased attention to the study of the history of science and technology and the concentration of significant resources on the development of this discipline.

Keywords: scientific revisionism, Cold War, history of technology, Victor Danilevsky, History of science, Leningrad Polytechnic Institute, Leningrad State University, struggle against cosmopolitanism, history of universities, history of education

References (transliterated)

1. Reznik S., Fet V. Destruktivnaya rol' Trofima Lysenko v rossiiskoi nauke // European Journal of Human Genetics. 2019. T. 27. № 9. S. 1324-1325.
2. Borinskaya S.A., Ermolaev A.I., Kolchinskii E.I. Lysenkovshchina protiv genetiki: zasedanie Leninskoi Vsesoyuznoi akademii sel'skokhozyaistvennykh nauk avgusta 1948 goda, ego predistoriya, prichiny i posledstviya // Genetics. 2019. T. 212. № 1. S. 1-12. DOI: 10.1534/genetics.118.301413. EDN: DZNHKP.

3. Sidorchuk I.V. Utverzhdenie pozdnestalinskoi nauki v Litovskoi SSSR // Dialog so vremenem. 2021. № 74. S. 214-228. DOI: 10.21267/aquilo.2021.74.74.014. EDN: XBHXUZ.
4. Gerovich S. Ot Nyuspika k Kiberspiku: Istoryya sovetskoi kibernetiki. Kembridzh, Massachusets: MIT Press, 2002. 370 s.
5. Kutuzov V.A. "Sudy chesti" v SSSR vo vtoroi polovine 1940-kh gg. // Klio. 2012. № 12(72). S. 60-62. EDN: PJUKJB.
6. Esakov V.D., Levina E.S. Delo KR: Sudy chesti v ideologii i praktike poslevoennogo stalinizma. M.: IRI RAN, 2001. 454 s.
7. Kolchinskii E.I. Sovetskie yubilei Ch. Darvina i lysenkoizm // Istoriko-biologicheskie issledovaniya. 2015. T. 7. № 2. S. 10-52. EDN: UBEYEB.
8. Sushkov A.V., Yarkova E.I., Baranov E.Yu. "Poryadok v nauchnoi rabote dolzhen byt' naveden...". Dokumenty ob obsuzhdenii v meditsinskikh NII i vuze g. Sverdlovska zakrytogo pis'ma TsK VKP(b) "O dele professorov Klyuevoi i Roskina" // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2008. № 3(20). S. 70-83. EDN: MLJNSV.
9. Morozov D.S., Razgon V.N. Provedenie politiko-ideologicheskoi kampanii po bor'be s "nizkopoklonstvom pered Zapadom" (1947-1948 gg.) v vuzakh Tomska // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 5(133). S. 18-24. DOI: 10.14258/izvasu(2023)5-02. EDN: AQNXXB.
10. Ul'yanova S.B. Predposylki formirovaniya kampaneiskikh printsipov sovetskoi politiki v posleoktyabr'skii period // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Istoriya Rossii". 2007. № 1. S. 71-82. EDN: IJLCJZ.
11. Kimerling A.S. Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnei stalinskoi epokhi. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017. 211 s.
12. Stalin i kosmopolitizm. 1945-1953. Dokumenty Agitpropa TsK / Pod obshch. red. akad. A.N. Yakovleva; Sost. D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova. M.: MFD: Materik, 2005. 765 s.
13. Svetlov V.I. Protiv formalizma i dogmatizma v prepodavanii obshchestvennykh nauk // Vestnik vysshei shkoly. 1947. № 4. S. 8-13.
14. Sonin A.S. Bor'ba s kosmopolitizmom v sovetskoi nauke. M.: Nauka, 2011. 663 s. EDN: QVMQVD.
15. Protokol № 6 zakrytogo partiinogo sobraniya partorganizatsii Leningradskogo Politekhnicheskogo instituta im. M.I. Kalinina ot 10 sentyabrya 1947 g. // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPD SPb). F. 40. Op. 2 D. 62. L. 36-40.
16. Postanovlenie Partsobraniya partiinoi organizatsii LGPI im. A.I. Gertsena ot 10 sentyabrya 1947 g. // TsGAIPD SPb. F. 1158. Op. 2. D. 29. L. 49-49 ob.
17. Otchet partiinogo komiteta Leningradskogo ordena Lenina Universiteta o realizatsii ukazanii TsK VKP(b), dannykh v zakrytom pis'me po delu Klyuevoi i Roskina // TsGAIPD SPb. F. 984. Op. 3. D. 7. L. 20-39.
18. Doklad sekretarya partkoma A. Andreeva na obshchem partiinom sobraniii Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta 19 noyabrya 1948 g. // TsGAIPD SPb. F. 984. Op. 3. D. 1 Stenograficheskie otchety sobranii partorganizatsii Universiteta. Aprel'-noyabr' 1948 g. L. 127-146.
19. Samarin A.M. Za vysokuyu partiinost' i nauchnyu printsipial'nost' uchebnikov dlya vysshei shkoly // Vestnik vysshei shkoly. 1948. № 8. S. 1-7.
20. Pavlov Ya.M. Katalog inostrannyykh mashin vmesto uchebnogo posobiya // Vestnik vysshei shkoly. 1948. № 2. S. 55-56.

21. Zakrytoe partiinoe sobranie 10 sentyabrya 1947 g. partorganizatsii Leningradskogo Politekhnicheskogo instituta im. M.I. Kalinina // TsGAIPD SPb. F. 40. Op. 2 D. 62. L. 44-77.
22. Plan meropriyatii po realizatsii ukazanii TsK VKP(b), izlozhennykh v pis'me po delu professorov Klyuevoi i Roskina ot 18 iyunya 1947 g. // TsGAIPD SPb. F. 40. Op. 2 D. 62. L. 41-42.
23. Protokol № 10 zakrytogo partiinogo sobraniya GPI im. A.I. Gertsena ot 10 sentyabrya 1947 g. // TsGAIPD SPb. F. 1158. Op. 2. D. 29. L. 42-48.
24. Danilevskii V.V. Vooruzhit' budushchikh spetsialistov znaniem istorii tekhniki // Vestnik vysshei shkoly. 1948. № 3. S. 28-33.
25. Voprosy istorii otechestvennoi nauki: Obshchee sobranie Akad. nauk SSSR, posvyashchennoe istorii otechestvennoi nauki 5-11 yanv. 1949 g.: Doklady / [Red. kollegiya: akad. S.I. Vavilov (otv. red.) i dr.]. M.; L.: [B. i.], 1949. 912 s.
26. Mamontova M.A. Kak "russkii uchenyi" vytessnil "russkogo polkovodtsa": izmenenie tematiki istoricheskikh issledovanii v SSSR v pervoe poslevoennoe desyatiletie (po materialam "Ezhegodnika knigi SSSR") // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. T. 152. Kn. 3. Ch. 1. (№ 3-1). S. 195-203.
27. Protokol № 18 zasedaniya partiinogo komiteta LPI im. M.I. Kalinina ot 28 iyulya 1948 g. // TsGAIPD SPb. F. 40. Op. 2. D. 89. L. 39-49.